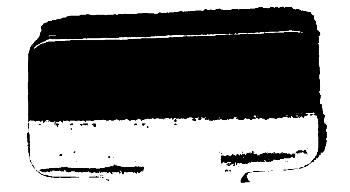

Максимъ Ковалевскій.

Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму.

Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій.

Томъ III.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.
Москва—1906.

ГЛАВА I.

Ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка и объ основахъ конституціоннаго образа правленія.

§ 1. Доктринѣ народоправства, какъ она выступаетъ предъ нами въ сочиненіяхъ Іоанна Алтузія и Бенедикта Спинозы, чуждо было представленіе о возможности иной свободы, кромѣ той, какая состоитъ въ неограниченномъ подчиненіи индивида общей волѣ его согражданъ. Англійская практика въ эпоху столкновеній „Долгаго парламента“ съ королемъ убѣдительно доказала, что неограниченность верховенства такъ же опасна при осуществленіи его единой законодательной камерой, какъ и при господствѣ системы единовластія. Изъ этого сознанія вытекла агитація левеллеровъ, или уравнителей, въ пользу сохраненія за англичанами ихъ прирожденныхъ вольностей, на которыя не въ правѣ поднять рукъ ни наслѣдственный монархъ, ни завоевавшій власть мечомъ диктаторъ, въ родѣ Кромвеля, ни представительная палата. подъ которой надо разумѣть обезглавленный съ момента казни короля и нѣсколько разъ очищаемый войскомъ долгій парламентъ, сдѣлавшійся съ момента упраздненія лордовъ единой всемогущей камерой. Реставрація, положившая конецъ демократическому цезаризму и возстановившая сословныя основы англійской конституціи, остановила одновременно агитацію левеллеровъ не только въ пользу равной для всѣхъ свободы, но и въ пользу ограниченія суверенитета парламента призна-

ніемъ прирожденныхъ вольностей англичанъ,—свободы физическихъ и нравственныхъ проявленій личности и неприкосновенности собственности. Исконная англійская доктрина о всемогуществѣ короля, лордовъ и общинъ,—доктрина, еще провозглашенная судьею Елизаветы Кокомъ,—снова призвана была сдѣлаться основой англійскихъ политическихъ порядковъ. Изъ трехъ составныхъ частей парламента король, пользуясь своей прерогативой, въ лицѣ Карла II и, въ особенности, его брата и преемника Іакова II, стремился къ захвату суверенитета въ свои руки, ограничивая всячески права нижней палаты и вліяя своими назначеніями на составъ верхней. Англійская политическая доктрина, въ лицѣ публицистовъ епископальной церкви, стремилась поддержать его притязанія проповѣдью пассивнаго повиновенія, якобы предписаннаго религіей, и уподобленіемъ правъ монарха правамъ отца семьи. Преслѣдуя ту же цѣль упроченія единовластія, къ какой стремился Гоббсъ, заподозрѣнный въ поддержкѣ интересовъ захватившаго власть тирана (Кромвеля) и въ еретическомъ ученіи о томъ, что отъ гражданской власти зависитъ выборъ религіи и культа, Фильмеръ, авторъ „Patriarcha“, старается на текстахъ Священнаго Писанія обосновать ту мысль, что наслѣдственная монархія угодна Богу и является законной преемницей власти, предоставленной нашему прародителю Адаму. Противъ этихъ притязаній на неограниченность верховенства, осуществляемаго единоличнымъ властителемъ, возстаетъ школа естественнаго права. Она отправляется отъ тѣхъ самыхъ посылокъ, на которыхъ построена была доктрина левеллеровъ, но придаетъ ихъ ученію о прирожденныхъ правахъ англичанина болѣе широкое философское обоснованіе, возводя эти права на степень правъ, данныхъ человѣку самой природой и потому неотъемлемыхъ. Эта новая доктрина получаетъ тѣмъ большее распространеніе, что стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями жизни, съ поднятой въ Англіи успѣшной

агитаціей въ пользу признанія свободы отъ произвольнаго задержанія и религіозной терпимости. Агитація же эта заканчивается изданіемъ акта Habeas Corpus 1676 года,—акта, благодаря которому обѣщанная еще Великой Хартіей свобода отъ арестовъ становится осуществившейся надеждою. Она же ведетъ къ обнародованію Іаковомъ II деклараціи вѣротерпимости, несправедливо навлекшей на него подозрѣніе въ папизмѣ. Неудивительно, если въ такихъ условіяхъ ученіе о неотъемлемыхъ правахъ человѣка пріобрѣтаетъ широкое распространеніе и становится программою той партіи, которая борется противъ возрождающагося абсолютизма. Изъ среды сторонниковъ этого ученія выходятъ критики доктрины неограниченной монархіи,—критики теоріи Гоббса и Фильмера. Отправляясь отъ признанія прирожденной свободы людей въ періодъ, предшествовавшій возникновенію государства, и невозможности создать право силою или принужденіемъ, они останавливаются на слѣдующемъ рѣшеніи вопроса о происхожденіи государства. Основу его составляетъ договоръ, добровольное соглашеніе сошедшихся съ разныхъ концовъ людей насчетъ того, чтобы жить въ обществѣ и подчиняться поставленной надъ ними власти. Въ этомъ договорѣ опредѣлены размѣры уступокъ, дѣлаемыхъ людьми изъ суммъ прирожденныхъ имъ правъ въ интересахъ сохраненія спокойствія и обезпеченія каждому свободы и собственности. Суверенитетъ государства поэтому ограниченъ, а осуществленіе его поручается не единоличному властителю, а выборнымъ уполномоченнымъ, осуществляющимъ законодательную власть, въ источникѣ принадлежащую всему сообществу. Эта власть отлична отъ той, которая ставитъ себѣ задачей приведеніе законовъ въ исполненіе; носителемъ послѣдней надо считать монарха и зависимый отъ него штатъ чиновниковъ. Въ доктринѣ учителей естественнаго права монархъ уже разсматривается какъ глава исполненія, т.-е. въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его правомочія французскіе

революціонные дѣятели и выработанная ими конституція 1791 года. Но король въ то же время не лишенъ вполнѣ участія и въ законодательной дѣятельности, впрочемъ только на правахъ тормоза по отношенію къ рѣшеніямъ обѣихъ палатъ, аристократической и народной, въ полномъ соотвѣтствіи съ англійской конституціей, истолковываемой отнынѣ въ смыслѣ приближенія къ той смѣшанной формѣ политическаго устройства, которая еще древними признавалась наиболѣе совершенной. Альджернонъ Сидней и Джонъ Локкъ одинаково выражаютъ свое пристрастіе къ англійскимъ порядкамъ обособленія и взаимнаго равновѣсія властей, что не мѣшаетъ, однако, послѣднему высказаться открыто въ пользу подчиненія исполнительной власти законодательной.

Нашей ближайшей задачей будетъ показать послѣдовательное развитіе ученія о естественныхъ правахъ, какъ ограничивающихъ собою содержаніе суверенитета. Мы имѣемъ въ виду прослѣдить зарожденіе этихъ доктринъ въ лицѣ первыхъ критиковъ въ Англіи Гоббсова ученія о цѣлостномъ переходѣ всѣхъ правъ съ частныхъ лицъ на государство въ моментъ возникновенія послѣдняго. Мы покажемъ далѣе, какъ развитіе противоположныхъ взглядовъ на процессъ возникновенія государства и власти заставило Сиднея и Локка подвергнуть критикѣ ходячее ученіе о неограниченной монархіи какъ объ осуществляющей собою волю Божію на землѣ и унаслѣдованной отъ прародителя Адама. При выполненіи этой программы намъ необходимо будетъ прежде всего познакомиться съ основами того ученія, которое въ срединѣ XVII столѣтія являлось наиболѣе полнымъ выраженіемъ взглядовъ англійскихъ легитимистовъ, такъ называемыхъ „кавалеровъ". Этимъ ученіемъ было ученіе Роберта Фильмера.

Во главѣ писателей, проводящихъ теорію превосходства абсолютной монархіи надъ ограниченной, надо поставить этого человѣка. Онъ интересенъ въ двоякомъ отношеніи:

во-первыхъ, по оригинальности нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ имъ взглядовъ, во-вторыхъ — потому, что въ опроверженіе его написаны знаменитые трактаты Локка, заключающіе въ себѣ наиболѣе принципіальную передачу ученія о конституціонной монархіи. Сочиненія Фильмера, заслуживающія особаго вниманія съ нашей стороны, это, во-первыхъ, его „Патріархія, или защита естественнаго права королей на абсолютное владычество, наперекоръ противоестественному притязанію народа на управленіе самимъ собою и на избраніе имъ правителей“. Сочиненіе написано въ 1642 году и издано не ранѣе конца царствованія Карла II. Во-вторыхъ, Фильмеру принадлежитъ трактатъ, озаглавленный „Анархія — необходимое послѣдствіе ограниченной монархіи“ и изданный впервые въ 1646 году, и, въ-третьихъ, книга „О правахъ королей вообще и о правѣ англійскаго короля въ частности“, изданная въ 1648 году.

При передачѣ ученія Фильмера я буду держаться главнымъ образомъ послѣдняго изъ названныхъ трактатовъ, какъ наиболѣе краткаго изложенія его основного взгляда. Фильмеръ можетъ быть названъ родоначальникомъ того воззрѣнія, которое въ первой четверти XIX столѣтія получило систематическое выраженіе въ сочиненіяхъ французскихъ публицистовъ Бональда и де-Местра. Я разумѣю ученіе о томъ, что государство — не болѣе какъ подобіе семьи и что порядокъ управленія имъ долженъ поэтому во всемъ подражать тому, какого въ семьѣ отецъ придерживается по отношенію къ домочадцамъ. Исходнымъ положеніемъ въ этомъ ученіи, какъ справедливо отмѣчаетъ Локкъ, является допущеніе полнаго неравенства людей на первыхъ же порахъ. Путемъ совершенно ложной интерпретаціи текстовъ „Книги Бытія“ Фильмеръ старался провести тотъ взглядъ, что Адаму Богъ предоставилъ неограниченную власть по отношенію къ своимъ домочадцамъ, которыми были въ это время всѣ живущіе. Его власть Фильмеръ называетъ царской властью. „Адамъ, — гово-

ритъ онъ,—сдѣланъ былъ монархомъ всего міра. Никто изъ его потомства не могъ пріобрѣсть права владѣть чѣмъ бы то ни было иначе, какъ въ силу его полномочія, или разрѣшенія, или же, наконецъ, по наслѣдству отъ него. Всѣ короли земные,—продолжаетъ онъ,—должны быть почитаемы ближайшими наслѣдниками общихъ прародителей (Адама и Евы). Нельзя встрѣтить большаго или меньшаго множества людей безъ того, чтобы не открыть въ ихъ средѣ одного человѣка, который, какъ ближайшій наслѣдникъ Адама, не имѣлъ бы права быть царемъ надъ остальными. Всякая власть на землѣ такимъ образомъ происходитъ отъ власти перваго отца надъ дѣтьми, въ силу законнаго наслѣдія". Утверждая, что власть отца надъ дѣтьми неограничена, Фильмеръ послѣдовательно приходитъ къ заключенію, что созданная по ея образцу царская власть также не можетъ быть иной, какъ неограниченной. „Лицо, имѣющее въ своихъ рукахъ верховную власть,—говоритъ онъ,—ни въ чемъ не можетъ быть подчинено другимъ людямъ. Его обязанность—изданіе новыхъ законовъ и отмѣна старыхъ — была бы неосуществима, если бы онъ самъ былъ подчиненъ законамъ или чьей-либо волѣ; вотъ почему законъ и объявляетъ: „Король не связанъ силою законовъ". Изъ этого общаго положенія Фильмеръ дѣлаетъ слѣдующіе частные выводы: законы, ордонансы, королевскіе патенты, привилегіи, дарственныя грамоты и т. п., сдѣланныя княземъ, имѣютъ силу только при жизни правителя, ихъ даровавшаго. Для его преемника они обязательны лишь тогда, когда онъ выразитъ свое желаніе держаться ихъ или открытымъ заявленіемъ о томъ, или же молчаливымъ признаніемъ, состоящимъ въ отсутствіи запрещенія слѣдовать имъ. Изъ того же общаго положенія, что верховная власть не можетъ быть связана ничѣмъ, вытекаетъ, что монархъ не считаетъ обязательными для себя имъ же самимъ изданные законы. Ни одно обязательство,—разсуждаетъ онъ,—не возникаетъ въ силу односторонняго заявленія о готов-

ности держаться того или другого правила,—другими словами, никто не можетъ заключить обязательства съ самимъ собою, а отсюда слѣдуетъ, что король не можетъ самъ себѣ связать рукъ и имѣетъ во всякое время право нарушить имъ же самимъ изданный законъ. Монархъ подчиненъ одному лишь Божескому закону, но судьей того, соблюдаетъ ли онъ этотъ законъ, является не кто иной, какъ онъ самъ. Изъ того же общаго правила, что верховная власть не знаетъ подчиненія, слѣдуетъ, что монархъ не обязанъ исполнять законовъ даже въ томъ случаѣ, когда имъ будетъ принесена присяга въ ихъ соблюденіи. Всякое неблагоразумное или несправедливое обѣщаніе, связанное съ обманомъ, заблужденіемъ, насиліемъ, страхомъ и т. д., не обязательно для давшаго его. По этимъ же причинамъ монархъ въ правѣ отступить отъ даннаго имъ обязательства слѣдовать существующимъ законамъ. Въ какихъ случаяхъ наступаютъ условія, лишающія силы обязательство, принятое княземъ, рѣшить можетъ одинъ только монархъ. Онъ въ правѣ отступить отъ даннаго имъ слова каждый разъ, когда дальнѣйшее соблюденіе его кажется ему непримиримымъ съ разумомъ и справедливостью. При изданіи новаго закона, какъ и при отмѣнѣ стараго, монархъ не связанъ согласіемъ представителей сословій. Правда, короли Франціи и другихъ государствъ имѣли обыкновеніе созывать съ этою цѣлью штаты, но послѣдніе ограничивали свою роль указаніемъ на народныя нужды. Отъ монарха зависѣло принять эти заявленія къ свѣдѣнію или не принять. „Если бы, — продолжаетъ Фильмеръ, — король былъ подчиненъ сословнымъ собраніямъ, онъ бы пересталъ быть королемъ и представителемъ верховной власти въ государствѣ; государство не было бы болѣе монархіей и сдѣлалось бы аристократіей, но этого, къ счастію, никогда не было въ дѣйствительности“. Фильмеръ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ изъ исторіи различныхъ народовъ Европы съ цѣлью доказать, что короли отрицали у сословныхъ

собраній право предписывать имъ свою волю. Мнѣ нечего прибавлять, что эти факты взяты изъ періода повсемѣстнаго развитія абсолютизма, когда сословныя вольности дѣйствительно были попираемы такими правителями, какъ Филиппъ II Испанскій или королева англійская Елизавета. Предоставляя сословнымъ собраніямъ одинъ лишь совѣщательный голосъ, Фильмеръ рѣшаетъ также въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли монархъ право издавать законы помимо созыва сословій, или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ рекомендуетъ держаться существующей практики собранія парламента и генеральныхъ штатовъ, такъ какъ видитъ въ ней наиболѣе удобный способъ обнародованія законовъ. Превосходство абсолютной монархіи надъ всѣми остальными формами политическаго устройства доказывается въ его глазахъ общей распространенностью этой формы. „Нигдѣ, — говоритъ онъ, — верховная власть не раздѣлена между монархомъ, аристократіей и народомъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые публицисты, ни въ Турціи, ни въ Московіи, ни у татаръ, ни въ Персіи, ни въ Эѳіопіи, ни въ Индіи и, что уже болѣе удивительно, ни въ Англіи, ни въ Шотландіи, ни въ Испаніи, ни во Франціи“. Смѣшанная форма правленія,—учитъ онъ,—составленная изъ монархіи, аристократіи и демократіи — немыслима. Верховная власть, будучи недѣлимой, не можетъ быть предоставлена по частямъ одновременно монарху, дворянству и простому народу. Первый признакъ верховной власти — право изданія законовъ, обязательныхъ для гражданъ. Кто, спрашивается, станетъ повиноваться этимъ законамъ, имѣя самъ право участвовать въ ихъ составленіи? Смѣшанные образы правленія Фильмеръ, согласно съ Боденомъ и Гоббсомъ, считаетъ не болѣе какъ извращеніями правильныхъ формъ политическаго порядка. „Въ хорошо устроенномъ государствѣ, — заканчиваетъ онъ, — верховная власть должна быть въ рукахъ одного. Самые мудрые философы и политики превозносили монархію надъ всѣми остальными обра-

зами правленія. Ограниченіе власти монарха неизбѣжно ведетъ къ анархіи и гибели государства. Абсолютная монархія — самая надежная и несомнѣнно лучшая форма политическаго устройства. Тѣ, которые полагаютъ, что власть должна принадлежать многимъ мудрѣйшимъ, такъ какъ умъ—хорошо, а два—лучше, впадаютъ въ то заблужденіе, что не дѣлаютъ различія между совѣтомъ и начальствованіемъ. Для совѣта необходимо множество мудрыхъ людей, высказывающихся нерѣдко различно по подлежащимъ ихъ обсужденію вопросамъ. Сдѣлать выборъ между этими рѣшеніями и привести ихъ въ дѣйствіе, для всего этого необходимъ одинъ неограниченный правитель“.

§ 2. Фильмеромъ заканчивается въ Англіи рядъ представителей ученія о превосходствѣ неограниченной монархіи надъ ограниченной. Критика его воззрѣній, равно и ученія Гоббса, составляетъ главное содержаніе политическихъ трактатовъ англійскихъ публицистовъ второй половины XVII вѣка, — Кумберланда, Кларендона, Алджернона Сиднея и Локка. Эта критика производится разными лицами съ различныхъ точекъ зрѣнія: одними, отправляясь отъ признанія необходимости ограниченія правъ монарха, другими — съ точки зрѣнія, благопріятной абсолютизму. Къ критикамъ первой категоріи можно отнести епископа Питерборо, Ричарда Кумберланда; къ критикамъ второй категоріи принадлежитъ Кларендонъ, авторъ исторіи междоусобной войны (History of the great Rebellion).

Мы не станемъ останавливаться подробно на разборѣ тѣхъ возраженій, какія были представлены противъ Гоббса Кумберландомъ, и вотъ по какой причинѣ: Кумберландъ ограничиваетъ свою задачу разборомъ ученія Гоббса о естественномъ состояніи и совершенно не касается вопроса о преимуществахъ тѣхъ или другихъ формъ правленія, въ частности о преимуществѣ ограниченной или неограниченной монархіи. „Въ мою задачу,—говоритъ онъ,—не входитъ ни разсмотрѣніе правъ верховной власти ни объясненіе

различія формъ правленія, причинъ, порождающихъ государства или ведущихъ къ ихъ гибели (гл. III, § 9). Такіе вопросы потребовали бы отъ меня цѣлаго трактата о политикѣ". Кумберландъ же задается мыслью написать сочиненіе о естественныхъ законахъ, „De legibus naturae" [1]),—трактатъ, основную мысль котораго составляетъ опроверженіе пессимистическаго взгляда Гоббса на первоначальный характеръ человѣческой природы. Человѣкъ и въ естественномъ состояніи руководится, думаетъ онъ, не однимъ только инстинктомъ, но и разумомъ. Его дѣятельность опредѣляется не однимъ лишь стремленіемъ къ самосохраненію, но прежде всего доброжелательствомъ къ себѣ подобнымъ. Въ противность же Гоббсу, признающему, что нѣтъ закона раньше власти, Кумберландъ утверждаетъ существованіе, еще въ естественномъ состояніи, такъ называемаго имъ естественнаго закона, который, въ главѣ V своего сочиненія, онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: естественный законъ есть предписаніе разума, выведенное изъ наблюденій или порожденное непосредственно въ немъ самомъ природою вещей. Это предписаніе, являющееся въ нашемъ умѣ по волѣ первой причины (Бога), указываетъ намъ, какія дѣйствія могутъ способствовать общему благу, составляющему для людей высшую цѣль бытія. Несоблюденіе людьми естественнаго закона сопровождается для нихъ карою; такой является столкновеніе съ себѣ подобными и осужденіе со стороны Бога. Наоборотъ, соблюденіе его сопровождается наградою, т.-е. доброжелательствомъ со стороны Бога и людей. Имѣя свою санкцію, естественный законъ можетъ быть признанъ закономъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ существуетъ раньше установленія власти и правительства и только признается послѣднимъ. Въ силу естественнаго закона, а не повелѣнія созданной людьми верховной власти, возникаетъ собственность,

[1]) Трактатъ изданъ впервые въ 1672 г. Госуд. пр., листъ И.

подчиненіе однихъ людей другимъ и семейство. Любопытно объясненіе, какое Кумберландъ даетъ возникновенію собственности и рабства въ первобытномъ обществѣ. Высшая цѣль, къ которой стремятся люди въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ мы сказали, есть осуществленіе общаго блага; это послѣднее состоитъ въ совершенствованіи нашихъ душъ и нашихъ животныхъ организмовъ. Люди рано приходятъ къ заключенію, что въ интересахъ усовершенствованія послѣднихъ необходимо предоставленіе каждому исключительнаго пользованія какъ извѣстными предметами, такъ и личными услугами тѣхъ или другихъ лицъ. Это обстоятельство рано или поздно ведетъ къ установленію частнаго владѣнія путемъ запрещенія всякаго посторонняго пользованія по отношенію къ выдѣленнымъ въ чью-либо пользу предметамъ. Такъ какъ стремленіе къ совершенствованію человѣческихъ организмовъ — стремленіе не временное, а постоянное, то немудрено, что и средство къ удовлетворенію этого стремленія должно быть постояннымъ, т.-е. не владѣніемъ, а безповоротной собственностью, не временнымъ подчиненіемъ, а постояннымъ рабствомъ. Любопытно отмѣтить, что, подобно Августину, Кумберландъ признаетъ одинъ и тотъ же источникъ происхожденія какъ для собственности, такъ и для рабства; но этотъ источникъ совсѣмъ иной, нежели тотъ, на какой было указано знаменитымъ авторомъ „Божьяго града". Къ естественному же состоянію должно быть отнесено и возникновеніе семьи, основанной на началѣ господства мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми; по образцу семьи и семейной власти, люди рано или поздно устанавливаютъ въ своей средѣ и государство,—мысль, очевидно заимствованная Кумберландомъ у Фильмера. Цѣль созданія государства — та же, что и общая цѣль всякаго общежитія, т.-е. счастіе людей и слава Божья. Цѣль опредѣляетъ собою и средства, какими можетъ пользоваться правительство,—другими словами границы его власти. Свѣтскому правительству за-

прещается вторженіе въ область церкви и нарушеніе естественныхъ законовъ, для охраны которыхъ оно создано. Итакъ, въ ученіи Кумберланда въ неопредѣленной формѣ уже высказывается та мысль, которая ляжетъ въ основу доктрины Локка и всѣхъ послѣдующихъ писателей конституціонной партіи въ Англіи и на континентѣ, — мысль о томъ, что возникновенію всякаго рода государственныхъ союзовъ между людьми, какъ и установленію всякой власти, предшествуютъ нѣкоторыя, Богомъ или природою созданныя, естественныя права личности, игнорировать или нарушить которыя не можетъ ни одно правительство. Кумберландъ не развилъ далѣе своей мысли, не вывелъ изъ нея тѣхъ заключеній, какія можно было изъ нея сдѣлать насчетъ ограниченія правъ правительства специально въ той или другой сферѣ, законодательства ли, налогового ли обложенія и т. д. Эти заключенія сдѣланы были позднѣе его Локкомъ и легли въ основу ученія о правахъ и обязанностяхъ конституціоннаго правителя. Если въ вопросѣ о правахъ верховной власти Кумберландъ расходится съ Гоббсомъ, то въ ученіи о неподсудности правителя кому бы то ни было, кромѣ Бога, онъ вполнѣ присоединяется къ нему. „Если — говоритъ онъ,—допустить существованіе власти, надѣленной правомъ судить монарха, то необходимо послѣдовательно признать надъ нею еще высшую власть, призванную кассировать ея приговоры, и т. д. до безконечности, что — прибавляетъ Кумберландъ,—повело бы къ величайшей нелѣпости. Сама необходимость указываетъ намъ на то, что нужно остановиться на какой-нибудь власти и не подчиняться суду подданныхъ. Тѣ, которые думаютъ обратное, уравниваютъ правителей съ управляемыми. Одинаково противно природѣ какъ то, чтобы всѣ безъ различія были подданными, такъ и то, чтобы всѣ были правителями; порядокъ, необходимый въ государствѣ, требуетъ существованія власти, выше которой не стояло бы ничего“. Высказывая эти мысли, Кумберландъ повторяетъ

общепризнанное ученіе англійскихъ конституціоналистовъ, провозглашающихъ короля не способнымъ дѣлать зло,—другими словами, не подлежащимъ отвѣтственности за свои дѣйствія. Такимъ же конституціоналистомъ является онъ и при разборѣ ученій Гоббса и Фильмера о томъ, что монархъ не связанъ обязательствами, принятыми на себя по отношеніи къ народу. Такое ученіе онъ называетъ „неслыханнымъ и изобрѣтеннымъ впервые Гоббсомъ". Гоббсъ,—говоритъ онъ, — учитъ, что при вступленіи людей въ гражданское общество каждый отдѣльный человѣкъ переноситъ на государство свободу отъ соблюденія обязательствъ. Народъ получаетъ это право, слѣдовательно, въ силу надѣленія имъ совокупностью лицъ, выходящихъ изъ естественнаго состоянія. Изъ свободы народа отъ соблюденія обязательствъ по отношенію къ частнымъ лицамъ вытекаетъ и свобода правителя, на котораго народъ добровольно переноситъ всѣ свои права. Противъ этого ученія Кумберландъ возражаетъ, что при установленіи гражданскаго общества частныя лица отказываются отъ своихъ правъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для общаго блага. Нельзя утверждать, что право народа освобождать отъ выполненія обязательствъ необходимо для такого блага. Вотъ почему частныя лица и не даютъ его народу. Народъ же не можетъ уступить правителю того, чего самъ не имѣетъ. И по этому вопросу Кумберландъ не представилъ надлежащаго развитія своей основной мысли, но изъ самой постановки имъ вопроса видно, что въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ конституціоналистомъ. Монархъ связанъ, по его ученію, не только естественными законами, но и цѣлымъ рядомъ обязательствъ, принятыхъ добровольно по отношенію къ народу и нашедшихъ себѣ выраженіе въ законахъ. Что это значитъ въ переводѣ, какъ не то, что монархъ долженъ быть признанъ не абсолютнымъ, а ограниченнымъ. Чего Кумберландъ, какъ защитникъ законной монархіи, не можетъ простить автору

„Левіаѳана“, это, прежде всего,— того, что онъ ставитъ на одну доску законное правительство и незаконное. Дѣлая видъ, съ одной стороны, что онъ сыплетъ дары монархамъ, Гоббсъ, по словамъ Кумберланда, съ другой—вонзаетъ ножъ въ ихъ сердца.

Тотъ же упрекъ дѣлаетъ Гоббсу и знаменитый историкъ первой англійской революціи Эдуардъ графъ Кларендонъ въ своемъ критическомъ обозрѣніи „Левіаѳана“, напечатанномъ впервые въ Оксфордѣ въ 1676 году. Самое сочиненіе Кларендона вызвано, по собственному его сознанію, желаніемъ сколько-нибудь парализовать то сильное и крайне опасное для низверженной династіи впечатлѣніе, какое произведено было „Левіаѳаномъ“. „Если,— замѣчаетъ Кларендонъ,— Гоббсъ и принижаетъ человѣка въ естественномъ состояніи до положенія животнаго, заботящагося лишь объ удовлетвореніи своихъ потребностей, то только для того, чтобы признать его затѣмъ способнымъ нести тѣ оковы, какія онъ приготовилъ для него въ гражданскомъ обществѣ“. Уже изъ сказаннаго видно, что свою критику Гоббсова ученія Кларендонъ начинаетъ съ самыхъ основъ его; съ неправильной оцѣнки психической природы человѣка, въ которой Гоббсъ не признавалъ ничего, кромѣ эгоизма. Мы видѣли, что, по ученію Гоббса, не что иное, какъ страхъ, побуждаетъ людей къ вступленію въ гражданское общество, первымъ шагомъ къ чему служитъ заключеніе договора, въ силу котораго они уступаютъ каждый свои индивидуальныя права въ безповоротную собственность правителей.

Кларендонъ положительно отрицаетъ фактъ заключенія такого договора. „Въ него не вступалъ,—говоритъ онъ,— доселѣ ни одинъ человѣкъ“. По самой природѣ своей такой договоръ невозможенъ. Самъ Гоббсъ соглашается, что никто не можетъ дать другому права на свою жизнь, а между тѣмъ правитель имѣетъ возможность отнимать жизнь у подданныхъ, слѣдовательно, онъ получилъ ее не отъ поддан-

ныхъ, а по надѣленію отъ Бога. Изъ этого Кларендонъ, въ противность Гоббсу, заключаетъ, что правители никогда не имѣли и не могутъ имѣть власти отъ народа. Критикуя ученіе Гоббса о размѣрахъ власти, предоставленной правителю въ гражданскомъ обществѣ, Кларендонъ справедливо замѣчаетъ, что государство, о какомъ говоритъ Гоббсъ, никогда не существовало въ дѣйствительности, такъ какъ ни одинъ правитель, не исключая и самого султана, не пользовался такой неограниченной властью, какъ та, какой надѣляетъ его авторъ „Левіаѳана". Допуская ея установленіе народомъ, Гоббсъ, по мнѣнію Кларендона, имѣлъ въ виду дать не болѣе, какъ теоретическое основаніе для передачи узурпаторомъ Кромвелемъ своихъ правъ наслѣдникамъ. Такое заключеніе согласно съ передаваемыми самимъ же Кларендономъ словами Гоббса, что онъ, Гоббсъ, написалъ „Левіаѳана", дабы тѣмъ самымъ пріобрѣсть возможность вернуться въ Англію. Уже изъ сказаннаго ясно, въ силу какихъ симпатій Кларендонъ объявляетъ себя противникомъ Гоббса. Онъ разбираетъ его не какъ защитникъ теоріи конституціонной монархіи, а какъ представитель идеи Божественнаго происхожденія власти короля. Не удивительно поэтому, если на замѣчаніе Гоббса, что недавнее событіе, т.-е. возстаніе англійскаго народа противъ короля Карла, было вызвано желаніемъ практическаго примѣненія начала раздѣленія властей между королемъ, лордами и общинами, Кларендонъ отвѣчаетъ только обвиненіемъ въ совершенномъ незнаніи Гоббсомъ законовъ страны. „Раздѣла верховной власти,—говоритъ онъ,—англійская конституція никогда не допускала. Все возстаніе вызвано злонамѣренностію нѣкоторыхъ лицъ". Вполнѣ соглашаясь съ Гоббсомъ въ томъ, что монархія есть наилучшій образъ правленія, такъ какъ ни при какой другой народы не пользовались въ такой мѣрѣ свободою, неприкосновенностью собственности и правосудіемъ, Кларендонъ въ то же время убѣждаетъ короля Карла II, которому посвя-

щенъ самый разборъ, никогда не унижать себя до признанія, что принадлежащая ему власть происходитъ отъ народа. Ставя такимъ образомъ власть правителя въ зависимость непосредственно отъ Бога, признавая за нимъ полноту законодательной, исполнительной и судебной власти, Кларендонъ въ то же время остается до нѣкоторой степени вѣренъ вѣковымъ убѣжденіямъ англичанъ, а именно въ томъ смыслѣ, что объявляетъ правителя связаннымъ не только Божескимъ, но и естественнымъ закономъ, принимающимъ подъ свою охрану личность и собственность гражданъ. Онъ не понимаетъ, на какомъ основаніи люди, выходя изъ естественнаго состоянія и создавая въ своей средѣ государство, стали бы переносить на правителя всю сумму принадлежащихъ имъ правъ, какъ это слѣдуетъ изъ ученія Гоббса. По его мнѣнію, при установленіи государства частныя лица не могутъ предоставить начальству правъ, которыми бы оно могло воспользоваться не на ихъ пользу, а въ явный вредъ имъ. За людьми и послѣ установленія государства остается извѣстная сумма правъ, съ которыми они сочли ненужнымъ разстаться, такъ какъ такого отказа не требовала отъ нихъ общая польза. Къ числу такихъ правъ прежде всего принадлежитъ право собственности. Поэтому Гоббсъ ошибается, утверждая, что правитель во всякое время можетъ распорядиться чужимъ имуществомъ. Говоря это, онъ, повидимому, упускаетъ изъ виду, что правители имѣютъ тѣ же страсти, что и обыкновенные люди, и что если предоставить имъ право отнимать имущество у тѣхъ, кого они не любятъ, и надѣлять ими своихъ друзей, собственности въ строгомъ смыслѣ слова не будетъ ни у кого, кромѣ правителя. Необезпеченность собственности, вытекающая изъ вышеуказаннаго права монарха свободно надѣлять подданныхъ имуществомъ или отнимать его у послѣднихъ, необходимо должна вести къ тому, что и тѣ немногія права, какія Гоббсъ удерживаетъ за частными лицами, не найдутъ себѣ практическаго

осуществленія. Кто, спрашивается, станетъ продавать и покупать землю, равно и вступать въ другого рода обязательства, зная, что его имущество во всякое время можетъ быть отнято у него правителемъ? Необезпеченные въ своей собственности подданные едва ли останутся навсегда вѣрными власти; напротивъ того, они, несомнѣнно, воспользуются первымъ поводомъ къ возстанію для ниспроверженія монарха, постоянно грозящаго цѣлости ихъ имущества. Такимъ образомъ чрезмѣрная широта тѣхъ правъ, какія Гоббсъ предоставляетъ правителю, сама ведетъ къ необезпеченности его власти. Давая слишкомъ много монарху, Гоббсъ въ то же время подкапывается подъ его авторитетъ. Сказанное о правѣ монарха по отношенію къ частной собственности подданныхъ, примѣнимо и къ цѣлому ряду другихъ правъ, предоставленныхъ ему Гоббсомъ, въ частности къ праву взимать съ жителей государственныя подати въ неопредѣленномъ размѣрѣ всякій разъ, когда ему это вздумается. Всѣ подобнаго рода права могутъ принадлежать развѣ султану, а отнюдь не правителю цивилизованнаго народа. Ничего подобнаго этимъ правамъ не знаетъ Аристотель, къ которому напрасно такъ презрительно относится Гоббсъ. Аристотель и Цицеронъ всегда были защитниками монархіи и въ то же время далеко не расширяли власти монарха до тѣхъ невозможныхъ предѣловъ, до какихъ доводитъ ее Гоббсъ. Можно подумать, что онъ скорѣе желаетъ породить ненависть, нежели любовь къ монархамъ, называя правами ихъ то, что прежде было подъ наименованіемъ злоупотребленія. Подумаешь, что онъ скорѣе хочетъ побудить народы къ возстанію, нежели поддержать въ нихъ уваженіе и преданность къ законнымъ правителямъ.

Таковъ въ немногихъ словахъ общій характеръ тѣхъ возраженій, какія были представлены противъ Гоббса въ самой Англіи и отголосокъ которыхъ можно найти въ сочиненіяхъ континентальныхъ публицистовъ: Пуффендорфа,

Томазія и др. Очевидно, что эти возраженія были направлены противъ самыхъ основъ Гоббсова ученія, противъ тѣхъ крайне спорныхъ взглядовъ, какіе Гоббсъ высказывалъ насчетъ нравственной природы человѣка. Указывая на присутствіе въ немъ, рядомъ съ эгоистическими стремленіями, альтруистическихъ наклонностей, критики Гоббса подкапывались подъ самыя основы того ученія, которое полагаетъ, что люди не способны достигнуть порядка и мира иначе, какъ подъ условіемъ совершеннаго обезличенія. Доказывая, что при основаніи государства частныя лица отказываются добровольно лишь отъ тѣхъ правъ, сосредоточеніе которыхъ въ рукахъ правительства необходимо въ интересахъ достиженія общаго блага, критики Гоббсова ученія тѣмъ самымъ объявляли правительство ограниченнымъ во власти по самой своей природѣ. Правительству принадлежатъ лишь тѣ права, какія предоставлены ему народомъ. Послѣдній удерживаетъ въ своихъ рукахъ цѣлый рядъ правъ, правъ естественныхъ, между которыми на первомъ планѣ стоятъ свобода личности и неприкосновенность собственности. Правительство обязано строго соблюдать эти права, а равно и тѣ, удержаніе которыхъ въ неприкосновенности оно признаетъ обязательнымъ для себя въ силу особыхъ соглашеній съ народомъ. Въ предѣлахъ предоставленныхъ ему правъ монархъ безотвѣтственъ и не можетъ быть судимъ подданными. Развейте всѣ и каждое изъ этихъ положеній, выведите изъ главныхъ посылокъ ихъ неизбѣжныя логическія послѣдствія— и вы получите ученіе Сиднея и Локка объ основныхъ началахъ всякаго правового государства. Итакъ, въ критикѣ Гоббсова ученія уже заключаются въ зародышѣ всѣ тѣ положенія, обстоятельное развитіе которыхъ англійскими и затѣмъ французскими публицистами положитъ начало теоріи ограниченной, или конституціонной, монархіи.

§ 3. Первымъ въ ряду писателей, содѣйствовавшихъ выработкѣ этой доктрины, надо считать Сиднея, того „пе-

счастнаго Сиднея“, на котораго не разъ ссылается въ XVIII вѣкѣ не одинъ Руссо, Сиднея, искупившаго на плахѣ свою преданность началамъ политической свободы и своей мученической смертью подготовившаго вторую англійскую революцію. Въ этомъ писателѣ теоретическія воззрѣнія вырабатываются въ такомъ тѣсномъ общеніи съ жизнью, что для пониманія ихъ генезиса нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ.

Альжернонъ Сидней происходилъ изъ стариннаго аристократическаго рода норманнскихъ выходцевъ. Родился онъ въ помѣстьи отца въ Кентѣ въ 1622 году. Какъ любимый сынъ, онъ получилъ болѣе полное образованіе, нежели его старшій братъ. И тотъ и другой воспитаны были въ семейномъ кругу. Сопровождая отца въ Голландію, а затѣмъ во Францію, куда лордъ Робертъ Сидней былъ не разъ посылаемъ для исполненія дипломатическихъ порученій, Альжернонъ проникся болѣе французскими, нежели англійскими, идеями. По справедливому замѣчанію одного изъ его біографовъ, Чарльза Эвальда, недовольство французовъ существовавшимъ строемъ, при слабомъ знакомствѣ ихъ съ характеромъ учрежденій внѣ границъ отечества, объясняетъ намъ причину возрожденія во Франціи, начиная съ XVI вѣка, республиканскихъ идеаловъ Греціи и Рима. Еще въ XVI вѣкѣ авторъ „Добровольнаго рабства“ Ла-Боэси весьма отрицательно высказывался, какъ мы видѣли, о монархіи, въ которой, по его мнѣнію, не можетъ быть и рѣчи объ интересахъ всей совокупности гражданъ, такъ какъ все принадлежитъ одному. Изъ древнихъ писателей заимствовали французы тѣ идеи равенства и свободы, классическимъ выраженіемъ которыхъ является „Добровольное рабство“. Французскимъ вліяніемъ объясняется, почему, несмотря на свое аристократическое происхожденіе, Сидней съ ранней молодости сталъ обнаруживать вполнѣ демократическія симпатіи. До 1641 года мы не встрѣчаемъ его на политическомъ поприщѣ; такимъ

образомъ начало его карьеры совпадаетъ съ началомъ знаменательной эпохи въ исторіи англійскаго народа — съ началомъ открытыхъ столкновеній парламента съ королемъ. Девятнадцатилѣтнимъ юношей Сидней сражается въ рядахъ королевскаго войска съ ирландскими инсургентами. Но уже въ слѣдующемъ году онъ, съ согласія короля, покидаетъ Ирландію и, несмотря на присутствіе его отца въ рядахъ кавалеровъ, приноситъ мятежному парламенту присягу въ вѣрности. Съ этого времени мы встрѣчаемъ его въ рядахъ парламентскаго войска сражающимся въ интересахъ охраны священныхъ правъ народа отъ посягательствъ вѣроломнѣйшаго монарха Карла Стюарта. Въ своей „Апологіи", написанной за нѣсколько дней до смерти, Сидней самъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Права человѣчества, законы страны и протестантская религія были всегда предметомъ моей защиты противъ ложныхъ принциповъ абсолютной власти и папства. Я не стыжусь сознаться, что съ 1642 года я непоколебимо держался этихъ началъ". Мы находимъ Сиднея въ рядахъ парламентскаго войска въ битвѣ при Марстонмурѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ сраженій. Довольно быстро онъ возвышается до положенія одного изъ двадцати шести полковниковъ въ организованной Кромвелемъ арміи. Тяжело раненый, онъ въ 1645 году поставленъ въ необходимость отказаться отъ дальнѣйшаго отправленія военной службы и довольствуется должностью губернатора въ Чичестерѣ. На этомъ посту онъ остается лишь немного мѣсяцевъ. Избранный въ 1645 году въ парламентъ, онъ начинаетъ свою блестящую, хотя и кратковременную политическую карьеру. Въ бытность свою въ парламентѣ, отъ 1645 года по 1653, Сидней сближается всего болѣе съ Генри Веномъ. Не принимая особенно дѣятельнаго участія въ повседневныхъ засѣданіяхъ парламента, онъ, слѣдуя въ этомъ примѣру своего друга Вена, выступалъ не разъ противникомъ Кромвеля какъ въ вопросѣ о казни короля, такъ и по вопросу о неприкосновенности членовъ палаты и о сво-

бодѣ слова въ ней. Избранный въ число судей, призванныхъ судить короля, Сидней, въ первомъ же засѣданіи энергично высказался противъ мысли о его казни. Въ письмѣ отъ 12 октября 1660 года къ своему отцу, лорду Лейстерскому, онъ сообщаетъ слѣдующія подробности касательно своей роли въ вопросѣ о привлеченіи къ суду Карла I: „Я рѣшительно возсталъ противъ мысли о продолженіи процесса, мысли, защищаемой въ комиссіи Кромвелемъ и Брадло. Въ подкрѣпленіе моихъ воззрѣній на этотъ счетъ я привелъ два основанія: во-первыхъ, то, что король не подлежитъ суду, во-вторыхъ, то, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть судимъ такимъ судомъ, каковъ настоящій; на мои замѣчаніи Кромвель не далъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: „Я говорю вамъ: мы отсѣчемъ ему голову и корону вмѣстѣ съ нею". Мнѣ не удалось ничего сдѣлать для спасенія Карла. Я имѣлъ на его счетъ другія намѣренія, которыя неудобно излагать въ письмѣ". Что разумѣлъ, говоря это, Альжернонъ Сидней, до сихъ поръ остается не вполнѣ выясненнымъ. По всей вѣроятности, не что иное, какъ низложеніе Карла I,—низложеніе, которому въ это время сочувствовалъ и другъ его Венъ. Противникомъ Кромвеля Сидней явился немного времени спустя послѣ казни короля по вопросу о присягѣ, какую протекторъ потребовалъ отъ лицъ, вступавшихъ въ исполнительную пятичленную комиссію, такъ называемый „Совѣтъ республики". Въ поддерживаемомъ протекторомъ текстѣ присяги заключалось одобреніе всему происшедшему, въ частности и казни короля. „Такая присяга,—замѣтилъ Сидней при обсужденіи проекта,—послужитъ западнею многимъ честнымъ людямъ, но всякій плутъ проползетъ чрезъ нее". Присяга была измѣнена, но Кромвель и его ближайшіе пріятели сдѣлались навсегда заклятыми врагами Сиднея. Въ знаменитомъ засѣданіи 20 апрѣля 1653 года, подобіе которому можно найти лишь въ 18 брюмерѣ и 2 декабрѣ, другими словами—въ дни захвата власти обоими

Бонапартами и разогнанія членовъ народной камеры силою оружія, Сидней явился неустрашимымъ защитникомъ парламентскихъ вольностей противъ солдатчины. Онъ вышелъ изъ парламента однимъ изъ послѣднихъ; на личный приказъ Кромвеля, переданный ему Гаррисономъ, Сидней отвѣтилъ, что долгъ запрещаетъ ему покинуть залъ засѣданій. Гаррисону пришлось прибѣгнуть къ принужденію, чтобы заставить его выйти изъ парламентскихъ стѣнъ. Парламентская карьера Сиднея была кончена. Во все время, пока длилось единовластіе Кромвеля, онъ не покидаетъ помѣстья своего отца, лорда Лейстерскаго, который и на этотъ разъ окружаетъ его своей любовью, возбуждая тѣмъ самымъ нескрываемую зависть въ лицѣ старшаго сына, лорда Лисле. Смерть Кромвеля и слѣдовавшее затѣмъ вскорѣ паденіе протектората, въ лицѣ сына его Ричарда, сопровождаемое новымъ созывомъ Долгаго Парламента, открываетъ Сиднею возможность снова выступить на политическую арену. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ стѣнахъ парламента Сидней въ 1659 году принимаетъ сперва званіе члена исполнительнаго совѣта, а затѣмъ постъ англійскаго посла, послѣдовательно при датскомъ и шведскомъ дворахъ. Его успѣшная дѣятельность въ этомъ новомъ званіи была внезапно прервана реставраціей Карла II. Несмотря на настоятельныя ходатайства Сиднея о дозволеніи вернуться на родину, въѣздъ въ Англію былъ ему запрещенъ. Королевскіе любимцы постарались оклеветать его въ глазахъ правительства, приписывая ему мнѣнія, которыхъ онъ, по всей вѣроятности, никогда не высказывалъ, какъ, напримѣръ, открытое одобреніе столь ненавистной ему казни Карла. Дѣйствительной причиной безпримѣрной суровости къ нему новаго правительства была твердость, съ какою онъ держался прежнихъ своихъ убѣжденій. Человѣкъ, который въ письменныхъ ходатайствахъ о дозволеніи вернуться на родину проводилъ мысли въ родѣ слѣдующихъ: „Я надѣюсь умереть въ тѣхъ же принципахъ,

въ которыхъ жилъ; я не намѣренъ запятнать моего прошлаго въ интересахъ будущаго" и т. п., очевидно, не могъ разсчитывать на то снисхожденіе, какого удостоенъ былъ менѣе его сильный въ несчастіи Мартинъ. Самъ отецъ Сиднея, лордъ Лейстерскій, написалъ ему, что при существующихъ условіяхъ возвращеніе его въ Англію было бы не безопасно. Сидней волей-неволей долженъ былъ помириться на время съ судьбою странника, переселяющагося изъ Даніи въ Гамбургъ, изъ Гамбурга въ Италію, изъ Италіи во Фландрію. Во время этихъ путешествій онъ завязываетъ знакомства съ многими выдающимися людьми, имѣетъ случай изучить разнообразнѣйшія общественныя и политическія учрежденія и такимъ образомъ мало-по-малу накопляетъ въ себѣ тотъ обильный запасъ знаній и наблюденій, которымъ отличаются его „Разсужденія о правительствѣ". Къ составленію этихъ послѣднихъ онъ приступаетъ въ бытность свою во Франціи. Прямымъ поводомъ къ ихъ написанію послужилъ выходъ въ свѣтъ сочиненія Фильмера—такъ называемаго „Patriarcha". Доказать лживость проведеннаго въ немъ ученія о необходимости сосредоточить въ рукахъ правителя ту же абсолютную власть, какая имѣется у отца семьи, по словамъ Сиднея, составило прямую задачу его трактата. Съ какой точки зрѣнія онъ разматриваетъ теорію своего противника, становится яснымъ съ первыхъ же страницъ его разсужденія. „Я думалъ,—говоритъ онъ,—что оказавшееся у меня свободное время съ пользой можетъ быть посвящено разбору тѣхъ вопросовъ, какіе затрогиваетъ сочиненіе Фильмера,—вопросовъ, настолько существенныхъ для всего человѣческаго рода, что, если не говорить о тѣхъ, которые имѣютъ интересъ по отношенію къ нашей будущей жизни, они по праву могутъ быть признаны заключающими въ себѣ все, о чемъ стоитъ заботиться на землѣ". Интересы, какіе Сидней принимаетъ подъ свою защиту,—интересы свободы, достиженіе которой составляетъ, по его словамъ,

„верхъ человѣческаго благополучія“. Эту свободу онъ понимаетъ не въ смыслѣ произвола или неподчиненія никому и ничему, даже Богу и Божескому закону, а въ смыслѣ изъятія отъ повиновенія инымъ велѣніямъ власти (законамъ), кромѣ тѣхъ, на которыя дано было предварительное согласіе народа и его представителей. Другими словами, свобода, о которой говоритъ Сидней, свобода политическая, свобода, гарантировать которую способны въ странѣ одни представительныя учрежденія. Эта свобода, по ученію Сиднея, не можетъ ужиться съ такимъ порядкомъ вещей, при которомъ люди въ своихъ дѣйствіяхъ зависятъ отъ воли одного. Такой порядокъ Сидней называетъ рабствомъ. Къ нему-то и стремится Фильмеръ, не приводящій въ подкрѣпленіе своей теоріи, по словамъ Сиднея, ни одного аргумента, который бы не былъ ложнымъ, и ни одной цитаты, которая бы не была искажена. „Если бы Фильмеръ былъ живъ, — говоритъ Сидней, — на его ученіе слѣдовало бы отвѣчать камнями, а не словами“. Приступая къ разбору самой теоріи своихъ противниковъ, Сидней, въ отличіе отъ Фильмера, доказываетъ, что Богъ не считаетъ ту или другую форму правленія безусловно лучшей и предоставляетъ выборъ ея самому народу. „Даровавъ людямъ возможность судить о томъ, что для нихъ всего лучше, Богъ,—учитъ Сидней,—надѣлилъ ихъ свободой выбора между порядками политическаго устройства. Народъ создаетъ правительства и избираетъ образъ правленія. Имѣя это право, онъ необходимо долженъ имѣть и право низложенія правителей и перемѣны въ формѣ правленія. Судьею въ вопросѣ о томъ, когда то или другое должно имѣть мѣсто, можетъ быть одинъ только народъ“. Опровергая положеніе Фильмера, что современные короли имѣютъ въ своихъ рукахъ власть, унаслѣдованную отъ первыхъ патріарховъ, Сидней подробно развиваетъ ту точку зрѣнія, что патріархи не имѣли царской власти, и признаетъ, заодно съ Августиномъ, первымъ царемъ Нимврода.

Споря противъ утвержденія Фильмера, что царская власть тождественна съ властью родительской, Сидней говоритъ, что послѣдняя опирается на кровныхъ отношеніяхъ, тогда какъ первая обязана своимъ установленіемъ соглашенію между людьми, вызванному общимъ желаніемъ ограничить до нѣкоторой степени свою личную свободу созданіемъ общественной власти. Мнѣніе Фильмера, что царская власть принадлежитъ и въ наши дни тѣмъ, кто, въ силу происхожденія отъ Адама, долженъ былъ бы владѣть властью родительской, Сидней опровергаетъ еще слѣдующимъ соображеніемъ. Родительски-царская власть Адама или недѣлима при переходѣ по наслѣдству, и въ такомъ случаѣ намъ необходимо было бы допустить существованіе всемірной монархіи, единой въ цѣломъ мірѣ, или дѣлима, и въ такомъ случаѣ, въ силу общаго происхожденія отъ Адама, она принадлежитъ всѣмъ и каждому изъ членовъ человѣческаго рода, что въ дѣйствительности и имѣетъ мѣсто, такъ какъ всѣ люди, какъ таковые, надѣлены одинаково личной свободой. Примѣръ народа Божьяго, евреевъ, у которыхъ долгое время не было царей, далеко не доказываетъ того, чтобы, какъ думаетъ Фильмеръ, излюбленной для Бога формой политическаго устройства была монархія. Что касается до грековъ и римлянъ, то у нихъ къ управленію призывались наиболѣе добродѣтельные и способные люди, и притомъ не иначе, какъ въ силу избранія ихъ народомъ. Переходя отъ критики Фильмера къ изложенію собственнаго ученія, Сидней прямо объявляетъ, что не знаетъ другого источника для политической власти, *кромѣ народной воли*. Люди, по природѣ своей свободные, вступаютъ, подчиняясь велѣніямъ одного разума, въ государственный союзъ, соглашаются на созданіе власти и ограниченіе своей свободы. Они дѣлаютъ это въ виду невозможности по слабости человѣческой природы достигнуть собственной пользы одними личными усиліями и въ надеждѣ извлечь изъ установленія между собою

общей связи и добровольнаго подчиненія власти общія выгоды.

Выборъ той или другой формы политическаго устройства вполнѣ предоставленъ свободѣ людей, вступающихъ въ союзъ. Мудрые и храбрые народы поставили во главѣ себя лучшихъ людей, слабые же и низкіе по характеру подпали подъ власть сильныхъ и воинственныхъ сосѣдей. Такъ какъ по природѣ своей всѣ люди одинаковыхъ способностей и добродѣтелей равны между собою, то ничего не можетъ быть безсмысленнѣе, какъ предоставленіе власти одному или нѣсколькимъ, уступающимъ остальнымъ въ добродѣтели и мудрости. Горькій опытъ убѣдилъ народы въ томъ, какъ опасно переносить власть, вопреки велѣніямъ природы и разума, на дѣтей не всегда добродѣтельныхъ родителей. Изъ сказаннаго уже видно, что власть, какъ думали еще Платонъ и Аристотель, устанавливается не въ интересахъ правителя, а въ интересахъ народа. Изъ сказаннаго также слѣдуетъ, что она есть созданіе рукъ человѣческихъ и обязана своимъ происхожденіемъ волѣ людей, ищущихъ счастія. Человѣческіе законы опредѣляютъ предѣлы власти, предоставленной народомъ главѣ государства. Сидней подробно останавливается на развитіи той мысли, что Богъ никогда не предписывалъ народамъ монархіи, какъ наилучшей формы правленія, что Аристотель, нашъ,— говоритъ онъ,— „учитель въ дѣлѣ политики", не высказывалъ мысли о превосходствѣ единовластія надъ остальными образами правленія, а, напротивъ, признавалъ ту или другую форму политическаго устройства наилучшей, смотря по характеру народа, среди котораго она должна была дѣйствовать. Наконецъ, всякій образъ правленія, основанный на широкомъ признаніи свободы подданныхъ, содѣйствуетъ, по мнѣнію Сиднея, поддержанію въ обществѣ добродѣтелей и въ свою очередь поддерживается добродѣтелью гражданъ. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ мыслей Сидней считаетъ примѣръ Римской республики, переходъ которой

въ монархію вызванъ былъ порчею нравовъ и сопровождался паденіемъ государства. Фильмеръ доказывалъ, что порядокъ и постоянство находятся только въ монархіяхъ; Сидней, напротивъ, утверждаетъ, что эти качества встрѣчаются преимущественно при народномъ правленіи. Порядокъ состоитъ въ томъ, чтобы каждый былъ поставленъ на свое мѣсто, а это возможно только при народномъ правленіи, при которомъ власть вручается лучшимъ и достойнѣйшимъ людямъ, между тѣмъ какъ въ монархіи верховный санъ зависитъ отъ случайности рожденія, а потому можетъ попасть въ руки женщинъ, дѣтей или слабоумныхъ. По той же причинѣ въ монархіи не можетъ быть постоянства въ рѣшеніяхъ. Исторія всѣхъ монархій показываетъ, какимъ они подвергались колебаніямъ вслѣдствіе измѣнчивой воли правителей. Ошибочно было бы думать, что Сидней направляетъ свои стрѣлы противъ монархіи въ интересахъ демократической республики. Въ своихъ разсужденіяхъ о правительствѣ разбираемый нами авторъ неоднократно высказывается противъ той чистой демократіи, какую зналъ древній міръ. По его мнѣнію, демократія, правда,— справедливѣйшая, разумнѣйшая и естественнѣйшая форма правленія, въ виду того, что при ней свобода гражданъ подвергается наименьшимъ ограниченіямъ; но она возможна лишь въ предѣлахъ небольшого города и отнюдь несовмѣстима съ существованіемъ обширныхъ государствъ новаго времени. „Чистой демократіи, — говоритъ Сидней, — я въ наше время не знаю; если бы такой образъ правленія и существовалъ гдѣ-либо, я бы ничего не могъ сказать въ его пользу“. Если Сидней высказываетъ свое предпочтеніе какому-либо образу правленія, то или тому, въ которомъ лучшіе люди управляютъ государствомъ, другими словами—аристократіи, или тому, который состоитъ изъ смѣшенія каждой изъ трехъ формъ — монархіи, аристократіи и демократіи. „Лучшая, мудрѣйшая и наибольшая часть человѣческаго рода, — говоритъ онъ въ гл. X

1 кн.,—отвергая простыя формы политическаго устройства, обратилась къ установленію въ своей средѣ смѣшанныхъ формъ, другими словами — составленныхъ изъ трехъ простыхъ. Каждое государство включено было въ ту или другую категорію — аристократіи, демократіи или монархіи, смотря по тому, какой изъ трехъ субъектовъ власти — монархъ, аристократія или простой народъ—играютъ наибольшую роль въ немъ". Превосходство аристократіи доказывается, по мнѣнію нашего автора, и авторитетомъ Священнаго Писанія: правительство, установленное Богомъ надъ израильтянами, было аристократическимъ, и ссылками на Ксенофонта, доказавшаго, по мнѣнію автора, превосходство аристократіи надъ монархіей. Преимущество же смѣшанной формы правленія надъ монархической выступаетъ изъ того, что, тогда какъ первая встрѣчается у однихъ лишь слабо цивилизованныхъ народовъ Востока, вторую мы находимъ у большинства образованныхъ націй — и въ Спартѣ, и въ Римѣ, и въ Венгріи, Богеміи, Швеціи, Даніи, Польшѣ. Противопоставляя свободные образы правленія несвободнымъ, Сидней старается доказать, что подкупность и продажность скорѣе свойственны монархіямъ, нежели народнымъ правленіямъ. „Всѣ правительства,—учитъ онъ,— держатся тѣми же средствами, какими они возникали", а кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что тиранія, которую онъ отождествляетъ съ абсолютной монархіей, обязана своимъ происхожденіемъ подкупу. Другое дѣло—народные или смѣшанные образы устройства. Они созданы фактомъ предоставленія власти людямъ, наиболѣе добродѣтельнымъ. Имѣя своимъ источникомъ добродѣтель, они равно и поддерживаются ею. Слѣдуетъ обратить вниманіе на эту сторону ученія Сиднея о жизненныхъ принципахъ различныхъ образовъ правленія, въ частности о жизненномъ принципѣ свободныхъ политическихъ формъ, въ виду его рѣшительнаго сходства съ ученіемъ Монтескье о томъ же предметѣ. Легко можетъ статься, что авторъ „Духа зако-

новъ“ наведенъ былъ чтеніемъ Сиднея на мысль объ установленіи различія между природою извѣстной формы правленія и его жизненнымъ принципомъ. Ученіе о добродѣтели, какъ о жизненномъ принципѣ народнаго правленія, легко могло быть непосредственно заимствовано имъ у Сиднея, хотя встрѣчается, какъ мы видѣли, и у болѣе раннихъ писателей итальянскаго Возрожденія. Народные или смѣшанные правительства лучше охраняютъ миръ и съ большимъ успѣхомъ ведутъ войну, нежели абсолютныя монархіи, учитъ Сидней. Примѣръ Англіи, неоднократно выходившей побѣдительницей изъ столкновеній съ Франціей, кажется ему рѣшительнымъ въ этомъ вопросѣ. Свободныя формы устройства имѣютъ преимущество надъ несвободными еще по многимъ другимъ причинамъ. По малолѣтству или умственной слабости правительство въ абсолютной монархіи едва ли въ состояніи съ такимъ успѣхомъ обезпечивать странѣ спокойствіе и миръ, а также вести войну съ ея врагами, какъ это могутъ сдѣлать лучшіе люди, стоящіе во главѣ народныхъ правленій. Послѣднія въ меньшей мѣрѣ подвержены внутреннимъ безпорядкамъ, нежели монархіи. Во всякомъ случаѣ они легче кладутъ имъ конецъ и терпятъ меньшія отъ нихъ утраты. „Возстанія порождаются, — учитъ Сидней,— или ошибкою, или злою волею; они имѣютъ справедливую или несправедливую причину. Они тогда могутъ считаться вызванными ошибкою, когда народъ полагаетъ, что ему причинено уже или грозитъ извѣстное зло, котораго на дѣлѣ ему никто не нанесъ и не замышляетъ нанести. То же имѣетъ мѣсто и тогда, когда народъ считаетъ причиненное ему зломъ, вопреки истинѣ. Возстанія могутъ быть порождаемы этимъ путемъ одинаково какъ при народныхъ правленіяхъ, такъ и въ монархіяхъ. Иное дѣло—возстанія, вызываемыя злою волею. Послѣднія,— учитъ Сидней,—рѣдко встрѣчаются при народныхъ правленіяхъ. Они вредны для народа, но вреда никто не желаетъ

себѣ самому, а слѣдовательно, народъ, являющійся при народномъ правленіи одновременно и подданнымъ и правителемъ, не можетъ предпринять противъ себя же возстанія. Совсѣмъ не то въ монархіяхъ, въ которыхъ для народа могутъ представиться справедливые поводы къ мятежу". Такіе поводы Сидней перечисляетъ: это, во-первыхъ, узурпація власти, во-вторыхъ, продленіе ея дольше срока, въ-третьихъ, присвоеніе себѣ правительствомъ большей власти, нежели та, которая предоставлена ему закономъ.

Преимущества народныхъ или смѣшанныхъ образовъ правленія надъ монархическимъ Сидней видитъ и въ томъ, что въ первыхъ народъ болѣе заботится объ общемъ благѣ, нежели въ послѣднихъ. Пользуясь свободой, люди довольны своимъ положеніемъ; такъ какъ свобода ихъ зависитъ отъ сохраненія существующаго порядка вещей, то у людей является сознаніе необходимости заботиться объ общемъ благѣ въ интересахъ личнаго. Такого довольства нѣтъ въ абсолютной монархіи; частныя лица при ней поэтому менѣе заинтересованы въ удержаніи существующаго строя, отказываются видѣть въ обезпеченіи общаго блага удовлетвореніе своего личнаго, строго различаютъ одно отъ другого и руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ одними личными интересами.

Переходя въ III книгѣ къ вопросу о правахъ монархіи въ частности, Сидней, въ противность Фильмеру, утверждаетъ, что монархи, не будучи отцами народа и не превосходя другихъ людей въ добродѣтели, не имѣютъ иныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, какія предоставлены имъ законами; въ частности монархи не могутъ облагать народъ бо̀льшими сборами, чѣмъ тѣ, на взиманіе которыхъ дано будетъ согласіе плательщиковъ. Они издаютъ законы не сами, а при содѣйствіи народныхъ представителей и не потому, что не имѣютъ возможности посвящать этому дѣлу свое время, а потому, что народы желаютъ быть управляемы неизмѣн-

ными правилами, а не произвольно. Наслѣдники монарховъ становятся правителями не раньше, какъ послѣ коронаціи. Послѣдней же предшествуетъ принесеніе ими присяги въ соблюденіи законовъ и обычаевъ страны. Право истолкованія этой присяги не можетъ быть предоставлено правителямъ, такъ какъ они стали бы располагать имъ въ свою пользу. Несправедливыя велѣнія правителя, разъ они противны законамъ, не должны быть приводимы въ исполненіе и никто не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за отказъ въ повиновеніи имъ.

Въ пользу предоставленія королю бо́льшихъ правъ, нежели тѣ, какими надѣляетъ его законъ, обыкновенно приводятъ необходимость смягченія суровости послѣдняго въ нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Фортескью въ „Похвалѣ англійскимъ законамъ“ уже выводилъ изъ сказаннаго положенія пользу существованія королевской прерогативы. Сидней съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ, что для смягченія суровости законовъ достаточно предоставить извѣстныя права мудрымъ и нелицепріятнымъ судьямъ, какъ это на дѣлѣ и имѣетъ мѣсто при существованіи такъ называемыхъ „совѣстныхъ судовъ“. Нѣтъ поэтому нужды ставить правителя выше закона, давать право его отмѣны и пополненія часто невѣжественному и порочному монарху. Послѣднія главы сочиненія Сиднея посвящены развитію той мысли, что государственный порядокъ въ Англіи издавна былъ смѣшаннымъ, составленнымъ изъ монархіи, аристократіи и демократіи.

Таковъ возможно сжатый очеркъ основной доктрины Сиднея, часто цитируемаго еще писателями XVIII вѣка, но превзойденнаго въ своей извѣстности и значеніи авторомъ „Двухъ трактатовъ о правительствѣ“, современнымъ ему англійскимъ мыслителемъ — Локкомъ.

Ни одинъ писатель XVII вѣка не оказалъ такого рѣшительнаго вліянія на европейскую мысль въ теченіе

двухъ послѣднихъ столѣтій, какъ Локкъ. Говорить о томъ, сколько заимствованій сдѣлали изъ него Вольтеръ, Кондильякъ, Кантъ и другіе континентальные философы, не считая уже его единоплеменниковъ, всѣхъ наиболѣе крупныхъ представителей научной психологіи, съ Миллемъ, Спенсеромъ и Бэномъ во главѣ, было бы совершенно излишне. Не только въ заграничной, но и въ русской литературѣ вопросъ о вліяніи Локка на родоначальниковъ и столпы новѣйшей философіи подымаемъ былъ неоднократно и каждый разъ рѣшаемъ въ смыслѣ утвердительномъ. Укажемъ для примѣра хотя бы на „Нѣмецкую психологію въ девятнадцатомъ столѣтіи“ проф. Троицкаго, въ которой, какъ намъ кажется, почти исчерпанъ вопросъ о вліяніи Локка не только на англійскую, но и на нѣмецкую философію. Гораздо менѣе освѣщена роль Локка въ ходѣ развитія политической мысли не только въ Англіи, но и на континентѣ, а между тѣмъ въ этомъ отношеніи его значеніе ни мало не уступаетъ тому, какое давно признано за нимъ въ области психологіи. Что такое въ самомъ дѣлѣ пресловутая теорія Монтескье о раздѣленіи властей, какъ не крайнее выраженіе совершенно справедливой мысли Локка о томъ, что политической свободѣ противорѣчитъ сосредоточеніе законодательныхъ и исполнительныхъ функцій въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ? Съ другой стороны, понять Руссо и его ученіе о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ безъ обращенія къ Локку такъ же трудно, какъ объяснить происхожденіе Кантовыхъ „Метафизическихъ началъ права“ безъ изученія одновременно Локка и Руссо. А современное ученіе о свободѣ совѣсти, о свободѣ печати—развѣ оно не имѣетъ права считать своимъ родоначальникомъ Локка, мысли котораго въ этомъ отношеніи по своей практичности оказали гораздо большее вліяніе на ходъ развитія законодательства, нежели высказанное въ болѣе абсолютной формѣ ученіе Мильтона. Экономисты также не безъ гордости могутъ указать на

Локка, какъ на писателя, высказавшаго гораздо раньше Адама Смита цѣлый рядъ доктринъ, до сихъ поръ пользующихся неоспоримымъ признаніемъ. Укажемъ для примѣра хотя бы на впервые выставленное имъ трудовое начало въ процессѣ возникновенія частной собственности,—начало, ни мало не оспариваемое сравнительной исторіей права, а только вводимое ею въ законныя рамки. Какъ педагогъ, Локкъ обезсмертилъ свое имя рѣшительной, всеразрушающей критикой того ложнаго классицизма, который, будучи изгнанъ немного времени спустя изъ его родины, до сихъ поръ тяготѣетъ надъ развитіемъ молодыхъ умовъ—и нигдѣ болѣе, какъ въ Россіи. Эти многоразличныя заслуги Локка по отношенію къ духовному и политическому освобожденію всего человѣчества ставятъ его сочиненія на ряду съ тѣми, непосредственное знакомство съ которыми необходимо всякому образованному человѣку. Мы особенно настаиваемъ на этой мысли въ виду того обстоятельства, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ ни одного полнаго перевода Локковыхъ твореній,—перевода, который, мы не сомнѣваемся, нашелъ бы легкое распространеніе въ средѣ всѣхъ маломальски образованныхъ людей. Нѣтъ переводовъ, нѣтъ и характеристикъ, нѣтъ даже біографическихъ очерковъ, способныхъ объяснить связь тѣхъ или другихъ воззрѣній Локка съ обстоятельствами его времени, съ идеями, высказанными его предшественниками и современниками. Наши исторіи политическихъ ученій, прямой задачей которыхъ было бы освѣщеніе излагаемыхъ ими теорій одновременными ихъ появленію событіями политической и умственной жизни народовъ, не даютъ намъ въ этомъ отношеніи ровно ничего. Какъ маріонетки, выступаютъ въ нихъ одинъ за другимъ тѣ или другіе политическіе писатели, являясь одни безусловными защитниками идеи свободы, другіе — авторитета, третьи — закона, четвертые — какой-то смутно понимаемой самимъ авторомъ общей цѣли. Въ этомъ распредѣленіи ролей на долю Локка выпадаетъ обыкновенно

неумѣренная защита свободы, и все его ученіе представляется въ ложномъ свѣтѣ, благодаря тому обстоятельству, что авторъ не хочетъ смотрѣть на него иначе, какъ подъ этимъ угломъ зрѣнія. Ни одинъ политическій писатель не нуждается въ такомъ подробномъ біографическомъ комментаріи, какъ Локкъ,— не потому, чтобы жизнь его была особенно богата драматическими событіями, а потому, что ни у кого слово и дѣло не шли такъ дружно рука въ руку, ни у кого политическая теорія не отражала на себѣ въ такой мѣрѣ вліянія современности и той роли, какую игралъ въ ней ея творецъ. Обстоятельная біографія Локка, написанная съ вышеуказанной цѣлью освѣщенія характерныхъ особенностей его ученія, была невозможна до послѣдняго времени. Изданнаго лордомъ Кингомъ въ 1829 году матеріала было далеко недостаточно для изображенія въ надлежащемъ свѣтѣ многосторонней дѣятельности Локка. Недавніе поиски въ семейномъ архивѣ графовъ Шефтсбери, предпринятые Фоксъ Бöрномъ, обнаружили существованіе не только обширной корреспонденціи, но и цѣлаго ряда личныхъ мемуаровъ Локка, написанныхъ имъ въ разное время и на самые разнообразные сюжеты и никогда не появлявшихся въ печати. Эти мемуары, цѣнные сами по себѣ, пріобрѣтаютъ еще большее значеніе въ виду того, что раскрываютъ предъ нами процессъ развитія въ головѣ Локка тѣхъ идей, подробное изложеніе которыхъ составило содержаніе его безсмертныхъ трактатовъ „О человѣческомъ разумѣніи“ и „О правительствѣ“. Появленіе въ 1876 году двухтомнаго сочиненія Фоксъ Бöрна, озаглавленнаго „Жизнь Локка“, составляетъ поворотную эпоху во всей литературѣ о немъ. Прежде мы знали о Локкѣ немного больше того, что извѣстно намъ о любомъ изъ его современниковъ—Гоббсѣ, Кумберландѣ, теперь онъ—нашъ хорошій знакомый. Намъ извѣстно не только то, что онъ дѣлалъ въ то или другое время, но и что онъ думалъ въ это время. Мы знаемъ не только общій ходъ событій, среди которыхъ

развивалась его писательская дѣятельность, но и впечатлѣнія, произведенныя на него этими событіями. Цѣнное по заключающемуся въ немъ матеріалу, сочиненіе Фоксъ Бӧрна читается съ трудомъ; оно какъ-то неуклюже написано; характеристики автора въ большинствѣ случаевъ блѣдны. Подобно большинству англійскихъ біографовъ, авторъ почти всегда старается говорить словами своего героя; все, прибавляемое имъ отъ себя, не болѣе, какъ попытка связать отдѣльныя цитаты, отрывки изъ писемъ и мемуаровъ самого Локка и его современниковъ.

Изъ біографіи Локка мы узнаемъ, что онъ происходилъ изъ стариннаго купеческаго рода, хорошо извѣстнаго въ предѣлахъ лондонскаго Сити. Имена его предковъ попадаются не разъ въ спискахъ городскихъ властей Лондона и Бристоля. Отецъ его былъ мѣстнымъ адвокатомъ и секретаремъ мирового судьи. Мать тоже принадлежала къ среднему сословію. Родился онъ въ 1632 году, 29 августа, въ селѣ Вринтонъ; самый домъ, гдѣ онъ выросъ, до сихъ поръ показывается туристамъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ деревнѣ, въ семьѣ, въ довольно тревожную эпоху англійской исторіи — эпоху столкновенія Стюартовъ съ парламентомъ. Въ 1660 г. самъ Локкъ пишетъ о себѣ слѣдующее: „Едва я появился на свѣтъ, какъ уже началась буря, которая длилась все время моей молодости и стихла лишь въ послѣдніе мѣсяцы". Локкъ объяснялъ впослѣдствіи свое неудержимое влеченіе къ миру и внутреннему спокойствію уроками, данными ему въ первой молодости политическими событіями его родины. Подобно Стюарту Миллю, онъ получилъ на первыхъ порахъ довольно строгое воспитаніе. Отецъ велъ себя съ нимъ почти сурово; но чѣмъ старше становился нашъ писатель, тѣмъ мягче дѣлалось обращеніе съ нимъ родителя. По отзыву самого Локка, отецъ по достиженіи имъ тринадцатилѣтняго возраста сталъ относиться къ нему какъ къ другу, принося нерѣдко повинную за болѣе суровое обращеніе въ дѣтствѣ. Въ 1646 г., по хода-

тайству одного друга его семьи, Локкъ попадаетъ въ число королевскихъ стипендіатовъ (Kings scholars) въ Вестминстерскомъ училищѣ. Любопытно, конечно, знать, какое воспитаніе получилъ онъ въ немъ. Фоксъ Бёрнъ приводитъ на этотъ счетъ слѣдующія данныя: юноши по регламенту школы обязаны были вставать въ 6 часовъ утра; отъ 6 до 8 слѣдовалъ урокъ греческой и латинской грамматики, переводъ съ греческаго на латинскій и наоборотъ, произнесеніе наизусть латинскихъ или греческихъ текстовъ. Послѣ часового отдыха школьниковъ заставляли отъ 9 до 11 писать сочиненія на греческомъ и латинскомъ языкахъ или дѣлать переводы съ англійскаго на латинскій и греческій; за завтракомъ слѣдовало чтеніе латинскихъ рукописей; отъ часу до трехъ новыя упражненія въ грамматикѣ, декламаціи и переложеніи греческихъ и латинскихъ стиховъ въ прозу и наоборотъ. Послѣ часового отдыха, вплоть до ужина, время было посвящаемо латинскимъ и греческимъ переводамъ. Ученикамъ высшихъ классовъ преподавали также еврейскій и арабскій языки. Что касается до прочихъ наукъ, то лишь въ лѣтнее время, по вечерамъ, старались дать школьникамъ нѣкоторое понятіе объ элементарной географіи. Въ своихъ „Мысляхъ о воспитаніи“ Локкъ даетъ слѣдующую оцѣнку тому классическому образованію, какое существовало въ его время: „Большая часть того, — говоритъ онъ, — что въ наше время читается въ школахъ на протяженіи всей Европы и въ частности въ Англіи, безъ всякаго вреда для слушателей вовсе могло бы быть не преподаваемо“. Не будучи принципіальнымъ противникомъ классическаго образованія, Локкъ указываетъ всю безполезность обученія исключительно греческому и латинскому языкамъ людей, которые по самому характеру ожидающей ихъ карьеры никогда не въ состояніи будутъ воспользоваться пріобрѣтенными ими знаніями. „Можно ли,— говоритъ онъ,— представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе отца, тратящаго деньги и время своего сына на изученіе латин-

скаго языка и въ то же время предназначающаго его къ занятію торговлей? Первой заботой юноши по выходѣ изъ школы будетъ забыть возможно скорѣе ни на что ненужныя ему грамматическія правила, къ самому изученію которыхъ онъ получилъ глубокое отвращеніе, благодаря самому способу ихъ преподаванія". Переходя къ критикѣ этого послѣдняго, Локкъ справедливо замѣчаетъ, что языки вообще, а въ томъ числѣ и древніе, должны быть изучаемы практически, путемъ чтенія и разговоровъ, а не путемъ выучиванія наизусть грамматическихъ правилъ и отрывковъ изъ древнихъ писателей. „Такой способъ преподаванія,—замѣчаетъ онъ,—является причиной того, что въ наше время мы не выносимъ изъ школы ничего, кромѣ отвращенія къ классикамъ". Изъ сказаннаго видно, что, подобно большинству своихъ великихъ современниковъ, Локкъ нашелъ въ школѣ скорѣе препятствія къ развитію, нежели условія, благопріятныя для него. Эти препятствія ему удалось преодолѣть, благодаря лишь исключительному богатству его духовной природы. Онъ вышелъ, правда, изъ школы съ отвращеніемъ къ державшейся въ ней системѣ обученія, но онъ не вынесъ изъ нея презрѣнія къ классикамъ и сталъ искать въ нихъ впослѣдствіи то, на что, конечно, всего менѣе указывали ему его учителя, я разумѣю идеалы того свободнаго политическаго устройства, какое рисуютъ безсмертныя произведенія Аристотеля и Платона.

Лучшіе ученики Вестминстерской школы, въ числѣ не болѣе шести ежегодно, посылаемы были на казенный счетъ въ англійскіе университеты, Оксфордъ и Кембриджъ, для полученія въ нихъ высшаго образованія. Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ и Локка, которымъ доселѣ гордится одинъ изъ коллегіумовъ Оксфорда, коллегіумъ Христовой Церкви, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и цвѣтущихъ въ XVII вѣкѣ. И здѣсь Локкъ встрѣтился съ той же схоластикой въ преподаваніи, что и въ Вестминстерской школѣ. Циклъ наукъ,

проходимыхъ въ Оксфордѣ, оставался тотъ же, что и столѣтія ранѣе: грамматика, реторика и логика, составлявшія въ совокупности знаменитый тривіумъ; ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка, или такъ называемый квадривіумъ. Прибавьте къ этому обязательное и исключительное употребленіе греческаго и латинскаго языковъ въ разговорѣ и на письмѣ, и получится довольно вѣрное представленіе о томъ, съ какими свѣдѣніями можно было выйти изъ Оксфорда въ то время, когда учился въ немъ Локкъ. Если таково было преподаваніе въ предѣлахъ коллегіумовъ, то на лекціяхъ профессоровъ замѣтно было уже вліяніе свѣжихъ теченій мысли. Если излагаемая съ каѳедры логика все еще была не больше, какъ логикой формальной, логикой Аристотелевой, то, съ другой стороны, вліяніе чисто критическое, оказанное на дальнѣйшее развитіе ея Петромъ Рамусомъ, находило нерѣдко выраженіе себѣ и въ лекціяхъ. Въ Оксфордѣ происходили жаркіе споры между рамистами и антирамистами; нерѣдко слышалась и болѣе рѣзкая критика со стороны немногихъ послѣдователей, какихъ въ это время имѣлъ въ Оксфордѣ Бэконъ, обозвавшій нѣкогда ходячую въ его время логику „дѣтской софистикой и уморительной афектаціей“.

Рядомъ съ „логикой“ съ каѳедры излагаемы были, въ большинствѣ случаевъ безъ всякой иной критики, кромѣ филологической, и Аристотелевы „Этика“ и „Политика“, наравнѣ съ болѣе сомнительнымъ трактатомъ того же Аристотеля, „Экономикой“. Весь этотъ ученый балластъ мало удовлетворялъ Локка. По отзыву близкаго къ нему лица, леди Машамъ, великій англійскій философъ неоднократно жаловался ей въ старости на то, что преподаваніе въ Оксфордѣ такъ мало способно было обогатить его умъ полезными свѣдѣніями и свѣтлыми мыслями, что его сердечнѣйшимъ желаніемъ сдѣлалось, чтобы отецъ взялъ его изъ этого университета какъ можно скорѣе. Изъ словъ той же леди Машамъ мы

узнаемъ, что Локкъ, благодаря отвращенію, внушенному ему самымъ способомъ преподаванія, попалъ скоро въ категорію худшихъ студентовъ. Держась въ сторонѣ отъ всякого рода квазинаучныхъ пререканій и публичныхъ диспутовъ, онъ сталъ проводить время въ обществѣ занимательныхъ и остроумныхъ людей, какъ называетъ ихъ леди Машамъ, удѣляя также свои досуги чтенію романовъ, въ чемъ открыто и упрекаетъ его одинъ изъ современниковъ, нѣкто Спенсъ. При полномъ отсутствіи прилежанія Локкъ, благодаря рѣдкимъ способностямъ, тѣмъ не менѣе легко подготовился къ экзаменамъ и на 26 году жизни, въ 1658 г., получилъ степень „магистра искусствъ". Онъ сдѣланъ былъ вслѣдъ за тѣмъ членомъ коллегіума на правахъ „старшаго ученика" (senior student). Во все это время онъ продолжалъ оставаться въ общеніи съ людьми самыхъ различныхъ религіозныхъ сектъ, обнаруживая полную и рѣдкую въ его время терпимость и заслуживая у современниковъ названіе латитудинарія, другими словами—человѣка съ весьма опредѣленными убѣжденіями въ одной лишь области христіанской морали, отнюдь не въ догматахъ вѣры. Назначенный тюторомъ одного изъ коллегіумовъ, Локкъ случайно на 27 году жизни напалъ на Декарта; чтеніе послѣдняго произвело цѣлый переворотъ въ его умѣ. Онъ съ жадностью набросился на картезіанцевъ, мало извѣстныхъ еще въ это время въ Оксфордѣ. Читая ихъ, онъ изучалъ одновременно и ихъ противниковъ, прежде всего Гассенди. Смерть отца доставила ему маленькое наслѣдство, до полутора тысячъ рублей на наши деньги. Находя, что дохода съ него вмѣстѣ съ жалованьемъ недостаточно для содержанія семьи, Локкъ навсегда отказался отъ мысли о бракѣ. Хотя съ малолѣтства отецъ предназначалъ его къ духовному званію, тѣмъ не менѣе рѣшительное нерасположеніе къ этой профессіи заставило его отказаться отъ лелѣянной родителемъ мысли; духовной профессіи онъ предпочелъ отправленіе обязанностей медика-практиканта. Естественныя науки съ нѣкото-

раго времени особенно стали останавливать на себѣ его вниманіе. Онъ занимался въ частности ботаникой, химіей и зоологіей подъ руководствомъ одного изъ величайшихъ ученыхъ его времени, Роберта Бойеръ.

На 28 году жизни Локкъ принялъ мѣсто секретаря при Вальтерѣ Венѣ, спеціальномъ англійскомъ уполномоченномъ при брандербургскомъ дворѣ. Пребываніе въ Килѣ, куда посланъ былъ его патронъ, доставляетъ Локку возможность путемъ личныхъ наблюденій познакомиться съ тѣми блестящими результатами, какихъ по отношенію къ дѣлу всеобщаго замиренія религіозныхъ партій достигла политика терпимости, ранѣе другихъ проведенная бранденбургскими курфюрстами. По отзывамъ самого Локка, различіе вѣроисповѣданій въ Бранденбургѣ не сопровождалось ни семейной ни общественной враждой. Всѣ граждане безъ различія вѣры одинаково допускаемы были къ занятію публичныхъ должностей; исключеніе дѣлаемо было для однихъ только католиковъ. Пребываніе въ Бранденбургѣ оказало несомнѣнное вліяніе на Локка въ томъ смыслѣ, что еще болѣе укрѣпило его въ мысли о необходимости вѣротерпимости. Нѣкоторыя черты отношенія государства къ культамъ въ Бранденбургѣ легко могутъ быть найдены въ его много лѣтъ спустя написанномъ „Опытѣ о вѣротерпимости“. Бранденбургъ въ этомъ отношеніи, очевидно, послужилъ для него прототипомъ. Какъ и въ Бранденбургѣ, мы не находимъ въ трактатѣ Локка законодательныхъ стѣсненій по отношенію къ протестантскимъ сектамъ и въ то же время — полное устраненіе католиковъ отъ публичныхъ должностей. По возвращеніи на родину Локкъ продолжаетъ занятіе медициной и на правахъ домашняго врача поступаетъ въ 1666 г. въ домъ лорда Ашле, сдѣлавшагося нѣсколько лѣтъ спустя графомъ Шефтсбери. О характерѣ тѣхъ вопросовъ, которые всего болѣе тревожили его умъ въ это время, мы можемъ судить довольно вѣрно по тѣмъ личнымъ замѣткамъ и никогда не предназначав-

шимся къ печати статьямъ, изданіемъ которыхъ мы обязаны лорду Кингу и Фоксъ Бöрну. Еще въ бытность свою въ Оксфордѣ Локкъ приступилъ къ составленію „Разсужденія о причинахъ величія и паденія Римской республики“. Въ этомъ сочиненіи онъ уже высказываетъ тѣ мысли о вѣротерпимости, краснорѣчивое развитіе которыхъ впослѣдствіи составитъ одну изъ важнѣйшихъ его заслугъ передъ потомствомъ. Онъ превозноситъ римлянъ за то, что, допуская въ Пантеонъ боговъ покоряемыхъ ими народовъ и ограничивая число обязательныхъ догматовъ весьма небольшою цифрою, они первые провозгласили великодушный принципъ терпимости. Признаніе его является одной изъ главныхъ причинъ возвеличенія Рима. Множество націй, державшихся различныхъ вѣроисповѣданій, нашли возможнымъ устроить свою жизнь сообща и общими усиліями поддерживать единство республики. Съ другой стороны, то обстоятельство, что въ Римѣ не существовало отдѣльнаго духовнаго сословія и жреческія функціи отправляемы были людьми свѣтскаго званія, также не мало содѣйствовало прочности государственнаго строя, не встрѣчавшаго въ жрецахъ того противовѣса (balance), какой въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ государствъ (Локкъ, очевидно, разумѣетъ католическія) духовенство, опираясь на обширныя владѣнія, оказываетъ правительству. Переходя къ вопросу о внутренней организаціи свѣтской власти въ Римѣ, Локкъ превозноситъ римскую республику за то, что въ ней строго было проведено начало равновѣсія властей. „Ни одинъ частный человѣкъ, — говоритъ онъ, — и ни одинъ классъ людей не сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ достаточно богатства и власти, чтобы превзойти въ этомъ отношеніи всѣхъ остальныхъ и имѣть возможность стремиться къ абсолютному владычеству: права народа въ частности были гарантированы отъ возможныхъ посягательствъ дворянства самымъ фактомъ существованія въ Римѣ тайной подачи голособъ при выборахъ. Это обстоя-

тельство давало возможность людямъ, даже зависимымъ отъ дворянъ, назначать на должности собственныхъ кандидатовъ“. Уже изъ содержанія этого перваго по времени произведенія Локкова пера мы не только въ правѣ заключить о томъ, каковы были наиболѣе интересовавшіе его въ это время вопросы, но и пріобрѣсть положительныя свѣдѣнія насчетъ тѣхъ воззрѣній, какихъ Локкъ держался въ области политики за нѣсколько десятковъ лѣтъ до печатнаго изложенія своей доктрины. Изъ сказаннаго ясно, что съ самой молодости своей онъ стоялъ за необходимость равновѣсія властей въ государствѣ и взаимнаго ограниченія одного класса другимъ. Противникъ широкой демократіи, къ какой стремились нѣкоторые изъ его современниковъ и больше другихъ Лильборнъ и Левеллеры, Локкъ одобрялъ сословный характеръ англійскаго государственнаго порядка и не прочь былъ устроить по его образцу и тѣ свободныя республики, начало которымъ было положено на новомъ материкѣ англійской эмиграціей. Его патронъ, графъ Шефтсбери, какъ одинъ изъ главныхъ земельныхъ владѣльцевъ Каролины, поручилъ ему въ 1668 году составленіе конституціи для этой провинціи. Хотя, конечно, нельзя видѣть въ текстѣ ея выраженіе одного Локкова ученія о наилучшей формѣ правленія, какъ это дѣлаетъ Лабуле, тѣмъ не менѣе трудно не согласиться, что установленіе на новомъ материкѣ начала заповѣдности имуществъ, системы крупнаго землевладѣнія, наслѣдственнаго фермерства, высокаго имущественнаго ценза для депутатовъ отъ средняго сословія, какъ и сосредоточеніе исполнительной власти въ рукахъ восьмичленнаго совѣта наслѣдственныхъ сановниковъ-землевладѣльцевъ и широкое представительство дворянства въ однопалатномъ мѣстномъ парламентѣ, — даютъ право признать въ ея составителѣ рѣшительнаго приверженца земельной аристократіи и защитника теоріи равновѣсія властей, на что, въ свою очередь, указываютъ и нѣкоторыя буквальныя выраженія, попадающіяся въ самомъ текстѣ

написанной Локкомъ конституціи. Такъ, въ немъ говорится, напримѣръ, о страхѣ, какой внушаетъ составителю демократія, о желаніи доставить удовлетвореніе интересамъ крупныхъ землевладѣльцевъ и обезпечить начало равновѣсія властей. Непосредственное вліяніе Локка замѣтно и въ тѣхъ параграфахъ конституціи, которые объявляютъ терпимыми въ Каролинѣ всякаго рода религіозныя ученія, подъ условіемъ признанія ими вѣры въ Бога и необходимости публичнаго культа. Правда, въ конституціи Каролины говорится о государственной церкви, но въ примѣчаніи къ этому параграфу прямо значится, что это постановленіе принято лишь по требованію одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ колоніи. Къ тому же періоду въ жизни Локка долженъ быть отнесенъ изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ Фоксъ Бо̀рномъ трактатъ о вѣротерпимости, статьи о добродѣтели и порокѣ и цѣлый рядъ другихъ, въ которыхъ уже опредѣленно высказывается какъ основное его ученіе объ отношеніяхъ церкви къ государству, такъ и утилитарный взглядъ на нравственность; въ своихъ воззрѣніяхъ на нее Локкъ прямо отправляется отъ мысли, что человѣку свойственно стремиться ко всему, что можетъ доставить удовольствіе, и избѣгать всего непріятнаго. Въ 1672 году Локкъ впервые покидаетъ Англію для Франціи въ свитѣ леди Норсумберландъ и проводитъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ. По возвращеніи въ Лондонъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ страны въ должности „секретаря презентацій“ и ближайшаго помощника графа Шефтсбери, возведеннаго въ это время въ званіе канцлера королевства. Такимъ образомъ онъ пріобрѣтаетъ возможность близкаго и непосредственнаго знакомства съ механизмомъ англійской конституціи, теоретическимъ выраженіемъ основъ которой и явятся впослѣдствіи его два опыта „О правительствѣ“. Опала, постигшая вскорѣ за тѣмъ графа Шефтсбери, ни мало не измѣнила отношеній къ нему Локка. Если послѣдній и покидаетъ семейство графа и

переселяется на югъ Франціи, въ Монпелье, то лишь вынужденный къ тому разстроеннымъ состояніемъ своего здоровья. По совѣту одного пріятеля, знаменитаго доктора Сиденгама, Локкъ ищетъ болѣе теплаго климата для своихъ поврежденныхъ легкихъ. Тогда какъ путешествіе въ Бранденбургъ обнаружило предъ Локкомъ выгоды, связанныя съ признаніемъ начала религіозной терпимости, а близкія отношенія съ графомъ Шефтсбери, канцлеромъ королевства, познакомили его на дѣлѣ съ механизмомъ парламентскаго режима, нѣсколько лѣтъ продолжавшееся пребываніе во Франціи (1675—1679) доставило ему возможность собственными глазами убѣдиться въ томъ, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ подавленіе всякаго рода свободныхъ учрежденій въ странѣ. Локкъ оставилъ намъ путевыя замѣтки и дневникъ своего пребыванія во Франціи. Какъ тѣ, такъ и другой свидѣтельствуютъ о немъ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе любознательныхъ туристовъ. Проѣзжая чрезъ Пикардію, Локкъ наблюдаетъ послѣдствія, къ какимъ ведетъ соляная монополія. Чиновникъ соляного вѣдомства, по его словамъ, продаетъ за 17 су то же количество соли, какое владѣльцу солончака было оплачено 5 су. Такое возвышеніе въ цѣнѣ предмета первой необходимости, гибельное для интересовъ крестьянскаго хозяйства, объясняется, съ одной стороны, громаднымъ откупомъ, платимымъ ежегодно правительству, съ другой — чудовищными издержками на содержаніе цѣлаго персонала чиновниковъ и слугъ. Ссылка на галеры, обыкновенное наказаніе контрабандистовъ, ни мало не является препятствіемъ къ незаконному провозу соли. Контрабандисты образуютъ вооруженныя шайки и дѣлаютъ небезопаснымъ проѣздъ по дорогамъ. Въ Монпелье Локкъ присутствуетъ на собраніи провинціальныхъ штатовъ. „По внѣшнему виду, — пишетъ онъ, — штаты вполнѣ напоминаютъ парламентъ; единственное ихъ отличіе отъ послѣдняго то, что они никогда не имѣютъ достаточно смѣлости, чтобы отказать королю въ чемъ-либо“.

Отъ вниманія Локка не ускользаетъ также и тотъ фактъ, что старинные органы мѣстнаго самоуправленія потеряли въ его время во Франціи всякое значеніе. „Консулы городовъ, —пишетъ онъ,—не болѣе, какъ исполнительные чиновники, назначенныя центральнымъ правительствомъ власти. Ничтожество провинціальныхъ штатовъ, этихъ старинныхъ органовъ самоуправленія,—причина тому, что народъ во Франціи отягощенъ податями, платитъ иногда 8, иногда 12% чистаго дохода въ пользу государства". Налоговой гнетъ, обременяющій крестьянъ, увеличивается еще отъ неравномѣрнаго распредѣленія государственныхъ тягостей. Дворянскія земли вовсе не несутъ податей, равно и церковныя, — вотъ почему купцамъ и ремесленникамъ приходится отдавать ежегодно во Франціи половину своихъ заработковъ государству. Самый способъ обложенія, замѣчаетъ Локкъ, немало способствуетъ усиленію налогового гнета; особымъ распредѣлителямъ налога (collecteurs) предоставляется право разверстки между частными лицами падающей на приходъ суммы сборовъ. При этой разверсткѣ они дѣйствуютъ по собственному усмотрѣнію и обнаруживаютъ нерѣдко большую несправедливость. Плательщикамъ дозволяется, правда, обжаловать рѣшеніе въ судебномъ порядкѣ; но это обжалованіе, какъ связанное съ значительными издержками, на практикѣ никогда не имѣетъ мѣста. Вино и лѣсной матеріалъ также обложены сборами въ пользу короля; послѣдній, сверхъ того, имѣетъ обыкновеніе дѣлать никогда не выплачиваемые займы у цеховыхъ обществъ. Результатомъ чрезмѣрнаго налогового гнета является всеобщее паденіе благосостоянія. Локкъ первый обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ царствованіе Людовика XIV народонаселеніе Франціи перестало возрастать. „Большинство мѣстечекъ, называемыхъ здѣсь городами, — пишетъ онъ,—едва ли бы носили въ Англіи другое прозвище, кромѣ селъ. Развалины встрѣчаются въ нихъ на каждомъ шагу, такъ какъ большинство опустѣло и у домовладѣльцевъ нѣтъ

средствъ къ поддержанію падающихъ построекъ. Большинство дворянскихъ замковъ также носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды упадка“. Эти наблюденія Локкъ дѣлаетъ въ одной изъ богатѣйшихъ провинцій Франціи, на берегахъ Луары, въ окрестностяхъ Блуа. Еще болѣе грустное впечатлѣніе производитъ на него юго-западъ Франціи. „Въ Лангедокѣ,—пишетъ онъ,—доходъ земель уменьшился на половину, и не въ одномъ Лангедокѣ, но на всемъ протяженіи Франціи. Что касается до Борделе, то здѣсь положеніе крестьянина самое несчастное“. Изъ личныхъ разспросовъ Локкъ убѣдился въ томъ, что семья въ пять человѣкъ въ состояніи была заработать не болѣе 80 шиллинговъ въ годъ, изъ которыхъ не менѣе 34 шли на уплату феодальныхъ платежей и налоговъ; такъ что, распредѣляя остальные 46 шиллинговъ между 5 членами семьи, на каждаго приходится ежедневно немного болѣе 1 фарзинга, или $^1/_{12}$ шиллинга, на наши деньги по номинальной цѣнѣ 2 копейки. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ крестьяне принуждены жить въ полуоткрытыхъ хижинахъ, безъ оконъ, съ одною комнатою. „Обыкновенной пищей ихъ,—пишетъ Локкъ,—является черствый хлѣбъ и вода, о мясѣ они рѣдко когда слышатъ; самое большее—если въ праздничные дни они позволятъ себѣ роскошь употребленія въ пищу внутренностей животныхъ. Не думайте,—прибавляетъ Локкъ,—что положеніе крестьянъ въ Борделе хуже, нежели въ другихъ мѣстностяхъ. Справедливо—обратное. Для многихъ положеніе крестьянъ въ этой провинціи кажется цвѣтущимъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое выпадаетъ имъ въ удѣлъ въ другихъ частяхъ Франціи“. Рядомъ съ этою чрезмѣрною бѣдностью народа Локкъ рисуетъ намъ живыми красками роскошь двора и издержки правительства на содержаніе королевскихъ любовницъ и свиты. Онъ полагаетъ, что законы противъ роскоши были бы безсильны положить предѣлъ расточительности дворянства и предлагаетъ съ этой цѣлью объявить недѣйствительными сдѣлки дворянъ съ

купцами; эта мѣра, думаетъ онъ, поведетъ къ тому, что послѣднiе перестанутъ охотно продавать въ кредитъ ненужные дворянамъ предметы роскоши. Такое постановленiе имѣло бы еще и ту выгоду, что, не находя болѣе помѣщенiя у дворянъ, капиталы средняго сословiя отхлынули бы къ крестьянамъ. Локкъ далеко не единственный англiйскiй писатель, вынесшiй изъ Францiи то убѣжденiе, что свободныя учрежденiя необходимы для народнаго благосостоянiя. Его великiй предшественникъ, канцлеръ Фортескью, не хуже его знавшiй Францiю, проникся въ ней тѣми же мыслями. Когда читаешь путевыя замѣтки Локка, начинаешь понимать, кого разумѣлъ онъ въ своихъ нападкахъ на абсолютныхъ королей, какую фактическую подкладку имѣли его мысли о преимуществахъ ограниченнаго образа правленiя надъ неограниченнымъ.

Третiй перiодъ въ жизни Локка,—перiодъ, въ который ему открыто приходится выступить противъ попытокъ къ установленiю въ Англiи той же формы правленiя, съ результатами которой онъ познакомился во Францiи, начинается немедленно вслѣдъ за возвращенiемъ его изъ путешествiя. Выставить въ правильномъ свѣтѣ отношенiе Локка къ той партiи, торжество которой повело ко второй англiйской революцiи, и показать, въ какой мѣрѣ принципы послѣдней отразились на политическихъ трактатахъ Локка,—такова задача, какую ставитъ себѣ его бiографъ, Фоксъ Бōрнъ. Еще въ бытность Локка во Францiи Шефтсбери, заключенный по распоряженiю правительства въ лондонскiй Тоуеръ, благодаря одному изъ тѣхъ быстрыхъ поворотовъ въ общественномъ мнѣнiи, влiянiе которыхъ неотразимо лишь въ странахъ съ представительнымъ устройствомъ, снова становится руководителемъ парламентскаго большинства. Благодаря его настоянiямъ, парламентъ высказывается открыто противъ наслѣдованiя престола герцогомъ Iоркскимъ, будущимъ Iаковомъ II, подозрѣваемымъ въ папизмѣ. Когда, вслѣдъ за внезапнымъ распущенiемъ, парламентъ снова

созванъ, члены его, по совѣту Шефтсбери, являются каждый въ сопровожденіи военной стражи на случай новой попытки насильственнаго прекращенія ихъ дѣятельности. Неизмѣнный другъ своего покровителя, Локкъ принимаетъ участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ партіи виговъ, главой которой былъ Шефтсбери. Легко можетъ статься, что по настояніямъ послѣдняго онъ неоднократно вступаетъ въ сношенія съ герцогомъ Монмаутомъ, которому Шефтсбери хотѣлъ передать англійскій престолъ по смерти Карла II. Неудивительно поэтому, если Локкъ сдѣлался предметомъ гоненій со стороны той самой партіи, временному торжеству которой Шефтсбери обязанъ былъ своимъ вторичнымъ заключеніемъ въ Тоуеръ. Остается только удивляться тому, что преслѣдованіе Локка началось сравнительно поздно, послѣ смерти главнаго виновника, графа Шефтсбери, въ Голландіи. Среди новаго возбужденія партій Локкъ только и помышляетъ объ одномъ: о примиреніи ихъ. Видя невозможность послѣдняго, онъ намѣревается покинуть Англію для какой-нибудь „блаженной Атлантиды“. Въ его письмахъ сохранились прямыя указанія на этотъ счетъ. Говоря объ Атлантидѣ, Локкъ, повидимому, разумѣетъ ту самую Каролину, для которой была написана имъ далеко не идеальная, но зато вполнѣ англійская конституція. Предупрежденный во-время о грозящей ему опасности, нашъ писатель удаляется въ Голландію, которая въ то время играла такую же роль по отношенію къ политическимъ преступникамъ, какую въ наше время — Англія. Пребываніе Локка въ Голландіи продолжалось пять съ половиною лѣтъ. Случайная встрѣча съ двумя учеными, Лимборхомъ и дю-Клеркомъ, оказываетъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее направленіе его литературной дѣятельности въ томъ смыслѣ, что побуждаетъ его, слишкомъ мнительно относившагося дотолѣ къ себѣ самому, печатно изложить, наконецъ, свои мысли. Поводомъ послужило изданіе дю-Клеркомъ одного изъ первыхъ по времени журналовъ, „Универсальной Библіотеки“.

Въ ней Локкъ помѣстилъ краткое извлеченіе изъ подготовленнаго имъ къ печати „Опыта о разумѣніи“. Пребываніе въ Голландіи ознаменовано также подготовленіемъ имъ цѣлаго ряда политическихъ трактатовъ. Въ 1685 г. онъ закончилъ свою „Эпистолу о вѣротерпимости“, въ которой прежнія его мысли о равноправіи протестантскихъ вѣроисповѣданій нашли болѣе обстоятельное и систематическое изложеніе. Въ Голландіи же Локкъ сблизился впервые съ Вильгельмомъ Оранскимъ, который не только не согласился на выдачу его англійскому двору, какъ одного изъ 84 лицъ, будто бы замышлявшихъ смерть короля, но и приблизилъ его къ себѣ. Сближеніе съ Вильгельмомъ Оранскимъ является для Локка прямымъ поводомъ къ составленію обоихъ „трактатовъ о правительствѣ“. Самъ Локкъ въ предисловіи къ нимъ говоритъ, что написанныхъ имъ страницъ достаточно „для утвержденія престола великаго обновителя англійской свободы, короля Вильгельма, для обоснованія его правъ народнымъ согласіемъ — единственнымъ фундаментомъ всякихъ правительствъ; онѣ послужатъ также и защитой англійскаго народа, привязанность котораго къ естественнымъ правамъ человѣка и рѣшимость постоять за послѣднія спасли націю, близкую къ гибели, и сохранили ее отъ рабства“. Трактаты „О правительствѣ“, равно и „Опытъ о человѣческомъ разумѣніи“, письма „О вѣротерпимости“ и цѣлый рядъ экономическихъ монографій написаны Локкомъ въ 1689—90 и слѣдующихъ годахъ. Послѣднее время своей жизни онъ, несмотря на убѣжденія Вильгельма, предлагавшаго ему занятіе дипломатическихъ постовъ, проводитъ въ добровольномъ уединеніи въ графствѣ Эссексъ, въ домѣ леди Машамъ. Поддерживая дружескія сношенія съ великими современниками, въ томъ числѣ съ Ньютономъ, Локкъ въ то же время не перестаетъ оказывать вліяніе на дѣла своей родины, благодаря поддерживаемой имъ обширной перепискѣ съ членами либеральной партіи въ парламентѣ.

Свобода печати и много другихъ столь же существенныхъ вопросовъ продолжаютъ останавливать на себѣ его вниманіе, побуждая его къ составленію въ эпистолярной формѣ цѣлаго ряда политическихъ разсужденій. Такъ, въ 1694 г., когда парламентъ былъ занятъ обсужденіемъ вопроса, оставить ли въ прежней формѣ, или отмѣнить статутъ Карла II, ограничивавшій свободу прессы, Локкъ написалъ въ защиту этой свободы краснорѣчивое посланіе, которое, уступая по глубинѣ Мильтоновой „Ареопагитикѣ", въ то же время значительно превосходитъ ее трезвостью и практичностью взглядовъ. Новыя парламентскія столкновенія въ 1695 году являются для него поводомъ къ составленію двухъ новыхъ памфлетовъ, изъ которыхъ одинъ названъ: „Старинная англійская конституція", а другой — „Средства спасенія государства". Эти памфлеты являются существеннымъ дополненіемъ къ его трактатамъ „О правительствѣ". Отличаясь вполнѣ догматическимъ характеромъ, они въ сжатыхъ положеніяхъ резюмируютъ главныя особенности англійскаго политическаго строя. Министерская отвѣтственность, о которой въ трактатахъ о правительствѣ нѣтъ еще и помину, признана здѣсь однимъ изъ началъ свободнаго политическаго устройства. „Какія бы ошибки ни дѣлалъ англійскій король, онѣ,—говоритъ Локкъ,—должны быть приписываемы его министрамъ, такъ какъ ни одинъ король не имѣетъ возможности повелѣть что-либо, враждебное общественному благу. Разъ онъ пріобрѣтетъ эту возможность — онъ болѣе не король". Я обхожу молчаніемъ другія стороны политической дѣятельности Локка, рѣшительную роль, какую ему пришлось играть въ вопросѣ о низкомъ чеканѣ монеты, въ вопросѣ о покровительствѣ туземныхъ мануфактуръ въ Ирландіи и въ реформѣ законодательства о бѣдныхъ. Всѣ эти стороны его дѣятельности, любопытныя для историка экономическихъ ученій, представляютъ несравненно меньше интереса для тѣхъ, кто ищетъ въ біографіи Локка данныхъ для освѣщенія его поли-

тическихъ воззрѣній. Богословскіе споры не менѣе политическихъ интересуютъ Локка въ эти послѣдніе годы его жизни, доказательствомъ чего служатъ частью начатые, частью законченные имъ трактаты. Назову изъ нихъ для примѣра одинъ — „Доказательство разумности христіанства“, трактатъ, завершенный Локкомъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, воспослѣдовавшей на 72 г. жизни, 28 октября 1704 года.

Переходя отъ краткаго біографическаго очерка къ изложенію политическихъ мыслей великаго англійскаго философа, я упомяну лишь мелькомъ первый изъ политическихъ трактатовъ Локка, заключающій въ себѣ критику ученія Фильмера о происхожденіи правъ монарховъ по наслѣдству отъ Адама, перваго царя. Затѣмъ съ большей подробностью я считаю нужнымъ остановиться на изученіи второго его трактата, „О правительствѣ“, въ которомъ Локкомъ излагается стройное ученіе какъ о порядкѣ происхожденія политической власти, такъ и о предѣлахъ ея вѣдомства. Критика взглядовъ Фильмера представляетъ мало оригинальнаго сравнительно съ той, какая нѣсколько раньше Локка была представлена Сиднеемъ. Резюмируя въ немногихъ положеніяхъ тѣ мысли, развитіе которыхъ доставило содержаніе для его перваго мемуара о правительствѣ, Локкъ въ началѣ второго мемуара говоритъ: „Адамъ ни по естественному праву, какое отецъ имѣетъ надъ дѣтьми, ни въ силу особаго надѣленія его отъ Бога не имѣлъ той власти надъ міромъ, какую приписываетъ ему Фильмеръ; во-вторыхъ, если бы даже Адамъ и имѣлъ ее, то отсюда не слѣдуетъ еще, что и его наслѣдники сохранили тѣ же права въ своихъ рукахъ; въ-третьихъ, если даже признать, что наслѣдники Адама имѣютъ такую власть, то въ виду отсутствія всякаго естественнаго или положительнаго закона, регулирующаго порядокъ наслѣдованія отъ Адама, мы не имѣемъ возможности сказать, къ кому по праву перешли его права, наконецъ если бы даже существовалъ такой законъ, то въ виду отдаленности

отъ насъ времени кончины Адама мы не имѣемъ возможности сказать, какая изъ человѣческихъ династій можетъ быть признана непосредственно исходящей отъ него, доказательствомъ чему служитъ то обстоятельство, что между правящими домами никогда не возникаетъ пререканій о томъ, какой изъ нихъ ближе стоитъ къ Адаму, а потому и имѣетъ большія права на политическое господство". Изъ этого отрывка немудрено заключить, что оригинальнаго въ этой критикѣ ученія Фильмера нѣтъ рѣшительно ничего. Локкъ воспроизводитъ цѣликомъ тѣ самыя мысли, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ до него обстоятельно были развиты Сиднеемъ. Подобно Сиднею, онъ отправляется въ своемъ разборѣ ученій Фильмера отъ проведенія строгаго различія между отдѣльными видами власти, власти отца надъ дѣтьми, господъ надъ слугами и государя надъ поданными. „Политической властью,—говоритъ онъ,— я признаю ту, которая даетъ право ея носителю издавать законы для охраны собственности,—законы, снабженные уголовными санкціями. Эта власть необходимо связана въ лицѣ ея носителя съ правомъ принимать мѣры къ приведенію ихъ въ исполненіе. Лицу, облеченному политической властью, принадлежитъ охрана государства отъ внѣшнихъ враговъ". Ни одного изъ этихъ трехъ правъ Локкъ не видитъ у Адама. „Никто не можетъ передать больше правъ, чѣмъ самъ имѣетъ, — Адамъ не могъ поэтому надѣлить политической властью своихъ преемниковъ, такъ какъ самъ не обладалъ ею".

Отъ критики Фильмерова ученія перехожу къ изложенію оригинальной стороны политическихъ воззрѣній Локка. Съ самаго начала я позволю себѣ замѣтить, что полная самобытность Локка кажется мнѣ болѣе, чѣмъ сомнительной. Хотя не кто иной, какъ Льюисъ, и высказываетъ мысль, что Локкъ незнакомъ былъ съ Гоббсомъ и цѣлымъ рядомъ политическихъ писателей, посвятившихъ себя критикѣ его ученія, тѣмъ не менѣе даже бѣглаго чтенія обоихъ трактатовъ

о правительствѣ достаточно для того, чтобы прійти къ обратному заключенію. Правда, Локкъ нигдѣ не упоминаетъ ни о Гоббсѣ ни о Кумберландѣ и въ то же время неоднократно ссылается на Гукера, чѣмъ и подаетъ поводъ думать, что первые два были ему неизвѣстны. Но что же, спрашивается, значитъ послѣ этого длинное разсужденіе, направленное имъ къ тому, чтобы опровергнуть, какъ онъ выражается, мнѣніе тѣхъ писателей, которые полагаютъ, что естественное состояніе и состояніе войны тождественны между собою; что значатъ ссылки на философовъ, утверждающихъ, что въ естественномъ состояніи извѣстенъ былъ уже естественный законъ? Не доказываетъ ли все это, что Локкъ зналъ и другихъ современныхъ ему политиковъ, въ частности Кумберланда. Самая точка отправленія у него та же, что у послѣдняго: она состоитъ въ признаніи, что и въ естественномъ состояніи человѣкъ, повинуясь волѣ разума, не дѣйствуетъ подъ вліяніемъ однихъ инстинктовъ, какъ думалъ Гоббсъ, а подчиняется велѣніямъ естественнаго закона, какъ и утверждалъ это Кумберландъ. Подобно послѣднему, Локкъ признаетъ существованіе цѣлаго ряда правъ, въ томъ числѣ права собственности, задолго до основанія государства. Само государство, установленное путемъ общественнаго договора, не имѣетъ въ его глазахъ другой цѣли, кромѣ защиты этихъ естественныхъ правъ. Итакъ, если и можно говорить объ оригинальности Локка, то лишь въ смыслѣ самостоятельнаго развитія имъ тѣхъ основныхъ положеній, какія за нѣсколько десятковъ лѣтъ до него были установлены критиками Гоббсова ученія.

Останавливая вниманіе читателя лишь на этой части воззрѣній Локка, я считаю нужнымъ съ нѣкоторой подробностью изложить прежде всего его теорію возникновенія собственности. Я сказалъ уже, что собственность, по ученію Локка, существуетъ задолго до государства, что послѣднее обязано признать ее, гарантировать ея существованіе. Въ этомъ от-

ношеніи Локкъ повторяетъ только то, что было сказано всѣми и каждымъ изъ защитниковъ конституціонныхъ порядковъ въ Англіи, въ частности Кумберландомъ. Но въ чемъ онъ, дѣйствительно, оригиналенъ, это въ объясненіи процесса возникновенія собственности. Онъ первый положилъ въ основу ея то трудовое начало, какое современные изслѣдователи русскаго обычнаго права стремятся открыть въ правовыхъ воззрѣніяхъ русскаго народа. „Хотя,—говоритъ онъ,—земля и различныя породы животныхъ и состояли, по Божьей волѣ, въ общемъ обладаніи всѣхъ людей, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы на первыхъ порахъ не существовало уже права человѣка на собственную личность и на трудъ своихъ рукъ. Все, что человѣкъ своимъ трудомъ выводитъ изъ того состоянія общности, какое установлено было природой, носитъ на себѣ до нѣкоторой степени печать его личности и составляетъ поэтому его собственность". Признавая, что все, чего коснется личный трудъ человѣка, есть его собственность, Локкъ въ то же время дѣлаетъ оговорку, на которую почему-то не обращаютъ вниманія писатели, излагающіе или развивающіе его ученіе, и которая въ моихъ глазахъ въ значительной мѣрѣ должна повліять на характеръ нашей общей оцѣнки.

Присвоеніе предметовъ въ частную собственность возможно лишь тамъ, гдѣ предметовъ равнокачественныхъ съ присвоеннымъ остается достаточное число въ общемъ обладаніи. Современная теорія происхожденія собственности, опирающаяся на историко-сравнительномъ изученіи процесса ея развитія у разныхъ племенъ земного шара, не отрицая вполнѣ ученія Локка, въ то же время видитъ въ трудовомъ началѣ лишь одинъ изъ порядковъ возникновенія собственности. Дѣло въ томъ, что и по теоріи Локка трудъ, какъ основаніе собственности, приложимъ лишь къ предметамъ, находящимся въ изобиліи въ общемъ пользованіи. Я не говорю здѣсь о собственности движимой, къ которой ученіе Локка вполнѣ примѣнимо. Что и въ этомъ

случаѣ приложеніе труда человѣческаго можетъ, какъ полагаетъ онъ, вести къ возникновенію частной собственности, лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы присвоеніе однимъ не сдѣлалось причиной лишеній для другихъ,—въ этомъ убѣждаетъ насъ законодательство почти всѣхъ народовъ въ ранній періодъ ихъ общественнаго развитія. Присвоеніе частнымъ лицомъ впервые обращенной имъ подъ плугъ нови или цѣлины законодательство допускаетъ при молчаливомъ или явномъ санкціонированіи такого занятія, или оккупаціи, племеннымъ или народнымъ старѣйшиной, принимающимъ на себя въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, представительство интересовъ всего племени или народа. Рядомъ съ этимъ видомъ возникновенія собственности, который одинъ отмѣченъ былъ Локкомъ, мы встрѣчаемъ въ законодательствахъ всѣхъ народовъ, перешедшихъ уже къ государственной формѣ общежитія, и другой, совершенно игнорируемый англійскимъ публицистомъ. Я разумѣю частью самопроизвольный, частью искусственный процессъ разложенія мірского владѣнія,—процессъ, далеко еще не завершившійся и продолжающій совершаться и по настоящее время. Локкъ не только не знаетъ этого послѣдняго порядка происхожденія собственности, но и протестуетъ противъ мысли о необходимости согласія общинныхъ владѣльцевъ на индивидуальное присвоеніе. „Мы видимъ,—утверждаетъ онъ совершенно произвольно, — что въ общинныхъ земляхъ, — земляхъ, остающихся въ общемъ обладаніи по договору, присвоеніе того или другого предмета не зависитъ отъ явно выраженнаго согласія совладѣльцевъ. Такъ, трава, которую употребляетъ въ пищу моя лошадь, торфъ, который мой слуга вырѣзалъ изъ земли, и руда, которую я извлекъ изъ нея, становятся моею собственностью, помимо согласія и предоставленія ихъ мнѣ кѣмъ бы то ни было“. Вотъ это-то положеніе, невѣрность котораго ясна для всѣхъ, кто мало-мальски знакомъ съ данными общественной эмбріологіи, и была причиной

рокового заблужденія Локка. Не ограничиваясь его примѣненіемъ къ плодамъ земли, предметамъ, слѣдовательно, движимой собственности, Локкъ и по отношенію къ собственности земельной высказывается въ томъ же смыслѣ. По его мнѣнію, собственность на землю возникла путемъ занятія тѣхъ или другихъ земель подъ обработку частными лицами. „Человѣкъ, подымающій землю плугомъ, налагаетъ на нее тѣмъ самымъ печать своей личности; мало того, онъ дѣлаетъ изъ непроизводительнаго дотолѣ матеріала предметъ производительный; $^{9}/_{10}$ доходовъ съ земли, — утверждаетъ почему-то Локкъ, — являются прямымъ продуктомъ труда. Сказать по отношенію къ „заимщику“, что онъ присвоиваетъ себѣ чужое, нельзя, такъ какъ до его присвоенія земля, будучи общей собственностью, не давала дохода никому“. Одно лишь условіе выставляетъ Локкъ для законности аппропріаціи почвы трудомъ—то, чтобы присвоеннаго оставалось достаточно для удовлетворенія запроса другихъ людей. Это значитъ по отношенію къ землѣ, что занятіе подъ обработку однимъ человѣкомъ того или другого пространства не должно сдѣлаться препятствіемъ одинаковаго присвоенія свободныхъ участковъ другими. Такой результатъ могъ бы имѣть мѣсто, если бы каждый захватывалъ въ свои руки больше того, что ему нужно. Лучшей мѣркой тому, превышаютъ ли, или не превышаютъ присвоенные человѣкомъ предметы его нужду, служитъ, по мнѣнію Локка, то обстоятельство, пропадаютъ ли скопленные имъ предметы отъ порчи, или нѣтъ. Если пропадаютъ, то человѣкъ, значитъ, присвоилъ себѣ больше того, въ чемъ нуждается; въ противномъ случаѣ — нѣтъ.

Ошибочность ученія Локка вытекаетъ изъ одного основного заблужденія, будто земля при принадлежности въ общую собственность, необходимо остается непроизводительной. Сдѣлать производительной почву вѣдь можетъ одинаково какъ коллективный, такъ и индивидуальный трудъ.

Первый, какъ доказываетъ современный бытъ дикихъ и варварскихъ народовъ, находитъ въ средѣ первобытнаго человѣчества болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ послѣдній.

Доказавши, что собственность возникла еще въ эпоху, предшествующую созданію государства, Локкъ, въ отличіе отъ Гоббса, очевидно, не можетъ надѣлить государство правомъ рѣшать, что—мое, а что—твое, и признаетъ за нимъ, наоборотъ, обязанность охранять возникшій до него порядокъ имущественныхъ отношеній. Понятію собственности онъ даетъ такое расширительное толкованіе, что подводитъ подъ него и право на жизнь и свободу, а это позволяетъ ему сказать, что само государство возникаетъ въ интересахъ защиты собственности. Чтобы не быть голословнымъ, приведу слѣдующее мѣсто изъ второй части его трактата „О правительствѣ". Глава IX открывается словами: „если человѣкъ въ естественномъ состояніи вполнѣ свободенъ и владѣетъ безгранично собственной личностью и имуществомъ, если онъ равенъ самому могущественному и не подчиненъ никому, то что можетъ заставить его отказаться отъ своей автономіи и признать чужую власть? На это возможенъ одинъ отвѣтъ, а именно слѣдующій: въ естественномъ состояніи хотя человѣкъ и имѣетъ указанныя права, но пользованіе ими весьма необезпечено и подвергнуто риску ежечаснаго посягательства со стороны. Въ виду общаго равенства всѣ въ правѣ считать себя одинаково „королями". Такъ какъ большинство не особенно озабочено соображеніями справедливости и правды, то понятно, какія препятствія встрѣчаетъ обезпеченное пользованіе каждымъ его собственностью. А это и располагаетъ людей къ тому, чтобы покончить съ существованіемъ, правда свободнымъ, но полнымъ страха и постоянныхъ опасностей. Не безъ основанія поэтому ищутъ люди общенія съ тѣмн, кто или уже образовалъ союзъ, или озабоченъ тѣмъ, чтобы установить его въ интересахъ сохраненія жизни, свободы и имущества. Все это,—прибавляетъ Локкъ,—я и буду обнимать

общимъ терминомъ собственности. Высшая цѣль, преслѣдуемая людьми при установленіи государства и власти, лежитъ въ охранѣ собственности, — охранѣ, которой нѣтъ въ естественномъ состояніи" (часть 1, гл. IX, §§ 123 и 124).

Какимъ же образомъ представляетъ себѣ Локкъ самый процессъ созданія государства? Отправляясь отъ признанія первоначальной свободы и равенства людей, Локкъ—и въ этомъ лежитъ черта сходства его доктрины съ ученіемъ Руссо—не можетъ допустить иного происхожденія политической власти, кромѣ соглашенія, кромѣ договора сойтись и слиться въ одно сообщество, въ интересахъ доставить всѣмъ и каждому удобное, безопасное и мирное житье, обезпеченное пользованіе его собственностью и бóльшую защиту противъ той, какой пользуются лица, стоящія внѣ сообщества (ч. I, гл. VIII, § 95). Тогда какъ Спиноза и, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, Руссо, полагаютъ, что путемъ такого соединенія люди отказываются отъ своихъ правъ въ пользу всей совокупности, Локкъ включаетъ въ общественный договоръ, кладущій основаніе государству, обязательство подчиняться волѣ большинства. Большинство впредь будетъ говорить и дѣйствовать отъ имени всей совокупности. Каждое тѣло двигается въ направленіи большаго давленія; такимъ бóльшимъ давленіемъ въ обществѣ является воля большинства. Она выдается за рѣшеніе всѣхъ. Въ противномъ случаѣ различіе мнѣній и противорѣчія интересовъ сдѣлали бы невозможнымъ, думаетъ Локкъ, всякое соглашеніе и обратили бы, какъ онъ выражается, очевидно, языкомъ Гоббса, могущественнаго Левіаѳана, т.-е., государство, въ существо менѣе долговѣчное, чѣмъ слабѣйшая изъ тварей. Безъ подчиненія воли большинства государство вымерло бы въ самый день его рожденія. Свободное соглашеніе, переносящее власть въ руки большинства, одно въ состояніи было, по мнѣнію Локка, положить начало закономѣрному правительству. Такимъ образомъ англійскій мыслитель путемъ чистой абстракціи доходитъ до утвержде-

нія, что основу государства положилъ договоръ. Онъ придерживается этой точки зрѣнія по тому соображенію, что при свободѣ и равенствѣ людей немыслимо закономѣрное правительство, имѣющее своимъ источникомъ что-либо иное, помимо добровольнаго соглашенія. Этимъ инымъ было бы только насиліе, а насиліе не можетъ создать права. Мы увидимъ впослѣдствіи, что та же точка зрѣнія лежитъ и въ основѣ трактата Руссо объ общественномъ договорѣ, какъ кладущемъ основаніе государству. Оба писателя одинаково ищутъ обоснованія своей мысли не въ историческихъ данныхъ, а въ чистой дедукціи, отправляясь первый отъ гипотетическаго представленія о свободѣ людей отъ всякой зависимости въ естественномъ состояніи,—свободѣ, равной для всѣхъ, а второй — отъ гипотетическаго представленія о психологіи дикаря, одинаково чуждаго идеи подчиненія и идеи присвоенія, а потому способнаго мириться только съ полной автономіей личности и имущественнымъ общеніемъ. Локку, однако, болѣе свойственно искать историческаго подтвержденія построенной имъ гипотезы договорнаго происхожденія общества и власти, чѣмъ Руссо. Онъ указываетъ на примѣры Рима и Венеціи, начало которымъ было положено добровольнымъ соединеніемъ свободныхъ и независимыхъ людей. Онъ не прочь искать доказательства своей мысли и въ отсутствіи у краснокожихъ Флориды, какъ и у первоначальныхъ жителей Перу, королей и республикъ, и объясняетъ сравнительную бѣдность фактовъ о первоначальномъ установленіи государства сошедшимися съ разныхъ сторонъ людьми тѣмъ обстоятельствомъ, что правительства вообще возникаютъ задолго до первыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и что письменность появляется у народа много времени спустя послѣ того, какъ созданіе гражданскаго общества обезпечило безопасность и изобиліе (гл. VIII, §§ 101, 102 и 103). То обстоятельство, продолжаетъ Локкъ, что у большинства націй мы встрѣчаемъ въ отдаленнѣйшія времена единовластіе,

еще не говоритъ противъ гипотезы возникновенія государства путемъ договора: вѣдь создавшіе его могутъ избрать любую форму правленія и установить у себя, напримѣръ, выборную монархію—обстоятельство, которое уже само по себѣ говоритъ противъ мысли, что королевская власть развилась изъ власти отца семьи. Можно сказать, что монархія могла тѣмъ легче сдѣлаться общераспространеннымъ порядкомъ, что люди съ дѣтства привыкли повиноваться родителю. По образцу этого подчиненія они и создали отношенія подданства къ единоличному правителю. Сама по себѣ монархическая форма устройства настолько проста, что люди, не освѣдомленные еще о другихъ образахъ правленія и не испытавшіе неудобствъ, проистекающихъ отъ честолюбія и дерзости власть имѣющаго, охотно готовы были остановить свой выборъ на единоначаліи. Но злоупотребленія королевской прерогативой, захваты власти, сдѣлавшіе ее абсолютной, пріучили ихъ къ мысли о пользѣ ея ограниченія и уравновѣшенія путемъ передачи извѣстныхъ частей этой власти въ другія руки. Говоря это, Локкъ уже высказывается въ пользу того раздѣленія властей, которое Монтескьё ставитъ условіемъ политической свободы. Это раздѣленіе должно преслѣдовать ту же цѣль взаимнаго равновѣсія[1]), о которой думалъ авторъ „Духа законовъ“, что не мѣшаетъ, однако, Локку, въ отличіе отъ Монтескьё, признать первенство за законодательной властью и подчинить ей исполнительную. Въ этомъ отношеніи къ его ученію приближается доктрина Руссо; оба писателя одинаково требуютъ, чтобы верховною властью считалась власть законодательная. Какъ таковая, она не должна выходить изъ рукъ, у Локка—избранныхъ народомъ уполномоченныхъ или представителей, у Руссо — самого народа, лишаемаго имъ права

[1]) Локкъ говоритъ о „balancing the power of government by placing several parts of it in different hands“ (2-й трактатъ, § 107), другими словами—объ ограниченіи власти правительства передачей отдѣльныхъ частей этой власти въ разныя руки.

поручать кому-либо представительство своей воли. Очень характерно для пониманія той доктрины, по которой суверенитетъ, или верховенство, считается принадлежащимъ тому, въ чьихъ рукахъ законодательная власть, слѣдующее мѣсто изъ 11-й книги второго трактата Локка. Такъ какъ,—говоритъ онъ,—люди вступаютъ въ сообщество для мирнаго пользованія своимъ имуществомъ и такъ какъ надежнѣйшимъ средствомъ для этого являются законы, то основнымъ вопросомъ для всякаго государства надо считать созданіе законодательной власти. Послѣдняя, — продолжаетъ онъ, — не только высшая власть въ государствѣ, но она священна и неотъемлемо пребываетъ въ рукахъ тѣхъ, кому она предоставлена государствомъ (§ 134). Въ другомъ параграфѣ той же главы Локкъ утверждаетъ, что съ цѣлью созданія законодательной власти, выражающей свою волю въ формѣ ясно формулированныхъ нормъ, люди и передаютъ обществу принадлежавшую имъ въ естественномъ состояніи власть или, точнѣе, мощь, такъ какъ безъ этого немыслимо было бы сохраненіе внутренняго міра. Это та самая мысль, какую Руссо разовьетъ въ своемъ „Общественномъ договорѣ“, съ тѣмъ, однако, существеннымъ дополненіемъ, что признаетъ возможнымъ отказъ отъ личныхъ правъ исключительно въ пользу всего сообщества, тогда какъ Локкъ допускаетъ передачу ихъ выбраннымъ народомъ уполномоченнымъ. Къ этому различію присоединится и другое, не менѣе серьезное. Тогда какъ Руссо, вслѣдъ за Гоббсомъ и Спинозою, будетъ настаивать на необходимости полной уступки людьми всѣхъ своихъ правъ государству, Локкъ, отправляясь отъ ученія о прирожденныхъ правахъ людей, потребуетъ передачи государству и законодательному органу въ немъ только той суммы правомочій, которая дѣлаетъ для нихъ возможнымъ обезпеченіе подданнымъ жизни, свободы и неприкосновенности имуществъ. Въ его ученіи теорія левеллеровъ, отправлявшихся отъ факта признанія за англичанами съ древнѣйшихъ временъ извѣстныхъ вольностей, оконча-

тельно перeродится въ доктрину прирожденныхъ правъ человѣка, предшествующихъ во времени государству и для него обязательныхъ. Въ этомъ воззрѣніи, общемъ Локку съ Кумберландомъ и раздѣляемомъ большинствомъ послѣдователей школы естественнаго права, надо искать въ равной мѣрѣ зародышъ и той мысли, которая положена въ основу американскихъ биллей о правахъ и самой декларації независимости, и той, какой проникнутъ манифестъ французскихъ законодательныхъ камеръ, объявлявшихъ сплошь и рядомъ въ самомъ текстѣ вырабатываемыхъ ими конституцій о существованіи правъ, предшествующихъ во времени и превосходящихъ достоинствомъ всякого рода положительные законы[1]).

Изъ ученія Локка и всей школы естественнаго права, а не изъ доктрины Руссо, доктрины о цѣлостномъ переносѣ въ руки государства всѣхъ правъ, какими люди владѣли въ естественномъ состояніи, вытекло поэтому воззрѣніе на то, что законодательная власть хотя и верховна, но не можетъ считаться неограниченной, а, наоборотъ, связана обязательствомъ признавать свободу личности и неприкосновенность собственности. Американскіе порядки, понимая подъ ними какъ тѣ, какіе мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ и тѣ, на которыхъ опирается строй федераціи, проникнуты всецѣло подобнымъ воззрѣніемъ, и его же придерживаются всѣ французскія конституціи, за исключеніемъ нынѣ дѣйствующей, такъ какъ въ ней впервые отсутствуетъ особая декларація правъ человѣка и гражданина.

Локкъ старается провесть тотъ взглядъ, что законодательная власть не можетъ выражать своей воли иначе, какъ въ формѣ постоянныхъ и общихъ нормъ, отнюдь не въ формѣ частныхъ постановленій, примѣняемыхъ только къ извѣстнымъ лицамъ (§ 136). И въ этомъ отношеніи Руссо

---

[1]) Декларація правъ 1789 года, вошедшая въ текстъ конституціи 1791 года, говоритъ о „droits de l'homme et du citoyen antérieurs et supérieurs aux lois positives“.

только повторить Локка, высказываясь противъ той практики декретовъ, постановляемыхъ народнымъ собраніемъ, которая, какъ мы видѣли, была въ общемъ ходу въ древнихъ демократіяхъ и прежде всего въ аѳинской.

Англійскій мыслитель обнаруживаетъ настоящій даръ предвидѣнія, когда говоритъ о возможности произвола, или, что то же, деспотіи, не только при единоличномъ правителѣ, стоящемъ выше законовъ, но и при сосредоточеніи верховной власти въ рукахъ законодательной камеры, объявляющей свою волю не въ формѣ общихъ нормъ или законовъ, а въ формѣ указовъ, приложимыхъ къ частнымъ случаямъ. Этотъ даръ предвидѣнія объясняется, однако, весьма просто: Локкъ принимаетъ въ расчетъ сравнительно недавній захватъ власти Долгимъ Парламентомъ, или тѣмъ, что оставалось отъ него къ эпохѣ казни короля Карла I и установленія республики. Прошлое заставило его относиться съ недовѣріемъ къ всемогуществу палатъ и высказать на этотъ счетъ рядъ мыслей, довольно близкихъ къ тѣмъ, какія, на основаніи практики французскаго конвента, повторитъ Бенжаменъ Констанъ въ своемъ „Курсѣ конституціонной политики“ [1]). Такимъ образомъ о Локкѣ можно сказать, что въ его трактатахъ ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка привело, какъ логическое послѣдствіе, къ признанію принципа ограниченности суверенитета, отождествляемаго имъ съ властью законодательной.

Такъ какъ гражданское общество и правительство устанавливаются людьми въ интересахъ общаго блага, то не мудрено, если при опредѣленіи границъ гражданскихъ властей, въ частности власти законодательной, принимается во вниманіе, чтобы эти власти не выходили изъ тѣхъ предѣловъ,

---

[1]) Въ этомъ сочиненіи онъ между прочимъ говоритъ: „Le peuple qui peut tout est aussi dangereux, plus dangereux même qu'un tyran... Aucune autorité sur la terre n'est illimitée, ni celle du peuple, ni celle des homme qui se disent ses représentants, ni celle des rois, à quelque titre qu'ils règnent“ (Collection complète des ouvrages de Benj. Constant, I, ч. I, 1818 г., стр. 187).

при которыхъ онѣ могутъ служить общественному благу. Цѣлью установленія гражданскаго союза, сказали мы, является, по мнѣнію Локка, охрана личности и собственности людей. Этою цѣлью опредѣляются и границы власти, предоставляемой органамъ законодательнымъ, исполнительнымъ и судебнымъ. Они должны имѣть лишь тѣ правомочія, какія дѣлаютъ возможнымъ достиженіе задачъ гражданскаго общества—охрану личности и собственности. Подобно Аристотелю, Локкъ признаетъ три формы государственнаго устройства. Основаніемъ къ различію является въ его глазахъ неодинаковое рѣшеніе въ государствѣ вопроса о томъ, кому принадлежитъ законодательная власть. Если она принадлежитъ совокупности всѣхъ гражданъ, мы имѣемъ дѣло съ демократіей, если нѣкоторымъ избраннымъ лицамъ — съ олигархіей, если одному человѣку — съ монархіей. Подобно Аристотелю же, Локкъ допускаетъ возможность смѣшенія вышеупомянутыхъ формъ и видитъ его въ ограниченной монархіи, или конституціонной. Первымъ и основнымъ закономъ въ каждомъ гражданскомъ обществѣ является актъ, устанавливающій законодательную власть. Законодательная власть — верховная въ государствѣ, изъ чего не слѣдуетъ, однако, чтобы она была неограниченной, другими словами—не связанною обязательствомъ соблюдать естественные законы, охраняющіе личность и собственность гражданъ. Локкъ подтверждаетъ это положеніе слѣдующимъ аргументомъ: „Никто, — говоритъ онъ, — не можетъ передать больше правъ, чѣмъ самъ имѣетъ; законодательная власть государства поэтому не располагаетъ другими правами, какъ тѣ, какія принадлежали людямъ въ естественномъ состояніи; въ послѣднемъ же никто не могъ отнять у другого жизни и собственности. Отсюда прямо слѣдуетъ, что законодательная власть не имѣетъ никакого права посягать на неприкосновенность личности, т.-е., другими словами, лишать гражданъ свободы. Она не въ правѣ также въ формѣ подати отбирать у людей

имущество иначе, какъ съ ихъ согласія. Законодательная власть, давая въ своихъ постановленіяхъ выраженіе требованіямъ естественнаго закона, не можетъ дѣйствовать путемъ примѣняемыхъ лишь къ извѣстному случаю и къ извѣстнымъ лицамъ декретовъ или указовъ, а должна издавать постоянныя, обязательныя для всѣхъ нормы—законы. Наконецъ, будучи установлена волею народной, являясь уполномоченнымъ націи, она не можетъ отказаться отъ предоставленныхъ ею правъ въ чью бы то ни было пользу. Право перенесенія законодательной власти въ другія руки можетъ принадлежать только народу, который, пользуясь имъ, тѣмъ самымъ измѣняетъ форму правленія. Законодательная власть имѣетъ своей задачей рѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ силы государства могутъ быть употреблены на пользу общества и каждаго изъ его членовъ. Законы, которыми рѣшается этотъ вопросъ, могутъ быть создаваемы въ короткое время; поэтому нѣтъ необходимости, чтобы законодательная власть постоянно функціонировала. Иное дѣло—приведеніе законовъ въ исполненіе, предоставляемое особымъ органамъ такъ называемой исполнительной власти. Необходимость постояннаго приведенія законовъ въ дѣйствіе требуетъ постоянства самой власти. Рядомъ съ выполненіемъ законовъ органы исполненія имѣютъ еще ту власть, которую Локкъ называетъ властью союзною и которая обнимаетъ собою право войны и мира и заключенія международныхъ соглашеній съ другими государствами. Невозможность предоставить власть союзную кому бы то ни было, помимо органовъ исполнительной власти, обусловливается опасностью, какую представило бы для спокойствія и единства государства раздѣленіе начальства надъ публичными силами между двумя нерѣдко враждебными другъ другу субъектами.

Переходя къ вопросу о взаимномъ отношеніи властей, Локкъ утверждаетъ, что законодательной *власти* должны быть подчинены всѣ остальныя. При смѣшанныхъ образахъ

правленія глава власти исполнительной лишь въ томъ смыслѣ и потому не подчиненъ органамъ законодательной власти, что самъ участвуетъ въ ней, благодаря праву принятія или отклоненія законовъ — прямой намекъ на англійскіе порядки, признающіе за королемъ право абсолютнаго veto по отношенію къ издаваемымъ парламентомъ статутамъ. Если органу исполнительной власти въ монархіяхъ конституціонныхъ и приносится присяга въ вѣрности, то это не означаетъ того, что исполнительная власть стоитъ въ нихъ выше законодательной. Принося присягу, граждане государства обязуются повиноваться правителю лишь до тѣхъ поръ, пока его предписанія будутъ согласны съ законами. Видимымъ признакомъ подчиненія исполнительной власти законодательной является право органовъ послѣдней смѣнять первыхъ, въ случаѣ противорѣчія ихъ поведенія съ законами. Говоря это, Локкъ даетъ, очевидно, санкцію дѣйствіямъ парламента, объявившаго Іакова II оставившимъ престолъ Англіи и призвавшаго на него Вильгельма Оранскаго. Органы законодательной власти, какъ уже сказано, по характеру своихъ функцій не призваны быть всегда налицо. Исполнительная власть имѣетъ право созывать и распускать ихъ или въ опредѣленные законодательной властью сроки, или по собственному усмотрѣнію. Локкъ признаетъ за органами исполнительной власти право распущенія парламента каждый разъ, когда является необходимость измѣнить въ интересахъ справедливости и общественной пользы порядокъ самаго составленія парламента, отнять, напримѣръ, у захудалыхъ городовъ, такъ называемыхъ „гнилыхъ мѣстечекъ", право голоса на выборахъ и передать его вновь возникшимъ, цвѣтущимъ и потому многолюднымъ центрамъ. Это право распущенія парламента принадлежитъ органамъ исполненія лишь подъ условіемъ немедленнаго созыва новаго парламента. Если глава исполнительной власти, король, не собираетъ парламента въ опредѣленные закономъ сроки или когда требуетъ того необхо-

димость, онъ вступаетъ въ открытую вражду съ народомъ, который въ такомъ случаѣ имѣетъ право не только созвать прежній парламентъ, но и потребовать возвращенія въ свои руки власти, предоставленной органомъ исполненія.

Принимая во вниманіе, какія широкія права Локкъ предоставляетъ законодательной власти по отношенію къ исполнительной, невольно поражаешься, читая у него, что право измѣнять составъ собранія путемъ реформъ въ избирательныхъ законахъ должно принадлежать главѣ власти исполнительной. Нечего и говорить, что исторія какъ англійскаго, такъ и континентальныхъ законодательствъ не представляетъ ничего подобнаго, что и доселѣ измѣненія въ избирательной системѣ могутъ быть производимы лишь путемъ изданія новыхъ законовъ, отнюдь не путемъ административныхъ распоряженій. Если Локкъ надѣляетъ главу исполнительной власти этимъ чрезмѣрнымъ и невозможнымъ правомъ, то онъ дѣлаетъ это, лишь жертвуя интересами доктрины практическимъ требованіямъ; имѣя передъ глазами такой порядокъ вещей, при которомъ какое-нибудь „гнилое мѣстечко", имѣющее, по его собственнымъ выраженіямъ, всего одного жителя—пастуха, было представлено въ парламентѣ наравнѣ съ большимъ манафактурнымъ и торговымъ центромъ, и не разсчитывая на измѣненіе этого порядка аристократическимъ по своему составу парламентомъ, Локкъ не видѣлъ другого исхода, кромѣ предоставленія права проведенія избирательной реформы главѣ исполнительной власти — королю. Въ оправданіе своего добровольнаго отступленія отъ имъ же самимъ выставленнаго начала подчиненія исполнительной власти законодательной Локкъ не приводитъ никакого другого соображенія, кромѣ крайне опаснаго по своей неопредѣленности принципа: „спасеніе народа—высшій законъ" (salus populi suprema lex).

Подобно Фортескью, автору трактата „Похвала англійскимъ законамъ",—трактата, написаннаго во второй половинѣ

XV столѣтія, Локкъ полагаетъ, что благо общества требуетъ предоставленія главѣ исполнительной власти дискреціонныхъ правъ. Основаніемъ къ этому онъ признаетъ неспособность законодателя предвидѣть всѣ встрѣчающіеся въ жизни случаи. Для примѣра онъ приводитъ слѣдующее: законъ, очевидно, не можетъ дозволить разрушенія чужого дома, но возможно наступленіе обстоятельствъ, при которыхъ такой образъ дѣйствій рѣшительно необходимъ, — такъ, при пожарѣ сосѣдняго дома, чтобы не дать огню распространиться. Буквальное примѣненіе закона, запрещающаго низверженіе чужого жилища, было бы, очевидно, несправедливостью въ этомъ случаѣ. Отсюда—необходимость дать главѣ исполнительной власти право отступать отъ закона и даже не примѣнять его вовсе.

Дискреціонная власть главы исполнительной власти необходима еще въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ законы оказываются недостаточными. „Каждый разъ, когда то или другое порождаемое жизнью явленіе не подходитъ подъ нормы дѣйствующаго права, король имѣетъ, — говоритъ Локкъ, — право принять временныя мѣры для его регулированія, тѣмъ болѣе, что органъ законодательной власти — парламентъ — не всегда бываетъ въ сборѣ. Если бы послѣдній былъ даже созванъ, то, въ виду медлительности его дѣйствій, Локкъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить королю принятіе быстрыхъ мѣръ, подъ условіемъ утвержденія ихъ впослѣдствіи законодательнымъ собраніемъ страны. Эта дискреціонная власть короля извѣстна въ Англіи подъ названіемъ королевской прерогативы. Для рѣшенія вопроса о томъ, имѣетъ ли, или не имѣетъ ея король въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, нужно принять во вниманіе, способна ли дискреціонная власть короля послужить на пользу обществу, или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ должна быть признана за королемъ эта дискреціонная власть; во второмъ случаѣ король

этой дискреціонной власти имѣть не долженъ. Неопредѣленность королевской прерогативы встрѣчается лишь въ эпоху младенчества народа, до тѣхъ поръ, пока королевская власть имѣетъ своимъ субъектомъ то же лицо, что и власть отеческая. Короли рано или поздно стали злоупотреблять своей прерогативой, и народы сочли себя призванными опредѣлить точное ея содержаніе и границы. Поступая такимъ образомъ, народъ вовсе не приписываетъ себѣ непринадлежавшей ему дотолѣ власти. Королевская прерогатива, какъ мы сказали, должна найти примѣненіе себѣ каждый разъ, когда того требуетъ общественная польза; когда же обращеніе къ ней можетъ имѣть обратное послѣдствіе, король долженъ воздержаться отъ пользованія ею. Спрашивается еще: кому быть судьей по вопросу о томъ, служитъ ли въ томъ или другомъ случаѣ примѣненіе королевской прерогативы на пользу общества, или нѣтъ? Очевидно, что такимъ судьей нельзя признать народъ, такъ какъ король не знаетъ надъ собою старшаго, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы подданые тѣмъ самымъ лишены были всякой возможности сопротивленія произволу; у нихъ всегда остается крайнее средство — „воззвать къ небу, сдѣлать Самого Бога судьею въ открывшемся препирательствѣ“. Этими весьма неопредѣленными выраженіями Локкъ хочетъ сказать, что у народа всегда остается одно средство противъ злоупотребляющаго своею властью правительства—возстаніе, къ которому англійскій народъ и обратился въ 1688 году, въ эпоху второй англійской революціи, вынужденный къ тому деспотизмомъ Стюартовъ. Это право сопротивленія правителю, присваивающему себѣ непринадлежащую ему власть и называемому Локкомъ тираномъ, не имѣетъ другого основанія, кромѣ слѣдующаго: тиранъ пользуется тѣмъ, что не принадлежитъ ему по праву, а, слѣдовательно, ему должно противиться, точь въ точь какъ мы сопротивляемся всякому лицу, захватившему чужое. „Никто не станетъ сомнѣваться,—говоритъ Локкъ, высказывая

тѣмъ самымъ начала, установившіяся съ среднихъ вѣковъ и лишній разъ подтвержденныя актомъ Habeas Corpus,—что граждане имѣютъ право сопротивляться незаконнымъ приказаніямъ чиновниковъ. Если,—говоритъ Локкъ,—чиновникъ, получившій приказъ схватить меня на улицѣ, дерзнетъ войти въ мой домъ силою и вломится въ мою дверь, я имѣю право противиться ему, какъ вору. То же право сопротивленія существуетъ, и по отношенію къ верховному главѣ государства. Благоразумно ли,—спрашиваетъ Локкъ,—утверждать, что старшій въ семействѣ по той простой причинѣ, что онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ большую часть отцовскаго наслѣдства, по тому самому въ правѣ отнять у младшихъ братьевъ ихъ долю или что богатый потому лишь, что онъ богатъ, въ правѣ, когда ему вздумается, завладѣть хижиной или садомъ своего сосѣда? Очевидно, нѣтъ; нарушеніе чужого права, дѣлаемое могущественными и богатыми, является въ нашихъ глазахъ тѣмъ большимъ преступленіемъ, что оно причинено людьми, находящимися въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ". По аналогіи съ правомъ личнаго противодѣйствія чиновничьему произволу Локкъ заключаетъ, что граждане имѣютъ право сопротивляться и верховному правителю государства, когда его приказанія несправедливы, противозаконны и связаны съ обращеніемъ къ грубой силѣ. Такой индивидуальный отпоръ насилію не опасенъ для самаго существованія государства, такъ какъ во многихъ странахъ, въ томъ числѣ въ Англіи, король безотвѣтственъ, и послѣдствія его акта несутъ одни министры. Тѣмъ не менѣе до тѣхъ поръ, пока достаточно обращенія къ законамъ, чтобы положить конецъ нарушенію индивидуальнаго права произвольными распоряженіями верховнаго правителя, частное лицо не должно прибѣгать къ силѣ, но дѣло измѣняется, когда, помимо такого средства, невозможна дальнѣйшая охрана права. Личное сопротивленіе замѣняется сопротивленіемъ всего народа, другими словами — возстаніемъ, каждый разъ, когда несправедливое распоря-

женіе верховнаго правителя грозитъ интересамъ большинства гражданъ государства или существеннѣйшимъ интересамъ хотя бы небольшого числа людей, какъ-то: ихъ жизни, имуществу, свободѣ личной и свободѣ совѣсти. Таковы тѣ случаи, въ которыхъ, по ученію Локка, допускается открытое сопротивленіе всего народа правительству.

ГЛАВА II.

Теорія ограниченной и представительной монархіи, построенной на раздѣленіи властей.

Въ сочиненіи, задача котораго—прослѣдить ходъ развитія ученія о народоправствѣ, Франція XVII вѣка, съ ея непрекращавшимся съ эпохи Людовика XI ростомъ монархическаго единодержавія, могла бы, разумѣется, быть обойдена молчаніемъ. Не мѣсто говорить здѣсь о доктринахъ, доводившихъ теорію пассивнаго повиновенія до совѣта помогать правительству въ разысканіи его тайныхъ враговъ. Современники Людовика XIII, какъ показываетъ между прочимъ Авенель, устами Бальзака и другихъ сторонниковъ абсолютизма высказываютъ ту увѣренность, что добрый подданый раскроетъ передъ начальствомъ злыя помышленія его враговъ, дабы правительство своевременно принятыми мѣрами дало будущимъ мятежникамъ возможность „успокоиться въ тюрьмѣ“. Объ этихъ крайнихъ ревнителяхъ порядка, понимаемаго въ смыслѣ безправія, даже въ области мысли и слова, я упоминаю только съ цѣлью показать, что теорія неограниченной монархіи была ходячей во Франціи въ то время, когда Боссюэтъ далъ ей класическое выраженіе въ своей „Политикѣ, основанной на подлинныхъ словахъ священнаго писанія“ [1]). Не новизна мыслей отличаетъ собою этотъ столь распространенный въ свое время трактатъ: большин-

---

[1]) „Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture sainte“.

ство ихъ встрѣчается ранѣе, въ сочиненіяхъ схоластиковъ, аргументація которыхъ во времена Боссюэта была нѣсколько модернизирована французскимъ писателемъ Сомёзъ, или Сальмазіемъ, въ его нападкахъ на англійскую республику,— нападкахъ, вызвавшихъ извѣстный отвѣтъ Мильтона [1]). Боссюэтъ знакомъ, впрочемъ, со всей современной ему политической литературой; въ отдѣльныхъ положеніяхъ, имъ высказываемыхъ, такъ же легко найти слѣды его разномыслія съ Гуго де-Гротомъ, какъ и заимствованіе имъ нѣкоторыхъ взглядовъ Гоббса. Подобно послѣднему, и онъ допускаетъ существованіе до-государственное; для него, какъ для Гоббса, естественное состояніе людей—сплошная анархія, не допускающая различія между *моимъ* и *твоимъ* и дающая полный просторъ непримиримымъ притязаніямъ всѣхъ и каждаго. Личность не пользуется въ немъ никакой охраной и подвергается постояннымъ оскорбленіямъ. О правѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи: естественное состояніе — состояніе всеобщаго безправія. Не одинъ страхъ, но и сознаніе собственной выгоды заставляетъ поэтому людей искать выхода изъ естественнаго состоянія. Это говорилъ еще Гоббсъ и это же допускаетъ и Боссюэтъ. Но къ этимъ соображеніямъ онъ присоединяетъ еще собственныя: онъ думаетъ, что людей побуждаютъ къ разрыву съ общей анархіей, представляемой естественнымъ состояніемъ, братскія чувства, питаемыя ими къ себѣ подобнымъ. Эти чувства, очевидно, играютъ въ теоріи Боссюэта ту же роль, какая въ сочиненіи Гуго де-Грота приходится на долю влеченія или, точнѣе, вкуса къ общежитію (appetitus societatis),— утвержденіе, въ свою очередь во многомъ напоминающее знаменитое заявленіе Аристотеля, что человѣкъ — животное общежительное или, какъ онъ говорилъ, политическое. Со всѣми этими взглядами въ XVIII вѣкѣ придется считаться

[1]) „Defensio pro populo anglicano".

Руссо. Если систематизаторъ ученія о народоправствѣ отводитъ преувеличенное въ нашихъ глазахъ мѣсто разсужденіямъ о психологіи людей въ до-государственномъ состояніи, то платя дань тому интересу, какой его современники или недавніе предшественники питали къ этимъ вопросамъ. Въ настоящее время они разрѣшаются справками съ этнографіей и фольклоромъ, отчасти также съ древнимъ правомъ, но не такъ было въ XVII и XVIII вѣкахъ, когда вся до-исторія была еще полнымъ достояніемъ метафизики, и такъ называемыя нравственная и политическая философіи призывались къ посильному рѣшенію проблемъ, составляющихъ въ наше время задачу столько же психофизики, сколько и генетической соціологіи.

Чтобы установить между собою согласіе и дружбу, люди, по словамъ Боссюэта, обращаются къ созданію государства и власти. Какъ состояніе естественное можетъ быть названо состояніемъ всеобщаго безправія, такъ состояніе государственное есть состояніе правовое. Правительство, учитъ Боссюэтъ, очевидно, не расходясь въ этомъ съ Гоббсомъ, создало частную собственность. Всякое право не имѣетъ другого источника, кромѣ общественной власти. Уничтожьте правительство — земля и ея продукты станутъ принадлежать людямъ въ общее обладаніе, точь въ точь какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ по отношенію къ воздуху и свѣту. Согласно законамъ природы, дѣйствующимъ въ естественномъ состояніи, никто не имѣетъ права ни на что; все составляетъ достояніе всѣхъ. До сихъ поръ мы видимъ въ Боссюэтѣ не болѣе, какъ послѣдователя Гоббсова ученія,—послѣдователя, не всегда вѣрно толкующаго мысль своего учителя и стремящагося примирить его воззрѣнія насчетъ причинъ, порождающихъ общежитіе между людьми, съ воззрѣніями его противниковъ. Эта послѣдняя черта Боссюэта наглядно выступаетъ въ его ученіи о происхожденіи власти. Онъ внезапно оставляетъ своего учителя (Гоббса) и переходитъ на сторону схоластиковъ. Политиче-

ская власть, училъ Гоббсъ, обязана своимъ происхожденіемъ договору народа съ правительствомъ. Въ силу его одинъ изъ контрагентовъ переноситъ принадлежавшія ему дотолѣ права всецѣло на другого. Боссюэтъ отступаетъ передъ мыслью о народѣ, какъ объ источникѣ политической власти. Нѣтъ власти, учитъ онъ, которая не была бы отъ Бога; никто другой, какъ Богъ, надѣляетъ правительство полномочіемъ стоять во главѣ народа. Этотъ явный разрывъ съ ученіемъ Гоббса о возникновеніи государства Боссюэтъ пытается прикрыть слѣдующей аргументаціей. Состояніе естественное, говоритъ онъ, есть состояніе полнаго безправія. Не имѣя никакихъ правъ, люди не могутъ надѣлить правительство тѣмъ, чего сами не имѣютъ. Остается поэтому допустить, что власть въ государствѣ имѣетъ иной источникъ, а именно — Бога. Теорію Божественнаго происхожденія власти Боссюэтъ основываетъ на томъ положеніи, что Богъ былъ нѣкогда единственнымъ царемъ всѣхъ людей. Всѣ человѣческія власти проистекаютъ отъ Бога—Царя царей. Любя порядокъ, Богъ охотно сообщаетъ властямъ авторитетъ, нужный для сохраненія мира и союза между людьми. Если такимъ образомъ всѣ власти происходятъ отъ Бога, то всѣ онѣ одинаково законны; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы Боссюэтъ относился безразлично ко всякаго рода властямъ и правительствамъ. Выше всѣхъ другихъ образовъ правленія онъ, повторяя въ этомъ отношеніи то, что сказано было ранѣе его схоластиками, ставилъ монархію. Она лучшій изъ всѣхъ порядокъ, такъ какъ отличается наибольшей прочностью, силою и единствомъ. Она всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ воинственнаго народа и рано или поздно необходимо возникаетъ въ его средѣ. Слѣдуя Фильмеру, Боссюэтъ утверждаетъ, что монархія имѣетъ своимъ прототипомъ семью, а монархъ—преемникъ отца семейства. Всѣ люди, въ силу рожденія, съ самаго момента своего появленія на свѣтъ, становятся подданными родителя. Отеческая власть пріучаетъ ихъ къ подчиненію

единому главѣ. Монархъ отличается тѣмъ же величіемъ и могуществомъ въ своемъ царствѣ, какимъ Богъ — на протяженіи вселенной. Подобно тому, какъ Богъ доставляетъ все для вселенной, такъ точно и монархъ—для государства; все восходитъ къ нему и истекаетъ отъ него одного. Какъ образъ Божій на землѣ, царь заслуживаетъ отъ Боссюэта титулъ земного бога. „Вы — боги земные“, говоритъ онъ въ обращеніи къ королямъ, и Всевышній послалъ Васъ на землю для блага человѣческаго рода.

Величіе, какимъ Боссюэтъ надѣляетъ монарха, не допускаетъ и мысли объ ограниченіи его власти. И дѣйствительно, по его ученію, монархъ абсолютенъ. Онъ не даетъ никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, на него некому подать жалобы; онъ — выше законовъ. Совѣсть заставляетъ его, правда, повиноваться имъ, но нѣтъ силы, которая могла бы принудить его къ этому. Итакъ, законы если и соблюдаются королемъ, тѣмъ не менѣе не имѣютъ для него принудительнаго характера (puissance coactive), а лишь силу руководительства (puissance directive). Единственной санкціей законовъ для монарха надо считать сознаніе, что ихъ нарушеніе можетъ сдѣлаться причиной народныхъ бѣдствій и потому опасно и для его личнаго благополучія. Неудивительно послѣ сказаннаго, если Боссюэтъ отрицаетъ за подданными право низверженія правительства и даже право неповиновенія ему; послѣднее, впрочемъ, лишь съ слѣдующей оговоркой: „Каждый разъ, когда приказаніе правителя связано съ нарушеніемъ воли Божьей, людямъ приличествуетъ скорѣе повиноваться Богу, нежели монарху“. Это ограниченіе то самое, какое признавали и всѣ политическіе писатели-схоластики, начиная отъ Іоанна Салисберійскаго, автора „Поликратика“. Все ученіе Боссюэта о монархѣ проникнуто насквозь тѣми же воззрѣніями, какія мы встрѣчаемъ если не у позднѣйшихъ схоластиковъ, какъ Ѳома Аквинатъ, сторонникъ смѣшаннаго устройства, то у раннихъ, идеи которыхъ воспроизведены были вновь

противникомъ Мильтона—Салмазіемъ. Признавая за монархомъ абсолютную власть, Боссюэтъ въ то же время старается провести различіе между нею и деспотизмомъ. „Въ каждомъ монархическомъ государствѣ, — говоритъ онъ, — имѣются основные законы, которымъ самъ король обязанъ повиноваться, подъ страхомъ вызвать паденіе государства“. Это обязательство, однако, чисто нравственное и не предполагаетъ возможности принужденія. Поэтому хотя Боссюэтъ и утверждаетъ, что при абсолютныхъ даже правительствахъ личность должна пользоваться свободой и собственность неприкосновенна, тѣмъ не менѣе изъ этого не слѣдуетъ, что нарушеніе властью того или другого правила дѣлаетъ возможнымъ сопротивленіе для подданныхъ. Признаки, по которымъ Боссюэтъ отличаетъ деспотическое государство отъ государства абсолютнаго, слѣдующіе: подданные перваго — рабы и ничѣмъ не владѣютъ въ собственность; монархъ по произволу располагаетъ ихъ имуществомъ и жизнью и не знаетъ другого закона, кромѣ собственной воли. Единственной удержью, мѣшающей абсолютному правителю выродиться въ деспота, по ученію Боссюэта, является страхъ Божій, религія и предписываемое ею милосердіе къ ближнимъ [1]).

Ошибочно было бы полагать, что теорія абсолютной монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была высказана Боссюэтомъ, совершенно вытѣснила собою во Франціи XVII вѣка память о той ограниченной сословіями королевской власти, какую Готоманъ и до нѣкоторой степени Боденъ выставляли въ XVI вѣкѣ идеаломъ политическаго устройства. Слабые отголоски тѣхъ воззрѣній, какія проводимы были въ XVI вѣкѣ протестантскими публицистами, встрѣчаются и въ періодъ правленія обоихъ Людовиковъ (XIII и XIV). Въ своихъ мемуарахъ кардиналъ Ретцъ

[1]) Тѣ же мысли мы найдемъ у Монтескьё въ той короткой главѣ, какую „Духъ законовъ“ отводитъ деспотизму.

является рѣшительнымъ защитникомъ того порядка вещей, при которомъ законы вотируются и налоги взимаются не иначе, какъ съ согласія народныхъ представителей. Внесеніе королевскихъ эдиктовъ въ протоколы судебныхъ палатъ и право предварительнаго протеста противъ произвольныхъ нормъ, въ нихъ заключающихся, являются, по его словамъ, наполовину изгладившимися образами „той мудрой середины, какую,—говоритъ Ретцъ,—наши предки нашли между произволомъ королей и разгуломъ народовъ“. Эта разумная середина признаваема была лучшими и мудрѣйшими монархами „приправою ихъ власти“ (commen assaisonement de leur pouvoir, приправою, весьма важной для интересовъ подданныхъ. Этотъ порядокъ вещей измѣненъ былъ Ришелье, который, по словамъ Ретца, установилъ самую опасную тиранію взамѣнъ законнѣйшей монархіи. Привычка—причина того, что мы безразлично относимся къ этой перемѣнѣ, подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ, въ силу той же привычки, небрежно относятся къ огню. А между тѣмъ тираніи наши предки боялись болѣе, чѣмъ самаго огня. Съ мыслями, какія въ эпоху фронды высказываемы были Ретцомъ, мы встрѣчаемся снова во второй половинѣ царствованія Людовика XIV. Фенелонъ, какъ видно изъ передачи его ученія шотландцемъ Рамзе, встрѣчавшимся съ нимъ неоднократно въ собраніяхъ Антресоля, положительно высказывается въ пользу такого порядка вещей, при которомъ король, окруженный совѣтомъ, поставленъ былъ бы въ невозможность выродиться въ тирана. Въ совѣтѣ должны засѣдать аристократы. Послѣдніе ничего не могутъ сдѣлать, однако, безъ короля; наоборотъ, король можетъ дѣлать безъ нихъ все, что ему вздумается, за исключеніемъ одного: составленія законовъ. Что касается до народа, то послѣдній, не имѣя участія въ законодательной власти, въ то же время призванъ изъявлять свое согласіе или несогласіе на дарованіе правительству тѣхъ или другихъ чрезвычайныхъ сборовъ. „Я не говорю,—

замѣчаетъ Фенелонъ, въ томъ изложеніи, какое Рамзе даетъ его ученію,—я не говорю о ежегодныхъ и разъ навсегда опредѣленныхъ налогахъ, необходимыхъ для поддержанія государства и монархіи. Эти сборы являются неотъемлемой прерогативой короны. Короли во всякое время имѣютъ право требовать ихъ платежа съ народа. Я говорю лишь о субсидіяхъ чрезвычайныхъ, новыхъ или временныхъ“. Что интерпретація, даваемая политическимъ идеаламъ Фенелона шотландцемъ Рамзе, вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что мысли, тождественныя съ приведенными, мы находимъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ Фенелона. „Вы знаете,— говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ („Разсмотрѣніе обязанностей монарха“), — что въ прежнее время король ничего не бралъ съ народа по собственной волѣ“. Парламентъ, подъ которымъ Фенелонъ разумѣетъ Генеральные Штаты, другими словами—собраніе сословій націи, ассигновывалъ правительству необходимыя для него средства; сверхъ того, правительство жило доходомъ съ доменовъ. „Кто или что измѣнило этотъ порядокъ вещей?“ спрашиваетъ себя Фенелонъ и отвѣчаетъ: „Не что иное, какъ абсолютная власть, какую присвоили себѣ короли“. Лучшимъ подтвержденіемъ той мысли, что Фенелонъ былъ ревностнымъ приверженцемъ основъ средневѣковой сословной монархіи служитъ составленный имъ вмѣстѣ съ герцогомъ Шеврезомъ проектъ будущаго устройства королевства,—проектъ, долженствовавшій поступить на обсужденіе герцога Бургундскаго. Въ этомъ проектѣ говорится о возстановленіи Генеральныхъ Штатовъ; они составлены будутъ изъ епископовъ всѣхъ діоцезовъ, по одному отъ каждаго, изъ членовъ высшаго дворянства, по одному отъ діоцеза, по выбору дворянъ, и изъ депутатовъ отъ средняго сословія, по выбору послѣдняго. Свобода избранія, отсутствіе офиціальныхъ кандидатуръ и начала пожизненности депутатовъ, при допущеніи свободы вторичнаго ихъ выбора, одинаково упомя-

нуты въ проектѣ. Изъ сказаннаго видно, что, несмотря на господство абсолютизма въ жизни, идеи сословной монархіи продолжали находить выраженіе себѣ въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ публицистовъ въ теченіе всего XVII вѣка. Того же нельзя сказать о первой половинѣ XVIII; одного бѣглаго знакомства съ такими сочиненіями, какъ политическіе памфлеты Бернардина де-Сентъ-Пьеръ или „Разсужденія насчетъ характера французскаго образа правленія" маркиза д'Аржансона, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало сознаваемы были во Франціи того времени дѣйствительныя основы всякаго свободнаго правленія. Такъ, аббатъ Сентъ-Пьеръ искалъ ихъ въ полисинодіи, или множественности совѣтовъ, т.-е. въ сущности рекомендовалъ коллегіальную систему, дорогую Лейбницу и имъ внушенную императору Петру, а д'Аржансонъ ограничивался однимъ протестомъ противъ централизаціи и требовалъ общинной свободы. Природа конституціоннаго образа правленія, находившаго себѣ практическое примѣненіе въ Англіи, была такъ плохо сознаваема большинствомъ континентальныхъ публицистовъ, что не кто иной, какъ Руссо, рѣшался утверждать, будто англійскій народъ пользуется свободой лишь пока длятся сессіи парламента.

Заслугой Монтескьё должно быть признано то, что онъ первый обратилъ вниманіе континента на превосходство англійскихъ учрежденій. Если въ нихъ ему и удалось подчеркнуть лишь одну изъ сторонъ, заслуживающихъ подражанія, скорѣе отрицательное, нежели положительное начало несоединенія всѣхъ властей въ одномъ лицѣ, физическомъ или юридическомъ, то это объясняется только тѣмъ, что въ Англіи онъ болѣе искалъ практическаго осуществленія того порядка вещей, которому положенъ былъ конецъ во Франціи абсолютизмомъ Людовиковъ XIII и XIV, нежели новыхъ неизвѣстныхъ континенту и прежде всего самой Франціи началъ политическаго устройства. Чтобы понять, какія стороны политической жизни его

родины прежде всего вызывали критику автора „Духа законовъ“ и какія средства онъ считалъ необходимыми для того, чтобы не дать французской монархіи выродиться въ деспотію, необходимо обратиться къ начальнымъ его трудамъ и къ первымъ главамъ „Духа законовъ“, написаннымъ еще до поѣздки его въ Англію. Что находимъ мы въ тѣхъ и другихъ? — Говоря о современномъ порядкѣ вещей во Франціи, Узбекъ въ письмѣ къ Реди замѣчаетъ, что въ монархіи Шааба, подъ которымъ разумѣется Людовикъ XIV, парламенты представляютъ подобіе развалинъ. Уваженіе, которымъ окружаютъ ихъ народы, тѣмъ не менѣе даетъ поводъ думать, что это развалины славнаго нѣкогда храма. „Въ настоящее время, — продолжаетъ Узбекъ, — парламенты ограничиваютъ свою дѣятельность однимъ лишь судомъ; ихъ власть постепенно падаетъ и вскорѣ совершенно падетъ, разъ не возникнетъ благопріятныхъ обстоятельствъ къ ея укрѣпленію. Парламенты постигла общая судьба всего человѣческаго: они мало-по-малу потеряли свое значеніе, уступая всеразрушающему вліянію времени, порчѣ нравовъ и усиленію верховной власти, которая ниспровергла все, что лежало ей на пути. „Сожалѣя о томъ, что парламенты потеряли въ его время всякое значеніе, Монтескьё въ то же время высказываетъ надежду, что регентство герцога Орлеанскаго возродитъ вліяніе этихъ живыхъ образовъ политической свободы и сдѣлаетъ изъ нихъ оплотъ для монархіи и опору всякой законной власти. Въ „Разсужденіяхъ о причинахъ величія и паденія Рима“, говоря о характерѣ политическаго устройства въ Англіи, Монтескьё называетъ его самымъ мудрымъ въ мірѣ на томъ основаніи, что въ Англіи дѣйствія правительства постоянно контролируются со стороны особаго государственнаго тѣла (парламента), такъ что ошибки администраціи никогда не могутъ быть продолжительны. Въ самомъ Римѣ Монтескьё, подобно Локку, находитъ то преимущество надъ остальными государствами и

въ частности надъ Франціей, что въ эпоху республики не существовало въ немъ стремленія усиливать власть одного, а, наоборотъ, созданъ былъ цѣлый рядъ магистратуръ, раздѣлявшихъ между собою верховенство, взаимно другъ друга ограничивавшихъ и умѣрявшихъ. Въ первыхъ книгахъ „Духа законовъ“, написанныхъ имъ до поѣздки въ Англію, Монтескьё также настаиваетъ на необходимости существованія въ монархіи особаго учрежденія, которое бы являлось по отношенію къ законамъ какимъ-то хранилищемъ (un dépot de lois). Такимъ хранилищемъ въ глазахъ Монтескьё не можетъ быть государственный совѣтъ, малочисленный и измѣнчивый въ своемъ составѣ, не пользующійся довѣріемъ народа и способный быть источникомъ лишь временныхъ мѣропріятій, отнюдь не основныхъ законовъ королевства. Такимъ „депо законовъ“ могутъ быть лишь тѣ политическія тѣла, которымъ принадлежитъ и право обнародованія новыхъ законовъ, равно и напоминаніе о старыхъ каждый разъ, когда о нихъ забываютъ. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть прямого указанія на парламенты, которымъ принадлежали названныя функціи [1]). Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, каковъ былъ политическій идеалъ Монтескьё задолго до непосредственнаго знакомства его съ англійскими учрежденіями. Это тотъ же идеалъ, что и Фронды,—другими словами, сосредоточеніе политическихъ правъ прежнихъ генеральныхъ штатовъ въ рукахъ парламентовъ, этихъ états au petit pied, какъ называли ихъ въ XVII вѣкѣ. Находишь обыкновенно то, чего ищешь; неудивительно поэтому, если Монтескьё и въ Англіи нашелъ не болѣе, какъ осуществленіе своего французскаго идеала,—другими словами, ограниченіе главы исполнительной власти (короля) особымъ политическимъ тѣломъ, имѣющимъ функціи власти законодательной (парламентомъ). Но это только одна изъ сторонъ той полити-

[2]) См. „Духъ законовъ“, кн. II, гл. 4.

ческой схемы, осуществленіе которой Монтескьё думалъ найти въ современномъ строѣ англійскаго государства и которая въ дѣйствительности присуща была и прошлому французской сословной монархіи. Я разумѣю право органовъ судебной власти кассировать тѣ или другія незаконныя мѣры, принятыя властью исполнительной. Въ старинной французской монархіи, при существованіи рядомъ съ парламентами счетныхъ палатъ, палатъ сборовъ, палатъ водъ и лѣсовъ, палатъ казначейства и т. п., подданные имѣли право обжаловать въ судебномъ порядкѣ всѣ тѣ дѣйствія администраціи, въ которыхъ они усматривали нарушеніе законовъ или превышеніе власти. Этому порядку на практикѣ былъ положенъ конецъ въ теченіе XVII и XVIII вв. по мѣрѣ того, какъ органамъ исполнительной власти — государственному совѣту и интендантамъ въ провинціяхъ — присвоены были права власти судебной, принадлежавшія дотолѣ самостоятельнымъ палатамъ. Будучи самъ членомъ одной изъ такихъ палатъ (парламента въ Бордо), защищая на практикѣ его исконную юрисдикцію отъ захватовъ административныхъ властей (государственнаго совѣта и интендантовъ), Монтескьё необходимо долженъ былъ прійти къ заключенію, что судебный контроль за дѣятельностью администраціи возможенъ лишь подъ условіемъ передачи административнымъ органамъ однѣхъ исполнительныхъ функцій и удержанія за судами всей полноты судебной юрисдикціи. Этотъ идеалъ французскаго прошлаго онъ сталъ искать въ Англіи, въ которой продолжала держаться средневѣковая система судебнаго контроля за дѣйствіями администраціи. Обращеніе такихъ чисто практическихъ правилъ, какъ то, что не слѣдуетъ предоставлять законодательной власти органамъ исполненія, а судебной— ни тѣмъ ни другимъ,—въ абсолютныя и незыблемыя начала всякаго свободнаго устройства, — вотъ къ чему сводится задача и вотъ въ чемъ лежитъ заблужденіе Монтескьё.

Еще Локкъ указалъ на то, что въ Англіи всѣ три вида власти отнюдь не соединяются въ одномъ лицѣ. Законодательная принадлежитъ парламенту, исполнительная—королю и министерству, судебная — особымъ органамъ. Но, указывая на это раздѣленіе властей, Локкъ въ то же время не только не изолируетъ ихъ другъ отъ друга, но еще показываетъ соединеніе въ лицѣ органа исполнительной власти нѣкоторыхъ функцій законодательной, а именно: права давать или не давать согласія на вотированные палатами законы. Мало того, Локкъ надѣляетъ короля правомъ расширительнаго толкованія законовъ каждый разъ, когда они непримѣнимы вполнѣ къ обстоятельствамъ даннаго случая. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только не признаетъ независимости исполнительной власти отъ законодательной, но, наоборотъ, подчиняетъ ее послѣдней. Поступая такимъ образомъ, онъ даетъ не болѣе какъ теоретическое выраженіе тому порядку вещей, который получилъ въ Англіи окончательное завершеніе съ момента созданія назначаемаго изъ членовъ палатъ и отвѣтственнаго передъ ними министерства, или кабинета. При такомъ порядкѣ вещей верховная законодательная власть сосредоточивается одновременно въ рукахъ лордовъ, общинъ и короля, при чемъ послѣдній, помимо абсолютнаго „вето“, имѣетъ еще право расширительнаго толкованія законовъ, въ силу такъ называемой королевской прерогативы. Исполнительная власть вручается королемъ взятымъ изъ среды палатъ членамъ министерства, отвѣтственнымъ не только лично, но и коллективно, за общій характеръ ихъ политики и принуждаемыхъ къ отставкѣ неодобреніемъ послѣдней большинствомъ членовъ палатъ. Исполнительная власть гарантируетъ полную независимость органовъ судебной и въ то же время сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ право ихъ назначенія. Мало того, нѣкоторыя судебныя функціи, въ частности уголовный судъ надъ министрами, принадлежатъ органу законодательной власти, — палатѣ лордовъ. Отмѣтимъ

также, что судъ въ Англіи не ограничивается однимъ примѣненіемъ статутовъ парламента къ данному случаю, но принимаетъ еще во вниманіе результаты судебной практики предшествующихъ поколѣній, такъ называемые прецеденты, которые такимъ образомъ до нѣкоторой степени уравниваются съ законами, наперекоръ абсолютной теоріи раздѣленія властей. Какъ мало этотъ дѣйствительный порядокъ вещей отвѣчаетъ тѣмъ представленіямъ, какія составилъ себѣ о немъ Монтескьё, легко судить изъ прямой справки съ тѣмъ, что говоритъ авторъ „Духа законовъ“ въ 6 гл. XI кн. „Нѣтъ свободы,—пишетъ онъ,—тамъ, гдѣ въ одномъ и томъ же лицѣ, или въ одномъ и томъ же собраніи, законодательная власть соединена съ исполнительной, потому что тогда можно опасаться, что монархъ, или сенатъ, составятъ тираническіе законы для того, чтобы и исполнять ихъ самимъ тиранически. Точно такъ же нѣтъ свободы, если судебная власть не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Разъ она соединится съ первой, власть надъ жизнью и свободой гражданъ становится произвольной, такъ какъ судья вмѣстѣ съ тѣмъ и законодатель; если она связана съ исполнительной, то судьѣ легко будетъ сдѣлаться притѣснителемъ. Все, слѣдовательно, придетъ въ замѣшательство, разъ одинъ ли человѣкъ, или одно собраніе, все равно старѣйшинъ ли, или народа, соединитъ въ себѣ эти три власти“.

На несоотвѣтствіе между основнымъ ученіемъ Монтескьё и англійской практикой указываемо было не разъ людьми не только теоріи, но и практики. Въ самой Франціи въ эпоху первыхъ попытокъ примѣнить на дѣлѣ эту доктрину, Мирабо выступилъ рѣшительнымъ ея противникомъ, а Лалли Толендаль, допуская ее въ принципѣ, въ то же время понималъ раздѣленіе властей скорѣе въ смыслѣ Локка, нежели Монтескьё. „Законодательная власть,—говорилъ онъ,—должна принадлежать одновременно какъ народнымъ представителямъ, такъ и королю. Часть ея,

приходящаяся на долю власти исполнительной, состоитъ въ правѣ принимать или отвергать законы, т. е. въ правѣ только препятствовать злу, такъ какъ законодательный починъ долженъ принадлежать одному собранію". Тиранія, по ученію Лалли Толендаля, можетъ быть въ такой же мѣрѣ послѣдствіемъ безусловнаго раздѣленія властей, какъ и полнаго ихъ единенія, потому что при полномъ обособленіи законодательство незамѣтнымъ образомъ будетъ присваивать себѣ права исполнительной власти. Несмотря на эту критику, начало раздѣленія властей проводится на практикѣ не только въ конституціяхъ нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки, Нью-Гэмпшира, Мена, Родъ-Эйланда, Массачусетса, Виргиніи, Георгіи и другихъ, но и на протяженіи всего континента Европы и, прежде всего, во Франціи, въ которой конституціей 91 года не только отказано было королю въ правѣ абсолютнаго „вето" и дано одно условное, но и запрещено министрамъ принадлежать къ числу членовъ законодательнаго собранія, а судьямъ, выбираемымъ народомъ, вмѣшиваться въ дѣятельность какъ законодательной, такъ и административной власти,—другими словами, постановлять приговоры по жалобамъ на дѣйствія чиновниковъ. Нечего и говорить, что этими мѣрами не только не была устранена возможность соглашенія между королемъ и палатами, но и свобода гражданъ лишилась существенной гарантіи, представляемой судебнымъ контролемъ за дѣйствіями администраціи. Съ одной стороны національное собраніе пріобрѣло возможность парализовать дѣятельность исполнительной власти, проводить тѣ или другіе законы наперекоръ желанію правительства, съ другой — король поставленъ въ возможность дѣлать недѣйствительными тѣ или другія мѣры законодательной власти, удерживая на службѣ враждебное палатамъ министерство, съ третьей—,наконецъ, граждане государства подчинены были вполнѣ произволу администраціи, не сдерживаемой болѣе въ законныхъ границахъ судами. Абсолютное проведеніе начала

раздѣленія властей въ разной мѣрѣ встрѣчается въ позднѣйшихъ конституціонныхъ проектахъ не одной только Франціи, но и большинства другихъ государствъ Европы, установившихъ у себя конституціонный порядокъ по образцу французскаго. Если не на практикѣ, то въ теоріи ученіе о раздѣленіи властей, какъ оно понимаемо было Монтескьё, нашло признаніе и въ Англіи въ сочиненіяхъ Блэкстона и и его многочисленныхъ комментаторовъ, встрѣчая лишь изрѣдка критику со стороны такихъ писателей, какъ, напримѣръ Россель, справедливо указавшій, что полное отдѣленіе законодательной власти отъ исполнительной противорѣчитъ основному началу англійской конституціи, въ силу котораго законодательная власть принадлежитъ одновременно лордамъ, общинамъ и королю. Всюду, гдѣ раздѣленіе властей было проведено въ абсолютной формѣ, мы встрѣчаемъ одно и то же послѣдствіе. Власть въ буквальномъ смыслѣ слова останавливаетъ собою власть (le pouvoir arrète le pouvoir,— фраза, употребленная Монтескьё),—другими словами, она парализуетъ ея дѣятельность, являясь тѣмъ самымъ неодолимымъ препятствіемъ для всякаго прогресса въ государствѣ. Поэтому новѣйшіе публицисты согласны между собою въ томъ, что какъ абсолютное начало теорія раздѣленія властей не выдерживаетъ критики. Иное дѣло, если понимать ее такъ, какъ понималъ ее нѣкогда Локкъ и въ наше время Лабуле. Я разумѣю въ томъ смыслѣ, что полезно не сосредоточивать всѣхъ властей въ одномъ лицѣ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи эта теорія останется несомнѣнно навсегда политической аксіомой. Но далеко не такой смыслъ связывалъ съ нею Монтескьё, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ практическое рѣшеніе имъ цѣлаго ряда вопросовъ, на которые можетъ послѣдовать тотъ или другой отвѣтъ, только смотря по тому, проведено ли будетъ дѣленіе властей съ строгой логической послѣдовательностью, или нѣтъ. Такъ, при полномъ обособленіи исполненія отъ законодательства необхо-

димо, чтобы органы перваго — министры — не были назначаемы изъ членовъ палатъ и чтобы правительство не имѣло почина законовъ. Того и другого требуетъ однако Монтескьё, обнаруживая тѣмъ самымъ непониманіе одной изъ существеннѣйшихъ сторонъ англійской парламентской жизни — составленія кабинета изъ членовъ палаты. Въ двухъ лишь отношеніяхъ Монтескьё отступаетъ отъ логическаго проведенія выставленнаго имъ начала. Глава исполнительной власти — король — получаетъ отъ него право участія въ законодательствѣ, въ формѣ утвержденія или неутвержденія проектовъ, прошедшихъ черезъ палаты. Король имѣетъ также право созывать и распускать собраніе представителей. Если, — говоритъ Монтескьё, — власть исполнительная не будетъ имѣть возможности положить предѣлъ произвольному расширенію своихъ правъ со стороны органовъ законодательной, послѣдняя рано или поздно сдѣлается деспотической. Имѣя возможность присвоить себѣ всякаго рода права, законодательная власть упразднитъ ихъ. Въ правѣ королевскаго „вето“ Монтескьё видитъ самооборону исполнительной власти отъ захватовъ законодательной. Такой же самообороной служитъ для послѣдней право контроля за тѣмъ, отвѣчаютъ ли изданнымъ ею нормамъ акты власти исполнительной. Монтескьё дѣлаетъ также отступленіе отъ строгаго проведенія своего начала, когда, въ трехъ спеціально обозначенныхъ имъ случаяхъ, предоставляетъ судебную власть одному изъ органовъ законодательной — верхней палатѣ, а именно, въ случаѣ суда надъ членами самого аристократическаго сословія, при необходимости смягченія закона, черезчуръ суроваго въ примѣненіи къ данному факту или въ случаѣ суда надъ лицами, высокое общественное положеніе которыхъ способно запугать обыкновенныхъ судей. Такимъ образомъ его воззрѣнія представляютъ какое-то странное сочетаніе, съ одной стороны, безусловнаго проведенія начала раздѣленія властей, а съ другой — ограниченія его въ интересахъ практическихъ.

Повидимому, самъ Монтескьё предусматривалъ возможность тѣхъ возраженій, какія впослѣдствіи были сдѣланы противъ его теоріи. Повидимому, онъ самъ предвидѣлъ случай, когда при строгомъ обособленіи одна власть станетъ парализовать дѣятельность другихъ. Не даромъ онъ говоритъ о томъ, что указанные имъ три власти легко очутились бы въ состояніи инерціи, если бы сила вещей, приводящая ихъ въ движеніе, не заставляла ихъ дѣйствовать заодно. (Ces trois puissances doivent former un repos ou une inaction. Mais, comme par le mouvement nécessaire des choses, elles sont contraintes d'aller, elles seront forcées d'aller de concert). Что значить эта фраза — мы отказываемся сказать.

Ученіе о раздѣленіи властей Монтескьё старается сочетать съ ученіемъ древнихъ о смѣшанныхъ формахъ правленія, допускающихъ къ раздѣлу верховной власти монарха, аристократію и простой народъ, въ томъ смыслѣ, что законодательную власть онъ предоставляетъ одинаково народному представительству и собранію дворянъ, а исполнительную—королю. „Такъ какъ,—говоритъ онъ,—въ свободномъ государствѣ всякій человѣкъ, имѣющій свободную душу, призванъ къ участію въ управленіи, то желательно было бы, чтобы весь народъ поголовно и въ своей совокупности имѣлъ въ рукахъ законодательную власть. Но въ обширныхъ по своему протяженію государствахъ это немыслимо; поэтому необходимо, чтобы народъ своимъ депутатамъ предоставилъ право дѣлать то, чего самъ онъ фактически осуществить не въ состояніи". Монтескьё считаетъ депутата представителемъ не всего народа, а только своего околотка, своей области, и объявляетъ его въ то же время, въ противность средневѣковому делегату, не связаннымъ полномочіями своихъ довѣрителей. По вопросу объ избирательныхъ правахъ онъ склоняется въ пользу возможно большаго ихъ расширенія и лишаетъ голоса при выборахъ только тѣхъ, кто находится въ такомъ приниженномъ состоя-

нiи, что не можетъ быть признанъ имѣющимъ собственную волю. Рядомъ съ представительствомъ простого народа онъ требуетъ поголовнаго представительства аристократiи. „Въ каждомъ государствѣ, — говоритъ онъ, — имѣются люди, возвышающiеся надъ другими своимъ рожденiемъ, богатствомъ и почестями; если бы они смѣшаны были съ прочимъ народомъ и имѣли при избранiи представителей тѣ же права, что и простые граждане, то свобода, признаваемая одинаково за всѣми, по отношенiю къ нимъ была бы рабствомъ, такъ какъ большинство рѣшенiй въ представительномъ собранiи направлено было бы противъ нихъ. Вотъ почему ихъ участiе въ законодательной власти должно быть пропорцiонально преимуществамъ, принадлежащимъ имъ въ государствѣ, что и бываетъ въ томъ случаѣ, если изъ нихъ организована особая палата съ правомъ останавливать посягательства народа на аристократiю подобно тому, какъ народъ имѣетъ право останавливать посягательства аристократiи на себя. Эта вторая палата должна быть составлена изъ наслѣдственныхъ членовъ. Аристократiя наслѣдственна по самой своей природѣ. Притомъ наслѣдственность, увеличивая значенiе ея привилегiй, усиливаетъ въ ней рѣшимость защищать ихъ отъ недовольнаго ими народа. Такъ какъ наслѣдственная палата легко можетъ жертвовать въ своихъ рѣшенiяхъ интересами народа, разъ они расходятся съ ея собственными, то въ вопросахъ, въ которыхъ всего легче ожидать такого исхода, такъ, напр., въ вопросѣ о дарованiи субсидiй правительству аристократiя не должна имѣть другой власти, помимо права задерживать рѣшенiя народной палаты. Говоря это, Монтескьё возводитъ въ политическую аксiому практическое начало, существовавшее искони въ Англiи,—начало, въ силу котораго всѣ денежные билли могли возникать только въ Палатѣ Общинъ и Палата Лордовъ пользовалась по отношенiю къ нимъ однимъ правомъ принятiя или отвер-

женія въ полномъ составѣ, безъ измѣненій. Монтескьё останавливается также подробно на развитіи той мысли, къ какимъ неудобствамъ для политической свободы повлекло бы предоставленіе королю пожизненныхъ, невозобновляемыхъ въ опредѣленные и по возможности короткіе сроки субсидій, такъ какъ такая политика со стороны представительнаго собранія могла бы имѣть послѣдствіемъ несозваніе парламента въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ и присвоеніе законодательной власти королемъ.

Тогда какъ она сосредоточивается одинаково въ рукахъ народа и аристократіи, то исполнительная должна принадлежать монарху. Исполненіе требуетъ быстроты, а послѣдняя всего возможнѣе при единоначаліи.

Таково въ главныхъ чертахъ ученіе Монтескьё объ основахъ конституціонной, или ограниченной, монархіи. Изъ сказаннаго видно, что оно опирается на сочетаніе теоріи раздѣленія властей съ заимствованной у древнихъ писателей, Аристотеля и Цицерона, теоріей смѣшаннаго образа правленія, предполагающаго раздѣлъ верховенства между монархомъ, аристократіей и народомъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ сторонамъ доктрины Монтескьё.

Мы видѣли, въ какой мѣрѣ можетъ быть признано оригинальнымъ ученіе Монтескьё объ основныхъ началахъ политической свободы. Спрашивается теперь, много ли новаго представляетъ его доктрина о природѣ правительства и жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ образовъ правленія?

Мною уже указано было ранѣе, что различіе между природой извѣстнаго правительства и его жизненнымъ принципомъ было сознаваемо въ древности Платономъ, а въ новое время Сиднеемъ; поэтому, когда Монтескьё утверждаетъ, что между обоими существуетъ то различіе, что природой

называется самый составъ правительства (ce qui le fait être tel), а жизненнымъ принципомъ — нравственная сила, приводящая его въ дѣйствіе и поддерживающая его существованіе [1]), онъ даетъ ни больше ни меньше, какъ дальнѣйшее развитіе взглядовъ, высказанныхъ задолго до него. Признавая добродѣтель (la vertu) жизненнымъ принципомъ республикъ [2]), а страхъ — основнымъ началомъ деспотій, онъ повторяетъ въ частности мысли Сиднея. Менѣе удачно его ученіе объ умѣренности, какъ о жизненномъ принципѣ аристократіи. Умѣренность, какъ соглашается съ этимъ самъ Монтескьё въ другихъ главахъ своей книги, одинаково необхо-

---

[1]) Кн. III., гл. I.

[2]) Монтескьё пришлось считаться съ тѣмъ возраженіемъ, что добродѣтель необходима всякому правительству, а не одной только демократіи. Въ отрывкахъ, которые онъ предназначалъ для новаго изданія „Духа законовъ" и которые только въ 1904 году были отпечатаны Баркгаузеномъ, мы находимъ защиту принятой имъ точки зрѣнія. „То, что я назвалъ добродѣтелью въ республикѣ, въ сущности — любовь къ отечеству, т.-е. любовь къ равенству. Это — не нравственная добродѣтель и всего менѣе добродѣтель христіанская; это — добродѣтель политическая. Она—пружина, приводящая въ движеніе республиканское правительство, какъ честь—политическая пружина монархіи". Причина, по которой каждая изъ этихъ формъ нуждается въ особой политической пружинѣ, лежитъ, по мнѣнію Монтескьё, въ слѣдующемъ: „Въ республикѣ лицо, приводящее законы въ исполненіе, знаетъ, что они будутъ примѣнены и къ нему, что онъ испытаетъ на себѣ ихъ бремя. Ему необходимо поэтому любить родину и равенство, чтобы всегда заботиться о соблюденіи законовъ. Не будетъ у него этой любви— и законы въ нѣкоторыхъ случаяхъ останутся безъ исполненія. Нельзя сказать того же о монархіи: для того, чтобы законы были примѣнены въ ней, достаточно одной воли монарха, направленной къ этой цѣли". Развитіе этихъ мыслей, пишетъ Монтескьё, составляетъ почти все содержаніе моей книги (онъ, очевидно, разумѣетъ ту, которая въ „Духѣ законовъ" трактуетъ о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія). Жалуясь на то, что его мысли на этотъ счетъ не сразу были поняты, Монтескьё въ недавно отпечатанномъ отрывкѣ прибавляетъ: „Но теперь онѣ хорошо извѣстны и всѣми принимаются". Въ

дима для поддержанія всѣхъ и каждаго изъ образовъ правленія; она не можетъ быть признана поэтому основнымъ началомъ одного изъ нихъ. Болѣе удачно, не скажу положеніе, а предположеніе, что въ монархіяхъ жизненнымъ принципомъ является стремленіе къ чести. Что касается до ученія о самой природѣ отдѣльныхъ правительствъ, то нельзя одобрить отступленія, дѣлаемаго Монтескьё отъ той классификаціи, какая дана была имъ Аристотелемъ и Цицерономъ. Вмѣсто монархіи, аристократіи и демократіи — трехъ правильныхъ формъ политическаго устройства, которымъ соотвѣтствуютъ у Цицерона три неправильныя — тиранія, олигархія и охлократія, Монтескьё принимаетъ классификацію государствъ на республики, монархіи и деспотіи. Единственное отличіе послѣднихъ двухъ формъ другъ отъ друга скорѣе нравственное, нежели юридическое. Въ первой монархъ считаетъ обязательнымъ для себя соблюденіе законовъ, во второй — нѣтъ. Нельзя не согласиться поэтому съ остроумнымъ замѣчаніемъ Вольтера, что деспотія и монархія представляютъ двухъ братьевъ, до такой степени сходныхъ между собою, что ихъ часто

ближайшемъ изданіи авторъ „Духа законовъ" намѣревался съ цѣлью положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ прибавить слѣдующія слова: „Добродѣтель, разумѣется, не исключается и въ монархіи, но она не составляетъ ея пружины". Монтескьё протестуетъ противъ тѣхъ, кто приписалъ его мысль о связи республики съ добродѣтелью ненависти къ монархіи. „Факультетъ, — пишетъ онъ, — разумѣя подъ этимъ богослововъ Сорбонны, позволилъ себѣ написать въ этомъ мѣстѣ моего сочиненія слѣдующія ужасныя слова: (ces paroles terribles): „in odium monarchiae". Онъ имѣлъ право, — пишетъ Монтескьё, — признать мое мнѣніе ошибочнымъ, но ничто не позволяло ему читать въ моемъ сердцѣ. Никогда гражданинъ не терпѣлъ болѣе жестокой обиды и столь мало заслуженной. Вся Европа прочла мою книгу, и весь свѣтъ согласенъ въ томъ, что въ ней нельзя было открыть, имѣю ли я больше пристрастія къ республикѣ или къ монархіи. „И дѣйствительно было бы мелочнымъ производить выборъ между обѣими, такъ какъ оба правительства весьма хороши, а лучшее то, которымъ кто пользуется". (Montesquieu. L'Esprit de lois et le archives de la Brède, стр. 103—105).

принимаютъ другъ за друга. Извращеніе началъ, или жизненныхъ принциповъ, того или другого образа правленія, ведетъ, по ученію Монтескьё, къ порчѣ послѣдняго. Жизненнымъ принципомъ демократіи онъ, какъ сказано, признаетъ добродѣтель, которую отождествляетъ съ любовью къ свободѣ и равенству. Демократія извращается не только отступленіемъ отъ своего начала, или жизненнаго принципа, но и преувеличеніемъ его. Какъ только люди перестаютъ искать одного лишь гражданскаго равенства и требуютъ равенства правителей и управляемыхъ, родителей и дѣтей, господъ и слугъ, демократія необходимо начинаетъ стремиться къ вырожденію. Народъ присваиваетъ себѣ обязанности сановниковъ и не подчиняется болѣе никакой власти. Любовь къ порядку исчезаетъ, мѣсто его занимаетъ произволъ. Порча нравовъ — причина тому, что народъ не отступаетъ передъ мыслью о раздѣлѣ публичныхъ доходовъ; присвоенной же себѣ властью онъ пользуется для того, чтобы всецѣло предаться наслажденіямъ и роскоши. Выродившаяся въ произволъ свобода вскорѣ становится всѣмъ ненавистной и уступаетъ мѣсто произволу одного тирана. Если чрезмѣрное развитіе привязанности къ свободѣ и равенству ведетъ къ вырожденію демократіи въ тиранію, то равнодушіе къ равенству и свободѣ рано или поздно имѣютъ послѣдствіемъ установленіе аристократіи. Аристократія извращается, когда въ ней исчезаетъ умѣренность и власть вельможъ становится произвольною. Тогда народомъ начинаютъ управлять деспотически, только вмѣсто одного деспота у него ихъ сразу является нѣсколько. Эта опасность особенно чувствительна въ аристократіяхъ наслѣдственныхъ. Увѣренность въ пріобрѣтеніи власти устраняетъ необходимость воздержанія.

Подобно тому, какъ демократіи извращаются съ захватомъ народомъ власти Сената, чиновниковъ и судей, такъ точно монархіи переходятъ въ деспотіи съ момента отмѣны монархомъ прерогативъ корпорацій и городскихъ приви-

легій. Монархія извращается, когда монархъ, дѣлая себя центромъ всего, замѣняетъ самодѣятельность государства, сперва дѣятельностью столицы, а затѣмъ — дѣятельностью двора и наконецъ — своею личною дѣятельностью. Что касается до деспотизма, то онъ, по существу своему, —правленіе извращенное и продолжающее извращаться все болѣе и болѣе. Извращеніе образовъ правленія можетъ, впрочемъ, произойти и отъ чисто внѣшнихъ причинъ, именно, какъ отъ увеличенія, такъ и отъ уменьшенія территоріи государства. Вообще, республиканская форма правленія способна держаться, по Монтескьё, только въ малыхъ государствахъ, — мысль, которая полнѣе будетъ развита Руссо. Въ большихъ же водворяется слишкомъ значительное неравенство состояній. Къ тому же накопленіе богатствъ въ однѣхъ рукахъ влечетъ за собою неумѣренность въ мысляхъ. Интересы классовъ разобщаются и общая выгода приносится въ жертву частной. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ можетъ имѣть значеніе и помимо отечества, а потому хочетъ возвыситься на счетъ послѣдняго. Напротивъ, на небольшомъ пространствѣ общій интересъ у всѣхъ налицо; онъ чувствуется всѣми, за злоупотребленіями власти установленъ постоянный контроль. Въ независимой общинѣ трудно устроить иное правленіе, кромѣ республиканскаго. Монархія, по существу своему, должна быть средней величины. Если она слишкомъ мала, она превращается въ республику; при значительномъ же протяженіи вельможи, будучи удалены отъ центра и разсчитывая на безнаказанность, легко могутъ уклоняться отъ повиновенія и такимъ образомъ поведутъ государство къ гибели. Единственное лѣкарство противъ этого зла состоитъ въ установленіи власти неограниченной,—лѣкарство, которое само по себѣ есть величайшее зло. Обширныя монархіи естественно склоняются поэтому къ деспотизму.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для сохраненія существующаго образа правленія надо сохранить за государствомъ

разъ достигнутые имъ предѣлы. Иначе съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ его территоріи измѣнится и самый духъ народа.

§ 2. Какъ ни удивительно это съ перваго взгляда, но путь, какимъ Монтескьё пришелъ къ выработкѣ своихъ основныхъ доктринъ, до послѣдняго времени не могъ считаться установленнымъ. О рѣдкомъ писателѣ XVIII вѣка мы имѣли меньше біографическихъ данныхъ; самое жизнеописаніе его, составленное четверть вѣка назадъ ученикомъ Лабулэ Віаномъ, можетъ быть съ удобствомъ приводимо въ доказательство того, въ какомъ туманѣ оставался для насъ еще въ это время генезисъ доктрины автора „Духа законовъ". Обнародованіе Баркгаузеномъ неизданныхъ главъ важнѣйшаго сочиненія Монтескьё и его раннихъ мемуаровъ, также не видавшихъ свѣта, изданіе его „Путевыхъ замѣтокъ" и подготовляемый сборникъ его корреспонденціи пролили и прольютъ, несомнѣнно, новый свѣтъ на этого властителя думъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и реформаторовъ не только XVIII, но и первой половины XIX столѣтія.

Біографія Монтескьё въ значительной степени объясняетъ намъ особенности его политическаго кредо. Она написана была въ послѣдній разъ Віаномъ въ 1878 году, но съ этого времени обнародованы были нѣкоторыя неизданныя сочиненія автора „Духа законовъ" и дневникъ его путешествій. Этотъ новый матеріалъ значительно измѣняетъ наше представленіе о немъ, какъ о цѣнимомъ одними салонами судьѣ-волокитѣ,—образъ, какой рисуетъ въ своемъ жизнеописаніи Віанъ! Мы узнаемъ впервые о томъ, какъ продолжительна и разнообразна была подготовка Монтескьё и сколько ему пришлось перевидать странъ и народовъ прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какіе законы управляютъ выборомъ той или другой формы правленія.

Изъ біографіи Віана [1]) мы узнаемъ, что подобно всѣмъ крупнымъ представителямъ французской мысли въ XVIII

[1]) Histoire de Montesquieu d'après des documents nouveaux et inédits. Paris 1878, par Louis Vian.

вѣкѣ, Монтескьё получилъ воспитаніе въ одной изъ монастырскихъ школъ около Мо [1]) и что уже въ дѣтствѣ его учителя давали слѣдующій отзывъ о его прилежаніи: „не только не нужно заставлять его работать, но, наоборотъ, необходимо удерживать его отъ излишняго труда; дайте ему только свободу, и онъ никогда не оставитъ своихъ книгъ“. Какъ въ большинствѣ духовныхъ школъ этого времени, главное вниманіе было обращено въ Мо на непосредственное знакомство съ лучшими произведеніями классической древности. Монтескьё не разъ жаловался на то, что не получилъ въ школѣ достаточныхъ свѣдѣній объ основахъ католической вѣры. Наоборотъ, классическое образованіе, не ограничивавшееся, какъ у насъ, однимъ изученіемъ формъ древнихъ языковъ, доставило ему весьма рано серьезное знакомство съ отличными отъ современныхъ порядками общественной и политической жизни эллинскаго и латинскаго міровъ. „Великіе геніи Аѳинъ и Рима, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу его біографъ, г. Віанъ,—легко вселяютъ въ восторженныхъ ученикахъ благоговѣніе къ республикѣ и ненависть къ монархіи“. Въ постоянномъ обращеніи съ ними умъ молодого Монтескьё проникся республиканскими теоріями, отраженіе которыхъ можно найти во всѣхъ его сочиненіяхъ. Любопытно, что первымъ произведеніемъ его пера была защита дорогихъ ему классиковъ отъ обѣщаннаго имъ церковью вѣчнаго мученія. Монтескьё собралъ всевозможные тексты изъ сочиненій отцовъ церкви и съ немалыми натяжками доказалъ на основаніи ихъ, что небесный Промыслъ относится и къ язычникамъ съ нѣкоторымъ разборомъ: карая простыхъ смертныхъ за невѣріе, онъ въ то же время щадитъ такіе великіе умы, какъ Аристотеля и Платона. Нечего говорить, что, спрошенный сыномъ, отецъ-Монтескьё высказался противъ напечатанія этого сочиненія.

[1]) La maison des oratoriens de Juilly, près Meaux.

Это не помѣшало однако воспроизведенію основной его мысли впослѣдствіи въ одномъ изъ „Персидскихъ писемъ“. Правовѣдѣніе рано приковала къ себѣ вниманіе будущаго автора „Духа законовъ“. Въ его ученическихъ тетрадяхъ сохранился опытъ, озаглавленный: „Наилучшій способъ изученія юриспруденціи“. По выходѣ изъ училища Монтескьё, благодаря связямъ своего отца, барона де la Brède, попалъ въ высшее общество и вскорѣ за тѣмъ вступилъ въ бракъ съ некрасивой, правда, но весьма состоятельной кальвинисткой; это послѣднее обстоятельство до сихъ поръ служитъ поводомъ для католическихъ писателей объяснять его вѣротерпимость женскимъ вліяніямъ. Послѣднее, насколько можно судить изъ его біографіи, было тѣмъ не менѣе весьма слабо. XVIII вѣкъ не отличался ригоризмомъ въ вопросахъ семейной нравственности. Женатый Дидро имѣлъ любовницей дѣвицу де-Воланъ, Монтескьё по меньшей мѣрѣ былъ повиненъ въ волокитствѣ [1]). Со смертью бездѣтнаго отца онъ получилъ вмѣстѣ съ состояніемъ и его титулъ барона. Вскорѣ за тѣмъ онъ купилъ должность одного изъ президентовъ парламента въ Бордо. По отзывамъ современниковъ и самого Монтескьё, молодой президентъ оказался къ службѣ негоднымъ: процессуальныя тонкости были ненавистны ему, длинныя сессіи суда утомляли его вниманіе и отвлекали отъ научныхъ занятій, безпримѣрная же строгость, съ какой бордосскій парламентъ примѣнялъ къ преступникамъ постановленія уголовнаго кодекса, вызывала въ немъ уже въ это время сильное недовольство существующей системой наказаній и сознаніе необходимости реформъ въ ней. Не что иное, какъ практическое знакомство съ дѣломъ, побудило автора „Духа законовъ“ написать тѣ полныя жизненной правды страницы, въ которыхъ онъ нападаетъ на строгость уголовнаго законодательства. Эти

1) Vian, стр. 29.

страницы въ свою очередь вызвали со стороны Филанджіери и Беккаріи болѣе обстоятельную критику отдѣльныхъ видовъ наказаній и повели въ концѣ-концовъ къ реформѣ уголовныхъ кодексовъ въ цѣлой Европѣ. Свободное отъ службы время Монтескьё посвящалъ самымъ разнообразнымъ научнымъ трудамъ: занятіе нравственной философіей и политикой шло у него рука объ руку съ изученіемъ физики, медицины и естественной исторіи. Результатомъ его научной дѣятельности былъ рядъ мемуаровъ: о причинахъ, порождающихъ эхо, о природѣ лихорадки, о тяжести тѣлъ, о приливѣ и отливѣ и, рядомъ съ этимъ, о системѣ идей, о развитіи способностей, о политикѣ римлянъ по отношенію къ различнымъ исповѣданіямъ и т. п. Всѣ эти мемуары были прочитаны въ разное время (отъ 1716—1723 г.) въ академіи наукъ, литературы и искусствъ въ Бордо, въ которую онъ былъ принятъ 1 мая 1716 г. Работы Монтескьё въ области точныхъ наукъ свидѣтельствуютъ болѣе о любознательности, нежели объ обширныхъ познаніяхъ. Получивъ на первыхъ порахъ одно лишь классическое образованіе, Монтескьё въ естественныхъ наукахъ былъ самоучкой. Необыкновенная живость его ума, неудержимое стремленіе къ широкимъ и рискованнымъ обобщеніямъ не давали ему возможности сосредоточиться на производствѣ ряда опытовъ. Онъ могъ, конечно, „проанатомировать двѣ-три лягушки“, но усвоить себѣ систему Ньютона, уже извѣстную въ это время во Франціи, было ему не по силамъ. Читая главы „Духа законовъ“ о вліяніи климата на характеръ учрежденій, находишь въ нихъ тѣ качества и тѣ недостатки, о которыхъ я только что упомянулъ: рядомъ съ смѣлой постановкой вопросовъ, съ изумительной широтой рѣшеній—почти дѣтскіе пріемы изслѣдованія.

Естественно-научные мемуары Монтескьё любопытны не по важности заключающагося въ нихъ матеріала, а потому, что объясняютъ намъ путь, какимъ онъ пришелъ къ примѣненію къ соціальнымъ вопросамъ точнаго,

положительнаго метода. Человѣкъ, высказавшій во вступленіи къ своему главному труду: „Законы — необходимыя отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей“, не могъ сдѣлать этого иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго знакомства съ точными науками. Вѣдь и въ болѣе близкое къ намъ время великій преемникъ Монтескьё, Огюстъ Контъ, не въ состояніи былъ бы положить незыблемыхъ основъ соціологіи безъ широкаго знакомства съ физико-математическими и естественными науками. Извѣстность Монтескьё какъ писателя начинается съ выхода въ свѣтъ его „Персидскихъ писемъ“ (1721 г.). Интересъ, возбуждаемый въ его время Востокомъ, интересъ такъ наглядно выступающій въ перепискѣ Дидро съ m-lle де-Воланъ, объясняетъ намъ мотивъ, по которому Монтескьё старался придать восточный колоритъ своимъ вполнѣ западническимъ мыслямъ; тонкая же иронія, съ какой онъ осмѣивалъ современные ему порядки во Франціи, объясняетъ съ одной стороны безпримѣрный успѣхъ его „Писемъ“ въ публикѣ, а съ другой—недовольство, вызванное ими при дворѣ. Спрошенный авторомъ до изданія книги, патеръ Демоле, одинъ изъ вліятельныхъ критиковъ времени, убѣждалъ его въ интересахъ церкви не печатать этихъ „богохульныхъ“ писемъ и въ то же время предсказывалъ ему, что въ случаѣ ихъ изданія они будутъ „продаваться какъ булка“. Ожиданія почтеннаго патера сбылись вполнѣ,—публика въ немного лѣтъ разобрала цѣлый рядъ изданій, а кардиналъ Дюбуа, сдѣланный вскорѣ за тѣмъ первымъ министромъ, въ интересахъ охраненія одновременно государства и церкви, запретилъ ихъ дальнѣйшее обращеніе. Пребываніе Монтескьё въ Парижѣ, куда онъ прибылъ для напечатанія своего сочиненія, совпадаетъ со временемъ его ухаживанія за m-elle де-Клермонъ, офиціальной метрессою графа de-Melun. Этому волокитству мы обязаны появленіемъ въ свѣтъ поэмы въ прозѣ, озаглавленной: „Храмъ въ Книдѣ“, въ которой, рядомъ съ ходячими въ то время

разсужденіями о прелести полей и пастушеской жизни, встрѣчается живая сатира на придворныхъ принца Кондэ, выставленныхъ подъ названіемъ сибаритовъ. Это сочиненіе, которое, по выраженію m-me du-Deffand, заслужило названіе „Апокалипсиса волокитства“, едва не открыло Монтескьё двери французской академіи,—такъ сильно было вліяніе прекраснаго пола на личный составъ этого ученаго собранія. Одно лишь то соображеніе, что статутъ академіи не дозволяетъ пріема лицъ, не имѣющихъ постояннаго пребыванія въ Парижѣ, помѣшало Монтескьё быть принятымъ на этотъ разъ.

По возвращеніи въ Бордо онъ приступаетъ къ сбору матеріала для своего главнаго труда „О духѣ законовъ“ и даетъ даже окончательную редакцію первымъ главамъ этого сочиненія. Уже Поль Жане высказалъ справедливую догадку, что начало трактата написано было одновременно съ выходомъ въ свѣтъ „Персидскихъ писемъ“. Віанъ подкрѣпляетъ эту догадку новыми соображеніями: „И въ тѣхъ и въ другихъ, — говоритъ онъ, — мы находимъ тотъ же идеалъ, ту же политическую доктрину, то же незнаніе парламентскихъ учрежденій, то же недоброжелательство къ монархіи. Монтескьё необходимо долженъ былъ написать эти главы до поѣздки своей въ Англію, иначе онъ не выражался бы такъ темно и неопредѣленно о вольностяхъ этой страны и не обнаруживалъ бы такого непониманія механизма ея конституціи“ (стр. 91). Занятіе „Духомъ законовъ“ не мѣшаетъ Монтескьё представлять попрежнему время отъ времени мемуары въ бордосскую академію. Въ противоположность первымъ, имъ написаннымъ, они исключительно касаются вопросовъ нравственныхъ и политическихъ, какъ то: обязанностей человѣка, различія между уваженіемъ и репутаціей и т. п. Чѣмъ больше Монтескьё вдавался въ научную дѣятельность, тѣмъ болѣе онъ начиналъ чувствовать свое литературное одиночество въ Бордо и необходимость переселиться въ умственный центръ

Франціи и всего міра—Парижъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка онъ продаетъ свою должность и селится въ столицѣ, гдѣ, несмотря на интриги іезуита патера Турнемина, онъ принятъ членомъ академіи въ 1728 году.

На этотъ разъ его пребываніе въ Парижѣ было непродолжительнымъ. Послѣ изданія нѣсколькихъ мемуаровъ, въ томъ числѣ „Этюда о богатствахъ Испаніи“,—этюда, доселѣ затеряннаго, Монтескьё въ обществѣ графа Вальдгрева, племянника маршала Бервика, предпринимаетъ поѣздку въ Вѣну и путешествуетъ затѣмъ по Германіи, Венгріи, Италіи, Голландіи и Англіи.

Большое вліяніе оказали на выработку основныхъ воззрѣній Монтескьё эти продолжительныя странствія, а также серьезное его знакомство съ исторіей французскихъ учрежденій, о которомъ говорятъ намъ уцѣлѣвшіе отрывки изъ „Комментарія на Булэнвилье“, изъ „Этюда о политическомъ завѣщаніи Ришельё“, а равно и отдѣльныя главы болѣе обширнаго трактата, посвященнаго изложенію общихъ судебъ его собственной родины. Монтескьё предпринялъ свои путешествія въ періодъ полнаго расцвѣта своей литературной дѣятельности, уже послѣ изданія „Персидскихъ писемъ“.

Какъ членъ французской академіи, какъ человѣкъ, еще недавно засѣдавшій въ парламентѣ Бордо на правахъ одного изъ его президентовъ, наконецъ, какъ дворянинъ, принадлежащій по рожденію къ той судебной аристократіи (noblesse de robe), которая, подъ вліяніемъ нивеллирующаго духа времени, постепенно заняла во французскомъ обществѣ мѣсто, равное феодальной, Монтескьё могъ разсчитывать и дѣйствительно нашелъ предупредительный пріемъ въ высшихъ слояхъ европейскаго общества: у папы, императора, королей, герцоговъ, пословъ, свѣтской и духовной знати. Передъ нимъ открыты были всѣ двери, съ нимъ искали знакомства всѣ выдающіеся люди времени. Если прибавить къ этому, что самое путешествіе предпринято было въ обществѣ племянника маршала Бервика, графа

Вальдгрева, котораго въ Италіи вскорѣ замѣнилъ лордъ Честерфильдъ, то нетрудно будетъ понять, какъ легко могъ Монтескьё воспользоваться поѣздкой по Европѣ для расширенія своего политическаго кругозора. Этому не мало содѣйствовала та способность приспособляться къ окружающей средѣ, которая позволила автору „Духа законовъ“ сказать впослѣдствіи о себѣ: „Когда я путешествовалъ за границей, я привязывался къ посѣщаемымъ мною странамъ, какъ къ собственной родинѣ. Я интересовался ихъ судьбою и желалъ имъ большаго благосостоянія, чѣмъ то, какимъ они пользовались“ [1]).

Рѣдкій путешественникъ былъ лучше подготовленъ къ осмысленному воспріятію тѣхъ разнообразныхъ свѣдѣній, какія сообщали ему государственные дѣятели, ученые и публицисты Европы. Дневникъ путешествія не предназначался къ изданію; въ немъ можно поэтому искать выраженія сокровенныхъ мыслей его автора. Несмотря на свою отрывочность, на отсутствіе литературной формы, на пестроту и несистематичность, какую представляетъ всякая записная книжка, онъ содержитъ въ себѣ рядъ помѣтокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что вниманіе Монтескьё приковывали въ равной мѣрѣ политическій, финансовый и экономическій строй посѣщенныхъ имъ странъ. Его мысль уже въ это время занята была раскрытіемъ той связи, въ какой законы и учрежденія стоятъ не только къ физическимъ условіямъ почвы и климата, но и къ нравственнымъ особенностямъ отдѣльныхъ націй. Его любознательность привлекаютъ не одни посѣщенныя имъ государства; онъ пользуется еще всякой возможностью разузнать у путешественниковъ, миссіонеровъ и дипломатовъ, всякаго рода подробности о странахъ Востока, въ особенности же о Персіи и Турціи, призванныхъ со временемъ служить для него образцами деспотіи, т.-е. единовластія,

[1]) Pensées diverses. Цитировано Vian, Histoire de Montesquieu.

отрѣшеннаго отъ подчиненія законамъ и не знающаго другой удержи, кромѣ религіи и обычая. То немногое, что во время поѣздки ему пришлось узнать о Пруссіи, поставленной въ это время подъ желѣзную руку отца Фридриха Великаго, позволитъ ему впослѣдствіи восполнить картину восточнаго произвола нѣкоторыми чертами изъ жизни Запада. Невозможность открыть во всей Европѣ другихъ республиканскихъ правительствъ, кромѣ аристократическихъ, сдѣлается причиной того, что свою характеристику демократій онъ составитъ исключительно по классическимъ образцамъ. Магистраты свободныхъ городовъ Германіи, въ томъ числѣ Гамбурга, голландская плутократія съ замѣтнымъ тяготѣніемъ ея къ единовластію еще избираемаго, но вскорѣ наслѣдственнаго „пенсіонарія“, какъ и венеціанскій патриціатъ, поставленный подъ грозный контроль инквизиторовъ и совѣта десяти, только укрѣпятъ въ немъ увѣренность въ неминуемомъ вырожденіи аристократій и преимуществѣ наслѣдственныхъ правительствъ надъ избирательными. Наконецъ, Англія, посѣщеніемъ которой завершится рядъ его путешествій, раскроетъ передъ нимъ картину вполнѣ уравновѣшанной монархіи, которую онъ затѣмъ поставитъ въ образецъ своимъ соотечественникамъ, призывая ихъ, однако, не къ рабскому подражанію, не къ цѣлостному перенесенію на родину чужихъ учрежденій, что самъ онъ признаетъ немыслимымъ, а, какъ мы видѣли, къ дальнѣйшему упроченію и сохраненію тѣхъ противовѣсовъ, какими во Франціи по отношенію къ наслѣдственной монархіи были независимыя отъ королевскаго выбора верховныя палаты и временно пришедшіе въ забвеніе или упадокъ генеральные и провинціальные штаты.

Путешествіе доставитъ Монтескьё еще возможность увеличить кругъ тѣхъ мыслителей, на изученіи которыхъ разовьется и созрѣетъ его собственное міросозерцаніе. Въ Венеціи ему придется слышать не разъ повтореніе взглядовъ Контарини, Джанотти и Ботеро о природѣ ея учре-

жденій и объ умѣренности въ пользованіи властью, какъ о высшей добродѣтели, содѣйствовавшей стойкости ея аристократическаго правительства. Эта умѣренность, по ученію названныхъ публицистовъ, сказывалась между прочимъ въ фактѣ допущенія въ Венеціи и не дворянъ къ отправленію извѣстныхъ должностей, частью въ главномъ городѣ, частью въ зависимыхъ отъ него муниципіяхъ и провинціяхъ. Въ другой аристократіи, въ Генуѣ, Монтескьё констатируетъ существованіе такого же клапана для честолюбія и предпріимчивости буржуазіи, благодаря сосредоточенію здѣсь всего управленія народнымъ кредитомъ въ частномъ акціонерномъ банкѣ Святого Георгія. Банкъ этотъ постепенно пріобрѣлъ въ Генуѣ то же государственное значеніе, какимъ пользуются нынѣ также два частныхъ товарищества, англійскаго и французскаго банка. Монтескьё увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ новое подтвержденіе той мысли, что устойчивость аристократій покупается цѣною ограниченія ихъ собственной сферы дѣятельности и вліянія къ выгодѣ остальныхъ классовъ общества. Такъ какъ въ римской исторіи онъ найдетъ безпрепятственный ростъ плутократіи, на ряду съ сохраненіемъ старинныхъ привилегій патриціата, то у него явится возможность обобщить всѣ эти факты въ одномъ положеніи: объ умѣренности въ пользованіи своими прирожденными преимуществами, какъ о необходимомъ условіи для прочнаго существованія аристократій, или, выражаясь его языкомъ, объ умѣренности, какъ объ ихъ жизненномъ принципѣ. Находя еще у древнихъ политическихъ писателей, между прочимъ у Аристотеля, разсужденіе о гражданской добродѣтели, т.-е. о способности подчинять личную волю общей и частный интересъ—благу родины, какъ о неизбѣжномъ условіи существованія народовластія, Монтескьё возведетъ добродѣтель на степень такого же жизненнаго принципа демократій, какимъ является умѣренность въ аристократіяхъ. Страсть къ антитезамъ, въ связи съ наблюденіемъ надъ тѣми психологическими моти-

вами, какими опредѣляются поступки военной и придворной знати въ его собственной родинѣ, побудятъ его признать сословную честь жизненнымъ принципомъ монархіи, послѣ чего вполнѣ естественнымъ покажется ему приписать уравненнымъ въ безправіи подданнымъ деспотическаго государства одинъ руководящій мотивъ поведенія—страхъ. Такимъ образомъ возникнетъ въ „Духѣ законовъ“ ученіе о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія, какъ о чемъ-то отличномъ отъ ихъ природы и въ то же время обусловленномъ ею.

Извѣстно, какое значеніе не одинъ Монтескьё, но и всѣ писатели XVIII вѣка придаютъ вліянію нравовъ на учрежденія. Можно сказать, что насколько соціальные вопросы разсматриваются въ настоящее время съ точки зрѣнія возможно большаго имущественнаго обезпеченія народныхъ массъ, настолько же въ XVIII столѣтіи они интересовали мыслителей съ точки зрѣнія чисто этической. Писатели задавались главнымъ образомъ мыслью о привитіи правящимъ классамъ тѣхъ качествъ, при которыхъ только и возможно было, въ ихъ глазахъ, прочное существованіе закономѣрныхъ правительствъ. Немудрено поэтому, если въ записной книжкѣ Монтескьё большее или меньшее пристрастіе тѣхъ или другихъ націй къ роскоши или къ простотѣ жизни и самая сфера проявленія этой роскоши, въ публичномъ ли, или частномъ обиходѣ, отмѣчаются такъ же тщательно, какъ и корысть или нестяжательность, подкупность или неподкупность отдѣльныхъ сословій и народныхъ массъ.

Дневникъ Монтескьё позволяетъ намъ не только слѣдить за тѣмъ, съ какимъ вниманіемъ будущій авторъ „Духа законовъ“ отмѣчалъ связь между учрежденіями и нравами; онъ даетъ намъ еще возможность присутствовать при самомъ зарожденіи въ его умѣ ученія о связи, въ какой нравы стоятъ съ формою правленія. „Роскошь, — учитъ онъ,—болѣе или менѣе велика, согласно степени неравен

ства; она немыслима въ деспотіяхъ и нежелательна въ демократіяхъ, гдѣ должно господствовать равенство въ правахъ въ такой же мѣрѣ, въ какой въ деспотіяхъ равенство въ безправіи; она вредна также аристократіямъ, такъ какъ противорѣчитъ духу умѣренности — обстоятельство, въ виду котораго законы Венеціи принуждаютъ дворянъ къ весьма скромному образу жизни [1]); но въ монархіяхъ роскошь и неравенство равно необходимы. Богатства однихъ,— пишетъ Монтескьё, высказывая мысли, близкія къ тѣмъ, какія обычны соціалистамъ, — возросли только потому, что у части гражданъ отнято было необходимое для жизни; надо вернуть имъ отнятое, а для этого, — думаетъ Монтескьё,—слѣдуетъ, чтобы богатые тратили пропорціонально ихъ состоянію, иначе бѣдные умрутъ съ голода" [2]). Эти мысли въ зародышѣ уже встрѣчаются въ дневникѣ. Если дворянство въ Пьемонтѣ обѣднѣло и пришло въ упадокъ, то рядомъ съ этимъ королевская власть постепенно приняла деспотическій характеръ. „Ни за что въ мірѣ,—восклицаетъ Монтескьё, — не хотѣлъ бы я быть подданнымъ этихъ маленькихъ князьковъ! Они знаютъ все, что вы дѣлаете; они вѣчно слѣдятъ за вами. Ваши доходы для нихъ не тайна, и они сумѣютъ найти средства къ тому, чтобы заставить васъ затратить ихъ излишекъ" [3]). Въ Туринѣ можно встрѣтить шпіоновъ во всѣхъ домахъ; здѣсь слышатъ сами стѣны [4]). Король позволяетъ себѣ посылать комиссаровъ къ собственникамъ съ цѣлью принудить ихъ обратить виноградники въ сѣнокосы и облагаетъ для поощренія мѣстнаго шелководства и другихъ мануфактуръ иноземные товары такими высокими пошлинами, что купцы находятъ расчетъ объѣзжать его владѣнія, невзирая на то, что провозъ товара дешевле черезъ Монсени, чѣмъ черезъ Сим-

[1]) Ibid, книга VII, глава III; смотри также книгу V, главу VIII.
[2]) Ibid., книга VII, глава IV.
[3]) Ibid., стр. 112.
[4]) Ibid., стр. 114, 118 и 121.

плонъ. Итакъ, въ Пьемонтѣ дворянство только потому не отличается существенно отъ прочихъ гражданъ богатствомъ и роскошью, что сама монархія постепенно клонится къ деспотіи. Что касается до мелкихъ республикъ Италіи, то водворившееся въ нихъ неравенство состояній вполнѣ отвѣчаетъ факту вырожденія ихъ въ аристократіи, „озабоченныя одной мыслью, продлить свое, — какъ выражается Монтескьё,—жалкое существованіе, благодаря состраданію, какое внушаютъ они сосѣднимъ князьямъ. Въ этихъ республикахъ—прибавляетъ онъ,—дворянство, потерявъ заботу о величіи и славѣ, сосредоточиваетъ свое честолюбіе на томъ, чтобы удержать сословныя преимущества и возможность жить въ праздности [1]).

Тираническій характеръ пріобрѣтаютъ также городскія республики Германіи. Народъ обложенъ въ нихъ чрезмѣрно: такъ въ Аугсбургѣ треть, а иногда и половина, дохода уходитъ на содержаніе города и магистрата. Самъ этотъ магистратъ составленъ на три четверти изъ дворянъ. При пяти тысячахъ гражданъ власть сосредоточивается въ рукахъ какихъ-нибудь 40; они пользуются большими полномочіями, одинаково въ Ульмѣ, во Франкфуртѣ и въ Нюренбергѣ. Въ Аугсбургѣ, гдѣ, не въ примѣръ прочимъ городамъ, въ составъ магистрата входятъ, наравнѣ съ католиками, и протестанты, существуетъ по крайней мѣрѣ практическая возможность обращаться въ случаѣ несправедливости съ жалобой къ вѣчно враждующимъ между собою разновѣрцамъ и добиться такимъ образомъ отмѣны или исправленія уже принятой мѣры. Благодаря этому и сама республика пользуется здѣсь лучшей администраціей, такъ какъ каждый изъ правителей считаетъ себя стоящимъ подъ надзоромъ товарищей. Въ другихъ городахъ, гдѣ магистратъ составленъ изъ однихъ протестантовъ, члены его живутъ какъ князья и являются по отношенію къ подданнымъ мелкими тиранами [2]).

[1]) Voyages, томъ I, стр. 273.

[2]) Voyages, томъ II, стр. 156 и 157.

Такими же вырождающимися аристократіями надо считать и городскія республики Нидерландъ, въ которыхъ чрезмѣрная страсть къ наживѣ и происходящее отсюда неравенство и роскошь внесли въ управленіе общественными дѣлами продажность и корысть. Даже въ Амстердамѣ, аристократію котораго Монтескьё объявляетъ разумной, такъ какъ въ ней немногіе управляютъ толпою въ силу избранія, продажность такъ велика, что сановники входятъ въ сдѣлку съ откупщиками налоговъ и берутъ съ нихъ взятки[1]).

Настоящей монархіи, въ которой власть умѣрялась бы богатымъ и привилегированнымъ дворянствомъ, склоннымъ поэтому къ неравенству и роскоши, Монтескьё не встрѣчаетъ болѣе на континентѣ, какъ не находитъ онъ на немъ и проникнутыхъ духомъ равенства демократій. Молодому герцогу Мекленбургскому его наставникъ, лютеранскій пасторъ, внушаетъ мысль, что онъ неограниченный властитель надъ жизнью и имуществомъ подданыхъ, и что все, чѣмъ владѣютъ его дворяне, — продуктъ узурпаціи[2]). Прусскій король — отецъ Фридриха Великаго, озабоченный только мыслью о томъ, какъ бы создать себѣ большое войско, не останавливается ни передъ какимъ насиліемъ: „Подданные,— пишетъ Монтескьё, — страдаютъ отъ его ужасающей тираніи; онъ не хочетъ, чтобы отцы отдавали дѣтей въ обученіе; послѣдствіемъ всего этого будетъ водвореніе въ его земляхъ крайняго варварства; въ судахъ Пруссіи сидятъ какія-то ничтожества, получающія 200 флориновъ въ годъ и поставленныя въ необходимость торговать правосудіемъ. Едва мальчикъ достигнетъ десятилѣтняго возраста, какъ его уже вербуютъ въ солдаты; онъ не остается болѣе подъ властью отца, хотя и продолжаетъ жить подъ его кровомъ. Неудивительно, если онъ позволяетъ себѣ по отношенію къ родителю всякаго рода дерзости. Многіе отцы изувѣчили своихъ дѣтей изъ желанія удержать ихъ при себѣ. Чтобы от-

[1]) Ibid., стр. 234.

[2]) Томъ II, стр. 203.

купиться отъ службы, семьямъ, имѣющимъ только одного наслѣдника, приходится затрачивать на поставку наемщика до тысячи экю да еще снаряжать его на свои средства. Купцы не дерзаютъ болѣе проникать во владѣнія прусскаго короля; ихъ грабятъ, оскорбляютъ, силою берутъ въ рекруты. Всѣ, кто занимается промышленностью, бѣгутъ изъ его владѣній".

И въ Швеціи Монтескьё констатируетъ тотъ же ростъ единовластія и тотъ же упадокъ дворянства и сословнаго представительства. Приводимый имъ въ „Духѣ законовъ" примѣръ посылки Карломъ XII своего сапога недовольному его отсутствіемъ сейму представляетъ только одно изъ проявленій нескрываемаго болѣе стремленія королей къ единовластію. Въ этомъ шведскіе правители нашли прямую поддержку въ недовольныхъ дворянскимъ режимомъ крестьянахъ. Монтескьё отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, когда сеймъ потребовалъ отмѣны абсолютнаго образа правленія и бывшій канцлеръ Горнъ, избранный въ президенты дворянской камеры, принудилъ короля дать на то свое согласіе, далекарлійцы послали депутатовъ съ заявленіемъ, что они предпочитаютъ имѣть одного верховнаго начальника взамѣнъ многихъ, короля на мѣсто угнетающихъ ихъ дворянъ. На этотъ разъ дѣло кончилось задержаніемъ депутатовъ вопреки конституціи, позволяющей каждому предлагать, что ему вздумается, но Монтескьё предвидитъ, что при правителѣ болѣе твердомъ и предпріимчивомъ шведскіе государственные порядки подвергнутся радикальной реформѣ и самодержавіе будетъ установлено[1]). Не меньшая опасность грозитъ дворянскимъ привилегіямъ въ завоеванной русскими Ливоніи. Царь обѣщалъ, правда, сохранить наималѣйшія преимущества дворянъ, но ихъ отмѣна настанетъ несомнѣнно въ недалекомъ будущемъ. Стремленіе создать сильную армію и подражать великолѣпію версальскаго двора,— таковы причины, побуждающія правителей Германіи на-

[1]) Ibid., стр. 199.

коплять деньги и, въ виду невозможности дѣлать это съ согласія сословій, всячески стремиться къ захвату власти въ свои руки.

Немудрено, если въ такихъ условіяхъ они вызываютъ ропотъ въ народѣ чрезмѣрностью своихъ денежныхъ требованій. „Жители герцогствъ Юлихъ, Бергъ, а также Клеве,— пишетъ Монтескьё, — стонутъ подъ гнетомъ податей, который и заставляетъ ихъ эмигрировать". Чрезмѣрныя налоговыя требованія вызываютъ столкновенія между сословіями и рейнскимъ курфюрстомъ Палатиномъ. Подобныя же распри существуютъ и въ Баваріи, „гдѣ дворянскимъ привилегіямъ,— пишетъ Монтескьё,—наносится постоянный ущербъ. Тщетны всѣ обращенія въ Вѣну. Вѣна молчитъ, а курфюрстъ баварскій, поддерживая свои притязанія военными экзекуціями, отрицаетъ за Вѣною даже право сказать свое слово"[1]).

Всѣ эти наблюденія необходимо должны были сложиться въ головѣ Монтескьё въ одно общее представленіе о вырожденіи современныхъ ему формъ политическаго устройства, одинаково аристократій и монархій, въ общую обѣимъ деспотію или тиранію. Уже у Аристотеля, какъ мы видѣли, онъ могъ встрѣтиться съ ученіемъ о правильныхъ и неправильныхъ формахъ государственнаго устройства и о переходѣ однѣхъ въ другія. Та же мысль была развита и Вико въ той „Новой наукѣ", о выходѣ которой въ свѣтъ за три года до его путешествія (въ 1725 году) Монтескьё узналъ впервые въ Венеціи. Но особенность ученія автора „Духа законовъ" касательно вырожденія правительствъ лежитъ въ томъ, что онъ сводитъ его всецѣло къ двумъ явленіямъ: къ анархіи и деспотизму. Первая наступаетъ тогда, когда народъ теряетъ уваженіе къ властямъ и понимаетъ политическое равенство въ смыслѣ отсутствія подчиненія. Она возможна въ однихъ народоправствахъ, образца которыхъ не представляла болѣе современная Монтескьё Европа, гдѣ, не исключая и швейцарскихъ кантоновъ, права верхо-

[1]) Ibid., стр. 192.

венства осуществлялись самое большее двумя или тремя стами граждан.

Только въ древнихъ демократіяхъ, насколько онѣ извѣстны были ему по сочиненіямъ Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Цицерона и римскихъ анналистовъ, Монтескьё могъ найти элементы своего ученія о вырожденіи народоправства въ анархію, эту „охлократію“ древнихъ писателей. Но переживаемая въ его время всей Европой, за исключеніемъ Англіи, борьба тѣсныхъ городскихъ совѣтовъ и магистратовъ съ полноправнымъ нѣкогда гражданствомъ и королевской власти—съ сословнымъ представительствомъ, въ частности съ дворянствомъ, борьба, конечный исходъ которой уже обрисовывался въ близкомъ будущемъ въ формѣ установленія единовластія на развалинахъ гражданскихъ вольностей, привилегій дворянства и верховныхъ палатъ, заставила автора „Духа законовъ“ выдѣлить въ отличную отъ монархій группу не знающую никакихъ средостѣній деспотію. Совершенные образцы ея онъ, разумѣется, нашелъ на Востокѣ въ описанной Шарденомъ Персіи, Рико — Турціи и католическими миссіонерами — Китаѣ и Японіи. Но посѣщенныя имъ государства европейскаго континента, заодно съ Франціей послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XIV и смѣнившаго его регенства герцога Орлеанскаго, вызвали въ немъ справедливое опасеніе, что восточный деспотизмъ грозитъ завоевать себѣ и единственную часть свѣта, еще избѣжавшую полнаго подавленія прирожденной человѣку свободы. „Подобно тому, какъ рѣки устремляются къ морю, — пишетъ онъ въ XVII главѣ VIII книги своего великаго сочиненія,—монархіи теряются въ деспотіяхъ“.

Нѣкоторые критики, въ томъ числѣ Франкъ, ставятъ Монтескьё въ вину отступленіе отъ той старинной классификаціи государственныхъ формъ, основы которой положены были еще Аристотелемъ. Авторъ „Духа законовъ“ восполнилъ ее деспотіей, признавъ послѣднюю такимъ

образомъ не вырожденіемъ только, а самостоятельнымъ типомъ правительства. Но эволюція, пережитая Европой, начиная съ религіозныхъ войнъ, и состоявшая въ постепенномъ торжествѣ самодержавія надъ политическими правами сословій, какъ нельзя лучше доказываетъ глубокую проницательность Монтескьё и тонкое пониманіе имъ дѣйствительныхъ условій времени. Его дневникъ указываетъ намъ на ту фактическую основу, на которой опирается эта наиболѣе оригинальная сторона его историко-философскихъ воззрѣній. Но не онъ одинъ даетъ ключъ къ ихъ пониманію. Изданные недавно фрагменты изъ недоконченныхъ сочиненій Монтескьё позволяютъ намъ говорить о серьезномъ изученіи имъ судебъ французской конституціи. Тонкая сатира, какую содержатъ въ себѣ „Персидскія письма" по отношенію къ абсолютизму Людовика XIV, имѣетъ въ основаніи своемъ серьезное недовольство тѣмъ, что, благодаря постепеннымъ захватамъ власти, начало которымъ положено было еще Людовикомъ XI, французская монархія постепенно утратила присущій ей нѣкогда характеръ единовластія, уравновѣшеннаго сословіями и верховными палатами, и приблизилась къ типу восточной деспотіи. Въ одномъ изъ неизданныхъ вступленій, по всей вѣроятности къ задуманной имъ, но не доведенной до конца исторіи Франціи, Монтескьё высказываетъ свое отношеніе къ ея современному строю, говоря: „Я не знаю, можно ли назвать публичнымъ правомъ тѣ жалкіе и ничтожные остатки нашихъ законовъ, которые абсолютной власти удавалось доселѣ скрывать отъ нашихъ глазъ, но которые могутъ пасть окончательно только съ нею" [1]). Выполненіе этого пророчества выпало въ удѣлъ „учредительному собранію".

---

[1]) J'ai été d'une profession où j'ai acquis des connaissances du droit de mon pays, et surtout du droit public, si l'on doit appeler ainsi ces faibles et misérables restes de nos loix, que le pouvoir arbitraire a pu jusq'ici cacher, mais qu'il ne pourra jamais anéantir qu'avec lui — même. Pensées et Fragments, стр 271.

Недавно изданные отрывки изъ историческихъ этюдовъ Монтескьё тѣмъ и интересны, что позволяютъ намъ прослѣдить тотъ путь, какимъ составилось въ его умѣ представленіе, что Франція, имѣвшая нѣкогда общія учрежденія со всѣми сословными монархіями Запада, не исключая Англіи, постепенно выродилась въ подобіе восточной деспотіи. Начало этимъ новымъ порядкамъ положено было, думаетъ онъ, Людовикомъ XI. Разбирая исторію Франціи Буленвилье, Монтескьё замѣчаетъ: „Обычай, въ силу котораго въ Англіи каждый судится своими равными, именуемыми присяжными, извѣстенъ былъ и во Франціи; она имѣла вообще одинаковые съ Англіей судебные порядки". Изслѣдованія Бруннера подтвердили эту догадку, показавъ, что судъ присяжныхъ развился изъ тѣхъ церковныхъ и фискальныхъ разслѣдованій или „обысковъ", родиной которыхъ надо признать Францію, въ частности нормандское герцогство [1]). Заодно съ Буленвилье Монтескьё ищетъ доказательства этой мысли въ дарственныхъ грамотахъ Louis le Hutin. Въ норманской хартіи и вызванныхъ ею подражаніяхъ лежитъ, въ ихъ глазахъ, главнѣйшій источникъ той свободы, которую французы удержали бы и доселѣ, не помѣшай этому ихъ легкомысленное отношеніе къ ней. Главнѣйшимъ проявленіемъ этой свободы было не разъ повторенное на генеральныхъ штатахъ XIV вѣка клятвенное обязательство не взимать налоговъ безъ согласія сословій [2]). Столѣтняя война съ Англіей признается Монтескьё важнѣйшей причиной того невниманія, съ которымъ нація со второй половины XIV вѣка стала относиться къ постепеннымъ захватамъ королевской власти, а поддѣлка монетъ — обычной практикой доставить монарху нужныя для того средства [3]).

---

[1]) Brunner. Die Enstehung der Schwurgerichte in England.

[2]) Pensées et Fragments, стр. 318, 319 и 320.

[3]) Стр. 337 и 321.

„Когда,— пишетъ Монтескьё,— англичане были наконецъ прогнаны изъ Франціи, королевское всемогущество было уже создано и феодальнымъ сеньерамъ осталось только недоумѣвать, какъ отъ необузданнаго произвола они внезапно перешли къ неограниченному подчиненію. Сравнивая царствованіе Карла VII съ правленіемъ его преемника, Людовика XI, думаешь, что рѣчь идетъ о двухъ разныхъ народахъ. Произволъ власти сказывается сразу и мгновенно, такъ что въ концѣ царствованія послѣдняго изъ названныхъ королей ни одинъ сеньеръ не былъ уже увѣренъ въ своей жизни. Смерть Карла VII была послѣднимъ днемъ французской свободы [1]). Людовикъ XI пріумножилъ налоги, уничтожилъ привилегіи городовъ, нанесъ серьезные удары дворянству, упразднилъ многія должности или сократилъ ихъ преимущества; имъ отмѣнена прагматическая санкція, этотъ памятникъ религіи и свободы. Запугивая французовъ опасностью постояннаго нападенія со стороны Бургундіи, вступившей въ союзъ съ Англіей, Людовикъ XI сумѣлъ ослабить въ народѣ вниманіе къ его вольностямъ. Ничто— пишетъ Монтескьё, — не помогаетъ правителямъ въ большей степени въ ихъ стремленіи къ самодержавію, какъ страхъ иноземнаго нашествія. Народы ревниво относятся къ своимъ свободамъ только среди того покоя, какой даетъ имъ миръ [2]). Людовикъ XI сумѣлъ также воспользоваться рознью сословій, рѣзко выступавшей на собраніяхъ штатовъ. Противъ захватовъ королевской власти сеньеры не имѣютъ другого средства, кромѣ этихъ штатовъ, но на нихъ народъ и духовенство всегда были въ союзѣ противъ дворянства, такъ какъ боялись честолюбія магнатовъ и возможности междоусобной войны, издержки которой покрыты бы были ихъ кошелькомъ“ [3]). Успѣхъ Людовика XI не заставляетъ Монтескьё причислить его къ великимъ людямъ. „Счастье этого

[1]) Ibid., стр. 137 и 138.
[2]) Ibid., стр. 345.
[3]) Ibid., стр. 344.

короля, — пишетъ онъ, — было найти такого историка, какъ Филиппъ де-Комминъ; онъ прославилъ его пороки и украсилъ ихъ названіемъ осмотрительности и мудрости. Умъ Людовика XI на самомъ дѣлѣ выступалъ только въ томъ, что всѣ души казались ему одинаково продажными, и онъ всегда готовъ былъ оплатить дѣлаемыя ему услуги; король покупалъ крѣпости, предпочитая этотъ пріемъ славѣ завоевателя. Онъ умѣлъ также унижаться во-время, порождать ненависть и заключать дружбу; ничто не останавливало его, кромѣ неудачи. Его нельзя причислить къ тѣмъ правителямъ, которые озабочены сохраненіемъ своего величія и предоставляютъ интриговать лицамъ имъ подвластнымъ. Изъ самаго благочестія Людовикъ сдѣлалъ орудіе тираніи; его неумолимость сказывалась съ особенной силою всякій разъ, когда онъ обнаруживалъ большую набожность". Монтескьё сравниваетъ Людовика XI съ Кромвелемъ и даетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему. „Кромвель, — говоритъ онъ, — былъ великимъ умомъ, — оцѣнка не только вѣрная, но и новая для того времени, когда она была сдѣлана, и для той страны, въ которой приверженцы Стюартовъ все еще находили тайныхъ и явныхъ союзниковъ. — Умъ же Людовика XI, — продолжаетъ Монтескьё, впадающій въ этомъ случаѣ въ явное преувеличеніе, — выступалъ въ сѣти мелкихъ плутней, не имѣвшихъ ни связи между собою ни опредѣленной цѣли" (?).

Нерасположенія Монтескьё съ Людовикомъ XI заслуживаетъ и другой участникъ въ созданіи французскаго абсолютизма—кардиналъ Ришельё. Монтескьё отрицаетъ даже его заслуги во внѣшней политикѣ, обвиняя его въ созданіи могущества Австрійскаго дома и въ возрожденіи падавшаго уже протестантизма, благодаря союзу Франціи съ германскими князьями. Во внутренней политикѣ Ришельё, по его словамъ, обнаружилъ то же честолюбіе, какое заставляло его въ международныхъ сношеніяхъ играть подданными и правителями, какъ орудіями для собственнаго возвеличенія. Онъ

правилъ Франціей какъ монархъ, а не какъ министръ; онъ завидовалъ власти короля и присваивалъ себѣ его авторитетъ, предоставляя Людовику XIII расширять свои права на счетъ магнатовъ. Благодаря ему Людовикъ XIII принужденъ былъ играть второстепенную роль въ королевствѣ и первую въ мірѣ [1]). Монтескьё заканчиваетъ свою характеристику Ришельё, объявляя, что его надо поставить въ число двухъ вреднѣйшихъ гражданъ Франціи; вторымъ онъ считаетъ Лувуа, руководителя Людовика XIV въ послѣднюю несчастную половину его царствованія, ознаменованную неудачными войнами, преслѣдованіями гугенотовъ и захватами власти.

Одно уже это заявленіе даетъ возможность предвидѣть, каково будетъ отношеніе Монтескьё къ Королю-Солнцу. Онъ не пощадитъ ни внѣшней ни внутренней его политики. „Людовикъ XIV,—пишетъ онъ,—повидимому, не имѣлъ другой цѣли, какъ возстановить противъ себя всю Европу. Онъ стремился менѣе къ завоеванію ея, чѣмъ къ тому, чтобы вѣчно держать ее въ страхѣ. Геній великаго политика сказывается въ томъ, что онъ заботится прежде всего объ упроченіи своей власти, Людовикъ же XIV старался обнаружить ее, не успѣвъ еще добиться ея установленія. Его ложное честолюбіе состояло въ томъ, чтобы брать крѣпости, даже тогда, когда онъ напередъ былъ увѣренъ въ необходимости вернуть ихъ непріятелю“. Во внутренней политикѣ Людовикъ XIV, по словамъ Монтескьё, ознаменовалъ себя только неумѣреннымъ желаніемъ усилить власть надъ подданными. „Не знаю,—прибавляетъ авторъ „Духа законовъ“,—въ правѣ ли я осудить его за это, такъ какъ чувство, которымъ онъ руководствовался, обще всѣмъ людямъ“. Король-Солнце находитъ въ лицѣ своего критика весьма строгаго судью. Чрезмѣрностью податей Людовикъ, по его словамъ, возстановилъ противъ себя сердца подданныхъ. Всѣ новые

---

[1]) Ibid., стр. 360, 361, 364 и 365.

налоги вызваны были желаніемъ вести безполезныя войны. Имѣя отъ природы умъ заурядный (un esprit médiocre), Людовикъ XIV часто принималъ ложное величіе за настоящее. Его уваженіе къ законамъ и установленнымъ правиламъ управленія не выдерживало столкновенія съ его личными интересами. Ханжество отняло у него напослѣдокъ дней и ту слабую долю разума, какая отпущена была ему природой. Духовники—причина тому, что его царствованіе постепенно сдѣлалось ненавистнымъ и смѣшнымъ въ глазахъ подданныхъ [1]).

Только что приведенная характеристика „великаго монарха“ въ болѣе яркихъ краскахъ повторена Монтескьё въ „Персидскихъ письмахъ“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой вымышленной переписки изображаетъ Людовика XIV чертами человѣка, обладающаго рѣдкой способностью добиваться отъ всѣхъ повиновенія. Онъ съ равнымъ геніемъ управляетъ собственной семьей, дворомъ и государствомъ. Король держится высокаго мнѣнія о восточныхъ порядкахъ и не разъ высказывалъ свое пристрастіе къ образу правленія, существующему въ Турціи и Персіи. Хотя онъ и привязанъ къ своей вѣрѣ, но все же не терпитъ тѣхъ, кто настаиваетъ на строгомъ соблюденіи предписанныхъ ею правилъ поведенія. Любя трофеи и побѣды, онъ въ то же время боится поставить способнаго генерала во главѣ своихъ войскъ. Онъ не прочь расточать милости за дѣйствительныя услуги государству, но еще охотнѣе награждаетъ ими праздность и лесть своихъ придворныхъ. Сплошь и рядомъ онъ оказываетъ предпочтеніе не герою, взявшему крѣпость или выигравшему сраженіе, а человѣку, ловко раздѣвающему его или подающему ему салфетку за обѣдомъ [2]). Къ тому же онъ всецѣло въ рукахъ женщинъ, хотя возрастъ и ставитъ его въ условія, при которыхъ онѣ всего менѣе нужны. Мѣсто стариннаго дворянства за-

[1]) Ibid., стр. 361 по 374.
[2]) Ibid., письмо 37.

нялъ при его дворѣ штатъ лакеевъ; этотъ послѣдній пользуется во Франціи большимъ уваженіемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и служитъ разсадникомъ, изъ котораго вербуются сановники государства [1]). Продолжая свою характеристику политическихъ порядковъ Франціи въ моментъ смерти Людовика XIV, Монтескьё высказываетъ между прочимъ свое отношеніе къ тому упадку, въ какой пришли парламенты и верховныя палаты королевства, нѣкогда игравшіе значительную роль въ ограниченіи абсолютизма.

„Парламенты,—пишетъ онъ,—нынѣ не болѣе, какъ почтенныя развалины; ихъ топчатъ ногами. Одинъ только внушаемый ими народу культъ вызываетъ въ умѣ память о великолѣпномъ нѣкогда храмѣ. Королямъ они ненавистны потому, что изъ ихъ устъ раздаются только горькія истины. Въ то время, какъ толпа придворныхъ восхваляетъ благоденствіе народа подъ мудрымъ правительствомъ монарха, верховныя палаты, протестуя противъ этой лести, приносятъ къ подножію престола выраженіе стона и слезъ подданныхъ [2]). Въ наши дни,—жалуется Монтескьё,—парламенты допускаются только къ отправленію правосудія; ихъ власть кажется вымирающей; только непредвидѣнное стеченіе обстоятельствъ можетъ вернуть имъ жизнь и значеніе“. Монтескьё не скрываетъ своего сочувствія къ попыткамъ регента Филиппа Орлеанскаго возстановить уваженіе къ парламентамъ, сдѣлать ихъ опорой монархіи и фундаментомъ всякой закономѣрной власти. Верховныя палаты продолжаютъ оставаться въ его глазахъ зеркаломъ, или отраженіемъ, политической свободы [3]).

Такимъ образомъ изученіе старинной французской конституціи и новѣйшихъ судебъ родины только укрѣпляетъ въ Монтескьё впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ путешествія по различнымъ странамъ Европы и знакомства съ ихъ со-

[1]) Ibid., письмо 108.
[2]) Ibid., письмо 140.
[3]) Ibid., письмо 93.

временными порядками. Всюду насталъ конецъ той ограниченной сословіями и верховными судами монархіи, въ которой,—пишетъ Монтескьё,—власть правителя раздѣляло значительное число сеньеровъ; безъ ихъ согласія нельзя было объявить войны, налоги установлялись не исключительно съ цѣлью обогатить короля, законы же изготовляемы были въ собраніи націи [1]). Монархіи Европы,—говоритъ будущій авторъ „Духа законовъ“ еще въ своихъ „Персидскихъ письмахъ“,—не заслуживаютъ болѣе этого имени. Онѣ вырождаются въ деспотіи“ [2]). Въ неизданныхъ и только недавно появившихся на свѣтъ разсужденіяхъ Монтескьё о политической свободѣ, объ обязанностяхъ подданныхъ и о правахъ правителей опредѣленнѣе выступаетъ его взглядъ на причины, по которымъ міру угрожаетъ переходъ отъ монархіи къ деспотизму. Монтескьё считаетъ ими не одни захваты власти со стороны правителей и невниманіе, съ какимъ подданные относятся къ такой узурпаціи; онъ видитъ еще источникъ переживаемаго Европою вырожденія въ самой религіи. „Христіанство, какъ и магометанство,—пишетъ онъ,—въ противность древнимъ вѣрованіямъ, озабочены только благополучіемъ будущей жизни и приносятъ ему въ жертву жизнь земную [3]), и по мѣрѣ того какъ религія подавляетъ въ насъ стремленіе къ обезпеченію земного благополучія, деспотизмъ, повсюду распространенный, угнетаетъ насъ все болѣе и болѣе“.

Современники Монтескьё не разъ ставили ему въ вину недостаточность сказаннаго имъ о природѣ деспотизма. „Духъ законовъ“, дѣйствительно, ограничился по этому вопросу лишь извѣстнымъ заявленіемъ, что страхъ соста-

---

[1]) Ibid., письмо 131.

[2]) Ibid., письмо 103.

[3]) Aujourd'hui, le Mahométisme et le Christianisme, uniquement faits pour l'autre vie, anéantissent toutes celle-ci. Et, pendant que la Religion nous afflige, le Despotisme, partout répandu, nous accable. Pensées et Fragments, стр. 311.

вляетъ его жизненный принципъ [1]); взамѣнъ всякой другой характеристики деспотизма Монтескьё пишетъ слѣдующія три строки: „Когда дикари Луизіаны хотятъ собрать плоды, они срубаютъ дерево у корня; таковъ деспотическій образъ правленія“ [2]). „Эта глава,—говорилъ о приведенномъ параграфѣ Вольтеръ,—поражаетъ своей краткостью и заключаетъ въ себѣ не болѣе, какъ парафразу испанской поговорки“ [3]). Трудно составить себѣ по ней представленіе, въ чемъ именно, въ глазахъ Монтескьё, лежитъ отличіе деспотіи отъ монархіи. Монтескьё болѣе опредѣленно высказывается на этотъ счетъ какъ въ непоявившихся въ печати отрывкахъ изъ „Духа законовъ“, такъ и въ разсужденіяхъ объ обязанностяхъ подданныхъ и политической свободѣ. Въ послѣднемъ онъ прямо противопоставляетъ деспотію умѣренному образу правленія, предполагающему комбинацію властей и ихъ взаимное равновѣсіе [4]). Монтескьё не думаетъ, чтобы сосредоточеніе всѣхъ ихъ въ рукахъ одного лица, какое предполагаетъ упраздненіе всякаго смѣшаннаго правительства, служило къ выгодѣ какъ начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ. „Я готовъ сказать князьямъ,—объявляетъ онъ,— почему вы такъ озабочены расширеніемъ вашего авторитета; или вы думаете преумножить тѣмъ свое могущество; но вѣдь опытъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ доказываетъ, что вы такимъ путемъ только ослабляете его. Нужно ли вамъ подобное усиленіе власти для того, чтобы дѣлать добро? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ не существуетъ

---

[1]) **Книга III, глава IX.**

[2]) **Книга V, глава XIII.**

[3]) Commentaire sur quelques principales maximes de l'Esprit des Lois, § 23.

[4]) Ce qui fait que la plupart des gouvernements de la Terre sont despotiques, c'est qu'un pareil gouvernement saute aux yeux; qu'il est uniforme partout. Comme il ne faut que des passions violentes pour l'établir, tout le monde est bon pour cela. Mais, pour établir un gouvernement modéré, il faut combiner les puissances, les tempérer, les faire agir et les régler; donner un lest à l'une, pour la mettre en état de résister à une autre; enfin, il faut faire un système. Pensées et Fragments, стр. 416—417.

достаточно нелѣпыхъ народовъ и законовъ, чтобы мѣшать вамъ въ этомъ случаѣ. Слѣдовательно, вы стремитесь къ расширенію авторитета правительства только для того, чтобы дѣлать зло" [1]).

„Не нужно, чтобы короли Европы,—читаемъ мы въ одномъ неизданномъ отрывкѣ изъ „Духа законовъ",— стремились къ деспотизму Азіи. Мелкое удовлетвореніе, какое даетъ неограниченная власть, покупается здѣсь настолько дорогой цѣною, что человѣкъ благомыслящій не можетъ ей завидовать. Короли Европы правятъ какъ люди и пользуются тѣмъ же прочнымъ положеніемъ, какое выпало въ удѣлъ богамъ. Монархи же Азіи правятъ какъ боги и всегда подвержены тѣмъ опасностямъ, какими грозитъ непрочность дѣлъ человѣческихъ" [2]).

Величайшій вредъ, какой наносится подданнымъ торжествомъ абсолютизма, въ глазахъ Монтескьё лежитъ въ томъ, что неограниченная власть не терпитъ существованія рядомъ съ ней никакого другого авторитета, даже того, который природа дала родителямъ надъ дѣтьми. „Подумаешь,—пишетъ онъ,—что естественными послѣдствіемъ упроченія неограниченной власти должно быть обособленіе людей и ихъ интересовъ" [3]).

Въ неизданныхъ параграфахъ „Духа законовъ" Монтескьё еще нагляднѣе противополагаетъ монархію, которая для него является смѣшаннымъ, или, вѣрнѣе, ограниченнымъ, правительствомъ, и не знающую никакой удержи деспотію. „Для монархіи,—пишетъ онъ,— необходимо зажиточное дворянство, располагающее авторитетомъ и привилегіями. Въ деспотіи же всѣ люди равны между собой, такъ

---

[1]) Ibid., статья, озаглавленная Les Princes. Отрывки, которые не могли появиться въ Bibliothèque Espagnole. Ibid. стр. 427.

[2]) Ibid., стр. 109.

[3]) Il semble que l'effet naturel de la puissance arbitraire soit de particulariser tous les intérêts. Des Devoirs. Ibid., стр. 383.

какъ всѣ одинаково живутъ въ политическомъ рабствѣ [1]). О вы, которымъ ввѣрены интересы французскаго дворянства,— говоритъ онъ въ тѣхъ же отрывкахъ, обращаясь къ министрамъ,—не направляйте завистливыхъ взоровъ на почетныя права этого сословія и не протягивайте хищническихъ рукъ на его имущество“ [2]). Съ переходомъ монархіи въ деспотію, по мнѣнію Монтескьё, неизбѣжно связана и потеря государствомъ его прежней силы.

„Остановите ваше вниманіе,—пишетъ онъ,—на судьбѣ великихъ имперій, которыя, поразивъ міръ своимъ могуществомъ, не менѣе удивили его своею слабостью. Какъ примирить такое противорѣчіе, если не тѣмъ, что въ начальный періодъ развитія неограниченной власти еще остается искра свободы и государство можетъ совершить великое, такъ какъ все, что уцѣлѣло отъ его жизненныхъ принциповъ, пущено имъ въ ходъ. Но разъ свобода потеряна окончательно, на смѣну прежней силы является равная слабость. И это потому, что исчезла любовь ко всему доброму и великому, что каждой профессіи выгоднѣе, скажу болѣе, приказано не стремиться къ возвышенному. Разочарованіе овладѣло всѣми вообще и каждымъ въ частности; дворянство лишилось прежняго чувства чести, военное сословіе потеряло интересъ къ побѣдамъ, судебное — прежнее рвеніе, буржуазія—довѣріе, народъ—надежду. Удивительное дѣло, все какъ будто двигается и въ то же время бездѣйствуетъ. Каждый гражданинъ имѣетъ, повидимому, опредѣленное положеніе, но въ дѣствительности не пріуроченъ ни къ какому общественному служенію. Отъ каждаго требуютъ не разума и сердца, а однѣхъ тѣлесныхъ услугъ. При такихъ условіяхъ монархіи немудрено показать свою слабость, нерѣдко къ собственному изумленію“ [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 113.

[2]) Ibid., стр. 109.

[3]) Неизданные отрывки изъ Esprit des Lois, стр. 124 и 125.

Завоевательная политика и связанное съ нею обремененіе народа податями — ближайшая причина, по которой правители чувствують необходимость усилить свою власть. Французскіе монархи нѣкоторое время умѣли избѣжать этого послѣдствія своей воинственности, пополняя казну съ помощью фальшиваго чекана монеты. Но настало время, когда и они рѣшились взимать налоги съ подданныхъ, обходя требованіе объ ихъ формальномъ опросѣ на этотъ счетъ. Несомнѣнно, однако, что если бы при третьей династіи законы присоединили къ собранію пэровъ палату земельныхъ собственниковъ и камеру депутатовъ отъ городовъ, „готическое правительство" удержалось бы во Франціи и захваты деспотизма сдѣлались бы невозможными [1]). Случись это, Франція осталась бы при умѣренномъ образѣ правленія, по примѣру Англіи, о которой Монтескьё говоритъ въ одномъ изъ ненапечатанныхъ отрывковъ, что, будучи государствомъ смѣшаннымъ, подобно республиканскому Риму, она тѣмъ не менѣе оставляетъ за правительствомъ больше власти, чѣмъ та, какой располагаетъ турецкій султанъ. „Парламентъ,— прибавляетъ онъ, истолковывая далѣе свою мысль,—менѣе страшенъ для короля и министровъ въ Лондонѣ, чѣмъ константинопольская милиція (янычары) и чернь для Сераля и Дивана" [2]). Какъ добились англичане сохраненія своего умѣреннаго образа правленія? Монтескьё отвѣчаетъ на это въ своемъ отрывкѣ объ обязанностяхъ слѣдующими многознаменательными словами: „Предположимъ, что жестокое и разрушительное правительство упрочилось бы въ цѣломъ мірѣ не столько благодаря силѣ тирановъ, сколько благодаря довѣрчивости и предразсудкамъ толпы. Если бы кто-нибудь открылъ глаза людямъ и обучилъ ихъ вѣчнымъ и неизмѣннымъ за-

---

[1]) Смотри отрывки изъ „Исторіи Франціи", стр. 336, и замѣтки на Исторію графа Буленвилье, стр. 321.

[2]) Le Prince, ibid., стр. 428.

конамъ, не былъ ли бы онъ дѣйствительнымъ благодѣтелемъ человѣчества? Безсмысленно считать авторитетъ князя священнымъ, не признавая той же святости за авторитетомъ закона“ [1]). Итакъ, англичане потому только избѣжали общаго вырожденія монархіи въ деспотію, что нашлись люди, готовые отстоять ихъ „готическую конституцію“ отъ всѣхъ захватовъ абсолютизма. Но не грозитъ ли Англіи въ ближайшемъ будущемъ опасность потерять свободу? Монтескьё не прочь думать, что счастливое равновѣсіе властей, обезпеченное конституціей, не мѣшаетъ Англіи переживать за послѣднее время общій всей Европѣ процессъ вырожденія монархій. Если Франція, по его предсказанію, погибнетъ благодаря своему войску, т.-е. благодаря той власти, которую армія даетъ королю [2]),— Англіи грозитъ другая, не меньшая опасность: деньги въ ней въ большомъ почетѣ, честь и добродѣтель цѣнятся мало и подкупность проникла во всѣ сословія [3]). „Англичане не достойны болѣе свободы, они продаютъ ее королю. Если бы послѣдній вздумалъ продать ее имъ обратно, они бы повторили снова прежнюю сдѣлку.“ Для иллюстраціи своей мысли Монтескьё, заставшій въ Англіи министерство Вальполя, знаменитое въ ея лѣтописяхъ умѣніемъ практиковать официальную кандидатуру и скупать голоса въ парламентѣ, приводитъ тотъ фактъ, что депутаты отъ Шотландіи не прочь передаться министру за скромное вознагражденіе въ двѣсти ливровъ каждый. Самъ министръ производитъ на будущаго автора „Духа законовъ“ впечатлѣніе человѣка, готоваго продать всѣ государства въ мірѣ, въ томъ числѣ и свою родину, лишь бы одержать побѣду надъ противникомъ въ нижней палатѣ, а парламентъ кажется ему вѣчно отступающимъ передъ мыслью вырвать съ корнемъ то зло, отъ котораго

[1]) Ibid., стр. 381.

[2]) La France se perdra par les gens de guerre. Pensées diverses. Oeuvres complètes, изданіе Didot, стр. 26.

[3]) Notes sur l'Angleterre, ibid., стр. 630.

всего болѣе самъ онъ страдаетъ, т.-е. подкупы на выборахъ.

Итакъ, Монтескьё не слѣпъ по отношенію къ тѣмъ невзгодамъ, какія временно грозятъ англійской конституціи; онъ видитъ и въ ней элементы вырожденія, и это сознаніе отразится въ его „Духѣ законовъ", въ знаменитой XI книгѣ, въ которой, ставя другимъ націямъ въ образецъ Англію, утверждая, что въ ней одной конституція озабочена сохраненіемъ политической свободы, онъ въ то же время замѣтитъ: „И это государство, подобно всѣмъ созданіямъ человѣческимъ, потеряетъ свою свободу и погибнетъ, если законодательная власть подвергнется еще большей порчѣ, чѣмъ исполнительная. Не мнѣ высказываться по вопросу, пользуются ли англичане въ дѣйствительности всею тою свободой, которая обезпечена имъ законами, или нѣтъ" [1]).

§ 3. Чтобы быть всеобщимъ, законъ вырожденія политическихъ формъ, упадка свободы и возникновенія деспотизма долженъ найти примѣненіе себѣ и въ исторіи народовъ древности. Аристотель на примѣрѣ греческихъ республикъ пытался установить теорію неизмѣннаго вырожденія демократіи въ охлократію и аристократіи въ олигархію. Монархія, которая для него, какъ для грека по рожденію, еще совпадала съ тираніей или узурпаціей народнаго самодержавія предпріимчимымъ и счастливымъ честолюбцемъ, является въ его трактатѣ скорѣе вырождающейся, нежели нормальной формой политическаго устройства. Годная для варваровъ, она сливается у него съ понятіемъ восточной деспотіи, такъ что начавшееся завоеваніе Александра въ его глазахъ было бы по всей вѣроятности не болѣе, какъ новымъ доказательствомъ той мысли, что внѣ эллиновъ и эллинской культуры свобода политическая немыслима.

Если такимъ образомъ примѣръ Греціи, насколько онъ принятъ въ расчетъ авторомъ „Политики", только въ сла-

[1]) **Книга XI, конецъ главы VI.**

бой степени раскрываетъ процессъ фатальнаго торжества деспотизма, въ формѣ вырожденія олигархій и охлократіи въ тираніи, то не возможно ли на примѣрѣ Рима съ большею широтою провѣрить справедливость той гипотезы, какую вызываетъ въ умѣ наблюденіе надъ судьбою новыхъ народовъ, переходящихъ отъ уравновѣшенныхъ сословіями монархій, демократическихъ и аристократическихъ республикъ къ единоначалію? Монтескьё задался этимъ вопросомъ, и отвѣтомъ на него явилось знаменитое разсужденіе „О причинахъ величія и паденія римлянъ“.

„Каковъ, — спрашиваетъ онъ себя,— историческій ходъ развитія этого единственнаго въ мірѣ народа? Изъ мелкаго городского поселенія, похожаго на ту совокупность пещерныхъ построекъ, которыя въ Крыму давали возможность укрыться отъ набѣговъ людямъ и скоту [1]), Римъ становится владыкою міра, осуществляетъ недоступный современнымъ народамъ [2]) идеалъ всемірной монархіи. Эти внѣшніе успѣхи совпали съ внутреннимъ вырожденіемъ. Должно было,—пишетъ Монтескьё,—случиться одно изъ двухъ: Риму надлежало измѣнить свой образъ правленія, или остаться навсегда мелкимъ и бѣднымъ королевствомъ, какимъ онъ былъ на первыхъ порахъ. Исторія новыхъ народовъ представляетъ намъ примѣръ того же,— прибавляетъ онъ, обнаруживая тѣмъ самымъ постоянную заботу найти въ прошломъ доказательство общности тѣхъ явленій, которыя раскрываются передъ его глазами. Во всѣ времена люди имѣли однѣ страсти; этимъ и объясняется, почему различіе могло коснуться только обстоятельствъ, вызвавшихъ великія пере-

---

[1]) Книга I.

[2]) Смотри разсужденіе Монтескьё о всемірной монархіи въ Европѣ, напечатанное въ Deux opuscules de Montesquieu, Réflexions sur la Monarchie Universelle en Europe. C'est une question qu'on peut faire si, dans l'état où est actuellement l'Europe, il peut arriver qu'un peuple y ait, comme les Romains, une superiorité constante sur les autres. Je crois qu'une pareille chose est devenue moralement impossible; стр. 11.

мѣны, а не причинъ, ихъ обусловившихъ [1]),—другими словами: люди всегда люди и имѣютъ одинаковыя страсти и одинаковую способность пользоваться случаемъ для удовлетворенія этихъ страстей“. Въ ряду ихъ важнѣйшую роль въ смѣнѣ правительствъ играетъ страсть къ наживѣ и честолюбіе. Все разсужденіе направлено къ доказательству той мысли, что пока римляне сохраняли простоту нравовъ, привитую имъ первыми ихъ законами, въ частности равнымъ якобы въ началѣ распредѣленіемъ имуществъ, они удержали и свою свободу [2]). Но когда скупость однихъ и расточительность другихъ сосредоточили землю въ немногихъ рукахъ, нарушено было прежнее соотвѣтствіе между землевладѣніемъ и отправленіемъ обязанностей гражданина въ государствѣ и солдата въ войскѣ. Получаемая на войнѣ добыча не шла болѣе, какъ прежде, въ раздѣлъ между всѣми участниками завоеванія, а поступала въ руки людей богатыхъ, распоряжавшихся ею для поселенія рабовъ и ремесленниковъ.

Не раздѣленіе на партіи и постоянное соперничество ихъ между собою вызвало паденіе римской свободы. Такія партіи и такое соперничество необходимы во всякомъ сво-

---

[1]) Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence, глава I. Эти „Соображенія“ по первоначальному плану автора должны были войти составной частью въ „Духъ законовъ“. Сочиненіе приняло слишкомъ широкіе размѣры, такъ что Монтескьё принужденъ былъ ограничиться однимъ воспроизведеніемъ въ XI книгѣ тѣхъ мыслей о характерѣ римской конституціи, какія нашли первое выраженіе себѣ въ его историческомъ разсужденіи. Такое сближеніе становилось естественнымъ и необходимымъ въ виду того, что раздѣлъ суверенитета, находимый имъ въ Англіи, въ древности извѣстенъ былъ и Риму.

[2]) Dans la naissance des sociétés ce sont les chefs des république qui font l'institution; et c'est ensuite l'institution qui forme les chefs des républiques... Les fondateurs des anciennes républiques avaient également partagé les terres: cela seul faisait un peuple puissant, c'est-à-dire une société bien réglée; cela faisait aussi une bonne armée, chacun ayant un égal intérêt et très-grand à défendre sa patrie. Ibid, главы I и III.

бодномъ государствѣ и встрѣчались въ Римѣ съ самаго начала. Нельзя требовать, чтобы люди, храбрые на войнѣ, были робки въ мирное время. Общимъ правиломъ можно считать, что когда въ государствѣ всѣ въ покоѣ, оно остается республикой только по имени и свобода его потеряна [1]). Погубила римлянъ порча ихъ нравовъ, которая въ свою очередь вызвана была чрезмѣрнымъ расширеніемъ предѣловъ государства. „Когда легіоны,—пишетъ Монтескьё,—перешли границы Альпъ и моря, воины, которыхъ приходилось держать въ завоеванныхъ странахъ, постепенно потеряли духъ гражданскій, а генералы, поставленные во главѣ завоеванныхъ королевствъ, почувствовали свою силу и не пожелали болѣе повиноваться". На ряду съ этимъ Монтескьё отмѣчаетъ еще другое послѣдствіе того же неограниченнаго расширенія римскихъ владѣній: италійскіе народы, принявшіе участіе въ завоеваніяхъ римлянъ, пожелали раздѣлить ихъ преимущества и добились въ концѣ-концовъ сообщенія имъ правъ гражданства. Но съ этого времени Римъ пересталъ быть городомъ, въ которомъ народъ объединенъ былъ любовью къ свободѣ и равенству и ненавистью къ тираніи. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ народы Италіи сдѣлались гражданами Рима, каждый городъ принесъ въ него свой геній, свои частные интересы, свою зависимость отъ какого-нибудь могущественнаго покровителя. Честолюбцы стали приводить за собою въ народныя собранія населеніе цѣлыхъ городовъ, съ цѣлью провести свои собственные взгляды.

Собранія перешли въ заговоры, комиссіями стали называться толпы мятежниковъ, химерою сдѣлался авторитетъ народа, анархія дошла до того, что нельзя было съ увѣренностью сказать, изданъ ли извѣстный законъ, или не изданъ. Такимъ образомъ громадное протяженіе имперіи впервые придало характеръ междоусобной войны тому,

---

[1]) Ibid., глава IX.

что на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ борьбой партій, служащей естественнымъ проявленіемъ правильнаго функціонированія свободныхъ учрежденій [1]). Обширность государства, сдѣлавшись источникомъ обогащенія частныхъ лицъ, внесла въ Римъ небывалую дотолѣ роскошь и вмѣстѣ съ нею неравенство и непрочность состояній [2]). Тѣ, въ комъ превратности судьбы породили неумѣренное желаніе вернуть прежнее благоденствіе, готовы были на всѣ преступленія; люди, не имѣвшіе сами земель и владѣній, не хотѣли допустить и другихъ къ такому преимуществу [3]). Такимъ образомъ подготовлены были условія, благопріятныя захвату власти нѣкоторыми честолюбцами.

„Законы Рима,—пишетъ Монтескьё,—мудро раздѣлили верховенство между большимъ числомъ сановниковъ, которые то поддерживали, то останавливали и всегда уравновѣшивали другъ друга. Честолюбцы озаботились тѣмъ, чтобы соединить въ своихъ рукахъ возможно больше должностей, одни—въ силу делегаціи народа, другіе—путемъ открытаго присвоенія. Республика подпала подъ ихъ гнетъ; въ этомъ не слѣдуетъ обвинять частныхъ лицъ и ихъ страсть къ владычеству, а природу человѣческую, которая становится тѣмъ болѣе падкой на власть, чѣмъ больше та, которая уже имѣется въ его рукахъ“ [4]). Въ паденіи римской свободы неповинны поэтому ни Марій, ни Сулла, ни Помпей, ни Цезарь, а сама сила вещей и прирожденныя людямъ страсти. „Если бы Цезарь и Помпей,—пишетъ Монтескьё,—держались тѣхъ же мнѣній, что и Катонъ, другіе взяли бы на себя роль Цезаря и Помпея; республика, предназначенная къ гибели, ввергнута

---

1) Ibid., глава IX.

2) Ibid., глава X.

3) Ibid., глава X.

4) Enfin la république fut opprimée, et il n'en faut pas accuser l'ambition de quelques particuliers, il en faut accuser l'homme toujours plus avide du pouvoir à mesure qu il en a davantage, et qui ne désire tout que parce qu'il possède beaucoup. Ibid. глава XI.

была бы въ бездну только не ихъ рукою [1]). Августъ закончилъ то, что начато было еще Маріемъ и Суллою; онъ установилъ порядокъ, т.-е., пишетъ Монтескьё, прочное рабство. „Въ свободномъ государствѣ, въ которомъ произошла узурпація власти,—поясняетъонъ,—порядкомъ называютъ то, что содѣйствуетъ упроченію неограниченнаго единоначалія, а безпорядкомъ — все то, что позволяетъ гражданамъ сохранить хотя бы умѣренную свободу“.

Всѣ дѣйствія Августа, всѣ его мѣропріятія стремились открыто къ установленію монархіи. Онъ отнялъ у народа законодательную власть и право судить государственныя преступленія, но онъ оставилъ за нимъ право избранія сановниковъ. Тиверій пошелъ еще дальше въ томъ же направленіи и, опасаясь многочисленныхъ сборищъ, перенесъ въ руки раболѣпнаго сената право замѣщенія должностей, чѣмъ и обезпечилъ себѣ возможность занятія ихъ собственными креатурами [2]). Неограниченность власти, какой пользовались преемники Августа, Монтескьё объясняетъ тѣмъ, что самой абсолютной является смѣняющая народовластіе монархія; въ этомъ случаѣ въ руки самодержца переходитъ весь авторитетъ народа, который не умѣетъ поставить самъ границъ своему всемогуществу [3]). Власть императоровъ Рима была поэтому даже болѣе тиранической, чѣмъ власть монарховъ новой Европы; она была результатомъ соединенія въ одномъ лицѣ власти всѣхъ римскихъ сановниковъ. Будучи диктаторами, народными трибунами, проконсулами, цензорами, первосвященниками, при желаніи консулами, императоры нерѣдко осуществляли правосудіе, тогда какъ монархи Европы—обыкновенно только законодатели, но не судьи. Сохранивъ за собою право помилованія, императоры перенесли на поставленныхъ ими лицъ нена-

---

[1]) Ibid., глава XI.
[2]) Ibid., глава XIII и XIV.
[3]) Ibid., глава XV.

вистное народу право назначать наказанія и производить конфискаціи [1]).

Процессъ вырожденія старинной римской конституціи не ограничился упроченіемъ деспотизма; послѣдній вскорѣ уступилъ мѣсто анархіи; гражданская власть оказалась безсильной уравновѣсить власть военную; каждая армія пожелала имѣть своего императора [2]). Щедрыя подачки въ пользу солдатъ, съ цѣлью снискать ихъ поддержку, внесли роскошь въ среду, которая, по силѣ вещей, должна довольствоваться необходимымъ для жизни. Армія стала возводить на престолъ и низлагать императоровъ, исключительно изъ денежнаго расчета, изъ желанія получить новыя подачки или отомстить за недоплату обѣщанныхъ. Во времена Декія римская имперія уподобилась военной аристократіи, правящей Алжиромъ, гдѣ армія возводитъ и низводитъ бейевъ по своему выбору. Настали моменты, когда, какъ, напримѣръ, къ концу царствованія Валеріана и въ правленіе сына его Галіена, тридцать претендентовъ оспаривали престолъ друъ у друга. Если имперія удержалась тѣмъ не менѣе въ теченіе еще нѣсколькихъ столѣтій, то только потому, что среди всеобщаго паденія тѣхъ добродѣтелей, которыя доставили римлянамъ владычество надъ міромъ, а именно осторожности, мудрости, постоянства, любви къ славѣ и любви къ родинѣ, уцѣлѣло ихъ военное искусство. Благодаря ему, несмотря на слабость и тиранію своихъ правителей, Риму удалось долгое время сохранить все пріобрѣтенное, но когда порча проникла и въ армію, онъ сдѣлался добычею всѣхъ народовъ.

Въ „Разсужденіи о величіи и паденіи Рима“ Монтескьё, какъ видно изъ сказаннаго, не довольствуется однимъ констатированіемъ факта постепеннаго исчезновенія политической свободы, но связываетъ ея судьбы съ удержаніемъ

---

[1]) Ibid., глава XVI.

[2]) Ibid., глава XV.

или утратой той системы противовѣсовъ, существованіе которой онъ констатировалъ ранѣе въ Англіи. Эту систему равновѣсія онъ находитъ въ римской республикѣ въ фактѣ раздѣленія верховенства между многочисленными сановниками, поддерживающими, задерживающими и умѣряющими другъ друга [1]).

Такимъ образомъ политическій идеалъ „Разсужденія“ тотъ же, что и „Персидскихъ писемъ“, гдѣ, какъ мы видѣли, пристрастіе Монтескьё вызываетъ уравновѣшанная сословіями и верховными палатами монархія; но идеалъ этотъ получаетъ теперь историческое обоснованіе въ примѣрѣ самаго могущественнаго народа когда-либо существовавшаго въ мірѣ. Такъ какъ изъ новыхъ государствъ въ одной только Англіи, придерживающейся той же системы раздѣленія и равновѣсія властей, конституція ставитъ себѣ сознательной цѣлью политическую свободу [2]), а другія страны владѣютъ ею лишь въ той мѣрѣ, въ какой сохранили эти противовѣсы, то неудивительно, что въ „Духѣ законовъ“ Монтескьё на анализѣ этихъ двухъ образцовыхъ конституцій построитъ свой идеалъ свободнаго государства, одинаково далекаго отъ анархіи и произвола, деспотизма толпы и деспотизма единоначалія. Вмѣсто того, чтобы измѣняться со временемъ, какъ думаютъ многіе его критики, политическія пристрастія Монтескьё остаются прежними; онъ только раскрываетъ ихъ съ большею полнотою. Мы имѣемъ дѣло не съ обратившимся въ монархиста республиканцемъ, а съ человѣкомъ, котораго исторія и наблюденія надъ дѣйствительностью привели къ убѣжденію, что свобода возможна при всякой формѣ правленія, допускающей раздѣлъ суверенитета.

Но „Разсужденіе о причинахъ величія и паденія Рима“ знаменуетъ собою и другой прогрессъ въ развитіи полити-

---

1) „Духъ законовъ“, кн. XI, гл. 3 и слѣд.

2) Ibid., кн. XI, гл. II.

ческой теоріи Монтескьё. Онъ не ограничивается болѣе однимъ указаніемъ на то, что съ исчезновеніемъ системы противовѣсовъ правительство клонится къ деспотизму и анархіи; онъ пытается еще открыть отдаленныя причины этого регресса столько же въ экономическихъ, сколько и въ нравственныхъ условіяхъ: въ исчезновеніи первоначальнаго равенства и въ развитіи роскоши. Онъ дѣлаетъ еще шагъ далѣе въ истолкованіи тѣхъ сокровенныхъ пружинъ, которыми держатся учрежденія, говоря о роли, какую постепенное расширеніе территоріи и включеніе въ предѣлы имперіи разнородныхъ по климату и расѣ элементовъ оказываетъ на измѣненіе основъ конституціи. Такимъ образомъ уже въ этомъ трактатѣ, вышедшемъ въ свѣтъ четырнадцатью годами ранѣе „Духа законовъ" (въ 1734 году), намѣчены тѣ точки зрѣнія, съ какихъ Монтескьё педвергнетъ своему анализу юридическія нормы и учрежденія разнообразнѣйшихъ народовъ земного шара, какъ древнихъ, такъ и новыхъ.

§ 4. Монтескьё не разсчитывалъ сперва дать особенно широкое развитіе своимъ взглядамъ на причины величія и паденія римлянъ. Въ предисловіи къ сочиненію, разысканному Баркгаузеномъ въ архивахъ Бреды, значится: „Я намѣревался написать всего нѣсколько страницъ о порядкѣ возникновенія монархіи у римлянъ, но предметъ этотъ подкупилъ меня своимъ величіемъ; я поднялся незамѣтно для самого себя къ первымъ временамъ республики и спустился до эпохи упадка имперіи" [1]). Весьма вѣроятно поэтому, что Монтескьё предназначалъ написанное для своего трактата о „Духѣ законовъ". Въ этомъ послѣднемъ о римскихъ порядкахъ говорится въ XI книгѣ, гдѣ Монтескьё старается приложить открытую имъ систему раздѣленія властей къ англійской конституціи, къ римскому королев-

---

[1]) Barkhausen „Montesquieu, l'Esprit des lois et les Archives de la Brède". Бордо, 1904 г. стр. 4.

ству и къ римской республикѣ. По мнѣнію Монтескьё, Римъ въ эпоху, предшествующую Сервію Туллію, уже владѣлъ конституціей, одновременно монархической, аристократической и народной[1]). „Избирательная монархія, какой была римская,—говоритъ онъ,—нуждается въ могущественномъ аристократическомъ тѣлѣ, которое бы поддерживало ее, такъ какъ безъ этого она необходимо выродилась бы въ тиранію, или въ народное правительство. Но послѣднее не нуждается для своей устойчивости въ преимуществахъ, признаваемыхъ за нѣкоторыми семьями. Вотъ почему патриціи, бывшіе необходимой составной частью римской конституціи въ эпоху царей, сдѣлались ненужными во времена консуловъ. Послѣ изгнанія царей Римъ долженъ былъ поэтому сдѣлаться демократіей, но не сталъ ею сразу“. Въ XIV гл. Монтескьё разсматриваетъ тотъ порядокъ, въ какомъ народъ, сливающійся у него съ понятіемъ плебеевъ, постепенно ограничилъ права аристократіи. Указавъ мимоходомъ въ отдѣльной главѣ (XV), какъ въ эпоху децемвировъ римская республика едва не потеряла своей свободы, онъ въ слѣдующихъ затѣмъ разсуждаетъ о распредѣленіи въ римской республикѣ, послѣ паденія децемвировъ, законодательной, исполнительной и судебной власти. Отдѣльная глава посвящена характеристикѣ положенія провинціи при римской республикѣ.

Монтескьё разсчитывалъ, повидимому, дать болѣе широкое развитіе вопросу объ отношеніяхъ античнаго города-государства къ своимъ провинціямъ, мы бы сказали: метрополіи къ колоніямъ. Въ XIX главѣ онъ высказываетъ одну лишь общую мысль, что свобода была въ центрѣ, а тиранія — въ окраинахъ. Но въ уцѣлѣвшихъ архивахъ замка въ Бредѣ — имѣнья Монтескьё — сохранилась цѣлая папка, на которой рукою авторъ „Духа законовъ“ сдѣлана слѣдующая помѣтка: „Не мѣшаетъ написать цѣлую книгу о конституціяхъ феде-

[1]) Кн. XI, гл. XII.

ративныхъ и о колоніяхъ". Можно думать, что онъ намѣревался сдѣлать изъ уцѣлѣвшихъ главъ отдѣльное сочиненіе или включить ихъ въ составъ болѣе общаго трактата, озаглавленнаго: „Размышленія". Знакомство съ этими отрывками весьма важно потому, что раскрываетъ передъ нами способъ рѣшенія Монтескьё вопроса о примиреніи выгодъ прямого народоправства съ тѣми, какія обезпечиваетъ государству обширность его территоріи. Это тѣ же рѣшенія, на которыхъ остановилась, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и мысль Руссо, рекомендующаго для этой цѣли республикамъ вступить въ федеративную связь между собою. „Чѣмъ болѣе союзъ или конфедерація приближается къ демократіи, — пишетъ Монтескьё, — тѣмъ болѣе онъ можетъ считаться совершеннымъ". Если же союзъ имѣетъ аристократическій характеръ (т.-е. если въ немъ одинъ или нѣсколько союзниковъ преобладаютъ надъ другими), онъ менѣе совершенъ, чему примѣромъ можетъ служить соединеніе Греціи подъ гегемоніей, какъ Спарты, такъ и Аѳинъ. Наконецъ, высшую ступень несовершенства представляетъ монархическая организація союза, происхожденіе которой Монтескьё объясняетъ исключительно побѣдою одного изъ членовъ конфедераціи надъ остальными. Примѣромъ служитъ ему въ одинаковой степени союзъ Рима съ латинскими городами и Англіи съ Ирландіей. Лучшими поэтому конфедераціями Монтескьё считаетъ союзы ахейцевъ и эолийцевъ; на основаніи ихъ онъ строитъ свои заключенія о правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ членовъ союза. У новыхъ народовъ союзъ Соединенныхъ Нидерландъ кажется ему приближающимся къ ахейскому. Когда между союзниками господствуетъ демократическое равенство, каждый изъ членовъ конфедераціи, думаетъ Монтескьё, въ правѣ удалиться изъ союза, когда вздумаетъ. „Такъ было, — говоритъ онъ, — въ конфедераціи ахейской. Если въ союзѣ преобладаютъ одни члены надъ другими, и онъ имѣетъ, такимъ образомъ, аристократическое устрой-

ство, выходъ изъ него уже считается нарушеніемъ уніи. При монархическомъ же устройствѣ оставленіе конфедераціи признается государственной измѣной". Такъ, римляне наказывали латинянъ за то, что они „не сумѣли сохранить величія римскаго народа". Союзы различаются между собою также смотря по преобладанію въ нихъ демократическаго, аристократическаго или монархическаго характера Въ данномъ случаѣ различіе, по мнѣнію Монтескьё, касается порядка принятія рѣшеній: въ демократическихъ союзахъ требуется единогласіе, такъ въ республикѣ Соединенныхъ Нидерландъ, но такое единеніе, справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, съ трудомъ достижимо. „Не достаточно,— пишетъ онъ,—чтобы законы отвѣчали природѣ государственнаго устройства; необходимо еще, чтобы учрежденія были дѣйствительно жизненными" Монтескьё употребляетъ неопредѣленное выраженіе, „it faut encore que la constitution aille", смыслъ котораго раскрывается дальнѣйшими словами: „необходимо, чтобы принятіе активныхъ резолюцій было возможно". Единогласіе фактически осуществимо только тогда, когда число членовъ уніи незначительно. Но если оно велико, какъ было въ союзѣ ахейцевъ, необходимо остановиться на томъ рѣшеніи, что слѣдуетъ подчиняться волѣ большинства. Безъ этого принятіе самыхъ рѣшеній сдѣлалось бы невозможнымъ.

Когда унія имѣетъ аристократическій характеръ, большинство, управляемое аристократическими главами, все рѣшаетъ. Въ союзахъ же монархическихъ все зависитъ отъ мнѣнія господствующаго въ ней народа. Монтескьё развиваетъ далѣе тотъ взглядъ, что прочность федерацій зависитъ отъ того, вошли ли въ составъ ихъ государства, правительства которыхъ одинаковы, или государства разнаго политическаго устройства. Въ первомъ случаѣ федерація можетъ считаться прочной; во второмъ она представляетъ значительныя неудобства, такъ какъ въ ней сталкивается духъ монархическій и духъ республиканскій. Въ

доказательство своей мысли Монтескьё ссылается на Священную Римскую Имперію и на греческія амфикціоніи, съ того момента ихъ исторіи, когда въ составъ ихъ принятъ былъ македонскій король Филиппъ. Многое изъ высказаннаго въ только что разсмотрѣнныхъ отрывкахъ вошло въ составъ короткой IX книги „Духа законовъ“. Здѣсь, въ гл. I, Монтескьё болѣе опредѣленно высказываетъ ту мысль, что одно существованіе союзовъ между государствами даетъ возможность соединить преимущества республиканскаго устройства съ внѣшнею силою монархіи. Онъ видитъ въ федеративной республикѣ продуктъ соглашенія (convention), въ силу котораго нѣсколько политическихъ тѣлъ высказываютъ готовность сдѣлаться гражданами большого государства, которое они намѣреваются создать. Это, выражаясь его словами, „общество обществъ“ можетъ расшириться впослѣдствіи путемъ пріема въ свой составъ новыхъ членовъ въ числѣ, достаточномъ для обезпеченія независимости тѣхъ, которые вошли въ союзъ. Какъ составленный изъ мелкихъ республикъ, союзъ, или федерація, извлекаетъ для себя выгоду изъ высокаго качества правительствъ, стоящихъ во главѣ каждаго изъ нихъ. По отношенію же къ чужеземцамъ онъ, благодаря силѣ ассоціаціи, представляетъ всѣ преимущества обширныхъ монархій. Глава II, какъ показываетъ и самое ея названіе, всецѣло посвящена развитію той мысли, что федеративный союзъ долженъ быть образованъ изъ государствъ одинаковой природы и въ особенности изъ государствъ республиканскихъ. „Духъ монархіи таковъ,—пишетъ Монтескьё,—что она требуетъ войны и расширенія границъ; духъ же республики — духъ мира и умѣренности. Поэтому оба вида правительствъ могутъ существовать рядомъ въ одномъ и томъ же союзѣ только подъ условіемъ принужденія“. Изъ главы III видно, что Монтескьё и въ „Духѣ законовъ“ остается вѣрнымъ высказанной имъ ранѣе точкѣ зрѣнія, что чѣмъ большее равенства существуетъ между государствами, вошедшими въ унію

тѣмъ она прочнѣе. Но онъ въ то же время отмѣчаетъ и нѣкоторыя другія условія, соотвѣтствующія прочности союза. Такъ, онъ считаетъ желательнымъ, чтобы ни одинъ изъ союзниковъ не могъ заключить договора съ иностранной державой безъ общаго согласія. „Такіе порядки,—пишетъ онъ,—держатся въ Голландіи; они похвальны и даже необходимы для федеративной республики. Республика, связавшая свои судьбы вступленіемъ въ составъ конфедераціи, отдалась уже вполнѣ, и ей ничего болѣе не остается уступать другимъ. Къ сожалѣнію, такіе порядки не существуютъ въ германской федераціи, т.-е. въ Священной Римской имперіи; они предупредили бы здѣсь тѣ бѣдствія, какія союзъ можетъ испытать отъ неосторожности, честолюбія или скупости одного изъ его членовъ“. Монтескьё указываетъ и на другое условіе устойчивости федерацій; необходимо пишетъ онъ, чтобы въ общемъ правительствѣ отдѣльныя части союза представлены были пропорціонально ихъ значенію. Въ этомъ отношеніи образцовымъ кажется ему союзъ ликійскихъ городовъ, въ которомъ одни, болѣе крупные, располагали тремя голосами въ общемъ совѣтѣ, средніе — двумя, а наиболѣе мелкіе — однимъ. Того же нельзя сказать о Нидерландахъ (Монтескьё называетъ ихъ голландской республикой); онѣ состоятъ изъ семи провинцій, большихъ и малыхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ одинъ голосъ.

Прочность федерацій обезпечиваетъ также, по Монтескьё, то правило, по которому каждый изъ членовъ союза несетъ издержки пропорціонально числу голосовъ, которымъ онъ располагаетъ въ общемъ правительствѣ; такъ было въ союзѣ ликійцевъ. Наконецъ Монтескьё желалъ бы видѣть федеративную связь настолько тѣсной, чтобы возможно было назначеніе судебныхъ и административныхъ органовъ въ отдѣльныхъ государствахъ союза общимъ правительствомъ, т.-е. общимъ совѣтомъ. И на этотъ разъ ликійцы приводятся имъ въ образецъ, и имъ противополагается примѣръ Нидерландъ, въ которыхъ каждый городъ выби-

раетъ своихъ сановниковъ. Итакъ, Монтескьё, пишущій задолго до возникновенія союзнаго государства, какъ отличнаго отъ союза государствъ и представляющаго, на нашъ взглядъ, раздѣлъ суверенитета между общимъ правительствомъ и правительствами отдѣльныхъ членовъ уніи, уже высказывается въ пользу передачи органамъ союзной власти нѣкоторыхъ полномочій, касающихся организаціи правительства въ составныхъ частяхъ федераціи. Кромѣ созданія общаго совѣта, въ которомъ отдѣльные члены уніи были бы представлены сообразно ихъ значенію и величинѣ издержекъ, какія они несутъ на общее правительство, Монтескьё рекомендуетъ такіе порядки, при которыхъ исполнительные агенты и судьи въ каждомъ изъ государствъ уніи являлись бы одновременно органами центральнаго правительства, ихъ назначающаго. Онъ сознаетъ, такимъ образомъ, всѣ неудобства, какія, какъ показалъ опытъ американской конфедераціи, возникшей нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ выхода его книги, представляетъ отсутствіе у федеральнаго правительства исполнительныхъ агентовъ и необходимость ставить примѣненіе принятыхъ имъ резолюцій въ зависимость отъ доброй воли правительствъ, ему не подчиненныхъ и обязанныхъ своимъ существованіемъ народному выбору, Американская федеральная конституція высказалась въ духѣ Монтескьё, не выполняя однако буквально его совѣтовъ. Вмѣсто того, чтобы заботиться о назначеніи правительствъ для штатовъ, она поставила во главѣ всѣхъ этихъ правительствъ самостоятельный органъ исполнительной власти въ лицѣ президента, и самостоятельный органъ федеральной судебной власти въ лицѣ членовъ федеральнаго трибунала. Въ то же время она признала вѣрной и ту мысль, что величина отдѣльныхъ государствъ должна быть принята въ расчетъ, какъ при опредѣленіи размѣра, въ которомъ каждое должно участвовать въ издержкахъ уніи, такъ и при рѣшеніи вопроса о числѣ голосовъ, которымъ отдѣльныя государства должны располагать въ союзномъ

совѣтѣ. Но при этомъ американцы нашли достойное подражанію въ практикѣ Нидерландскаго союза, обезпечивающаго всѣмъ членамъ уніи равенство, какъ государствамъ, одинаково автономнымъ, въ виду чего каждому дается по одному голосу въ совѣтѣ. Принятіе двухпалатной системы позволило американцамъ обезпечить одновременно признаніе обоимъ началамъ: неравенство штатовъ въ отношеніи къ численности населенія сказывается въ Соединенныхъ Штатахъ въ томъ, что они посылаютъ неравное число представителей въ нижнюю палату конгресса, а равенство ихъ, какъ автономныхъ единицъ, находитъ выраженіе себѣ въ томъ, что въ американскомъ сенатѣ засѣдаетъ по два сенатора отъ каждаго штата.

Монтескьё не внесъ въ „Духъ законовъ“ своихъ соображеній объ отношеніи метрополии къ колоніямъ; онъ думалъ посвятить этому вопросу, если не цѣлую книгу, то по крайней мѣрѣ часть той, которая трактуетъ объ оборонительной силѣ государства. Но это намѣреніе не было выполнено. Вслѣдъ за третьей главой, только что нами анализированной и говорящей объ условіяхъ, благопріятныхъ упроченію федераціи, идетъ разсужденіе о томъ, какъ деспотическія страны заботятся о своей безопасности, а затѣмъ тотъ же вопросъ ставится и по отношенію къ монархіямъ. Недостающія главы не лишены однако значенія для характеристики взглядовъ Монтескьё на республику. Его изображаютъ нынѣ одностороннимъ приверженцемъ ограниченной монархіи, но въ сердца его современниковъ вкрадывалось подозрѣніе, не республиканецъ ли онъ по убѣжденіямъ. „Персидскія письма“ и „Разсужденія о причинахъ величія и паденія Рима“, гдѣ онъ необходимо долженъ былъ стать на сторону конфискованной императорами свободы, давали нѣкоторое основаніе къ такимъ догадкамъ. Они высказаны были открыто богословскимъ факультетомъ Сорбонны и вызвали со стороны Монтескьё не опроверженіе, а протестъ въ томъ смыслѣ, что критикамъ нѣтъ дѣла

до внутреннихъ убѣжденій автора[1]). Въ ненапечатанныхъ главахъ „Духа законовъ“ Монтескьё проводитъ тотъ взглядъ, что монархическое правительство, а тѣмъ болѣе деспотія, менѣе призваны къ основанію колоній, чѣмъ республики. Онъ доказываетъ эту мысль, во-первыхъ, тѣмъ соображеніемъ, что монархіи вообще менѣе населены, чѣмъ республики, слѣдовательно, основаніе колоній можетъ только уменьшить число ихъ жителей,—число, и безъ того недостаточное; во-вторыхъ, тѣмъ, что колоніи, основанныя монархіями и, очевидно, управляемыя на тѣхъ же принципахъ, что и метрополія, становятся по тому самому отдаленными монархіями, ослабляющими политическое тѣло, призванное управлять ими. Иное дѣло, когда колоніи основываются республиками, особенно демократическими. Такъ какъ такія республики обыкновенно изобилуютъ людьми, то потеря уходящихъ въ колоніи людей для нихъ нечувствительна. Мало этого, онѣ, благодаря колоніямъ, пріобрѣтаютъ возможность освободиться отъ бѣднѣйшаго класса гражданъ, наиболѣе опаснаго въ демократіяхъ, въ виду того, что здѣсь имъ представляется возможность принять участіе въ правительствѣ. Колоніи, основанныя демократическими республиками, обыкновенно образуютъ самостоятельныя государства, готовыя поддерживать метрополію. Тотъ фактъ, что онѣ не остаются обыкновенно въ прямой отъ нея зависимости, не заставляетъ государство, ихъ основавшее, расширять своихъ границъ, что, въ конечномъ исходѣ, могло бы повліять на измѣненіе въ немъ образа правленія, такъ какъ слишкомъ обширныя государства въ глазахъ Монтескьё, такъ же, какъ и въ глазахъ Руссо, непризваны, въ равной степени съ малыми, къ политической свободѣ[2]). Чтобы колоніи сохранили связь съ метрополіей,

---

[1]) См. Barckhausen, l'Esprit des lois et les archives de la Brède, стр. 104 и 105. Здѣсь Монтескьё говоритъ между прочимъ слѣдующее: „L'inquisition même ne ferait pas de supposition pareille“.

[2]) Ibid., стр. 53.

необходимо, думаетъ Монтескьё, надѣленіе ихъ тѣми же порядками политическаго устройства, тѣми же учрежденіями, какія господствуютъ въ метрополіи. Желательно также сходство ихъ съ послѣдней въ вѣрованіяхъ, нравахъ и привычкахъ [1]). Быстрое ослабленіе испанцевъ и португальцевъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго развитія·ихъ колоніальной системы кажется Монтескьё доказательствомъ проводимаго имъ взгляда, что монархіи теряютъ отъ основанія колоній; успѣхъ же голландскихъ и англійскихъ поселеній въ обѣихъ Индіяхъ, т.-е. въ Азіи и Америкѣ, подтверждаетъ, по его мнѣнію, ту мысль, что республика и вообще государства, надѣленныя политической свободой, могутъ основывать колоніи безъ ущерба для собственной силы [2]).

Только что сдѣланныя выдержки изъ неизданныхъ главъ „Духа законовъ" лучше выясняютъ намъ отношеніе Монтескьё къ республикамъ и даютъ право повѣрить его утвержденію, что онъ съ равнымъ сочувствіемъ относился къ обоимъ видамъ правительства, изучая ихъ какъ натуралистъ, т.-е. не съ точки зрѣнія субъективныхъ пристрастій, а съ цѣлью раскрыть законы, управляющіе какъ самымъ ихъ созданіемъ, такъ и ихъ сохраненіемъ. Съ этой точки зрѣнія не мѣшаетъ отмѣтить, что въ отдѣльныхъ книгахъ „Духа законовъ" разсѣянъ рядъ мыслей, показывающихъ, какія условія, въ глазахъ Монтескьё, особенно благопріятны консерватизму республикъ. Однимъ изъ такихъ условій онъ считаетъ, въ полномъ согласіи съ древними, возможное равенство состояній [3]). При немъ нѣтъ основанія къ развитію роскоши. Чтобы воспрепятствовать ему Монтескьё не прочь рекомендовать передѣлы земель: они, по его словамъ, были благодѣтельны въ республикахъ античнаго міра и могутъ сдѣлаться опасными только подъ условіемъ внезапнаго ихъ

[1]) Ibid., стр. 55.
[2]) Ibid., стр. 53.
[3]) Книга VII, гл. II.

производства [1]). Монтескьё настаиваетъ на той связи, какая существуетъ между отсутствіемъ роскоши въ республикахъ и развитіемъ въ нихъ страсти къ славѣ родины. Наоборотъ, съ развитіемъ роскоши возникаетъ въ гражданахъ республики забота о собственномъ интересѣ, который Монтескьё, ранѣе Руссо, противополагаетъ постоянно интересу общественному [2]). Республика демократическая подвергается порчѣ не только при потерѣ духа равенства, но еще при попыткахъ провесть это равенство до полнаго устраненія всякихъ различій между правящими и управляемыми, когда всякій, какъ выражается Монтескьё, желаетъ быть равнымъ тому, кого онъ избралъ для начальствованія надъ собою. Разъ народъ пожелаетъ все дѣлать самъ, обсуждать законъ взамѣнъ выбраннаго имъ совѣта, предписывать ихъ исполненіе взамѣнъ сановниковъ и судить взамѣнъ судей, свобода уступитъ мѣсто произволу, исчезнутъ добрые нравы и любовь къ порядку, — однимъ словомъ, добродѣтель. Во всемъ этомъ Монтескьё повторяетъ древнихъ, не только Ксенофонта, но и Аристотеля, говорящаго о вырожденіи политіи во владычество черни (охлократіи) [3]). „Полное равенство,—пишетъ Монтескьё, высказывая мысли, совершенно согласныя съ тѣми, какія разовьетъ впослѣдствіи Руссо,—мыслимо въ естественномъ состояніи; люди рождаются равными, но не могутъ остаться ими; общество заставляетъ ихъ отказаться отъ прирожденнаго имъ равенства и если они снова становятся равными, то въ силу законовъ“ [4]).Въ полномъ также соотвѣтствіи съ тѣмъ, что будетъ сказано Руссо, Монтескьё въ гл. XVI восьмой книги „Духа законовъ“ настаиваетъ на необходимости ограниченной территоріи для республики. „Обширность области,—разсуждаетъ

---

1) „Elles ne sont dangereuses que comme actions subites“.

2) A mesure qui le luxe s'établit dans une république, l'esprit se tourne vers l'interêt particulier“.

3) См. кн. VIII, гл. II.

4) См. кн. VIII, гл. III.

онъ,—сдѣлала бы возможнымъ образованіе большихъ состояній, а это вызвало бы неравенство, развитіе роскоши пристрастіе къ частному интересу въ ущербъ общему и въ концѣ-концовъ упадокъ добродѣтели, т.-е. любви къ родинѣ и ея учрежденіямъ" [1]). Завоевательная политика поэтому гибельна для республикъ и можетъ содѣйствовать ихъ вырожденію, особенно въ томъ случаѣ, если послѣдствіемъ завоеванія будетъ увеличеніе числа гражданъ сверхъ необходимой нормы [2]). Завоевательная политика еще потому опасна для демократій, что, предоставляя сановникамъ, посылаемымъ ею въ предѣлы завоеванной области, слишкомъ большую власть, она тѣмъ самымъ подвергаетъ опасности собственную свободу [3]). Констатировавъ тотъ фактъ, что завоеванныя провинціи управляются демократіями съ большей суровостью, чѣмъ монархіями, Монтескьё рекомендуетъ республикамъ надѣлять подпавшія подъ ихъ власть страны добрыми законами, гражданскими и политическими [4]). Отраженіемъ взглядовъ, высказанныхъ еще древними писателями на природу простыхъ формъ правленія и въ частности демократіи и аристократіи, является у Монтескьё то въ высшей степени спорное положеніе, что ни та ни другая не могутъ считаться по природѣ государствами свободными. Монтескьё подтверждаетъ эту точку зрѣнія тѣмъ соображеніемъ, что свобода состоитъ не въ произволѣ, не въ правѣ дѣлать все, что придетъ на умъ, а въ томъ, чтобы дѣлать то, что добрые законы позволяютъ дѣлать [5]); Монтескьё прибавляетъ въ примѣчаніи, что рѣчь идетъ только

---

1) Кн. VIII, гл. XVI.

2) „On doit borner la conquête au nombre de citoyens que l'on fixera pour la démocratie". Кн. X, гл. XVI.

3) „Si une démocratie conquiert un peuple pour le gouverne comme sujet, elle exposera sa propre liberté parce qu'elle confiera une trops grande puissance aux magistrats qu'elle envera dans l'état conquis". (Кн. X, гл. VI).

4) Кн. X, гл. VII и VIII.

5) „La liberté est le droit de faire tout ce que les lois permettent".

о хорошихъ законахъ. Мы въ правѣ перевесть мысль Монтескьё на современный языкъ, говоря, что въ его глазахъ одно закономѣрное поведеніе является поведеніемъ свободнымъ. Власть неограниченная, кому бы она ни принадлежала, рано или поздно вырождается въ произволъ. Ограниченную же власть можно найти только при условіи ея раздѣла между нѣсколькими субъектами; послѣднее и имѣетъ мѣсто при умѣренномъ образѣ правленія. Вотъ почему Монтескьё и объявляетъ, что только при немъ возможна политическая свобода[1]). Такой умѣренный образъ правленія можетъ существовать и въ республикахъ, какъ показываетъ примѣръ римлянъ, но онъ встрѣчается и въ монархіяхъ подъ тѣмъ же условіемъ раздѣленія властей. Монтескьё думаетъ, что можно было бы съ пользою задаться вопросомъ, каково это дѣленіе во всѣхъ умѣренныхъ правительствахъ. Но не желая вполнѣ исчерпать предмета и тѣмъ самымъ лишить читателя всякой самодѣятельности, онъ довольствуется болѣе детальнымъ изученіемъ этого вопроса въ одной только Англіи[2]).

§ 5. Имя Монтескьё популярно главнымъ образомъ потому, что его считаютъ родоначальникомъ доктрины, видящей въ раздѣленіи суверенитета необходимое условіе политической свободы. Я настаиваю на томъ, что теорія раздѣленія властей, какъ понимаетъ ее Монтескьё, сводится на дѣлѣ къ дробленію суверенитета. Въ этомъ и лежитъ ея глубокое отличіе отъ ученій средневѣковыхъ публицистовъ объ ограниченной сословіями монархіи. Ѳома Аквинатъ и позднѣе Фортескью и Боденъ высказывались въ пользу ограниченія самодержавія сословными камерами, будутъ ли ими имперскій сеймъ, парламентъ, или генеральные штаты и верховныя палаты, но онѣ не требовали раздѣла суверенитета.

¹) La liberté politique ne se trouve que dans les gouvernements modérés. (Кн. XI, гл. IV).

²) Кн. XI, гл. VI и XX.

Теорія Монтескьё въ этомъ отношеніи прямо примыкаетъ къ ученію политиковъ древности о смѣшанныхъ формахъ правленія, соединяющихъ въ себѣ преимущества аристократіи, демократіи и монархіи. Подобно Полибію, онъ ищетъ образца такой формы въ республиканскихъ учрежденіяхъ древняго Рима и сближаетъ съ ними англійскую конституцію, также признаваемую имъ смѣшанной формой правленія. Выраженіе gouvernement mélé примѣняется Монтескьё въ равной мѣрѣ и къ Спартѣ, и къ Риму, и къ Китаю, и къ Англіи [1]).

Въ XI книгѣ „Духа законовъ“ прямо сказано, что политическая свобода зависитъ не отъ того, принадлежитъ ли суверенитетъ монарху, аристократіи или народу, а отъ того, чтобы три власти, изъ которыхъ слагается верховная, оказались въ разныхъ рукахъ. „Демократіи и аристократіи,— пишетъ Монтескьё,—не могутъ считаться по природѣ свободными государствами; политическая свобода встрѣчается только при умѣренныхъ образахъ правленія, dans les états modérés, да и въ нихъ лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ злоупотребленій властью; для этого же необходимо, чтобы одна власть останавливала другую“ [2]). И ранѣе Монтескьё,

[1]) Такъ въ неизданныхъ отрывокъ „Духа законовъ“ мы читаемъ „Quelle est donc la constitution d'Angleterre? C'est une monarchie mêlée, comme Lacédémone, surtout avant la création des éphores, fut une aristocratie mêlée; comme Rome, quelque temps après l'expulsion des Rois, fut une démocratie mêlée. L'Angleterre, comme on a vu, incline plus vers la monarchie. Rome, où le peuple décidait et discutait les affaires, incline plus vers la démocratie, Lacédémone, où le peuple n'eut que la décision, inclina plus vers l'aristocratie. (Pensées et Fragments, стр. 115 и 116).

La Chine est un gouvernement mêlé, qni tient beaucoup du despotisme, par le pouvoir immense du Prince, un peu de la république, par la censure et une certaine vertu fondée sur l'amour et le respect paternel, de la monarchie, par des lois fixes et des tribunaux règlés, par un certain honneur attaché à la fermeté et au péril de dire la verité. Ces trois choses bien tempérées et des circonstances tirées du physique, du climat, l'ont fait subsister“ (Ibid., стр. 128).

[2]) Книга XI, глава IV.

авторъ „Океаны“, Гаррингтонъ, задавался мыслью о томъ, чтобы установить равновѣсіе властей (balancing of powers) путемъ равномѣрнаго распредѣленія ихъ между имѣющимъ законодательную инициативу сенатомъ, принимающимъ окончательныя постановленія народомъ, и приводящими ихъ въ исполненіе сановниками[1]). Но тогда такъ Гаррингтонъ кладетъ въ основу своей теоріи разборъ венеціанской конституціи, повидимому, болѣе извѣстной ему по трактатамъ Контарини, Джанотти и Ботеро, нежели на основаніи прямого знакомства съ практическимъ ея примѣненіемъ туземной аристократіей, постепенно выродившейся въ олигархію, Монтескьё ищетъ своего образца въ Англіи, порядки которой изучены были имъ на мѣстѣ во время почти двухлѣтняго пребыванія въ этой странѣ. Авторъ „Духа законовъ“ самъ заявляетъ, что въ основѣ его ученія о раздѣленіи суверенитета лежитъ англійская конституція. „Есть,— пишетъ онъ,—нація въ мірѣ, конституція которой имѣетъ въ виду политическую свободу. Мы займемся изученіемъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ она построена“ [2]).

Монтескьё настолько убѣжденъ въ томъ, что только въ Англіи приняты необходимыя гарантіи для обезпеченія политической свободы, что ставитъ Гаррингтону въ вину попытку найти ихъ въ другомъ мѣстѣ. По словамъ Монтескьё, авторъ „Океаны“ подобенъ въ этомъ отношеніи „человѣку, который, имѣя передъ глазами константинопольскую бухту, тѣмъ не менѣе вздумалъ бы построить не Византію, а Халкедонъ“. Этотъ упрекъ объясняется тѣмъ, что въ глазахъ Монтескьё венеціанская конституція не болѣе, какъ вырождающаяся аристократія, нѣкогда отличавшаяся предпочтительно предъ другими своей умѣ-

---

1) Смотри Goosh. English democratic ideas in the seventeenth century, стр. 291. Отъ Гаррингтона эта идея равновѣсія властей перешла сперва къ Сиднею, а затѣмъ и къ Локку.

2) Книга XI, глава V.

ренностью, но въ настоящее время принужденная прибѣгать въ интересахъ самосохраненія къ такимъ насильственнымъ мѣрамъ, какъ государственная инквизиція, своей практикой напоминающая турецкіе порядки [1]).

Признавая, что англійская конституція лучше всѣхъ прочихъ обезпечиваетъ политическую свободу, Монтескьё держится однако того мнѣнія, что и въ другихъ королевствахъ Европы, гдѣ образъ правленія остается еще умѣреннымъ, политическая свобода обезпечена, хотя и въ меньшей мѣрѣ, однимъ уже тѣмъ фактомъ, что осуществленіе судебной власти оставлено въ рукахъ подданныхъ [2]). Это обстоятельство заставляетъ его считать и Францію умѣренной монархіей, въ виду того, что въ ней правосудіе находится въ рукахъ членовъ верховныхъ судовъ, покупающихъ свою должность и, слѣдовательно, независимыхъ отъ министерскаго выбора, т.-е. произвола верховной власти. Если Монтескьё открыто высказывается въ пользу продажи должностей, то исключительно по только что приведенному соображенію. Эта продажа позволяетъ верховнымъ палатамъ сохранить то, что онъ называетъ esprit de corps, — корпоративный духъ, поддерживающій въ нихъ оппозицію всякимъ захватамъ власти со стороны короля и его ближайшихъ агентовъ. Мы узнаемъ такимъ образомъ, каково было дѣйствительное отношеніе Монтескьё къ правительству его родины. Онъ видѣлъ въ ней вырождающуюся монархію, только потому не ставшею деспотіей, что судебная власть еще не подпала подъ владычество всепоглощающаго абсолютизма. То начало раздѣленія суверенитета, послѣднимъ проявленіемъ котораго является сосредоточеніе въ рукахъ

---

[1]) Книга XI, глава VI. „Dans les républiques d'Italie, où ces trois pouvoirs sont réunis, la liberté se trouve moins que dans nos monarchies. Aussi le gouvernement a-t-il besoin, pour se maintenir, de moyens aussi violens que le gouvernement des Turcs; témoin les inquisiteurs d'état et le tronc où tout délateur peut, à tous momens, jeter avec un billet sou accusation.

[2]) Ibid., книга XI, глава VI.

верховныхъ палатъ юрисдикціи гражданской и уголовной, зародилось, по мнѣнію Монтескьё, еще въ лѣсахъ Германіи. „Кто пожелаетъ прочесть превосходное сочиненіе Тацита о нравахъ германцевъ,—говоритъ онъ,—тотъ убѣдится, что у нихъ заимствовали англичане идею своего политическаго устройства. Эта прекрасная система была найдена въ лѣсахъ“ [1]). Монтескьё опираетъ свое мнѣніе въ данномъ случаѣ на извѣстномъ текстѣ Тацита, говорящемъ о томъ, что у германцевъ о менѣе важныхъ дѣлахъ толкуютъ старѣйшіе, principes, а о болѣе важныхъ — всѣ (глава XI). Положеніе Монтескьё, ошибочное на мой взглядъ, нашло въ наши дни болѣе [2]) широкое обоснованіе въ „Сравнительной политикѣ“ Фримана, распространившей его на народы арійской культуры, въ частности на грековъ и римлянъ. Еще ранѣе „Духа законовъ“ Монтескьё высказывалъ тотъ же взглядъ на характеръ установленныхъ германцами политическихъ порядковъ въ сочиненіи о Всемірной Монархіи. „Если бы,—пишетъ онъ въ немъ,—готскому правителю пришло на мысль говорить объ абсолютной власти и неограниченномъ верховенствѣ, онъ разсмѣшилъ бы тѣмъ всю свою армію“ [3]). Другими словами, феодальная монархія, начало которой положено было германскими нашествіями, была въ глазахъ Монтескьё правительствомъ уравновѣшеннымъ, примирявшимъ единоначаліе съ политическимъ равноправіемъ феодальнаго дворянства и дѣлавшимъ изъ короля только перваго между равными. Монтескьё отражаетъ на себѣ въ этомъ отношеніи вліяніе ученій, высказанныхъ политическими писателями XVI вѣка, въ томъ

[1]) Книга XI, глава VI.

[2]) Уже Вольтеръ справедливо возставалъ противъ мысли, что палаты пэровъ и общинъ имѣютъ первоначальной родиной Шварцвальдъ. „Ужъ лучше было бы,—замѣчалъ онъ,—связать съ нимъ происхожденіе сейма въ Регенсбургѣ. Послѣднему все же легче, чѣмъ Лондону, воспользоваться системой, открытой въ лѣсахъ Германіи“. Томъ V сочиненій Монтескьё, въ изданіи Леру, 1828 г., стр. 339.

[3]) Deux opuscules, стр. 21.

числѣ авторомъ „Франко-Галліи“ Готоманомъ. Въ виду начавшихся съ религіозныхъ войнъ захватовъ абсолютизма, эти политики считали нужнымъ напомнить правителямъ и подданнымъ дѣйствительную природу сословныхъ монархій съ ихъ представительствомъ высшихъ и второстепенныхъ вассаловъ, призванныхъ къ совѣту и участію въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Монтескьё отмѣчаетъ также въ своемъ трактатѣ о Всемірной Монархіи начавшееся вырожденіе „готскаго“, какъ онъ называетъ его, правительства (le gouvernement gotique). Оно раздѣлило общую судьбу всѣхъ правительствъ и подверглось порчѣ. Авторъ задается послѣдовательно вопросомъ, чѣмъ обусловливается ростъ абсолютизма въ ущербъ ограниченной сословіями монархіи, и указываетъ на созданіе постоянной арміи, какъ на ближайшій источникъ такого явленія [1]). Послѣдствіемъ созданія войска было обремененіе подданныхъ налогами, необходимыми для ея содержанія. Европа настолько разорена содержаніемъ армій, что если бы три частныхъ лица очутились въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся три главныя державы — Франція, Германская имперія и Испанія, — имъ нечѣмъ было бы жить [2]).

Не въ одной Франціи уцѣлѣли въ большей или меньшей степени особенности „готическаго правительства“, а слѣдовательно и гарантіи политической свободы. Монтескьё считаетъ поэтому полезной задачей выясненіе вопроса о томъ, каково распредѣленіе властей въ каждомъ изъ умѣренныхъ правительствъ, извѣстныхъ еще міру, такъ какъ это позволило бы судить и о степени сохраненія ими свободы. „Но, — прибавляетъ онъ, — не слѣдуетъ истощать предмета, не оставляя ничего для читателя. Недостаточно дать матеріалъ для чтенія, необходимо еще побудить къ самостоятельному мышленію“ [3]).

---

[1]) Deux opuscules, стр. 28.

[2]) Ibid., стр. 40.

[3]) „Духъ законовъ“, книга XI, глава XX.

Изъ всего сказаннаго ясно, что для Монтескьё Францiя стараго порядка, Францiя средины XVIII вѣка, является вымирающей готической монархiей, въ которой послѣдней гарантiей политической свободы осталась независимость судовъ отъ короля и министерствъ,—независимость, покупаемая цѣною такъ называемой vénalité des charges, т.-е. возможностью занять судебную должность въ силу покупки. Онъ сочувствуетъ всему, что такъ или иначе содѣйствуетъ оживленiю болѣе или менѣе утраченной политической свободы путемъ возстановленiя отдѣльныхъ сторонъ готическаго правительства. Затѣянныя герцогомъ Орлеанскимъ реформы встрѣчаютъ его поддержку. Еще въ „Персидскихъ письмахъ" онъ объясняетъ ихъ общимъ сознанiемъ, овладѣвшимъ всѣми французами въ годъ кончины Людовика XIV, что дѣла идутъ неладно и что неограниченная власть министровъ — виновница всего зла. Это сознанiе вызвало рѣшенiе раздѣлить эту власть между шестью или семью совѣтами; „и это правительство,—прибавляетъ Монтескьё, обнаруживая тѣмъ свои личныя пристрастiя, — управляло Францiей наиболѣе разумно" [1]).

Тотъ же Филиппъ Орлеанскiй, по словамъ Монтескьё, справедливо видѣлъ въ парламентахъ и другихъ верховныхъ палатахъ опору монархiи и основу всякой законной власти [2]).

Въ числѣ учрежденiй прошлаго, оживить которыя желалъ бы Монтескьё, мы встрѣчаемъ и провинцiальные штаты. Въ мемуарѣ о правительственныхъ долгахъ, написанномъ еще въ эпоху регенства, авторъ „Духа законовъ", вооружаясь противъ покрытiя дефицита новыми налогами и ходатайствуя объ отмѣнѣ между прочимъ подушной подати, capitation, призываетъ Филиппа Орлеанскаго къ оживленiю старинной практики самообложенiя народа чрезъ

[1]) Письмо 140.
[2]) Письмо 93.

посредства его уполномоченныхъ, созываемыхъ на провинціальные штаты. „Эти послѣдніе,—пишетъ онъ,—не должны вызывать никакихъ опасеній со стороны правительства, такъ какъ на нихъ не обсуждается общихъ вопросовъ государства. Королевская власть не уменьшилась бы отъ ихъ возстановленія. Вѣдь въ тѣхъ провинціяхъ, которыя удержали сословное представительство (pays d'état), авторитетъ короля ничуть не меньше, чѣмъ въ остальныхъ. Возстановленіе провинціальныхъ штатовъ было бы желательно въ интересахъ самой казны. Король не пользуется больше никакимъ кредитомъ, но штаты безъ труда нашли бы лицъ, готовыхъ дать имъ въ заемъ нужныя правительству средства. Расширеніе власти сословій позволило бы сократить функціи интендантовъ, но подъ условіемъ вдохнуть новую жизнь въ городскія общины, которыя нынѣ являются только тѣнью прежняго. „Никто,—прибавляетъ Монтескьё,—не стремится болѣе къ занятію муниципальныхъ должностей, такъ велико паденіе того почета, какимъ онѣ нѣкогда пользовались“. Мемуаръ заканчивается слѣдующимъ характернымъ заявленіемъ: „Сказанное мною о возстановленіи провинціальныхъ штатовъ покажется страннымъ на первый взглядъ, но если хорошо обдумать мой проектъ, то не трудно будетъ открыть въ немъ много преимуществъ и между прочимъ то, что эта реформа сдѣлаетъ непоколебимымъ самое регентство, такъ какъ всѣ будутъ заинтересованы въ поддержаніи начатаго имъ дѣла“ [1]).

Такимъ образомъ Монтескьё предлагаетъ не рабское подражаніе англійской конституціи, а только приближеніе къ ней путемъ возвращенія къ порядкамъ, нѣкогда общимъ всѣмъ „готическимъ правительствамъ“, но уцѣлѣвшимъ въ его время въ большей или меньшей полнотѣ въ одной только Англіи. Когда полвѣка спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Духа законовъ“, г-жа Сталь въ своихъ „Соображеніяхъ

[1]) Mélanges inédits de Montesquieu, стр. отъ 243 по 245.

о французской революціи“ выскажетъ извѣстный афоризмъ: „не произволъ, а свобода старинна во Франціи“,—она повторитъ только одну изъ любимыхъ мыслей Монтескьё. Въ свою очередь Бональдъ воспользуется тѣмъ, что Монтескьё говоритъ о продажѣ должностей, какъ о необходимомъ условіи, при которомъ судебная власть можетъ сохранить свою независимость отъ двухъ другихъ къ выгодѣ политической свободы. Утрируя то, что есть справедливаго въ этомъ положеніи, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ Франціи стараго порядка, онъ признаетъ ее своего рода королевской аристократіей (aristocratie royale)[1]), имѣющей еще то преимущество надъ всѣми прочими, что она была открытой для второго и третьяго поколѣнія зажиточныхъ буржуа, попадавшихъ чрезъ покупку должности въ составъ верховныхъ палатъ и парламентовъ, этихъ, какъ онъ выражается, хранителей законовъ (qui avaient le dépôt des lois)[2]).

Сравнивая то, что Монтескьё говоритъ о характерѣ старинной французской конституціи, съ позднѣйшими варіантами на ту же тему, нельзя не отдать рѣшительнаго предпочтенія его краткимъ, но вѣскимъ замѣткамъ. Порядки, упраздненные французской революціей, не были ни деспо-

---

[1]) Терминъ этотъ впервые употребленъ въ примѣненіи къ Франціи стараго порядка Тестю де-Траси въ „Комментаріи на Духъ законовъ“.

[2]) La constitution disait à toutes les familles privées: quand vous aurez rempli votre destination dans la société domestique qui est d'acquérir l'indépendance de la propriété par le travail, l'ordre et l'économie; quand vous aurez acquis assez pour n'avoir plus besoin des autres et pour pouvoir servir l'état à vos frais, le plus grand honneur auquel vous puissiez prétendre sera de passer duns le service de l'état et dès lors vous devenez capables de toutes les fonctions publiques... L'inamovibileté des charges, les moeurs l'avait étendue à presque tous les emplois; tout était possédé à titre d'office, tout était propriété. La propriété comme une barrière impénétrable placée entre la faiblesse et la force formait autour du monarque une enceinte qu'il nc pouvait franchir. (Observations sur les considérations de M-me de Staal sur la Révolution française).

тизмомъ ни ограниченной сословіями монархіей, всего же менѣе той монархической аристократіей, какой признаетъ ихъ Тестю де-Траси и Бональдъ. Франція средины XVIII вѣка, при отсутствіи генеральныхъ штатовъ и ничтожествѣ провинціальныхъ, при сосредоточеніи законодательныхъ и исполнительныхъ функцій въ рукахъ королевскаго совѣта, министровъ и ихъ подчиненныхъ агентовъ, такъ называемыхъ интендантовъ, при постепенномъ ограниченіи судебной автономіи парламентовъ, благодаря такъ называемымъ эвокаціямъ, или переносу дѣлъ въ руки спеціальныхъ, назначенныхъ королемъ административно - судебныхъ инстанцій, наконецъ при ограниченіи на практикѣ права протеста верховныхъ палатъ противъ отмѣняющихъ прежніе законы эдиктовъ, несомнѣнно была той вырождающейся въ деспотію сословной или готической монархіей, какой считалъ ее Монтескьё. Указывая на сходство исходныхъ моментовъ въ ея развитіи съ тѣми, съ которыхъ начался ростъ англійской конституціи, Монтескьё на цѣлыхъ полтора вѣка предугадалъ выводы современной исторіографіи, справедливо доказывающей, что англійская конституція является не болѣе, какъ послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ самыхъ порядковъ, какіе присущи были Франціи въ эпоху существованія въ ней генеральныхъ штатовъ, Священной Римской Имперіи—съ ея сеймомъ и ландтагами, Кастиліи и Аррагоніи съ ея кортесами.

Если XI книга „Духа законовъ“ болѣе всѣхъ прочихъ наложила свою печать на ходъ дальнѣйшаго политическаго развитія Европы и Америки, то потому, что предложила имъ для подражанія не вымышленный идеалъ и не совершенно чуждые ихъ прошлому порядки, а только возможно полное и совершенное ихъ развитіе.

Остается затѣмъ вопросъ, въ какой мѣрѣ англійская конституція средины прошлаго вѣка можетъ узнать себя въ томъ описаніи, какое Монтескьё даетъ ея руководящимъ принципамъ, и входило ли въ задачу автора дать одинъ

фотографическій снимокъ съ того, что найдено было имъ въ Англіи? По обоимъ вопросамъ отвѣтъ можетъ быть только отрицательнымъ. Монтескьё несомнѣнно преувеличилъ ту роль, какую въ англійской конституціи играетъ раздѣленіе властей. Отъ его вниманія ускользнулъ тотъ фактъ, что страною фактически правитъ комиссія выборныхъ изъ среды обѣихъ палатъ, или такъ называемый кабинетъ, и что обособленіе законодательства и исполненія на самомъ дѣлѣ далеко не проведено въ Англіи съ тою послѣдовательностью, какую требовалъ бы ригоризмъ принциповъ [1]). Онъ преувеличилъ, съ другой стороны, значеніе королевскаго veto, какъ противовѣса, оказываемаго исполнительной властью власти законодательной. Съ тѣхъ поръ, какъ упрабленіе перешло въ руки кабинета и большинство законопроектовъ, вотируемыхъ парламентомъ, стало поступать къ нему непосредственно отъ министерства, королевское „вето" сдѣлалось практически безполезнымъ, такъ какъ королю, очевидно, нѣтъ основанія отказывать въ своемъ согласіи законамъ, проводимымъ собственнымъ его правительствомъ.

Но тѣмъ самымъ установившаяся въ Англіи практика расходится съ утвержденіемъ Монтескьё, будто законодательный починъ и право участія въ обсужденіи проводимыхъ въ парламентѣ биллей вовсе не принадлежитъ власти исполнительной [2]). Монтескьё приписалъ также слишкомъ

---

[1]) Монтескьё рѣшительно высказывается противъ англійской системы кабинета и, повидимому, игнорируетъ самое его существованіе, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста: Que s'il n'y avait point de monarque, et que la puissance exécutrice fût confiée à un certain nombre de personnes tirées du corps législatif, il n'y aurait plus de liberté, parce que les deux puissances seraient unies, les mêmes personnes ayant quelquefois et pouvant toujours avoir part à l'une et à l'autre. (Кн. XI, гл. 6).

[2]) La puisance éxcutrice ne faisant partie de la législative que par sa faculté d'empêcher, elle ne saurait entrer dans le débat des affaires. Il n'est pas même nécessaire qu'elle propose, parceque, pouvant toujours désapprouver les résolutions des propositions qu'elle aurait voulu qu'on n'eût pas faites. Книга XI, Глава VI).

большое значеніе уголовной отвѣтственности министровъ. Совершенно правильно возставая противъ передачи органамъ законодательной власти суда надъ ними, чему только отчасти положенъ былъ конецъ на практикѣ Монтескьё, не обратилъ достаточнаго вниманія на тотъ фактъ, что отвѣтственность министровъ достигается въ Англіи и помимо всякаго суда за совершенныя ими преступленія по должности, благодаря тому обстоятельству, что достаточно враждебнаго имъ голосованія палатъ по важному пункту ихъ программы, чтобы вызвать отставку кабинета. Монтескьё, съ другой стороны, весьма вѣрно понимаетъ то значеніе, какое для сохраненія политической свободы имѣетъ правило о безотвѣтственности короля, и говоритъ, что въ противномъ случаѣ законодательная власть сдѣлалась бы тиранической, т.-е. равновѣсіе было бы нарушено въ ея пользу. Не менѣе тонко сознано имъ значеніе того принципа, что денежные билли могутъ быть только отвергаемы верхней палатой, безсильной внести въ нихъ какія-либо измѣненія. Такая практика, думаетъ онъ, не позволяетъ лордамъ обезпечить торжество своихъ частныхъ интересовъ надъ интересами народа. Вотированіе издержекъ на армію изъ года въ годъ, въ силу такъ называемаго mutiny act, также встрѣчаетъ его справедливое одобреніе на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ исполнительная власть пріобрѣла бы чрезмѣрную независимость отъ законодательной, къ немалому ущербу для свободы. При характеристикѣ избирательныхъ законовъ Монтескьё какъ нельзя лучше передаетъ англійскую точку зрѣнія, враждебную выбору депутатовъ по спискамъ (scrutin de liste) и повелительному мандату избирателей. Но онъ сознательно уклоняется отъ англійской практики, объявляя, что право голосованія на выборахъ должно принадлежать всѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ, приниженное положеніе которыхъ не допускаетъ мысли о не-

зависимости [1]). Нельзя также сказать, чтобы Монтескьё, справедливо видящій гарантію свободы въ судѣ присяжныхъ и достигнутомъ такимъ образомъ обособленіи суда отъ исполненія, вполнѣ вѣрно передалъ англійскую практику, говоря, что члены трибуналовъ не должны имѣть права расширительнаго толкованія законовъ. Въ странѣ, не знающей кодификаціи, въ которой юридическій обычай играетъ роль статей свода, судьямъ трудно обойтись безъ большой свободы въ подведеніи вновь возникающихъ споровъ подъ существующіе прецеденты. Наконецъ нельзя признать удачнымъ выбранный Монтескьё терминъ наслѣдственнаго дворянства для передачи состава верхней палаты. Англійская пэрія очевидно не имѣетъ много общаго съ высшими сословіями континента уже по той причинѣ, что одни старшіе сыновья аристократическихъ родовъ наслѣдуютъ преимущества этого званія, тогда какъ прочіе члены семьи остаются въ рядахъ обыкновенныхъ гражданъ, или такъ называемыхъ коммонеровъ. То обстоятельство, что въ палатѣ лордовъ засѣдаютъ на ряду со свѣтскими аристократами попадающіе въ силу своей должности епископы и что доступъ къ званію пэра открытъ выдающимся администраторамъ, судьямъ, художникамъ и литераторамъ, что король или королева во всякое время могутъ восполнить наличный составъ верхней палаты новыми назначеніями, не даетъ права приравнивать палату лордовъ къ собранію дворянъ, какимъ была, напримѣръ, вторая палата на генеральныхъ штатахъ Франціи. Это неправильное пониманіе, или, точнѣе, эта ошибка въ передачѣ дѣйствительнаго характера англійской пэріи, можетъ считаться причиной, по которой многіе изъ послѣдователей Монтескьё и не меньшее число его противниковъ думали дать вѣрное толкованіе его мыслямъ, рекомендуя или соотвѣтственно

[1]) Tous les citoyens, dans les divers districts, doivent avoir droit de donner leur voix pour choisir le représentant, excepté ceux qui sont dans un tel état de bassesse qu'ils sont réputés n'avoir point de volonté propre.

противясь созданію дворянскихъ камеръ. Исторія Учредительнаго Собранія и первой писанной во Франціи конституціи представляетъ примѣры такого искаженія англійскаго образца не безъ косвеннаго вліянія выбранной Монтескьё терминологіи. Средина XVIII столѣтія была слишкомъ озабочена борьбою съ привилегіями дворянства и высшаго духовенства, съ искорененіемъ повсюду корпоративнаго духа, извѣстнаго въ это время подъ наименованіемъ esprit particulier, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ призывъ Монтескьё къ возстановленію принциповъ готической монархіи возможнымъ приближеніемъ къ англійской конституціи. „Сомнѣваюсь,—писалъ ему Гельвецій,—чтобы наши внуки озаботились примѣненіемъ къ конституціямъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ теперешняя, превозносимаго вами равновѣсія властей. Вмѣсто того, чтобы объединять частные интересы, ваши комбинаціи только обособляютъ и осложняютъ ихъ. Васъ увлекъ примѣръ англійскаго правительства, но я не могу раздѣлить мысли, что оно совершенно. Когда подкупъ, сдѣлавшійся необходимымъ въ виду инерціи верхней палаты, перенесенъ будетъ министрами и въ нижнюю и всѣ перестанутъ его стыдиться, тогда выступитъ воочію опасность вашего равновѣсія и окажется нужнымъ постоянно нарушать его, чтобы ускорить или задержать ходъ политической машины“. Въ другомъ письмѣ, обсуждая трактатъ Монтескьё, Гельвецій сожалѣетъ о томъ, что съ умомъ Монтеня авторъ сохранилъ предразсудки парламентскаго совѣтника и дворянина. Въ этомъ—источникъ всѣхъ его заблужденій. „Корпоративный духъ, — прибавляетъ онъ, — овладѣлъ нами. Подъ именемъ самостоятельнаго политическаго тѣла хотятъ создать власть, преслѣдующую собственные интересы въ ущербъ обществу“ [1]). Теорія Монтескьё нашла на первыхъ порахъ сторонниковъ не въ лицѣ родственныхъ ему

---

[1]) Томъ V сочиненій Монтескьё, въ изданіи Леру, 1828 года, стр. 420, 421, 426 и 428.

по направленію энциклопедистовъ и вообще сильныхъ умовъ Франціи, а за границей и прежде всего въ Англіи. Хотя въ письмѣ къ аббату Гуаско въ Лондонъ Монтескьё и говоритъ, что короли, вѣроятно, послѣдніе возьмутся за его книгу и, можетъ-быть, вовсе не прочтутъ ея [1]), но на самомъ дѣлѣ въ числѣ лицъ, ранѣе другихъ ознакомившихся съ „Духомъ законовъ", пришлось считать короля Георга II, явно высказавшаго свое одобреніе всему, что говоритъ Монтескьё о британской конституціи [2]), короля Сардиніи, давшаго „Духъ законовъ" въ руки своему сыну и преемнику, герцогу Савойскому [3]), короля польскаго Станислава [4]), сдѣлавшаго Монтескьё членомъ своей академіи въ Нанси, наконецъ, Екатерину II, положившую его мысли въ основу совѣтовъ, преподанныхъ „Комиссіи для составленія новаго уложенія". За предѣлами Франціи, въ странахъ съ болѣе или менѣе умѣреннымъ образомъ правленія, глава о раздѣленіи властей встрѣтила сразу одобреніе въ широкихъ кругахъ. Это приходится сказать не только объ Англіи, гдѣ задались мыслью о переводѣ „Духа законовъ" вскорѣ послѣ его обнародованія, и не кто иной, какъ Блэкстонъ, въ своихъ „Комментаріяхъ къ законамъ страны", положилъ ученіе Монтескьё въ основу своего пониманія консти-

1) Письмо отъ 12-го марта 1750 года, томъ VII, изданіе 1828 г., стр. 438. Совершенно въ томъ же смыслѣ Тестю де-Траси въ своемъ комментаріи на XI книгу, главу II, говоритъ: „Tous ces systèmes d'opposition et de balance ne sont jamais, je le répète, que vaines singeries, ou une guerre-civile réelle". Комментаторъ объясняетъ далѣе свою мысль, говоря, что въ монархическихъ странахъ правительство необходимо преслѣдуетъ интересы, отличные отъ общаго, почему его приверженцы всегда и ведутъ себя какъ мятежная партія (faction), нерѣдко ставящая себѣ цѣлью ввести рознь и тѣмъ самымъ ослабить власть націи, дабы легче одержать надъ ней побѣду. „Комментаріи къ Духу законовъ" Тестю де-Траси, въ VIII томѣ полнаго собранія сочиненій Монтескьё, изданіе Леру, 1828 года, стр. 195—207.

2) Ibid.

3) Письмо къ аббату Венути въ Бордо, стр. 471.

4) Ibid., стр. 475—477.

туціи, но и о Тосканѣ, гдѣ Бертолини къ предпринятому имъ итальянскому изданію предпослалъ особый анализъ всего сочиненія, настолько лестный для автора, что послѣдній даже потребовалъ исключенія нѣсколькихъ словъ, говорившихъ, что никто лучше его не сумѣлъ показать самимъ англичанамъ красотъ ихъ конституціи [1]).

Мысли автора „Духа законовъ“ объ англійскихъ порядкахъ получили особенное распространеніе съ того момента, когда швейцарецъ Делольмъ, долгое время проживавшій въ Англіи, примѣнилъ теорію раздѣленія властей къ детальному анализу ея конституціи. Возгорѣвшаяся вскорѣ затѣмъ борьба французскихъ парламентовъ и верховныхъ судовъ съ захватами „министерскаго абсолютизма“, созывъ нотаблей и агитація въ пользу возстановленія какъ мѣстнаго, такъ и общаго представительства въ лицѣ провинціальныхъ собраній и генеральныхъ штатовъ, придали интересъ современности всему, что Монтескьё говоритъ о „готической монархіи“ и ея уцѣлѣвшемъ образцѣ. Люди, которыхъ политическая борьба увлекла впослѣдствіи въ лагерь горячихъ сторонниковъ республики, Маратъ въ томъ числѣ, почти наканунѣ революціи не отказывали въ дани уваженія человѣку, обнаружившему въ ихъ глазахъ „въ защитѣ разумныхъ требованій политической свободы, смѣлость, какой въ равной степени не представляетъ и самъ Руссо“ [2]). Для дѣятелей 1789 года Монтескьё съ его тео-

---

[1]) Письмо отъ 5-го декабря 1754 года. Ibid., стр. 535. Бертолини выбросилъ это мѣсто и ограничился простой передачей основного положенія XI книги.

[2]) Въ похвальномъ словѣ Монтескьё, написанномъ на конкурсъ Маратомъ, мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующее мѣсто: „Aux vues d'un génie bienfaisant l'Esprit des Lois réunit le fait d'un génie sublime, Quelle solidité dans les principes! Quelle justesse dans les conséquences! Quelle évidence dans les resultats! Eloge de Montesquieu par Marat. Publié par Brezetz 1783. Libourne. On reproche a Montesquieu d'avoir quelquefois manqué d'énergie et on l'oppose a Rousseau. Quelle différence entre ces deux hommes! R. n'a pas craint de soulever contre lui l'autorité, j'en conviens, mais

ріей раздѣленія властей является не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ гражданинъ „Женевы" съ его ученіемъ о народномъ суверенитетѣ. Большинство публицистовъ конца прошлаго вѣка объявляютъ себя сторонниками того и другого. Самъ Руссо показалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ уваженія къ автору „Духа законовъ", говоря, что изъ всѣхъ писателей новаго времени никто больше его не былъ способенъ положить прочныя основы праву политическому [1]).

Наканунѣ революціи нельзя встрѣтить писателя, за исключеніемъ развѣ аббата Сеіеса, который бы не считалъ нужнымъ повторить того или по крайней мѣрѣ считаться съ тѣмъ, что Монтескьё пишетъ о раздѣлѣ суверенитета. Это можно сказать въ равной мѣрѣ и о Мирабо, и о Черутти, и о Рабо-Сентъ-Этьенъ, и о Кондорсэ, а тѣмъ болѣе о Мунье, Малуэ и Мале дю-Панъ. Конституція 91 года во многомъ отразила на себѣ ученіе XI книги „Духа законовъ", хотя и отступила отъ него въ двухъ существенныхъ вопросахъ, отнявъ у короля абсолютное „вето" и высказавшись въ пользу однокамерной системы. Если не говорить о конституціи 93 года, никогда не примѣнявшейся на практикѣ, и о консульско-имперской, надѣлившей Францію тѣмъ демократическимъ въ источникѣ деспотизмомъ, котораго всего болѣе опасался Монтескьё, ни одна не обошлась безъ открытаго провозглашенія или тайнаго проведенія принципа раздѣленія властей. Но нигдѣ этотъ принципъ не одержалъ такой побѣды и не показалъ въ большей степени практическихъ неудобствъ, связанныхъ съ строгимъ его проведеніемъ въ законѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ,

---

il n'avait rien à perdre à la persécution; il portait partout avec lui son génie, sa célèbrité; sa gloire ne pouvait qu'y gagner. Mais Montesquieu avait une grande fortune en fonds de terre, il tenait à une famille notable, il avait femme et enfans; que de liens. Et toutefois il ne craignit pas d'attaquer l'autorité arbitraire, les vices du gouvernement, les prodigalités du Prince.

[1]) Lettres écrites de la montagne. Письмо VI.

гдѣ назначаемое президентомъ министерство не имѣетъ доступа въ палаты конгресса и послѣднiй вынужденъ поручить фактическое руководительство отдѣльными сторонами внутренней и внѣшней политики избираемымъ изъ своей среды комитетамъ. Опытъ Америки показываетъ, что опасенiе, высказанное нѣкоторыми критиками Монтескьё, въ томъ числѣ Тестю де-Траси, далеко не такъ безпочвенно, какъ думаютъ односторонние послѣдователи дорогого Монтескьё принципа. Строгое обособленiе властей въ дѣйствительности можетъ имѣть послѣдствiемъ ихъ изолированiе и помѣшать правильному ходу политической машины.

§ 6. „Духъ законовъ" затрогиваетъ столько вопросовъ общественнаго и политическаго характера, что намъ не можетъ быть поставлено въ вину, если въ общей характеристикѣ, какова настоящая, мы ограничимся указанiемъ лишь нѣкоторыхъ сторонъ этого сочиненiя. Но прежде всего намъ предстоитъ познакомить читателя съ общимъ его планомъ и показать зависимость отдѣльныхъ книгъ и параграфовъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что многiе критики ставятъ Монтескьё въ вину отсутствiе руководящей мысли и искусственное соединенiе воедино летучихъ замѣтокъ и нерѣдко простыхъ анекдотовъ. „Что позволило автору „Духа законовъ",—спросимъ мы словами Гельвецiя,—выйти изъ хаоса противорѣчивыхъ законовъ, одержать побѣду надъ мракомъ, подобно герою Мильтонова ада, и указать другимъ руководящую нить изъ того лабиринта, какой представляютъ глубоко изученныя имъ права грековъ, римлянъ, вандаловъ, вестготовъ?" [1]) Заглавiе сочиненiя не даетъ еще отвѣта на этотъ вопросъ, какъ нѣтъ его и въ слѣдующемъ заявленiи самого автора: „Наблюдая людей, я убѣдился, что, несмотря на характеризующее ихъ разнообразiе законовъ и нравовъ, они руково-

[1]) Письмо Гельвецiя къ Монтескьё по прочтенiи имъ рукописи „Духа законовъ".

дятся не одними пристрастіями; я установилъ принципы, послѣ чего частные случаи сами подошли подъ нихъ; исторіи отдѣльныхъ націй оказались только развитіемъ этихъ принциповъ и каждый частный законъ связаннымъ съ прочими или зависящимъ отъ болѣе общаго. Самые же принципы выведены мною не изъ моихъ предубѣжденій, а изъ природы вещей“.

Недостаточно сказать въ самомъ дѣлѣ, что Монтескьё поставилъ себѣ задачей открыть причины всѣхъ законовъ или указать ихъ зависимость отъ физическихъ и нравственныхъ явленій, изъ которыхъ складывается среда тѣхъ или другихъ націй. Сами эти явленія не представляютъ неизмѣнныхъ величинъ, подлежатъ воздѣйствію времени, входятъ отдѣльными звеньями въ общую цѣпь развитія, благодаря которой живущіе въ лѣсахъ германцы становятся, напримѣръ, выражаясь языкомъ того же Монтескьё, творцами, сперва уравновѣшанной сословіями готической монархіи, а затѣмъ основанной на раздѣленіи властей англійской конституціи. Мы въ правѣ спросить себя поэтому, сознавалъ ли Монтескьё эту идею всемірной эволюціи, этого неизбѣжнаго прогресса общежительныхъ порядковъ [1]). Ничто въ его сочиненіи не доказываетъ такого сознанія, ничто не даетъ права утверждать, чтобы идея преемства была тою руководящей нитью, которая позволила ему выйти съ успѣхомъ изъ массы накопленныхъ имъ фактовъ и наблюденій [2]). Мѣсто общей теоріи развитія занимаетъ у него частное обобщеніе, идущее наперекоръ такому признанію.

---

[1]) Въ неизданныхъ отрывкахъ изъ сочиненій Монтескьё я встрѣтилъ, правда, одно мѣсто, доказывающее употребленіе имъ самого термина „прогрессъ“, но въ смыслѣ отличномъ отъ современнаго. „Il ne faut presque rien pour donner à un peuple les préjugés d'un autre, et le progrès peut être si grand qu'il change, pour ainsi dire, tout le génie et la nature humaine. Pensées et Fragments inédits de Montesquieu, стр. 302.

[2]) Вольтеръ справедливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ недостаточно оттѣнилъ общность процесса развитія. „Il parait que partout la

По мѣрѣ своего территоріальнаго расширенія свободныя и измѣнчивыя въ своихъ политическихъ формахъ государства приближаются, думаетъ онъ, къ неподвижности восточной деспотіи. Избѣжать такого исхода можно только или воздержавшись отъ неограниченнаго распространенія своего владычества надъ другими народами, или связавъ ихъ судьбы съ своими собственными путемъ установленія федераціи, примиряющей преимущества автономіи и той болѣе широкой безопасности, какую обезпечиваетъ обширность области и населенія. Такова на мой взглядъ центральная мысль автора „Духа законовъ", позволяющая ему въ равной мѣрѣ интересоваться раскрытіемъ и тѣхъ причинъ, какими обусловливается свобода народовъ, едва вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, и тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ политическое безправіе, въ какомъ жили и живутъ жители обширныхъ имперій Азіи и востока Европы. Она дѣлаетъ возможнымъ включить въ сферу его обобщеній отдѣльныя явленія и цѣлыя картины изъ быта классическихъ республикъ, а равно и описаніе начавшагося въ нихъ вырожденія въ направленіи къ единовластію. Она вызываетъ въ его умѣ сопоставленіе античной культуры съ современной, такъ какъ республики, подобныя Венеціи или Голландіи, по мѣрѣ утраты ими политическаго равновѣсія, въ такой же мѣрѣ склоняются къ тираніи, въ какой готическая монархія переходитъ въ подобіе восточной деспотіи. Этотъ частный законъ извращенія политическихъ формъ по мѣрѣ измѣненія прежней обстановки занимаетъ въ ученіи Монтескьё то самое мѣсто, какое въ новѣйшихъ сочиненіяхъ по соціологіи—теорія эволюціи.

---

société humaine a été formée, говоритъ онъ, par de petites peuplades qui, après s'être plus ou moins civilisées, ont fini par se réunir ou par être absorbées dans de grands empires. Commentaire sur quelques principales maximes de l'Esprit des Lois, въ изданіи соч. Монтескьё отъ 1828 года, томъ V, стр. 379.

Процессъ, совершающійся въ сферѣ политическихъ учрежденій, опредѣляетъ въ его глазахъ всѣ прочіе. Отсюда возможность говорить объ отношеніяхъ, въ какихъ воспитаніе, торговля, гражданскіе законы, законы о роскоши и т. д. стоятъ съ природою отдѣльныхъ формъ правленія. Монтескьё далекъ отъ мысли видѣть въ государственныхъ учрежденіяхъ одну надстройку экономическаго уклада, сложившагося на почвѣ борьбы экономическихъ интересовъ. Они для него основа, къ которой должны приспособиться всѣ прочіе порядки націи. Въ республикахъ необходимо поэтому возможное равенство состояній и поддерживающіе простоту нравовъ законы о роскоши, какъ въ монархіяхъ мыслимо существованіе допускающихъ внѣшній блескъ громадныхъ состояній, и не имѣютъ смысла предписанія, задерживающія развитіе соціальныхъ контрастовъ. Въ республикахъ желательно ограниченіе торговой предпріимчивости и роста, тогда какъ то и другое несогласно съ природою монархій. Въ республикахъ немыслимо допущеніе свободы завѣщаній и необходимъ возможно равный раздѣлъ наслѣдствъ; въ монархіяхъ же майораты и субституціи допустимы, какъ ведущіе къ созданію тѣхъ средостѣній, которыя препятствуютъ ея вырожденію въ неограниченное единовластіе.

Послѣ сказаннаго понятно и принятое Монтескьё распредѣленіе матеріала по книгамъ и самый порядокъ слѣдованія этихъ книгъ. Сперва рѣчь идетъ о природѣ правительствъ и ихъ жизненныхъ принципахъ, затѣмъ о пріуроченіи системы воспитанія къ этой природѣ и этимъ принципамъ, о соотвѣтствіи имъ также всего законодательства, гражданскаго и уголовнаго, въ частности законовъ о роскоши, о личномъ и имущественномъ положеніи женщинъ. Извращеніе формъ правленія и его причины занимаютъ послѣ этого мысль автора, который въ связи съ установленнымъ имъ тяготѣніемъ правительствъ къ деспотіи говоритъ о зависимости, существующей между систе-

мами народной обороны и формами правительства, между политической и гражданской свободой съ одной стороны, государственными учрежденіями и обусловленными ими уголовными законами съ другой. Податная система приводится въ соотвѣтствіе съ природой и жизненными принципами республиканскихъ, монархическихъ и деспотическихъ правительствъ, какъ съ ними же ставится въ связь существованіе или отсутствіе гражданскаго рабства и большей или меньшей зависимости женщинъ и дѣтей отъ главы семейства.

Обусловливая собою всѣ эти различія, формы правленія въ свою очередь обусловлены климатомъ и всею совокупностью физическихъ причинъ, въ томъ числѣ протяженіемъ занятой народомъ территоріи и болѣе или менѣе благопріятнымъ расположеніемъ страны въ отношеніи къ торговымъ путямъ. Отсюда рядъ книгъ, посвященныхъ обсужденію всѣхъ этихъ вопросовъ, въ томъ числѣ того, въ какой мѣрѣ климатъ содѣйствуетъ или препятствуетъ развитію политическаго рабства, въ какой мѣрѣ сложившіеся подъ его вліяніемъ нравы и привычки налагаютъ свой отпечатокъ на законодательство. Монетная система, а затѣмъ численность населенія, приводится въ связь съ формами политическаго устройства. Отдѣльныя книги (24 и 25) отведены обсужденію возможныхъ отношеній церкви и государства, отношеній измѣнчивыхъ, сообразно формѣ правленія. Сочиненіе заканчивается разсужденіями о различной природѣ законовъ, божескихъ и естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ, а также о порядкѣ составленія положительныхъ. Экскурсами и иллюстраціями уже сказаннаго надо считать распространенныя историко-юридическія диссертаціи о происхожденіи и развитіи наслѣдственнаго права у римлянъ и феодальнаго законодательства въ связи съ перемѣнами, пережитыми французской монархіей [1]).

---

[1]) Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Монтескьё и издатель необнародованныхъ ранѣе главъ „Духа законовъ“, проф. Баркгаузенъ изъ Бордо, напечаталъ въ 1898 году въ журналѣ „Публичнаго Права и Политической

Монтескьё отводитъ, правда, цѣлую книгу разсужденіямъ о вліяніи климата на характеръ учрежденій и считаетъ его сильнѣйшимъ изъ тѣхъ, какими опредѣляется

Науки" статью о предполагаемомъ безпорядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ главы „Духа законовъ". Въ этой статьѣ, какъ и въ недавнемъ предисловіи къ своей монографіи „Монтескьё, Духъ законовъ и Архивъ Бреды", Баркгаузенъ проводитъ мысль, довольно близкую къ нашей. По его мнѣнію, Монтескьё, констатировавъ противорѣчіе нравовъ, законовъ и обычаевъ разныхъ странъ, долженъ былъ задаться вопросомъ: неужели нѣтъ ничего прочнаго и незыблемаго въ сферѣ нравственности и въ сферѣ права? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и является „Духъ законовъ". Послѣ долгихъ розысковъ Монтескьё остановился на мысли, что „народы не руководствуются исключительно своей фантазіей" (предисловіе къ „Духу законовъ"). „По существу благоразумные (кн. XXVIII, гл. 23), люди съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ всегда преслѣдуютъ одну цѣль: сохраненіе того государства, къ которому они принадлежатъ".—Разумъ имѣетъ не только естественную власть надъ людьми,—думаетъ Монтескьё,—но можно сказать, что эта власть даже тираническая. Дѣлаютъ, правда, по временамъ попытку противиться ему; но это обстоятельство не препятствуетъ его окончательному торжеству" (кн. XXVIII, гл. 38). Отправляясь отъ этой мысли, Монтескьё,—по мнѣнію Баркгаузена,—въ 25 книгахъ своего „Духа законовъ" разсмотрѣлъ, во-первыхъ, условія, благопріятныя устойчивости присущихъ государствамъ образовъ правленія; во-вторыхъ, условія сохраненія государствами ихъ территоріи, ихъ жителей и ихъ имуществъ; въ-третьихъ, условія, какія ставятъ государству и правительству каждой страны климатъ, природа почвы и общій духъ народа; въ-четвертыхъ, условія, создаваемыя для государствъ и правительствъ международною торговлею; въ-пятыхъ, роль, какую семья и авторитетъ религіи играютъ въ сохраненіи государствъ и правительствъ. Книги, слѣдующія за 25 первыми, или являются въ мысли Монтескьё дополненіемъ, что и прямо высказано имъ въ первомъ изданіи его книги (édition princeps), или касаются техническаго вопроса, какимъ правиламъ долженъ слѣдовать законодатель при выборѣ своихъ принциповъ, а также при обращеніи послѣднихъ въ формулы или нормы. „Монтескьё,—замѣчаетъ Баркгаузенъ, — остановился при редакціи своего трактата на образцѣ кодекса; онъ соотвѣтственно раздѣлилъ свое сочиненіе на книги, главы и статьи" (См. „Le désordre de l'*Esprit des lois*", „Revue de droit public" за 1898 годъ, 1 выпускъ стр. 31—40, и „Montesquieu, l'Esprit des lois et les archives de la Brède", Бордо, 1904 г., стр. 5—15).

политическій укладъ націи (книга XIX, глава 14). Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ „Духѣ законовъ“ можно было найти систематическое объясненіе воздѣйствія физическихъ факторовъ на экономическій, гражданскій или политическій строй отдѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ только развиваетъ взгляды, высказанные еще въ древности Гиппократомъ и нашедшіе оттголосокъ себѣ въ сочиненіяхъ какъ Аристотеля, такъ и Бодэна.

Нельзя же считать законами народной психологіи такія общія положенія, какъ то, напримѣръ, что холодъ содѣйствуетъ развитію энергіи и ослабляетъ чувственность, а жара порождаетъ лѣность, робость и изнѣженность (книга XIV, глава 2). Правда, нѣкоторыя заявленія Монтескьё даютъ новодъ причислить его къ прямымъ предшественникамъ того научнаго метода, который неразрывно связанъ съ именемъ основателя соціологіи Конта и ищетъ объясненія отдѣльныхъ явленій общественной жизни въ массѣ взаимодѣйствующихъ факторовъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ физическимъ. Любой позитивистъ охотно подпишется подъ слѣдующими словами: „климатъ, религія, законы, принципы правительства, примѣры прошлаго, нравы, привычки, — изъ всего этого слагается общій] духъ націи“ (книга XIX, глава 4). Но, къ сожалѣнію, такія положенія являются въ „Духѣ законовъ“ не болѣе, какъ общими мѣстами; авторъ не разъ забываетъ о необходимости дать имъ фактическое обоснованіе; мало того, вопреки собственнымъ его утвержденіямъ Монтескьё раздѣляетъ предразсудокъ своихъ современниковъ, который состоитъ въ сведеніи всевозможныхъ вліяній къ одному важнѣйшему — политическому [1]). Подобно

[1]) Въ своемъ комментаріи на „Духъ законовъ“ Вольтеръ упрекаетъ даже его автора въ томъ, что онъ придалъ климату большое значеніе: Convenons donc que si le climat fait les hommes blonds ou bruns, c'est le gouvernement qui fait leurs vertus et leurs vices. Изданіе сочиненія Монтескьё Le Roux. 1828 г., томъ V, стр. 400.

тому, какъ въ наши дни преимущественное занятіе экономическими вопросами заставляетъ многихъ мыслителей выдвигать на первый планъ перемѣны въ производствѣ, объяснять ими даже такіе наипростѣйшіе факторы всякой общественной эволюціи, какими является ростъ населенія и соотвѣтственно большая его густота, такъ точно въ XVIII вѣкѣ заинтересованность общества въ измѣненіи существующихъ политическихъ порядковъ обусловила собою попытку объяснить ихъ вліяніемъ разнообразнѣйшія стороны въ развитіи гражданственности. Эта односторонность свойственна въ равной мѣрѣ и д'Аржансону, видящему въ абсолютизмѣ и крайностяхъ административной централизаціи источникъ всѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ Франція, и Руссо, для котораго поступательный ростъ общества связанъ неразрывно съ возстановленіемъ принципа народнаго самодержавія и торжествомъ общей воли надъ частными, внѣ чего не существовало и не можетъ существовать закономѣрныхъ правительствъ. Монтескьё не выдѣляется изъ среды своихъ современниковъ и продолжаетъ традицію англійскихъ публицистовъ XVII вѣка съ Гоббсомъ и Локкомъ во главѣ, когда пытается объяснить гражданскіе и экономическіе порядки отдѣльныхъ націй ихъ государственнымъ строемъ. Чтобы примирить такое воззрѣніе съ раньше высказаннымъ взглядомъ о главенствѣ физическихъ факторовъ надъ всѣми прочими, онъ пытается развить ту мысль, что вліяніе природы и климата имѣетъ рѣшающее значеніе только въ средѣ дикарей и что, переходя къ высшимъ порядкамъ общежитія, мы встрѣчаемся съ столь же всесильнымъ воздѣйствіемъ политическихъ формъ какъ на экономическій строй, такъ и на гражданскій, такъ наконецъ и на умственный складъ націи. Очень выпукло это положеніе развито въ 27 главѣ, XIX книги „Духа законовъ“. На примѣрѣ Англіи Монтескьё пытается раскрыть вліяніе политическихъ учрежденій. Ограничившись бѣглымъ замѣчаніемъ: — „не говорю,

чтобы климатъ не опредѣлялъ собою въ значительной мѣрѣ законы, нравы и привычки англичанъ“—и выгородивъ себя такимъ образомъ отъ упрека въ непослѣдовательности и противорѣчіяхъ, авторъ „Духа законовъ“ приписываетъ затѣмъ исключительно свободнымъ учрежденіямъ страны и порожденному ими духу независимости и самоопредѣленія даже такіе факты, какъ обиліе въ Англіи религіозныхъ сектъ и общую терпимость ко всѣмъ и каждой изъ нихъ, за исключеніемъ католицизма, да и то лишь потому, что послѣдній нѣкоторые правители хотѣли навязать силой. Политическимъ строемъ Англіи, благопріятнымъ, какъ онъ думаетъ, развитію индивидуализма, объясняетъ Монтескьё и такія особенности народной психологіи, какъ уваженіе, какимъ пользуются у англичанъ, съ одной стороны, личныя качества, а съ другой—богатства. Въ немъ же ищетъ онъ источникъ, по которому англичанамъ неизвѣстна та изысканная вѣжливость, какой отличаются, напримѣръ, французы и которая въ глазахъ Монтескьё неразрывно связана съ лѣностью, порождаемой въ нихъ абсолютизмомъ. Такія разрозненныя черты народнаго характера англичанъ, какъ гордость и робость, пристрастіе къ сатирѣ, богатство фантазіи и недостатокъ утонченнаго литературнаго вкуса, искусственно связаны имъ съ существующими въ странѣ порядками представительства и самоуправленія.

Государственный строй служитъ для Монтескьё такимъ же ключомъ къ раскрытію причинъ психическихъ особенностей и историческихъ судебъ отдѣльныхъ націй, какимъ для Эдгара Кине и Фюстель де-Куланжа является религія, для Ренана и Тэна—раса, а для узкихъ толкователей марксизма — измѣненіе порядковъ производства. Такъ, напримѣръ, для Монтескьё кажется несомнѣннымъ, что гражданское рабство всего терпимѣе въ деспотіяхъ, такъ какъ въ нихъ существуетъ уже рабство политическое (книга XV, глава 13). Крайняя подчиненность женщинъ вполнѣ отвѣчаетъ въ его глазахъ духу деспотическаго образа правле-

нія, свобода же ихъ мирится съ принципами монархіи (книга XVI, глава 9). Земля воздѣлывается хорошо или дурно не въ виду меньшаго или большаго ея плодородія, а въ прямомъ отношеніи къ свободѣ населяющаго ея народа (книга XVIII, глава 3). Монархическій и всякій вообще умѣренный образъ правленія, думаетъ Монтескьё, благопріятенъ распространенію христіанства, деспотизмъ же, какъ слѣдуетъ между прочимъ изъ примѣра Китая, враждебенъ ему (книга XIX, глава 18). И торговая дѣятельность стоитъ въ прямомъ отношеніи къ государственнымъ порядкамъ. При единовластіи торговля имѣетъ въ виду предметы роскоши, при многовластіи же — предметы необходимости. Обширныя торговыя предпріятія болѣе обычны въ республикахъ, нежели въ монархіяхъ (ibid). Роскошь желательна въ послѣднихъ и гибельна въ первыхъ (книга XXI, глава 16).

Преувеличенное значеніе, какое Монтескьё признаетъ за политическими учрежденіями при объясненіи особенностей народной психологіи и народнаго быта, стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ представленіемъ, какое онъ составилъ себѣ о роли законодателя. Онъ думаетъ, что послѣдній ставитъ себѣ цѣлью привести въ соотвѣтствіе съ жизненнымъ принципомъ избранной имъ формы правленія всѣ положительно стороны народной жизни. „Такъ какъ гражданскіе законы зависятъ отъ политическихъ,—говоритъ онъ въ книгѣ XXIX, главѣ 13,—то при заимствованіи того или другого гражданскаго закона однимъ народомъ у другого необходимо прежде всего задаться вопросомъ: существуютъ ли у обѣихъ націй одинаковыя политическія учрежденія, одно и то же публичное право“. Такимъ образомъ законодатель сознательно избираетъ тѣ или другія нормы имущественнаго, семейнаго, договорнаго или процессуальнаго права, смотря по образу правленія, рискуя при этомъ даже вступить въ коллизію съ общимъ духомъ націи. „Сообразжаться съ нимъ,—говоритъ Монтескьё въ книгѣ XIX, главѣ 5,—можно

только тогда, когда онъ не противорѣчитъ принципамъ существующей у народа формы правленія". Какъ отлична подобная точка зрѣнія отъ ходячихъ нынѣ представленій! Мы полагаемъ, что учрежденія не дѣлаются, а растутъ, что причины, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, какъ данныя природой, такъ и созданныя искусствомъ людей, обусловливаютъ собою ихъ эволюцію. Для насъ роль законодателя сводится къ тому, чтобы въ каждый данный моментъ открыть наиболѣе подходящія средства къ удовлетворенію запросовъ, поставленныхъ жизнью. Совершенно иначе представляетъ себѣ процессъ развитія государственныхъ учрежденій тотъ, кто, имѣя постоянно передъ глазами, подобно Монтескьё, примѣръ древнихъ законодателей, полагаетъ, что форма политическаго устройства можетъ быть предметомъ свободнаго выбора,—выбора удачнаго или неудачнаго, но всегда имѣющаго рѣшающее значеніе, такъ какъ имъ опредѣляется дальнѣйшая судьба націи.

Прибавимъ къ этому, что идея роста, лежащая въ основѣ всѣхъ современныхъ представленій о прогрессѣ, была совершенно чужда Монтескьё. Въ „Духѣ законовъ" постоянно идетъ рѣчь о вырожденіи того или другого правительства, какъ измѣнившаго своей природѣ или своему жизненному принципу. Въ немъ нельзя встрѣтить ни одной фразы, которая бы говорила о естественномъ и постепенномъ расширеніи основъ государственнаго верховенства по мѣрѣ матеріальнаго и духовнаго развитія націи.

Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ изъ неизданнаго сочиненія „Объ обязанностяхъ" какъ нельзя лучше выступаетъ основная мысль автора „Духа законовъ" касательно незыблемости и неизмѣнности разъ установившейся формы правленія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока для нея, какъ и для всего земного, не настанетъ періодъ вырожденія.

Случай и направленіе ума (le tour d'esprit) тѣхъ, кто соединился въ гражданское сообщество, опредѣлили собою существованіе столькихъ же различныхъ формъ правленія,

сколько имѣется народовъ. Всѣ эти формы одинаково должны считаться хорошими, такъ какъ одинаково отвѣчаютъ желанію договаривающихся сторонъ. То, что на первыхъ порахъ было дѣломъ выбора, сдѣлалось со временемъ необходимостью. „Одной тираніи и насилію предоставлено отнынѣ измѣнять форму правленія даже на лучшую противъ существующей“ 1). Въ другомъ, тоже неизданномъ, разсужденіи о политической свободѣ, можно найти у Монтескьё выраженіе той же вѣры въ необходимость держаться разъ установленнаго государственнаго порядка. „Я отнюдь не думаю, чтобы пристрастіе къ одному образу правленія должно было отвратить отъ всѣхъ прочихъ. Лучшимъ обыкновенно является тотъ, подъ сѣнью котораго мы живемъ. Человѣкъ благоразумный необходимо долженъ любить его. Вѣдь нельзя измѣнить этого порядка, не измѣнивши обыкновеній и нравовъ. Человѣческая же жизнь коротка и я не вижу поэтому, какую пользу люди нашли бы въ перемѣнѣ разъ сложившихся привычекъ“ 2). Согласно такому взгляду, свободнымъ народомъ въ глазахъ Монтескьё является всякій, живущій подъ властью закономъ установленнаго правительства 3). Отказъ въ повиновеніи властямъ допустимъ только въ одномъ случаѣ, когда правительство вступитъ въ столкновеніе съ создавшимъ ее закономъ,—другими словами, когда разъ установленная форма государственнаго устройства будетъ насильственно измѣнена самимъ правительствомъ 4).

Итакъ, въ глазахъ Монтескьё государственные порядки, разъ созданные, призваны существовать вѣчно. Всякая попытка къ ихъ низверженію, сверху ли, или снизу, одинаково преступна и должна быть остановлена силою.

---

1) Pensées et fragments inédits de Montesquieu, publiés par le baron Gaston de Montesquieu, стр. 399.

2) Ibid., стр. 416.

3) Ibid., стр. 415.

4) Разсужденіе объ обязанностяхъ. Ibid., стр. 381.

Оставаясь чѣмъ-то неизмѣннымъ среди измѣнчивыхъ условій народной жизни, форма правленія тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ значеніе рѣшающаго фактора въ судьбахъ націи. Она естественно оказываетъ отпоръ всему, что несогласно съ ея жизненнымъ принципомъ, и принимаетъ, наоборотъ, подъ свою сѣнь все, что такъ или иначе содѣйствуетъ ея собственному упроченію. Согласно сказанному, восточныя деспотіи враждебны христіанству и проводимой имъ нравственности. „Милосердіе, предписываемое Евангеліемъ, было бы препятствіемъ къ свободному обнаруженію деспотомъ того гнѣва, который побуждаетъ его къ кровавому самосуду и всевозможнымъ жестокостямъ" (книга XIV, глава 3). „Самые святые и возвышенные догматы, — утверждаетъ Монтескьё, — могутъ имѣть крайне пагубныя послѣдствія, разъ они не согласованы съ принципами, на которыхъ опирается гражданское общежитіе и, наоборотъ, ложные догматы, согласованные съ этими принципами, нерѣдко имѣютъ самыя выгодныя послѣдствія (книга XXIV, глава 19). Въ виду сказаннаго Монтескьё полагаетъ, что вновь возникающая въ государствѣ религія всегда приспособляется къ его политическимъ порядкамъ. „Вѣдь люди, практикующіе ее и содѣйствующіе ея распространенію, — разсуждаетъ онъ, — обыкновенно не имѣютъ другихъ представленій о государственномъ строѣ, кромѣ тѣхъ, какія внушены имъ существующими учрежденіями" (книга XXIV, глава 5).

Но если государственный строй имѣетъ рѣшающее значеніе на успѣхъ даже тѣхъ или другихъ вѣрованій, то, съ другой стороны, выборъ законодателемъ религіи зависитъ отъ ряда причинъ, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ климатомъ, почвою и большей или меньшей густотой населенія, мы находимъ обусловленный ими обычный образъ жизни, нравы, привычки, экономическій и гражданскій строй, что въ общей сложности и опредѣляетъ собою духъ той или другой націи. „Повидимому, — говоритъ Монтескьё, — самъ

климатъ установилъ границы распространенію христіанства и магометанизма“ (книга XXIV, глава 26). Говоря это, онъ не даетъ себѣ отчета въ томъ противорѣчіи, въ какомъ это утвержденіе стоитъ съ высказанной имъ же мыслью о соотвѣтствіи вѣрованій государственнымъ учрежденіямъ. Правда, это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено признаніемъ, что тѣ и другія одинаково находятся въ связи съ климатомъ, и эта мысль, какъ мы сейчасъ увидимъ, не чужда была Монтескьё, такъ какъ, вслѣдъ за Иппократомъ и Боденомъ, онъ готовъ былъ признать, что способность къ самодѣятельности, а слѣдовательно, и къ самоопредѣленію, проявляется въ большей степени сѣверными народами, нежели южными. Объясненіе этого различія онъ находилъ въ томъ, что холодный воздухъ, сжимая конечности наружныхъ мышцъ и сокращая, такимъ образомъ, ихъ длину, съ одной стороны, содѣйствуетъ приливу крови къ сердцу, а съ другой — увеличиваетъ силу самихъ мышцъ (книга XIV, глава 2).

Если Монтескьё, допуская вліяніе природы на характеръ разнообразнѣйшихъ проявленій общественности, въ то же время придаетъ рѣшающее значеніе не физическимъ факторамъ, а учрежденіямъ, то объясняется это тѣмъ, что въ его глазахъ добрый законодатель призванъ бороться съ вліяніемъ климата (книга XIV, глава 5), поощряя съ этой цѣлью, напримѣръ, трудолюбіе тамъ, гдѣ жара дѣлаетъ людей лѣнивыми, или запрещая употребленіе горячительныхъ напитковъ тамъ, гдѣ они могли бы причинить особенно сильный вредъ для здоровья.

Чѣмъ ближе знакомишься съ текстомъ „Духа законовъ“, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что мысль Монтескьё, постоянно переходила отъ теоріи воздѣйствія климата на духъ народный и соотвѣтственно на нравы и учрежденія къ ученію объ успѣшной борьбѣ законодателя съ природными факторами. Трудно не считать, напримѣръ, выраженіемъ перваго взгляда слѣдующія категорическія утвер-

жденія: „Различіе потребностей въ разныхъ климатахъ вызвало различія въ образѣ жизни, а эти послѣднія обусловили собою различіе въ законахъ, въ томъ числѣ и въ тѣхъ, которые опредѣляютъ порядокъ государственнаго устройства (книга XIV, глава 10). Такъ, въ южныхъ климатахъ, гдѣ люди склонны къ лѣни, необходимъ страхъ наказанія, чтобы заставить ихъ работать. Въ этихъ климатахъ поэтому рабство менѣе противно разуму, чѣмъ въ сѣверныхъ (книга XV, глава 7). Съ другой стороны, то обстоятельство, что въ южныхъ климатахъ женщины старятся рано, благопріятно одинаково и браку съ малолѣтними, отъ котораго, въ свою очередь, зависитъ подчиненное положеніе супруги, и многоженству. Неравенство половъ свойственно поэтому жаркимъ странамъ, скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ (книга XVI, глава 2). Но тамъ, гдѣ климатъ потребовалъ подчиненія женщинъ, немыслима всегда стремящаяся къ равенству республика и умѣстно единовластіе. Такова одна изъ причинъ,—прибавляетъ Монтескьё,—которая помѣшала установленію демократіи на Востокѣ (книга XVI, глава 9). Такъ какъ большая жара изнуряетъ силы и ослабляетъ мужество, то немудрено, если деспотизмъ свойственъ по преимуществу жаркимъ странамъ (книга XVII, глава 2). Сравненіе въ этомъ отношеніи Азіи съ Европой даетъ право заключить, что первая болѣе призвана природой къ неограниченному образу правленія, чѣмъ вторая. Въ Европѣ большинство странъ тянется съ юга на сѣверъ, а это имѣетъ то послѣдствіе, что въ каждой изъ нихъ встрѣчается различіе въ климатахъ. Наоборотъ, въ Азіи, за исключеніемъ Сибири, всѣ государства главной своей массой принадлежатъ къ тропической зонѣ. Свобода находитъ еще одного союзника въ Европѣ, котораго не знаетъ Азія и который также стоитъ въ связи съ ея умѣреннымъ климатомъ. Въ Европѣ обиліе атмосферическихъ осадковъ, при отсутствіи большихъ жаровъ, вызываетъ образованіе ледниковъ и обусловливаетъ

богатство рѣкъ водою. Въ Азіи же степи примыкаютъ къ степямъ, горныя возвышенности свободнѣе отъ снѣговъ, ледники рѣдки, рѣки мелководны и потому не могутъ служить серьезной преградой къ завоеваніямъ. Физическія условія Азіи,—заканчиваетъ Монтескьё,—враждебны поэтому сепаратизму и благопріятны объединяющей и сдерживающей власти деспотовъ. Объ Азіи нельзя сказать, какъ о Европѣ, что въ ней климатъ является однимъ изъ условій созданія государствъ средней величины,—государствъ, въ которыхъ политическое единство можетъ быть обезпечено и при господствѣ законовъ.

„Качество почвы,— думаетъ Монтескьё,—также является однимъ изъ обстоятельствъ, вліяющихъ на выборъ той или другой формы правленія. Необыкновенное плодородіе освобождаетъ земледѣльца отъ необходимости усиленныхъ работъ, парализуетъ его энергію и дѣлаетъ его способнымъ къ подчиненію. Этимъ объясняется,—говоритъ Монтескьё,— почему единовластіе всего чаще встрѣчается въ странахъ, богатыхъ естественными продуктами, тогда какъ, наоборотъ, непроизводительная почва, подобная каменистымъ землямъ Аттики, благопріятна многовластію или республикѣ“ (книга XVIII, главы 1 и 2).

Островное положеніе также можетъ считаться однимъ изъ условій сохраненія свободы (книга XVIII, глава 5). Имъ отчасти объясняется, почему Англія опередила въ этомъ отношеніи всѣ прочія страны. Монтескьё преувеличиваетъ значеніе этой оторванности Англіи отъ континента Европы, утверждая, между прочимъ, что она является препятствіемъ ко всякой завоевательной политикѣ; тогда какъ въ дѣйствительности ею обусловливается только преобладаніе у англичанъ морскихъ силъ и морскихъ войнъ надъ сухопутными (книга XIX, глава 27).

Бо́льшая или меньшая густота населенія также является въ глазахъ Монтескьё однимъ изъ физическихъ факторовъ, опредѣляющихъ собою различіе въ условіяхъ граждан-

ственности; ею обусловливается, думаетъ онъ, выборъ націей господствующихъ промысловъ и соотвѣтственно важнѣйшихъ средствъ продовольствія. Страны пастушескія отличаются сравнительно слабой населенностью, такъ какъ могутъ доставить пропитаніе лишь небольшому числу жителей; иное дѣло страны земледѣльческія и тѣмъ болѣе винодѣльныя (книга XXIII, глава 14). Монтескьё высказываетъ, такимъ образомъ, взгляды, повторяемые въ наше время марксистами, полагающими, что ростъ населенія зависитъ отъ перемѣнъ въ производствѣ, а не обусловливаетъ самъ собою, какъ я думаю, этихъ перемѣнъ [1]).

Съ господствомъ первобытныхъ промысловъ Монтескьё ставитъ въ связь и нѣкоторыя особенности домашняго быта практикующихъ ихъ націй. Совершенно правильно, но въ полномъ противорѣчіи съ нѣкоторыми современными этнологами, напр., Гроссе, онъ полагаетъ, что у народовъ, живущихъ преимущественно охотой и рыболовствомъ, бракъ не носитъ характера нерасторжимаго союза. Перемѣна женщинъ у нихъ обычное явленіе и принимаетъ нерѣдко форму безпорядочнаго сожитія (книга XVIII, глава 13). Монтескьё обращаетъ также вниманіе на тѣ особенности въ бытѣ кочующихъ или недавно прекратившихъ свои кочевья племенъ, которыя въ наше время обнимаются понятіемъ материнской семьи. Предваряя до нѣкоторой степени открытія современной этнологіи, онъ отмѣчаетъ уже выдающуюся роль тетокъ со стороны матери, сестеръ и ихъ нисходящихъ у германцевъ временъ Тацита и даже въ позднѣйшую эпоху редактированія „Салической Правды“ (книга XVIII, глава 22). Другія черты тѣхъ же патріар-

---

[1]) Смотри, напримѣръ, брошюру М. В. Ганушкина. — „Народонаселеніе, какъ самостоятельный факторъ въ экономической эволюціи“, стр. 40... „Не низкая плотность населенія обусловливаетъ собою низкую экономическую культуру, а, наоборотъ, бѣдность экономической культуры не позволяетъ имѣть бо̀льшую плотность населенія и задерживаетъ его ростъ“.

хальныхъ порядковъ: включеніе жениха въ семью невѣсты на островѣ Формозѣ (книга XVIII, глава 4), наслѣдованіе престола женщинами наравнѣ съ мужчинами у древнихъ египтянъ и примѣръ женовластія, выступающій въ преданіи объ амазонкахъ, наконецъ, гостепріимный гетеризмъ, удержавшійся въ обычаяхъ Массагетовъ, останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Но вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ отдѣльныя стороны материнскаго рода, еще сохранившаго нѣкоторыя переживанія безпорядочнаго сожитія, авторъ „Духа законовъ" старается связать эти факты съ культомъ женскихъ божествъ, напримѣръ, Изиды, „въ честь которой,— говоритъ онъ,—за женщинами признанъ былъ въ Египтѣ верховный авторитетъ въ семьѣ и обезпечена возможность занятія общественныхъ должностей" [1]). Религіей также надо, по его мнѣнію, объяснить происхожденіе такихъ, напримѣръ, фактовъ, какъ добровольное проституированіе себя незамужними женщинами въ храмѣ Венеры у Ликійцевъ,—фактъ, къ которому Монтескьё снова возвращается въ своей поэмѣ прозою, озаглавленной „Храмъ въ Книдѣ". „Культъ, оказываемый Венерѣ многими народностями, — пишетъ онъ,— здѣсь скорѣе можетъ считаться профанаціей вѣры, нежели религіей; этой богинѣ посвящены храмы, въ которыхъ дѣвушки отдаются прохожимъ и составляютъ себѣ приданое изъ получаемаго такимъ образомъ дохода. Въ другихъ капищахъ той же богини замужнія женщины разъ въ жизни отдаются первому встрѣчному, бросая на алтарь полученную ими плату. Имѣются, наконецъ, и такія, въ которыхъ куртизанки изо всѣхъ странъ, окруженныя бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ замужнія женщины, приносятъ свои пожертвованія" [2]).

Чтобы понять причину, по которой Монтескьё, впервые отмѣтившій эти факты, не имѣлъ возможности открыть дѣйствительную ихъ природу и подвести ихъ, какъ дѣлаютъ

---

[1]) Sur la jalousie въ Pensées et fragments, стр. 291 и слѣд.

[2]) Le temple de Cnide, premier chant.

современные этнологи, подъ общій типъ переживаній свободнаго общенія половъ, надо принять во вниманіе, что сочиненіе Лафито о нравахъ американскихъ дикарей, въ которомъ слѣдуетъ видѣть первую попытку систематическаго описанія материнскаго рода и уцѣлѣвшихъ въ немъ слѣдовъ безпорядочнаго сожитія, появилось десятки лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Духа законовъ". Безъ сближенія съ фактами древне-американской жизни разрозненныя свидѣтельства греческихъ и римскихъ писателей объ отношеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ властью мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми, не могли сдѣлаться основаніемъ къ построенію теоріи естественнаго роста семьи и рода, начиная съ ничѣмъ не регулированнаго общенія и материнства и оканчивая возникновеніемъ патріархата и агнатическаго родства.

Но если заслуга Монтескьё въ отношеніи къ исторіи раннихъ формъ брака сводится только въ констатированію нѣкоторыхъ фактовъ, не укладывающихся въ готовыя рамки римской семьи съ manus и patria potestas, то въ то же время своей гипотезой о связи нѣкоторыхъ формъ внѣбрачнаго сожитія съ почитаніемъ зиждительныхъ силъ природы онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на взгляды Дюлора, автора весьма извѣстнаго нѣкогда трактата о фалическомъ культѣ (Divinités Génératrices et le culte du phalus). Если во всю первую половину XIX столѣтія до появленія знаменитаго Mutterrecht Бахофена и одновременно съ нимъ „Этюдовъ о первобытной семьѣ" Макленана, факты материнства объясняемы были вліяніемъ религіозныхъ представленій, вмѣсто того, чтобы считаться источникомъ возникновенія послѣднихъ, то въ этомъ трудно не признать временнаго торжества тѣхъ взглядовъ, зародышъ которыхъ находится въ „Духѣ законовъ".

Я остановился, можетъ-быть, подробнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на характеристикѣ этой стороны ученія Монтескьё, отчасти потому, что о ней вовсе не заходитъ рѣчи въ существую-

щихъ комментаріяхъ на его книгу, отчасти же въ виду того, что она какъ нельзя лучше иллюстрируетъ измѣнчивость той точки зрѣнія, съ которой онъ объясняетъ возникновеніе различій въ нравахъ, законахъ и учрежденіяхъ. Мы видѣли, что физическимъ факторамъ онъ придаетъ первенствующее значеніе въ бытѣ дикихъ и варварскихъ народностей; но это обстоятельство не помѣшало ему искать для особенностей ихъ брачнаго права ближайшаго объясненія въ вѣрованіяхъ, возникновеніе которыхъ не приведено имъ въ то же время ни въ какую причинную зависимость ни съ климатомъ, ни съ почвою, ни съ продовольствіемъ. Его вниманіе приковано было одновременнымъ присутствіемъ въ бытѣ, напримѣръ, египтянъ культа богини Изиды и высокаго относительно положенія женщинъ. Этого было достаточно для того, чтобы признать между обоими фактами отношеніе причинности и потерять изъ виду одновременное воздѣйствіе другихъ, можетъ-быть, болѣе сильныхъ и притомъ первичныхъ факторовъ. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, онъ минуетъ всѣ посредствующія звенья, считая возможнымъ толковать, напримѣръ, о непосредственной связи первобытныхъ промысловъ съ политической свободой, которой пользовались древніе германцы на своихъ народныхъ вѣчахъ во времена Тацита и на смѣнившихъ ихъ со временемъ мартовскихъ и майскихъ поляхъ.

Монтескьё гораздо ближе стоитъ къ современнымъ историкамъ права, когда утверждаетъ, что климатомъ, почвою и поставляемою ею продуктами обусловливаются нравы, обычаи націи и вообще совокупность того, что носитъ уже у него столь облюбованный впослѣдствіи германской исторической школой терминъ народнаго духа — l'esprit général d'une nation (книга XIX, глава 1 и слѣд.).

Любопытно отмѣтить, однако, что въ числѣ элементовъ, изъ которыхъ слагается этотъ народный духъ, мы не находимъ у Монтескьё вліянія расы или національности, такъ сильно подчеркнутаго впослѣдствіи школою Савиньи и

Эйхгорна. Его точка зрѣнія ближе стоитъ къ той, на какую становятся современные представители сравнительнаго правовѣдѣнія, заявляющіе, напримѣръ, устами Поста, что имъ не удалось пріурочить господство тѣхъ или другихъ обычаевъ къ той или другой расѣ, и что однохарактерныя учрежденія повторяются сплошь и рядомъ у народностей, не имѣющихъ общаго происхожденія, но проходящихъ одну и ту же стадію развитія [1]).

Толкуя о вліяніи физическихъ факторовъ, Монтескьё преслѣдуетъ не однѣ теоретическія задачи. Тотъ выводъ, что нравы, обычаи и общій духъ націи, обусловливаются климатомъ, почвою и продовольствіемъ, имѣетъ въ его глазахъ то практическое значеніе, что указываетъ законодателю на его дѣйствительное призваніе. Онъ долженъ считаться съ народнымъ духомъ и пріурочивать къ нему свои мѣропріятія. Связь тѣхъ или другихъ нравовъ и обычаевъ, источникъ которыхъ лежитъ въ природѣ, съ формою правленія такъ велика, что въ деспотіи достаточно малѣйшаго измѣненія въ нихъ, чтобы вызвать революцію и положить насильственный конецъ единоначалію (книга XIX, глава 12). Но, рекомендуя законодателямъ сообразоваться съ вліяніемъ физическихъ факторовъ, Монтескьё въ то же время настаиваетъ на необходимости непосредственной борьбы съ ними, говоря, что только этимъ путемъ можно остановить разслабляющее вліяніе жаркаго климата, воспрепятствовать развитію лѣни и изнѣженности. Вообще роль законодателей не сводится у него къ одному рабскому подчиненію природѣ; своими мѣропріятіями они могутъ до нѣкоторой степени ослабить или парализовать вовсе ея вредное вліяніе. „Природа и климатъ, — говоритъ Монтескьё, — имѣютъ всеопредѣляющее значеніе только между дикарями (la nature et le climat dominent presque seuls sur les sauvages), очевидно, потому, что они не нашли еще въ лицѣ законодателя человѣка, способнаго воспротивиться

[1]) Die Anfänge des Staats- und Rechtslebens, стр. 3 и 4.

одностороннему воздѣйствію этихъ факторовъ. Такъ какъ законодателю Монтескьё въ то же время даетъ совѣтъ сообразовать свои мѣропріятія съ жизненнымъ принципомъ избранной имъ или ранѣе его возникшей формы правленія, то неудивительно, если не разъ ему приходится жертвовать соотвѣтствіемъ издаваемыхъ нормъ съ природою страны и людей необходимости сообразовать ихъ съ политическимъ укладомъ. Монтескьё прямо заявляетъ, что законодатель приспособляетъ свои мѣропріятія къ духу націи лишь въ томъ случаѣ, когда они не входятъ въ конфликтъ съ принципами существующаго въ странѣ правительства (книга XIX, глава 5). Такимъ образомъ рѣшающее значеніе все же остается за послѣдними, и мы въ правѣ будемъ сказать, что для Монтескьё, какъ вѣками ранѣе для Аристотеля, важнѣйшимъ элементомъ различій между народами является избранная ими форма правленія.

Соціологія не могла, разумѣется, навсегда удовольствоваться этимъ болѣе внѣшнимъ, нежели внутреннимъ критеріемъ. Въ виду доказанной исторіей смѣны государственныхъ порядковъ вмѣстѣ съ ростомъ націи, она не могла также смотрѣть на эти порядки, какъ на нѣчто незыблемое и неизмѣнное. Примѣненіе сравнительнаго метода позволило открыть ближайшую связь политическихъ формъ съ экономическими и обусловленнымъ ими общественнымъ укладомъ, а того и другого—съ ростомъ знаній и техники. Съ политическихъ формъ вниманіе соціологовъ перенесено было поэтому на изученіе общественнаго уклада и служащихъ ему фундаментомъ типовъ народной экономіи; одной изъ важнѣйшихъ задачъ, еще не выполненныхъ обществовѣдѣніемъ, является въ наше время раскрытіе той внутренней связи, въ какой чередованіе отдѣльныхъ типовъ хозяйства стоитъ съ умственной эволюціей и приложеніемъ добытыхъ наукою законовъ къ производству.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, чтобы сдѣланная Монтескьё попытка найти объясненіе существующихъ между

націями различій во взаимодѣйствіи физическихъ факторовъ и свободной дѣятельности законодателя, лишена была всякаго значенія. Одно уже то обстоятельство, что она позволила классифицировать явленія, дотолѣ не сведенныя ни въ какую систему, можетъ считаться положительнымъ пріобрѣтеніемъ для соціологіи. Неправильное построеніе все же лучше отсутствія всякаго обобщенія. Если, съ другой стороны, мы зададимся вопросомъ, въ чемъ лежитъ ближайшая причина этой неправильности, то какъ не признать, что отсутствіе въ „Духѣ законовъ" идеи роста или эволюціи въ отношеніи къ вѣрованіямъ, нравамъ, обычаямъ и учрежденіямъ, является ея кореннымъ источникомъ. А, между тѣмъ, эта идея уже нашла въ его время талантливаго истолкователя въ лицѣ неаполитанца Вико, сочиненіе котораго извѣстно было Монтескьё, какъ слѣдуетъ изъ упоминанія о Scienza Nuova въ „Дневникѣ его путешествія по Италіи". Остановись Монтескьё на подобной точкѣ зрѣнія, онъ не счелъ бы возможнымъ связать наличность тѣхъ или другихъ формъ религіознаго, экономическаго, правового или политическаго уклада съ однимъ воздѣйствіемъ болѣе или менѣе неизмѣннаго фактора, какимъ является природа, или съ такою случайной и искусственной причиной, какъ выборъ формы правленія первымъ законодателемъ. Онъ открылъ бы для нея болѣе общій источникъ, — прохожденіе тѣми или другими народами извѣстной стадіи развитія, наступленіе которой можетъ быть только ускорено или задержано климатомъ, почвою или волею законодателя, отнюдь не вызвано ими всецѣло. Но справедливо ли ставить въ вину Монтескьё ошибки, отъ которыхъ не сумѣли отрѣшиться болѣе близкіе къ намъ по времени историки культуры, въ числѣ ихъ Бокль? Вѣдь и для послѣдняго физическія условія страны продолжаютъ сохранять силу всеопредѣляющаго фактора, несмотря на то, что въ его время Конту уже удалось, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ исто-

рическимъ народностямъ, провести идею роста или естественной эволюціи отъ самыхъ грубыхъ формъ фетишизма къ научному міросозерцанію и отъ состоянія почти непрекращающейся войны къ эрѣ торжества промышленности и торговли надъ милитаризмомъ.

„Духъ законовъ"—въ строгомъ смыслѣ слова трактатъ по сравнительной исторіи права. Его авторъ не требуетъ ломки существующихъ порядковъ; онъ только старается раскрыть ихъ источникъ и показать ту внутреннюю связь, какая всегда существовала и продолжаетъ существовать между политическими учрежденіями, гражданскими и экономическими порядками, нравами, обычаями и привычками отдѣльныхъ націй; его интересуетъ также воздѣйствіе физическихъ факторовъ на эти разнообразныя стороны народнаго быта; но, говоря объ этихъ факторахъ, онъ обнимаетъ ихъ общимъ и, какъ мы видѣли, не вполнѣ удачнымъ терминомъ климата.

Самая постановка подобныхъ вопросовъ указываетъ намъ на первоначальное занятіе Монтескьё тѣми отношеніями преемства и зависимости, которыя интересуютъ естествоиспытателя; и дѣйствительно, въ первыхъ своихъ трудахъ онъ выступаетъ передъ нами ревнителемъ точнаго знанія; онъ пишетъ такія, напримѣръ, разсужденія, какъ о причинахъ эхо, о назначеніи почечныхъ железъ, о томъ, чѣмъ обусловливаются вѣсъ и прозрачность отдѣльныхъ тѣлъ; онъ дѣлаетъ одновременно „наблюденія надъ естественной исторіей" и составляетъ „проектъ физической исторіи земли". Чтеніе его академическихъ рѣчей любопытно тѣмъ, что показываетъ, какъ, подъ вліяніемъ занятія точными науками, постепенно складывалось въ умѣ Монтескьё представленіе о взаимной зависимости всего существующаго. Оно нашло впослѣдствіи въ „Духѣ законовъ" характерное выраженіе въ извѣстномъ афоризмѣ: „Законы — необходимыя отношенія, вытекающія изъ самой природы вещей". Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ рѣчи, произнесен-

ной имъ еще въ 1718 году, т.-е. за тридцать лѣтъ до появленія сочиненія, въ которомъ встрѣчается только что приведенное положеніе. „Когда изучаешь человѣческое тѣло и проникаешься тѣми неизмѣнными законами, которые соблюдаются въ этомъ маленькомъ царствѣ, когда даешь себѣ отчетъ въ безконечномъ числѣ частей, работающихъ для общаго блага... въ этихъ движеніяхъ, одновременно соподчиненныхъ и свободныхъ, въ этой волѣ, повелѣвающей и вмѣстѣ съ тѣмъ послушной, когда сосредоточиваешь вниманіе на постоянствѣ періодовъ, на простотѣ хода машины и множествѣ составляющихъ ее пружинъ, на постоянномъ возстановленіи силы и жизни, на чудѣ воспроизведенія и зарожденія, какъ допустить мысль, чтобы что-нибудь въ нашемъ организмѣ могло быть ненужнымъ? Если назначеніе какой-либо части намъ пока неизвѣстно, то не должны ли мы съ брагороднымъ рвеніемъ направить наши усилія на его открытіе“ [1]). Перенесенная въ сферу общественныхъ наукъ та же точка зрѣнія позволитъ Монтескьё говорить о томъ, что законы политическіе и гражданскіе, свойственные отдѣльнымъ націямъ, не болѣе, какъ частныя проявленія того общаго закона, какимъ является человѣческій разумъ [2]).

Если въ основѣ всѣхъ общественныхъ отношеній лежитъ необходимость, если всѣ они разумны, то задача изслѣдователя, очевидно, сводится не къ изобрѣтенію новыхъ, еще болѣе совершенныхъ порядковъ, а къ раскрытію той внутренней связи, какая существуетъ между тѣми, которые присущи данной націи. Источникъ этихъ порядковъ, поло-

---

[1]) Discours sur l'usage des glandes prononcé le 25 août 1718.

[2]) La loi, en général, est la raison humaine, en tant qu'elle gouverne tous les peuples de la terre; et les lois politiques et civiles de chaque nation ne doivent être que les cas particuliers où s'applique cette raison humaine. „Духъ законовъ“, книга I, глава 3. Сравни съ этимъ изреченіемъ извѣстное заявленіе голландскаго юриста XVII вѣка, Бенкерсгука: Ratio, ipsa inquam ratio est juris gentium anima.

жительные законы, должны въ такой мѣрѣ соотвѣтствовать условіямъ народа, у котораго они дѣйствуютъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ можно привить другому. Но такое соотвѣтствіе мыслимо только въ томъ случаѣ, когда они отвѣчаютъ природѣ и жизненному принципу дѣйствующаго у даннаго народа правительства, когда они согласованы съ физическими условіями страны, съ климатомъ, съ качествами почвы, съ топографическимъ положеніемъ, величиною государства, образомъ жизни его обитателей, степенью свободы, допустимой учрежденіями, религіей, вкусами, богатствомъ, численностью населенія, торговлей, нравами и привычками. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія Монтескьё разсматриваетъ положительное законодательство древнихъ и новыхъ народовъ. Раскрытіе взаимной связи, въ которой стоятъ законы того или другого государства между собою, съ источникомъ, изъ котораго они возникли, т.-е. съ задачами, какія преслѣдовалъ ихъ виновникъ, и съ тѣмъ порядкомъ вещей, при которомъ они созданы, равнозначительно въ глазахъ Монтескьё раскрытію духа законовъ. Преслѣдованіе же этой задачи и позволяетъ ему дать это именно названіе своему сочиненію [1]).

Такая задача была новой для его времени и мало отвѣчала общественному настроенію. XVI и XVII столѣтія, когда, подъ вліяніемъ внутреннихъ междоусобій и религіозныхъ войнъ, впервые поставленъ былъ вопросъ объ условіяхъ закономѣрности правительствъ и границахъ повиновенія подданныхъ, пріучили европейскихъ читателей къ публицистикѣ совершенно иного рода. Еще не вполнѣ освободившаяся отъ узъ теократіи политика попала въ новую кабалу у метафизики; только немногимъ писателямъ эпохи Возрожденія, Маккіавелли, Гвичіардини, Фортескью и Бодену, приходило на умъ обосновывать ее на изученіи быта древнихъ и новыхъ народовъ, но эта недавняя традиція

1) Книга I, глава 3.

внезапно была прервана тѣмъ широкимъ расцвѣтомъ, какой метафизика получила въ сочиненіяхъ Декарта, Гоббса, Спинозы и Локка. Вопросъ о природѣ и источникѣ правительства, на который теологія отвѣчала ссылками на тексты Библіи и Новаго Завѣта, перенесенъ былъ на почву вымышленнаго общественнаго договора, якобы связавшаго воедино разрозненныя семьи людей подъ властью ими же поставленнаго начальства. Споръ консерваторовъ и либераловъ свелся съ этого времени къ обсужденію отдѣльныхъ статей этого договора, къ установленію тѣхъ предѣловъ, далѣе которыхъ не можетъ итти вмѣшательство власти въ свободу внутреннихъ и внѣшнихъ проявленій личности. Отъ политическаго трактата общественное мнѣніе XVIII вѣка, уже встревоженное надвигавшейся революціей, ждало не раскрытія внутренней связи существующихъ порядковъ, которые для многихъ являлись не болѣе, какъ устарѣлымъ безправіемъ, а указанія общихъ и неизмѣнныхъ законовъ общественнаго благоденствія. Немудрено, если книга Монтескьё встрѣчена была дружнымъ неодобреніемъ не однихъ богослововъ, но и сторонниковъ всякаго рода метафизическихъ системъ, будетъ ли ими превозносимый физіократами „естественный порядокъ человѣческихъ обществъ“ или матеріализмъ Гельвеція и Дидро. Въ недавно появившемся томѣ „Отдѣльныхъ мыслей и отрывковъ изъ неизданныхъ сочиненій Монтескьё“ можно прочесть зачеркнутую имъ же сентенцію по адресу критиковъ: „Я—высокій дубъ, вокругъ котораго тѣснятся жабы, пускающія въ него свой ядъ“ [1]). Въ числѣ этихъ критиковъ не всѣ отвѣчали, однако, той характеристикѣ, какую даетъ имъ авторъ „Духа законовъ“, говоря, что они не только не поняли его, но и не хотѣли понять [2]). Не всѣ также

---

[1]) Pensées et Fragments inédits de Montesquieu, стр. 36.

[2]) Je me plaignois d'une infinité de mauvaises critiques sur mon Esprit des Lois qui venoient de ce qu'on ne m'avoit pas entendu. Je me trompais: elles venoient de ce qu'on ne vouloit pas m'entendre, ibid., та же стр. Изъ

ставили себѣ задачей, подобно органу іезуитовъ Journal de Trévoux, или янсенистскимъ Nouvelles Ecclésiastiques, обвинить автора въ колебаніи основъ религіи и добиться включенія „Духа законовъ“ въ индексъ книгъ, запрещенныхъ римской куріей [1]). Если откупщикъ Дюпенъ и повиненъ былъ въ „идіотической“, какъ говоритъ Монтескьё, критикѣ его капитальнаго сочиненія [2]), то нельзя примѣнить того же эпитета къ разборамъ, посвященнымъ „Духу законовъ“ Вольтеромъ и Гельвеціемъ, Дидро и Кондорсэ. Если Дидро, напримѣръ, ставилъ сочиненіе физіократа Мерсьё де-ла-Ривьера выше „Духа законовъ“ [3]), то, очевидно, потому, что въ послѣднемъ сочиненіи онъ не находилъ прямого отвѣта на волновавшій всю Францію вопросъ, какое правительство надо поставить на мѣсто существующаго. Гельвецій высказывалъ то же недоумѣніе въ извѣстномъ письмѣ къ Монтескьё, говоря, что человѣкъ, желающій быть полезнымъ ближнему, долженъ болѣе заниматься раскрытіемъ истинныхъ принциповъ лучшаго порядка вещей, нежели

письма отъ 22 іюня 1752 года мы узнаемъ, что Монтескьё въ частности обвинялъ въ такомъ сознательномъ нежеланіи понять его аббата Де-ла-Портъ, напечатавшаго въ 1751 году свои замѣчанія на „Духъ законовъ“ и поставившаго его автору въ вину желаніе все объяснить вліяніемъ климата и правительства. Смотри „Вступленіе къ Духу законовъ“, Лабулэ, стр. XXXVII.

1) Смотри вступленіе Лабулэ къ предпринятому имъ изданію Монтескьё, томъ III, стр. XXXVI, смотри также Vian, Histoire de Montesquieu, стр. отъ 282 до 296. Одно время можно было думать, что эти инсинуаціи достигнутъ своей цѣли. Назначенная Сорбонною комиссія должна была подвергнуть „Духъ законовъ“ разбору и высказаться насчетъ его правовѣрія. Монтескьё настолько обезпокоился этими мѣропріятіями, что въ одной изъ его недавно напечатанныхъ рукописей мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Я вижу издали собирающіяся тучи, которыя рано или поздно разразятся грозой. Меня, по всей вѣроятности, поставятъ въ необходимость покинуть нѣжно любимую родину и обожаемаго короля“. Pensées et Fragments inédits, стр. 37.

2) Ibid., стр. 37.

3) Смотри письмо его къ Екатеринѣ II.

выводить эти принципы изъ существующаго [1]). Ту же мысль повторяетъ и Кондорсэ: „Почему, — пишетъ онъ, — Монтескьё никогда не говоритъ въ своемъ „Духѣ законовъ“ о справедливости и несправедливости приводимыхъ имъ мѣропріятій, а только о причинахъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни? Почему не указано имъ никакого принципа, по которому можно было бы установить между законами, вытекающими изъ рукъ правомѣрной власти, различіе справедливыхъ и несправедливыхъ“ [2])?

Одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ недавно изданныхъ черновыхъ тетрадей Монтескьё надо считать то, что онѣ знакомятъ насъ съ задачами, какія ставилъ себѣ авторъ „Духа законовъ“, приступая къ редакціи своего трактата. Вопросы о происхожденіи государства и права, столь волновавшіе его современниковъ, далеко не казались ему праздными; но онъ считалъ ихъ болѣе или менѣе рѣшенными, какъ показываетъ, между прочимъ, заявленіе въ родѣ слѣдующаго: „Я признателенъ Гроту и Пуффендорфу за то, что они выполнили значительную часть той задачи, какую мнѣ предстояло рѣшить въ этомъ сочиненіи; они сдѣлали это съ тою высотою умственнаго полета, которой я не въ состояніи былъ бы достигнуть“ [3]). Или еще: „Осо-

---

[1]) Souvenez-vous qu'en les discutant (vos principes) à la Brède je convenois qu'ils s'appliquoient à l'état actuel; mais qu'un écrivain qui vouloit être utile aux hommes, devoit plus s'occuper de maximes vraies dans un meilleur ordre de choses à venir, que de consacrer celles qui sont dangereuses, du moment que le prejugé s'en empare pour s'en servir et les perpétuer. Смотри изданіе сочиненій Монтескьё 1828 г., томъ V, стр. 419 и 420. Lettre d'Helvétius à Montesquieu sur son manuscrit de l'Esprit des Lois. Ту же приблизительно мысль можно найти и у Руссо. Послѣдній говоритъ, что никто болѣе Монтескьё не былъ призванъ къ созданію политической науки, но изученіе положительнаго законодательства отвлекло его въ сторону отъ главной задачи.

[2]) Observations de Condorcet sur le vingt-neuvième livre de l'Esprit des Lois, замѣчаніе на главу IV.

[3]) Ibid., стр. 99.

бенность моего ума состоитъ въ томъ, чтобы не возвращаться къ тому, что всѣмъ извѣстно“ [1]). Что Монтескьё вовсе не считалъ лишенными интереса тѣ вопросы, на которыхъ останавливалась европейская публицистика еще со временъ реформаціи, когда Соломоній, Дюплесси Морнэ и Маріанна уже подымали вопросъ о происхожденіи властей путемъ договора подданныхъ съ правителемъ [2]), показываютъ нѣкоторыя разсужденія, попадающіяся въ его неизданныхъ трактатахъ. „Нельзя не признать ложнымъ положеніе Гоббса, — читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ, — будто народъ перенесъ всю власть на монарха, благодаря чему дѣянія послѣдняго одновременно его дѣянія, откуда тотъ дальнѣйшій выводъ, что народъ не можетъ высказывать недовольства княземъ или требовать отчета въ его поведеніи, такъ какъ это было бы равносильно жалобѣ на самого себя. Говоря это, Гоббсъ забывалъ, пишетъ Монтескьё, провозглашенный имъ же принципъ естественнаго права: „договоры должны быть соблюдаемы“. Вѣдь народъ далъ князю полномочіе на извѣстныхъ условіяхъ; онъ установилъ его въ силу договора; этотъ договоръ долженъ быть соблюдаемъ; князь представляетъ народъ только такъ, какъ это угодно было народу. Къ тому же невѣрно, чтобы уполномоченный имѣлъ столько же власти, сколько уполномочившій, и не зависѣлъ отъ послѣдняго“ [3]).

---

1) Ibid., стр. 100.

2) Смотри Die Monarchomacher, Eine Darstellung der revolutionären Staatslehren des XVI. Jahrhunderts von Rudolf Treumann, стр. 54. „За исключеніемъ Готомана, — пишетъ Трейманъ, — у всѣхъ публицистовъ послѣдней четверти XVI вѣка мы встрѣчаемъ ученіе о договорѣ подданныхъ съ правительствомъ“. Дюплесси Морнэ и Соломоній настаиваютъ на томъ, что власть князя производная и по полнотѣ своей уступаетъ той, которая принадлежитъ народу. Первый изъ упомянутыхъ нами писателей высказываетъ положеніе, которое впослѣдствіи развито будетъ Руссо, а именно, что права народа неотчуждаемы. Ibid., стр. 60 и 61.

3) Pensées et Fragments, стр. 79. Въ разсужденіи объ обязанностяхъ Монтескьё мимоходомъ снова говоритъ о договорѣ, заключенномъ съ цѣлью

Имѣя своими предшественниками учителей естественнаго права, Грота, Гоббса, Спинозу, Пуффендорфа и Локка, и желая по возможности отдѣлить свое дѣло отъ ихняго, Монтескьё въ первыхъ двухъ книгахъ, служащихъ какъ бы введеніемъ, опредѣляетъ характеръ своей задачи и особенности своего индуктивнаго и сопоставительнаго метода, который имѣетъ дѣло не съ выводомъ общихъ началъ изъ проблематической природы первыхъ людей, а съ установленіемъ прочныхъ обобщеній на основаніи массы наблюденій, сдѣланныхъ надъ древними и новыми народами. Авторъ отступаетъ, однако, отъ своихъ, можно сказать, положительныхъ пріемовъ изслѣдованія въ этихъ начальныхъ главахъ. Говоря о естественныхъ законахъ, онъ пытается вывести ихъ изъ природы человѣка до момента возникновенія общежитія. Такъ какъ наблюденію доступны только люди, состоящіе членами какихъ-либо союзовъ, начиная отъ родовыхъ и оканчивая государственными, то немудрено, если современная соціологія исключаетъ изъ сферы своихъ задачъ изслѣдованіе вопроса о томъ, каковы были психическія и нравственныя свойства людей до образованія первыхъ сообществъ; ей недоступно то, что обнимается понятіемъ первобытности, и если подчасъ отдѣльные изслѣдователи позволяютъ себѣ обращеніе къ этому термину, то они каждый разъ связываютъ съ нимъ представленіе о древнѣйшемъ изъ періодовъ общественности, извѣстныхъ намъ по даннымъ исторіи и этнографіи. Удовлетворяя запросу времени и сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ шаткость той почвы, на которую опираются всѣ соображенія о естественномъ состояніи и естественныхъ законахъ, Монтескьё удовольствовался немногими отрывочными заявле-

установленія гражданскаго общежитія, законовъ и власти, стр. 382 и 398. Гражданскіе законы заступаютъ у него, такимъ образомъ, мѣсто естественнаго, который одинъ управлялъ людьми до возникновенія государства, какъ политическая власть является на смѣну власти семейной, стр. 397.

ніями о первыхъ, такъ сказать, прирожденныхъ идеяхъ, пытаясь связать ихъ съ физическими потребностями и вытекающей изъ нихъ заботой о самосохраненіи. Но и въ этомъ вопросѣ, стоящемъ за предѣлами точнаго знанія, онъ старается обосновать свои соображенія на наблюденіяхъ. Въ его время много толковали о „лѣсныхъ людяхъ“, якобы встрѣченныхъ въ Ганноверскихъ лѣсахъ при Георгѣ I, одновременно англійскомъ и ганноверскомъ правителѣ. Эти лѣсные люди, которые, разумѣется, давали такое же слабое представленіе о первобытномъ человѣчествѣ, какое можно составить себѣ, наблюдая въ парижскомъ гипподромѣ „человѣка-собаку и человѣка-медвѣдя“, т.-е. обросшихъ съ ногъ до головы волосами крестьянъ Великороссіи, заставляютъ Монтескьё утверждать, что первобытному человѣку свойственны въ равной мѣрѣ физическая слабость и робость, непримиримыя поэтому съ тѣмъ представленіемъ о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, какую Гоббсъ связываетъ съ естественнымъ состояніемъ.

Прирожденная трусость, думаетъ Монтескьё, къ которому въ этомъ отношеніи присоединяется Руссо, заставила бы людей скорѣе укрываться другъ отъ друга, нежели искать сообщества себѣ подобныхъ, если бы этому чувству не противодѣйствовали стремленіе половъ къ сближенію и то удовольствіе, какое люди выносятъ изъ общенія другъ съ другомъ, наконецъ, если бы ему не противились пріобрѣтаемыя людьми познанія, зарождающіяся подъ вліяніемъ потребности продлить свое существованіе завоеваніемъ у природы необходимыхъ средствъ къ жизни, легче достижимыхъ путемъ соединенія силъ [1]). Только что разобранныя главы вызвали съ самаго начала ожесточенныя нападки, при чемъ автора одновременно упрекали въ двухъ противуположныхъ пристрастіяхъ, а именно, къ пантеизму Спинозы и атеизму Гоббса, и все это въ виду того, что Монтескьё

---

1) Ibid., книга I, глава II.

позволилъ себѣ сказать: „Мысль о Творцѣ міра и связи людей съ Нимъ, хотя и въ правѣ считаться важнѣйшимъ изъ естественныхъ законовъ, отнюдь не можетъ быть признана первымъ по времени“. Насъ, разумѣется, нимало не интересуетъ возникшая по этому поводу полемика; мы желаемъ только отмѣтить тѣ дополненія, какія Монтескьё сдѣлалъ къ этимъ краткимъ замѣткамъ о естественномъ состояніи въ своемъ отвѣтѣ критикамъ, въ такъ называемой „Защитѣ Духа законовъ“. „Одной изъ задачъ автора,— пишетъ онъ,— было опровергнуть систему Гоббса, систему жестокую; она признаетъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ пороковъ законы, которые люди дали сами себѣ. Доказывая, что они рождаются въ состояніи вѣчной вражды, что первымъ закономъ была война всѣхъ противъ всѣхъ, Гоббсъ, подобно Спинозѣ, подкашиваетъ въ корнѣ,— говоритъ Монтескьё,—всякую религію и всякую нравственность“. Въ противность обоимъ, авторъ „Духа законовъ“ показываетъ, что состояніе войны возникло послѣ образованія первыхъ человѣческихъ сообществъ, что справедливость и правда существовали на землѣ до изданія положительныхъ законовъ. Тѣ же мысли развиты будутъ впослѣдствіи и Руссо. Монтескьё въ то же время старается установить тотъ порядокъ, въ какомъ возникли въ людяхъ первыя впечатлѣнія, чувства и понятія; онъ приходитъ въ концѣ-концовъ къ той мысли, что страхъ, а затѣмъ потребность самосохраненія, появились въ человѣкѣ прежде всего, что ощущенія предшествовали во времени размышленіямъ, почему и идея о Творцѣ зародилась не съ самаго начала [1]). Все это, за исключеніемъ послѣдняго вывода, можно найти и у Руссо.

Отведши всего навсего одну страницу соображеніямъ о естественныхъ законахъ, Монтескьё переходитъ сразу къ опредѣленію источника и природы положительныхъ. Выхо-

1) Ibid., Défense de l'Esprit des lois, часть первая.

домъ изъ состоянія войны, въ какомъ жили первыя человѣческія сообщества, было установленіе постоянныхъ нормъ, изъ которыхъ однѣ опредѣлили отношеніе народовъ другъ къ другу, другія—отношеніе управителей и управляемыхъ, третьи — отношеніе гражданъ между собою. Такимъ образомъ возникли право международное, право политическое и право гражданское. Первое опирается на томъ принципѣ, что народы въ мирное время должны дѣлать другъ другу возможно больше добра, а въ военное — возможно меньше зла. Политическое право занимается вопросомъ объ организаціи правительствъ и отношеніи къ нимъ подданныхъ. Монтескьё, слѣдуя въ этомъ, какъ онъ самъ признаетъ, ученію Гравина, высказываетъ одно положеніе, которое найдетъ затѣмъ болѣе всестороннее развитіе у Руссо. Суверенитетъ, совпадающій у него съ понятіемъ общей силы, force générale, является результатомъ соединенія всѣхъ частныхъ силъ, но это соединеніе возможно, учитъ онъ, лишь подъ условіемъ, чтобы всѣ частныя воли слились въ общую волю. По его ученію, такая общая сила можетъ оказаться въ рукахъ одного человѣка или многихъ, на чемъ и опирается различіе монархіи и республики. Согласной съ природою надо считать поэтому, думаетъ онъ, и ту и другую, вообще всякое правительство, соотвѣтствующее генію націи (à la disposition du peuple pour lequel le gouvernement est établi). Но это возможно лишь тогда, если законы вполнѣ отвѣчаютъ физическимъ и нравственнымъ условіямъ того народа, для котораго они изданы. Вступительная глава заканчивается обѣщаніемъ обнаружить тѣ отношенія причинности, въ какихъ законы стоятъ ко всѣмъ элементамъ гражданственности. Въ этомъ авторъ и видитъ задачу своего сочиненія. Уже въ предисловіи онъ *защищается отъ намѣренія* критиковать тѣ или другіе порядки. „Любая нація найдетъ въ моей книгѣ,—обѣщаетъ онъ,—только объясненіе господствующихъ у нея законодательныхъ принциповъ“. Вотъ все, что Монтескьё счелъ нужнымъ сообщить чита-

телю о своихъ ближайшихъ намѣреніяхъ, предпочитая длиннымъ разсужденіямъ рекомендованное еще древними вступленіе in medias res. Но изъ черновыхъ тетрадей и отрывковъ, не вошедшихъ въ составъ „Духа законовъ“, мы узнаемъ съ желательной для насъ подробностью самый генезисъ, какъ общаго плана сочиненія, такъ и отдѣльныхъ книгъ, его составляющихъ; въ нихъ говорится также о массѣ затраченнаго имъ труда, о причинѣ, по которой, накопивши значительный матеріалъ по тому или другому вопросу, онъ въ концѣ-концовъ не рѣшался ввести его въ текстъ сочиненія, вызывая, такимъ образомъ, нерѣдко справедливый упрекъ въ недоказанности тѣхъ или другихъ положеній. Тѣ же отрывки рисуютъ намъ Монтескьё постоянно озабоченнымъ судьбой своей книги, готоваго подвергнуть ее новой редакціи за нѣсколько лѣтъ до смерти, съ цѣлью болѣе глубокаго проникновенія въ смыслъ отдѣльныхъ вопросовъ, и довольно ясно предвидящаго, что его сочиненіе найдетъ въ будущемъ меньше читателей, чѣмъ людей, готовыхъ щеголять его сентенціями. „Пришлось много читать,—пишетъ Монтескьё,—и мало воспользоваться прочитаннымъ. Легче отяготить умъ читателей массою цитатъ, нежели обогатить ихъ результатами собственныхъ изслѣдованій. Двадцать лѣтъ моей жизни я посвятилъ этому сочиненію, и мнѣ кажется, что я тѣмъ не менѣе не затратилъ на него достаточно времени. Я все еще не могу дать себѣ полнаго отчета въ томъ, не былъ ли я слишкомъ смѣлъ и самоувѣренъ, предпринимая его, и не подавленъ ли я тяжестью моего предмета. Изъ года въ годъ я набрасывалъ на отдѣльныхъ листкахъ отдѣльныя части моей книги и не разъ терялъ время на исправленіе того, чему не суждено будетъ увидѣть свѣта. Одно время я остановился на мысли расширить нѣкоторые отдѣлы и проникнуть болѣе въ глубь вопросовъ, но глаза мои ослабѣли отъ чтенія, и я болѣе не въ силахъ этого сдѣлать“ [1]).

[1]) Ibid., стр. 100 и 104.

Монтескьё даетъ себѣ отчетъ въ томъ, что время, въ которое ему пришлось жить, болѣе занято изученіемъ естественныхъ наукъ, нежели политическихъ. „При сопоставленіи его съ эпохою грековъ и римлянъ поражаешься,— пишетъ онъ,—тѣмъ невниманіемъ, съ какимъ стали относиться къ вопросамъ морали и обществовѣдѣнія". Одинъ аббатъ Сенъ-Пьеръ пошелъ противъ теченія и вздумалъ писать о политикѣ. Монтескьё хочетъ послѣдовать его примѣру, хотя ему и приходитъ на умъ, что не ранѣе 700 или 800 лѣтъ найдется народъ, которому его мысли будутъ полезны [1]). Эти слова написаны на разстояніи менѣе полустолѣтія до революціи и обращенія Учредительнымъ Собраніемъ въ законы многихъ основныхъ положеній Монтескьё. Послѣдній думаетъ, однако, что его сочиненіе можно бы съ успѣхомъ преподавать будущимъ правителямъ, которыхъ кормятъ пока только неопредѣленными совѣтами хорошо править, быть великими монархами и обезпечивать благополучіе подданныхъ, не указывая въ то же время необходимыхъ къ тому путей и средствъ. Пессимизмъ автора такъ великъ, что въ одномъ мѣстѣ своего журнала онъ съ горечью восклицаетъ: „Это сочиненіе, которое было предметомъ размышленій всей моей жизни, которое потребовало отъ меня массы труда, предпринятаго съ лучшими намѣреніями, ради общественной пользы, будетъ для меня только источникомъ горестей!.. А между тѣмъ эта книга не написана въ защиту или во вредъ какого-либо сословія и ни одно не въ правѣ высказывать на нее недовольства; она предназначена одинаково для всѣхъ людей... Я разсуждаю обо всемъ и не критикую ничего. Изъ всѣхъ правительствъ, какія мнѣ пришлось имѣть передъ глазами, я не высказываю пристрастія ни къ одному, не исключая и того, подъ кровомъ котораго я имѣю счастіе жить [2]). Когда мнѣ удалось впервые обнят

[1]) Ibid., стр. 102.

[2]) Ibid., стр. 100 и 101.

мыслью мой предметъ во всей его широтѣ, передо мною обрисовались отвѣты на всѣ волновавшіе меня вопросы. Не я придумываю тѣ или другіе принципы, но они руководятъ мною“ [1]).

Монтескьё любитъ отмѣчать новизну затрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Приступая къ редакціи той книги, которая посвящена раскрытію внутренней связи между законами политическими и гражданскими, онъ пишетъ: „Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-либо задался этой мыслью раньше меня“ [2]). Когда вслѣдъ затѣмъ ему приходится говорить о законахъ наслѣдованія у римлянъ и о варварскихъ правдахъ, онъ объясняетъ свой интересъ къ нимъ желаніемъ показать на отдѣльныхъ примѣрахъ самый порядокъ зарожденія законовъ. „Если я вѣрно изложилъ теорію римскаго наслѣдственнаго права,—пишетъ онъ,—то, при помощи того же метода, можно будетъ изучить происхожденіе законовъ о наслѣдованіи у всѣхъ народовъ. Чтобы хорошо понимать смыслъ современнаго законодательства, надо быть знакомымъ съ древнимъ, надо прослѣдить развитіе отдѣльныхъ нормъ въ различнѣйшія эпохи. Предметъ мой не позволяетъ мнѣ сдѣлать этого самому. Я взялся за перо для того, чтобы научить другихъ не законамъ, а методу преподавать ихъ. Я пишу не о законахъ, а о духѣ законовъ“ [3]).

Монтескьё понимаетъ, насколько всѣ эти экскурсіи въ область отдѣльныхъ законодательствъ отягощаютъ ходъ его изложенія. Прежде чѣмъ приступить къ редакціи двадцать девятой книги, посвященной вопросу о порядкѣ составленія законовъ, онъ заноситъ въ свою черновую тетрадь: „Я принесъ новую жертву и построилъ новый храмъ скукѣ и долготерпѣнію“ [4]). Неудивительно, если постепенно въ его умѣ складывается представленіе о томъ, что его сочиненіе

[1]) Ibid., стр. 101.
[2]) Ibid., стр. 192.
[3]) Ibid., стр. 194 и 195.
[4]) Ibid., стр. 205.

слишкомъ серьезно, чтобы имѣть многочисленныхъ читателей. „Оно болѣе встрѣтитъ признанія, чѣмъ любознательности“, вноситъ онъ въ свою тетрадь. „Такія книги могутъ доставить удовольствіе при чтеніи, онѣ отнюдь не могутъ служить забавою“ [1]. Какъ ни нова была точка зрѣнія, съ которой Монтескьё рѣшился обозрѣть законы и учрежденія различныхъ временъ и народовъ, но она имѣла уже представителя въ лицѣ неаполитанца Вико. Въ своей „Новой Наукѣ“ этотъ предшественникъ Огюста Конта и всей современной соціологіи не только надѣляетъ обществовѣдѣніе тѣмъ же сравнительнымъ методомъ, какого придерживается Монтескьё, но и дѣлаетъ попытку примѣнить этотъ методъ, между прочимъ, къ исторіи права и учрежденій. Весьма интересно было бы опредѣлить степень вліянія, оказаннаго Вико на Монтескьё. Что послѣднему извѣстно было сочиненіе знаменитаго неаполитанца, въ этомъ трудно сомнѣваться съ тѣхъ поръ, какъ въ „Дневникѣ путешествія по Италіи“ автора „Духа законовъ“ найдена была помѣтка „о необходимости пріобрѣсти въ Неаполѣ“ „Новую Науку“. Но доказываетъ ли это еще то, что мысли геніальнаго аббата произвели на Монтескьё достаточно впечатлѣнія и опредѣлили самую его точку зрѣнія на развитіе права и политики. То обстоятельство, что Вико придаетъ рѣшающее значеніе религіи [2]) въ исторіи человѣчества, тогда какъ Монтескьё болѣе склоненъ объяснять различіе законовъ вліяніемъ климата и учрежденій, повидимому, противорѣчитъ такому допущенію. Несогласно съ нимъ и отсутствіе

---

[1]) Ibid., стр. 99.

[2]) Principi di scienza nuova. Заключительная глава. Perchè in quest' opera appieno si è dimostrato, che sopra la Provvidenza ebbero i primi Governi del Mondo per loro intiera forma la Religione; sulla quale unicamente resse lo Stato delle Famiglie: indi passando a Governi Civili Eroici ovvero Aristocratici, ne dovette essa Religione esserne la principal ferma pianta: quindi inalsandosi a Governi popolari, la medesima Religione servi di mezzo a' popoli di pervenirvi, fermandosi finalmente nè Governi Monarhici, essa Religione dev'essere lo scudo de'Principi.

въ „Духѣ законовъ“ того фатализма, съ какимъ Вико говорить о необходимомъ и послѣдовательномъ вырожденіи общественно-политическихъ порядковъ и о возвращеніи народовъ къ отправному пункту ихъ развитія [1]).

Тѣмъ не менѣе при внимательномъ чтеніи обоихъ писателей трудно не отмѣтить совпаденія ихъ взглядовъ по нѣкоторымъ кореннымъ вопросамъ, напримѣръ, по вопросу о вырожденіи монархій и республикъ въ деспотіи и анархіи [2]). Какъ также не признать въ положеніи Вико—„правительства должны отвѣчать природѣ управляемыхъ“—одну изъ излюбленныхъ темъ „Духа законовъ“ [3]), какъ не видѣть сходства обоихъ писателей во взглядахъ на до-государственный періодъ человѣческаго общежитія, характеризуемый господствомъ патріархальной семьи и нераздѣльнаго родового владѣнія [4]).

Сопоставленіе взглядовъ двухъ родоначальниковъ соціологіи въ XVIII вѣкѣ раскрываетъ передъ нами обычное отношеніе, въ какое Монтескьё становился къ изучаемымъ имъ писателямъ; они обыкновенно будили его мысль или давали ей извѣстное направленіе. Но только убѣдившись на массѣ привлеченныхъ къ изслѣдованію фактовъ, что то или другое положеніе, ранѣе его высказанное, справедливо, Монтескьё усваивалъ его себѣ и вносилъ въ текстъ своего сочиненія. О простомъ заимствованіи, въ какомъ обвиняютъ

---

[1]) Смотри въ Principi di Scienza Nuova послѣднюю главу Del Ricorso delle cose umane nel risurgere che fanno le nazioni.

[2]) Ma corrompendosi ancora gli stati popolari... e non più contentandosi i cittadini delle ricchezze, per farne ordine, ne vollero fare potenza; come furiosi Austri il mare, commovendo civili guerre nelle loro repubbliche, le mendarono ad un totale disordine; e si da una libertà le fecero cadere sotto una parfetta Tirannide; la qual è peggiore di tutte, ch'è l'Anarchia, ovvero la sfrenata libertà de' popoli liberi.

[3]) I governi debbono essere conformi alla natura degli uomini governati. Scienza Nuova, Dign. 69.

[4]) Смотри Francesco Cosentini. La Sociologia e G. B. Vico, второе изданіе. Савона, 1899 г., стр. 73 и 78.

его нѣкоторые нѣмецкіе критики, не можетъ быть и рѣчи [1]). Вмѣсто того, чтобы списывать у другихъ, онъ провѣряетъ фактами чужіе взгляды, то принимая ихъ, то замѣняя собственными, каждый разъ смотря по тому, насколько они обоснованы и согласны съ его общими принципами.

ГЛАВА III.

Теорія прямого народоправства. Генезисъ основной доктрины Руссо и попытка возстановить содержаніе уничтоженнаго имъ общаго „трактата о политическихъ учрежденіяхъ".

§ 1. Между теоріями Монтескьё и Руссо обыкновенно не видятъ ничего общаго. И дѣйствительно, одинъ стоитъ за раздѣлъ власти верховной, другой—за ея единство, одинъ—за представительную систему, другой — за прямое народоправство. Но, не говоря уже о томъ, что писатели одной и той же эпохи, по вѣрному замѣчанію Эспинаса, при всемъ ихъ расхожденіи между собою имѣютъ много общаго [2]), какъ не признать, что чѣмъ ближе мы знакомимся съ ученіями Руссо, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что въ немъ нельзя видѣть систематическаго отрицателя доктрины Монтескьё. Противоположное мнѣніе стало высказываться приблизительно къ концу восемнадцатаго и въ началѣ девят-

[1]) Эти обвиненія высказаны были еще въ XVIII столѣтіи, напримѣръ, въ предисловіи къ вышедшему въ 1761 году сочиненію Геймана — Der Geist der Gesetze der Teutschen. Говоря о „Духѣ законовъ", онъ заявляетъ: „Если бы нѣмецъ былъ авторомъ этого сочиненія, то, вѣроятно, уже послѣдовалъ бы общій приговоръ осужденія. Вѣдь все это очень старо, и давно имѣются книги подобнаго же рода". Въ новѣйшее время Кохъ и нѣкоторые другіе нѣмецкіе критики задались болѣе детальнымъ изслѣдованіямъ тѣхъ заимствованій, какія Монтескьё могъ сдѣлать у своихъ предшественниковъ и современниковъ.

[2]) Espinas. La philosophie sociale de la France au XVIII siècle, вступительная глава.

надцатаго столѣтія. Вслѣдъ за французской революціей потерпѣвшія отъ нея высшія сословія пытались найти у Руссо источникъ той доктрины, которая, вмѣстѣ съ паденіемъ монархіи и даже ранѣе послѣдняго, вызвала и упраздненіе ихъ вѣковыхъ преимуществъ. Они объявили автора „Общественнаго договора“ ближайшимъ виновникомъ всѣхъ ихъ невзгодъ; они стали доказывать, что его ученіе заключаетъ въ себѣ подкопъ подъ всѣ установленныя власти, въ частности—подъ власть наслѣдственныхъ монарховъ и также наслѣдственнаго дворянства, опирающаго свои привилегіи на услугахъ, оказанныхъ предками. Тогда именно стало складываться въ умахъ и то представленіе, послѣднимъ выразителемъ котораго можно считать Тэна и современныхъ истолкователей конституціоннаго развитія Франціи. Оно сводится къ признанію, что во французской революціи были два взаимно исключавшихъ другъ друга теченія: одно имѣло своимъ родоначальникомъ Монтескье, другое—Руссо. Одно стремилось надѣлить Францію уравновѣшенной свободой по образцу англійской, другое отрицало закономѣрность всякаго иного правительства, кромѣ прямого народоправства, какъ оно практиковалось древними. Первое направленіе восторжествовало во времена Конституанты, но подъ условіемъ сдѣлать существенныя уступки второму. Это обстоятельство обусловило собою съ самаго начала безжизненность выработанной собраніемъ конституціи 1791 г. Оно позволило послѣдователямъ Руссо смѣло стремиться къ осуществленію своего идеала, совершить переворотъ 10 августа и надѣлить Францію республиканскими учрежденіями въ эпоху Конвента. Такая точка зрѣнія имѣетъ всѣ преимущества простоты и опредѣленности. Къ сожалѣнію, она не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ моемъ „Происхожденіи современной демократіи“ я сдѣлалъ попытку обосновать тотъ взглядъ, что распространенная наканунѣ революціи политическая доктрина отразила на себѣ вліяніе разныхъ источниковъ: и стремленіе возродить порядки „готической монархіи“, иначе

говоря монархіи, опирающейся на сословныя представительныя палаты, и обратнаго теченія, ставившаго себѣ цѣлью упраздненіе всякихъ неравенствъ и всякихъ привилегій — все равно, провинціальныхъ, сословныхъ или исповѣдальныхъ. Эти два противорѣчивыхъ направленія, которыя, повидимому, должны были бы взаимно исключать другъ друга, искусственно примирены были въ общей схемѣ — единой и нераздѣльной націи, составленной изъ однохарактерныхъ, т.-е. равныхъ между собой единицъ, не включающей поэтому въ себя никакихъ обособленныхъ правами группъ и въ то же время осуществляющей за одно съ монархомъ и чрезъ посредство народныхъ представителей ту полноту верховныхъ правъ, изъ которыхъ слагается понятіе суверенитета. Терминъ, всего ближе отвѣчающій природѣ такого политическаго строя, это — терминъ „демократической монархіи“. Дѣятели восемьдесятъ девятаго года не разъ говорятъ о ней какъ въ своихъ рѣчахъ въ палатѣ, такъ и на столбцахъ газетъ и журналовъ [1]). Эта демократическая монархія такъ же далеко стоитъ отъ политическихъ вожделѣній Монтескьё, какъ и отъ представленія Руссо объ условіяхъ единственно возможнаго закономѣрнаго правительства. И тотъ и другой писатели нашли бы въ ней одинаково осуществленіе нѣкоторыхъ изъ своихъ взглядовъ, но съ какими ограниченіями и въ какомъ извращеніи! Демократическая монархія людей восемьдесятъ девятаго года провела, правда, столь дорогое Монтескьё начало раздѣленія властей въ томъ смыслѣ, что король призванъ былъ ею править страной съ представителями націи, а избираемость судей обставлена была гарантіей ихъ независимости отъ правительства, если не отъ довѣрителей. Но куда дѣвалась наиболѣе существенная и оригинальная сторона ученія Монтескьё, требующая передачи отдѣльныхъ функцій верховной власти, рядомъ съ наслѣд-

1) Они говорятъ о démocratie royale.

ственнымъ монархомъ, аристократическому собранію, камерѣ народныхъ представителей и несмѣняемымъ членамъ верховныхъ судебныхъ палатъ? Эта часть доктрины не нашла себѣ признанія, какъ противорѣчащая тому принципу всесословности, который дѣятели восемьдесятъ девятаго года приняли въ свою программу. Съ другой стороны, у Руссо доктрина демократической монархіи, несомнѣнно, заимствуетъ то начало, что суверенитетъ принадлежитъ никому, какъ націи, но въ то же время она нисколько не проникается его мыслью о недѣлимости и неотчуждаемости этого суверенитета, а также и объ его неограниченности. Иначе составителямъ конституціи 1791 года невозможно было бы принять начало народнаго представительства, идущаго рѣшительно въ разрѣзъ съ тѣмъ прямымъ народоправствомъ, которое въ глазахъ Руссо необходимо для всякаго закономѣрнаго правительства. Иначе они не сочли бы возможнымъ ограничить верховенство націи обязательствомъ признать за личностью нѣкоторыя неотчуждаемыя права—положеніе, совершенно несогласное съ цѣлостной передачей всѣхъ правъ въ руки народа, какую необходимо предполагаетъ, какъ мы увидимъ ниже, ученіе женевскаго мыслителя. Итакъ, при внимательномъ разсмотрѣніи вопроса, заявленіе, что Руссо—ближайшій авторитетъ для дѣятелей революціи, столь же односторонне, какъ и обратное—что этимъ авторитетомъ до извѣстнаго срока оставался Монтескьё. Взгляды обоихъ писателей, несмотря на несомнѣнное ихъ разномысліе, менѣе значительное, однако, чѣмъ думаютъ, вошли одинаково и только частями въ составъ общей доктрины. Но, можетъ-быть, въ позднѣйшее время, въ эпоху торжества республики, идеямъ Руссо удалось одержать верхъ надъ взглядами его противника? Одно уже то обстоятельство, что конституція 1793 г. не построена на началѣ федераціи, дѣлающей возможнымъ по согласному ученію Монтескьё и Руссо, примиреніе выгодъ, представляемыхъ обширной территоріей и многолюдной націей, съ прямымъ участіемъ

народа въ дѣлахъ, что она исходитъ отъ отвергаемаго Руссо принципа представительства, должно бы открыть глаза на глубокое различіе между республиканской организаціей, данной Франціи якобинцами, и политической доктриной женевскаго философа.

Я сказалъ, что между ученіемъ Монтескьё и Руссо лежитъ меньшая бездна, чѣмъ та, какую обыкновенно допускаютъ. Я надѣюсь, что мнѣ удастся обосновать этотъ взглядъ въ моемъ послѣдующемъ изложеніи, но я желалъ бы и въ настоящее время обратить вниманіе на то обстоятельство, что задачи, поставленныя обоими писателями, не сходны и въ то же время не противорѣчивы. Одинъ имѣетъ въ виду показать соотвѣтствіе, въ какомъ законы страны стоятъ къ природѣ даннаго государства и жизненному принципу его правительства, къ климату и вообще всѣмъ физическимъ условіямъ страны, къ ея населенности, распредѣленію въ ней богатствъ, тѣсно связанныхъ съ организаціей производства и характеромъ обмѣна; другой задается мыслью указать закономѣрныя или, точнѣе, согласныя съ правомъ, основы всякаго государственнаго устройства и наиболѣе разумную организацію правительства. Очевидно, что предметъ обоихъ сочиненій не одинаковъ и не предрѣшаетъ вопроса о томъ, какъ отнесется каждое изъ нихъ къ устройству государства на демократическихъ основахъ. Но эта тема именно та, которая интересовала людей, совершившихъ переворотъ во Франціи, а затѣмъ во всей Европѣ. Только въ той степени, въ какой оба писателя касались ея въ своихъ трудахъ, эти послѣдніе и могутъ быть сопоставляемы другъ съ другомъ при рѣшеніи вопроса о роли каждаго въ выработкѣ доктрины демократической монархіи. Монтескьё пишетъ ранѣе Руссо и высказываетъ о народоправствѣ, его природѣ и жизненномъ принципѣ,— взгляды, почерпнутые имъ у древнихъ и отвѣчающіе тому же понятію непосредственнаго участія всей націи въ политическомъ руководительствѣ страною, какое положено Руссо

въ основу защищаемаго имъ порядка. Монтескьё нигдѣ не высказывается, какъ мы видѣли, противъ демократическаго устройства; да въ его задачи и не входило критиковать тѣ или другіе политическіе порядки; онъ только разъ дѣлаетъ отступленіе отъ этого правила, чтобы осудить деспотію и тѣмъ самымъ выгородить монархію, хотя не знающую ограниченій власти въ формѣ закона, но допускающую умѣреніе королевскаго авторитета религіей и нравами. Правда, его личные вкусы на сторонѣ воскрешенія порядковъ, нѣкогда общихъ Франціи съ Англіей и которые, думаетъ онъ, удержались за послѣднее время только въ послѣдней. Но эти порядки рекомендуются имъ только для монархій, отнюдь не для демократій, природа которыхъ такова, что онѣ одинаково могутъ обойтись и безъ представительства, и безъ раздѣла суверенитета, если не властей. Наконецъ, Монтескьё не противникъ федерализма. Въ нѣкоторыхъ главахъ его книги прямо высказываются мысли, подъ которыми могъ бы подписаться Руссо, видѣвшій въ федераціи средство примирить выгоды обширныхъ имперій съ тѣми, какія представляютъ ограниченныя въ своихъ размѣрахъ и потому свободныя демократіи.

Но если взгляды Монтескьё на устройство республики не расходятся существенно съ тѣми, какихъ придерживается Руссо, то, съ другой стороны, мы имѣемъ равное право настаивать на томъ, что доктрина женевскаго философа объ организаціи правительства въ демократіяхъ во многомъ приближается къ той, какая проводима была Монтескьё, рекомендовавшимъ, какъ мы видѣли, такіе порядки, при которыхъ власти были бы раздѣлены. Ошибочно думать, что Руссо когда-либо останавливался на мысли о томъ, что народъ не только долженъ имѣть въ своихъ рукахъ верховенство и осуществлять его въ формѣ законодательной власти, но что ему по праву принадлежитъ также и непосредственное управленіе страною, хотя бы послѣдняя и ограничена была предѣлами города и ближайшаго къ

нему округа. Въ „Общественномъ договорѣ“ мы находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „Мы видѣли,— пишетъ Руссо въ первой главѣ третьей книги,—что законодательная власть принадлежитъ народу и никому помимо его. Легко усмотрѣть, однако, слѣдующее: изъ принципа, выше установленнаго, прямо вытекаетъ, что исполнительная, наоборотъ, не можетъ принадлежать всей совокупности гражданъ (à la généralité). Вѣдь она проявляется въ рядѣ частныхъ актовъ, которые, какъ таковые, не подлежатъ регулированію закона (законъ, по Руссо, всегда имѣетъ въ виду установить общія правила). А если такъ, то принятіе такихъ частныхъ мѣръ—не дѣло суверена, актами котораго могутъ быть только законы; общество нуждается поэтому въ агентѣ, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ публичную мощь и приводилъ бы ее въ движеніе, слѣдуя тому направленію, какое пожелаетъ придать ей общая воля. Такова причина, дѣлающая необходимымъ существованіе правительства, ошибочно смѣшиваемаго съ сувереномъ, по отношенію къ которому оно является уполномоченнымъ. Что же такое правительство? Промежуточное тѣло между подданными и сувереномъ, призванное къ исполненію законовъ и къ обезпеченію свободы какъ гражданской, такъ и публичной. Члены этого тѣла именуются сановниками или королями, т.-е. управителями, а все тѣло обозначается терминомъ князя“. Въ примѣчаніи Руссо ссылается на примѣръ Венеціи, гдѣ не дожу, а совокупности окружающихъ его сановниковъ, его „коллегіи“, давалось названіе князя. Въ дальнѣйшихъ главахъ Руссо не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ его глазахъ государственное управленіе тѣмъ лучше организовано, чѣмъ ближе оно подходитъ къ аристократіи. Онъ постоянно имѣетъ передъ глазами примѣръ своей родины, Женевы, и устроенной въ ней Кальвиномъ аристократической магистратуры тѣснаго совѣта. Въ пятой главѣ той же книги мы читаемъ: „Лучшимъ и наиболѣе естественнымъ порядкомъ надо считать тотъ, при которомъ

мудрые управляютъ толпою въ ея интересахъ, а не въ своихъ собственныхъ". Взгляды Руссо въ сферѣ государственнаго права и политики, такимъ образомъ, несравненно болѣе консервативны, чѣмъ думаютъ его сторонники; самъ онъ настолько опредѣленно высказываетъ ихъ, что можно удивляться только тому, какъ могло возникнуть разномыслiе въ ихъ пониманiи. Нельзя сказать, однако, чтобы мнѣ одному было свойственно видѣть въ Руссо скорѣе консерватора, чѣмъ радикала, консерватора въ смыслѣ сохраненiя практическаго руководительства дѣлами демократiи въ рукахъ немногихъ уполномоченныхъ. Проф. Эсменъ присоединяется открыто къ такой точкѣ зрѣнiя и, ссылаясь на соотвѣтствующую страницу перваго тома „Происхожденiя современной демократiи", говоритъ, что мною „вѣрно указана консервативная тенденцiя, присущая ученiю Руссо о правительствѣ".

Но если такъ, то не въ правѣ ли мы сказать, что на Руссо нельзя смотрѣть, какъ на родоначальника современной демократической доктрины, нельзя потому, во-первыхъ, что ранѣе его высказываемы были взгляды, существенно не расходившiеся съ его собственными, а во-вторыхъ, потому, что и самое его ученiе далеко не столь радикально, какъ привыкли считать его.

Установивши, такимъ образомъ, нашу общую точку зрѣнiя на политическое ученiе Руссо, разсмотримъ его, во-первыхъ, со стороны его источника, во-вторыхъ, въ его генетическомъ развитiи и позднѣйшей трансформацiи. Прежде всего спросимъ себя, въ какой мѣрѣ оно вызвано было къ жизни наблюденiями надъ устройствомъ его родного города Женевы. Руссо не даромъ говоритъ въ посвященiи своего „Разсужденiя о неравенствѣ" правителямъ этого города, что онъ всегда имѣлъ передъ глазами его образцовые порядки и желалъ бы видѣть ихъ примѣненными всѣми тѣми народами, для которыхъ возможна политическая свобода; возможна же она, по его мнѣнiю, при малочисленности на-

селенія и небольшомъ протяженіи занятой народомъ территоріи, а также въ случаѣ готовности небольшой страны войти въ составъ федераціи. Мы спросимъ себя далѣе, въ какой мѣрѣ порядки древнихъ республикъ, съ которыми Руссо еще въ дѣтствѣ познакомился, благодаря чтенію Плутарха, и которыхъ онъ никогда не терялъ изъ виду и въ текстѣ своихъ книгъ, укрѣпили въ немъ пристрастіе къ прямому народоправству. Но, отвѣчая на всѣ эти вопросы, не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ лицѣ Руссо мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, подготовившимъ себя къ роли политическаго писателя продолжительными чтеніями; онъ самъ смотритъ на свой незаконченный трактатъ „о политическихъ учрежденіяхъ", какъ на составлявшій долгое время главную задачу его жизни. Предметы, въ немъ затронутые, интересовали его еще въ бытность его частнымъ секретаремъ французскаго посланника въ Венеціи. Венеціанская политическая мысль, какъ и вся вообще итальянская литература о государствѣ и политикѣ, очевидно, не осталась ему чуждой. При нерасположеніи его къ цитатамъ, въ „Общественномъ договорѣ" все же можно найти почти явные слѣды воздѣйствія на него и „Разсужденій Макіавелли на декады Тита Ливія" и тѣхъ республиканскихъ писателей, которые, какъ венеціанецъ Контарини, флорентинецъ Джаннотти и пьемонтецъ Ботеро, такъ много сдѣлали для выясненія особенностей венеціанскаго устройства. Но Руссо знакомъ не съ одними итальянцами, у которыхъ еще съ XVI и XVII вѣковъ писатели Франціи и Англіи ѣздили учиться политической мудрости на ряду съ изящнымъ слогомъ, у которыхъ Мильтонъ проникся своими свободолюбивыми принципами много лѣтъ спустя послѣ того, какъ современнику Елисаветы, Гаррисону, пришло на умъ объявить своихъ соотечественниковъ „объитальянившимися" [1]).

[1]) Harrison въ своей „Description of England" жалуется на то, что въ его время расплодились такъ называемые имъ „italionates".

Женевскаго мыслителя еще въ бытность его въ имѣніи г-жи де-Варенсъ, Тонеттъ, интересовали, какъ онъ самъ сознается въ своей „Исповѣди“, всѣ пользовавшіеся въ его время извѣстностью политическіе писатели. Руссо читалъ сочиненія голландскихъ республиканцевъ въ такой же мѣрѣ, какъ и англійскихъ ревнителей ограниченія королевскаго единовластія. Онъ зналъ даже и его противниковъ, напримѣръ, Фильмера съ его патріархальной теоріей происхожденія государства и королевской власти,—того самаго Фильмера, противъ котораго Локкомъ направлено было, какъ мы видѣли, первое изъ его двухъ „Разсужденій о правительствѣ“. Руссо много читалъ и многое запомнилъ. Игнорировать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, въ томъ числѣ проф. Алексѣевъ, заимствованіе Руссо многихъ положеній его доктрины, пріурочивать ея происхожденіе исключительно къ желанію рѣшить партійные вопросы его родного города Женевы — значитъ терять правильную перспективу и суживать до смѣшного задачу выясненія корней ученія, сразу примкнувшаго ко всему предшествовавшему развитію демократической мысли и въ Англіи, и въ Голландіи, и въ самой Франціи. Повторяю: и во Франціи, такъ какъ въ ней можно встрѣтить въ зародышѣ то же воззрѣніе на принадлежность суверенитета одному народу, какъ у такъ называемыхъ „монарходѣлателей“, въ родѣ Дюплесси Морнэ, напримѣръ, такъ и у гугенота Жоссье, современника Паскаля. Руссо сумѣлъ изъ этихъ разнообразныхъ источниковъ, изъ образцовъ классической древности, изъ порядковъ средневѣковыхъ городскихъ республикъ, народныхъ и городскихъ демократій Швейцаріи, наконецъ, изъ теоретизаціи основъ правового государства голландскими, англійскими, нѣмецкими и французскими писателями — вывести рядъ положеній, сгруппированныхъ имъ въ стройную, хотя не лишенную внутренняго противорѣчія, систему и передать ихъ современникамъ въ такой формѣ и съ такими качествами слога, которыя сразу по-

ставили обширные круги читателей въ возможность задуматься о вопросахъ, дотолѣ подымаемыхъ лишь на тяжелыхъ фоліантахъ недоступныхъ большинству латинскихъ трактатовъ. Сочиненія Руссо обратили на себя вниманіе не потому только, что рѣзко, болѣе, впрочемъ, съ внѣшняго вида, чѣмъ въ дѣйствительности, они поставили волновавшіе общество вопросы о причинѣ извращенія нравовъ, объ источникѣ неравенства, о правѣ народа самоопредѣлять свои судьбы, объ условіяхъ политической свободы и требованіяхъ, какія она ставитъ одновременно и правителямъ и подданнымъ. Эти сочиненія явились еще своевременно, въ ту самую минуту, когда непопулярность и слабость французскаго правительства Людовика XV и начавшееся полвѣкомъ ранѣе расшатываніе основъ абсолютизма подъ вліяніемъ англоманіи, особенно развившейся со времени выхода въ свѣтъ „Философскихъ писемъ“ Вольтера и „Духа законовъ“ Монтескьё, подготовили общество къ воспринятію доктринъ, переносившихъ, по вѣрному замѣчанію Мэна, изъ рукъ короля въ руки націи всю неограниченность верховныхъ правъ, или такъ называемаго суверенитета. Нельзя сказать, чтобы эта доктрина нашла выраженіе себѣ у Руссо впервые въ „Общественномъ договорѣ“; мы находимъ ее въ зародышѣ уже въ томъ его догматѣ, что законъ есть выраженіе общей воли,—догматѣ, какой содержитъ въ себѣ такъ мало отвѣчающая своему названію статья Руссо „О политической экономіи“; она напечатана была женевскимъ мыслителемъ въ „Энциклопедіи“ Дидро. Эта статья, какъ говоритъ намъ самъ ея авторъ, взята была изъ недоконченной имъ рукописи „о политическихъ учрежденіяхъ“; изъ того же источника вышелъ и „Общественный договоръ“, первоначальная редакція котораго недавно обнародованная г. Алексѣевымъ и Дрейфусъ-Бриссакомъ, содержитъ въ себѣ отрывки изъ той же статьи и представляетъ нерѣдкія отклоненія отъ изданнаго текста. Итакъ, нельзя сказать, что мы имѣемъ у Руссо дѣло съ различными стадіями въ эволюціи

одной и той же доктрины. Послѣдняя сложилась уже цѣликомъ въ его умѣ, а можетъ-быть, отчасти и вылилась уже на бумагу въ моментъ изданія имъ первыхъ двухъ „Разсужденій“ или „Discours“, сразу приковавшихъ къ нему вниманіе всей публики, не только во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ. Въ этихъ „Разсужденіяхъ“, несомнѣнно, больше задора и декламаціи, чѣмъ въ послѣдующихъ трактатахъ Руссо; авторъ позднѣе объяснялъ эту особенность несчастнымъ вліяніемъ на него Дидро, человѣка желчнаго и раздражительнаго. Въ „Общественномъ договорѣ“ болѣе торжественнаго спокойствія и видимой отрѣшенности отъ вопросовъ дня: нѣтъ тѣхъ лирическихъ отступленій о бѣдствіяхъ, какихъ избѣжало бы человѣчество, если бы сразу ему пришло на умъ вырвать, положимъ, первый колъ, служившій указаніемъ границъ собственности, или еще о вредѣ, неизбѣжно проистекающемъ для народа отъ роскоши и изнѣженности—естественныхъ послѣдствіяхъ развитія наукъ и искусствъ. Если отнять у политическихъ трактатовъ Спинозы ихъ многочисленныя ссылки на ветхозавѣтную исторію, то изъ всей предшествующей „Общественному договору“ политической литературы ни одно сочиненіе не покажется приближающимся въ большей мѣрѣ къ понятію образца для „Общественнаго договора“, какъ тотъ незаконченный трактатъ, въ которомъ Спиноза собрался изложить природу и условія наилучшаго устройства какъ монархіи, такъ и аристократіи и демократіи. Я разумѣю „Трактатъ политическій“. Тотъ же спокойный тонъ, то же желаніе „не плакать, не смѣяться, а понимать“ и вмѣстѣ съ тѣмъ та же широта размаха, та же способность отрѣшиться отъ частностей, отъ всего, что носитъ печать времени или мѣста, то же стремленіе раскрыть общіе принципы, вѣчныя и неизмѣнныя начала и поставить ихъ въ причинную связь съ психологіей людей, съ ихъ страстями. Руссо, правда, не написалъ, подобно Спинозѣ, цѣлаго трактата объ этикѣ, отправляющагося отъ признанія необходимости согласовать

нравственныя ученія съ человѣческими страстями. Но вопросы морали постоянно ставятся имъ на первый планъ. При ихъ обсужденіи онъ отправляется, къ сожалѣнію, отъ идеализаціи психической природы человѣка, въ его естественномъ, т.-е. до-государственномъ состояніи; онъ не прочь также приписать чрезмѣрное вліяніе воспитанію, столько же, если не болѣе, въ дѣлѣ искаженія человѣческой природы [1]), сколько въ ея исправленіи. Но въ своихъ политическихъ разсужденіяхъ Руссо постоянно отправляется отъ мысли о вліяніи человѣческихъ страстей, порождаемыхъ, думаетъ онъ, еще болѣе воспитаніемъ, чѣмъ природой; онъ старается согласовать со страстями преподаваемые имъ совѣты. Такимъ образомъ и его, какъ Спинозу, можно было бы отнести, употребляя модный въ наше время терминъ, къ числу психосоціологовъ, или, вѣрнѣе, — психополитиковъ. „Но,—скажутъ мнѣ,—вы выдаете за образецъ, принятый для трактата о демократіи, какимъ надо считать „Общественный договоръ", то политическое разсужденіе Спинозы, въ которомъ отдѣлъ о демократіи именно и остался недописаннымъ!" Это, несомнѣнно, такъ; но дѣло въ томъ, что подъ аристократіей Спиноза разумѣетъ, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе то самое, что Руссо подъ демократіей: вѣдь послѣдній придаетъ своему народному государству возможно широкія основы въ области законодательства съ тѣмъ, чтобы передать затѣмъ заботы управленія въ руки меньшинства избранныхъ народомъ уполномоченныхъ, а не то ли мы находимъ и у Спинозы, который постоянно озабоченъ былъ, какъ мы видѣли, мыслью о возможномъ приближеніи аристократіи къ демократіи и не желалъ допустить наслѣдственнаго правительства, а одно только избирательное, никогда не смотрящее на должность иначе, какъ на временное полномочіе?

[1]) Вспомнимъ слова, которыми открывается „Эмиль": „Tout est bien en sortant des mains de l'auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l'homme. Il mutile son chien, son cheval, son esclave" и т. д.

Выяснивши такимъ образомъ нашу точку зрѣнія на источникъ политической доктрины Руссо и на ближайшій образецъ, принятый имъ при составленіи „Общественнаго договора“, познакомимся съ генетическимъ развитіемъ въ немъ самомъ тѣхъ взглядовъ, синтезъ которыхъ мы находимъ въ появившихся на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга „Разсужденіяхъ“, статьѣ „О политической экономіи“, „Общественномъ договорѣ“ и той главѣ „Эмиля“, которая резюмируетъ собою содержаніе этой послѣдней книги. Чтобы выполнить эту задачу, намъ необходимо будетъ бросить бѣглый взглядъ на біографію Руссо или, вѣрнѣе, на постепенный ростъ его самосознанія, насколько о немъ можно судить по написаннымъ имъ мемуарамъ или „Исповѣди“, и немногимъ даннымъ, сохраненнымъ для насъ его перепиской.

§ 2. Настаивать на томъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ Руссо съ увлеченіемъ читалъ Плутарха, мы не станемъ. Съ Плутархомъ знакомятся дѣти не однѣхъ республиканскихъ семей, и это чтеніе для многихъ проходитъ безслѣдно. Интересно то, что, по собственному заявленію Руссо, онъ еще въ 1720 г., т.-е. 7 лѣтъ отроду, принялся за всемірную исторію Боссюэта и даже за исторію Венеціи Нани. Всѣ эти книги, говоритъ онъ, входили въ составъ библіотеки его отца, часовщика и гражданина Женевы, т.-е. принадлежавшаго къ числу того привилегированнаго класса, который подъ именемъ „citoyens“, вмѣстѣ со старыми поселенцами предмѣстья, или „bourgeois“, одинъ имѣлъ право засѣдать въ Большомъ Совѣтѣ, или законодательномъ органѣ республики. Семья Руссо выселилась изъ Франціи въ эпоху религіозныхъ преслѣдованій, а именно при Генрихѣ II, и допущена была къ гражданству Женевы еще въ 1555 году. Разсказывать біографіи Руссо я не стану; жизнь его описана имъ самимъ: знаменитая „Исповѣдь“ доставляетъ главный матеріалъ всѣмъ его біографамъ, въ томъ числѣ и русскому, Алексѣеву, и послѣднему по времени во Франціи—

профессору Нуриссону, книга котораго „Руссо и руссоизмъ“ вышла уже послѣ кончины ея автора, не далѣе, какъ въ 1903 году. Но мнѣ необходимо отмѣтить нѣкоторые факты изъ жизни автора „Общественнаго договора“, а именно, смерть матери вслѣдъ за родами и отъ родовъ, вынужденное удаленіе отца изъ Женевы, отдача Руссо на выучку часовому ремеслу, грубое обращеніе съ нимъ хозяина, страхъ кулачной расправы за неявку въ положенное время и, какъ послѣдствіе всего, бѣгство изъ Женевы. Оно приводитъ Руссо въ Аннеси, гдѣ въ это время проживала перешедшая въ католицизмъ и покинувшая родину кальвинистка г-жа Варенсъ, уроженка Вевэ. Цѣлая литература посвящена вопросу о роли, какую г-жа Варенсъ играла въ развитіи Руссо. Послѣднее по времени и наиболѣе полное сочиненіе Франсуа Мюнье вышло года два тому назадъ, подъ заглавіемъ „Г-жа Варенсъ и Жанъ-Жакъ Руссо“. Въ немъ во многомъ исправлены и дополнены воспоминанія Руссо объ этомъ подготовительномъ періодѣ его жизни. Оставляя въ сторонѣ факты, касающіеся біографіи самой г-жи Варенсъ, я позаимствую изъ этой книги тѣ данныя, какія она содержитъ въ себѣ по вопросу о жизни Руссо до момента его переселенія въ Парижъ. По оставленіи Женевы Руссо попадаетъ къ католическому священнику, завѣдовавшему приходомъ въ Конфиніонѣ; священникъ снабжаетъ его письмомъ къ товарищу въ Аннеси. Послѣдній принималъ ближайшее участіе въ обращеніи въ католичество г-жи Варенсъ. Неудивительно, если онъ направилъ къ ней и молодого бѣглеца Жанъ-Жака. Въ „Исповѣди“ все это передано въ нѣсколько иной формѣ: Руссо старается защититься отъ подозрѣнія въ готовности измѣнить вѣрѣ. „Исповѣдь“ появилась послѣ того, какъ онъ снова изъ католичества перешелъ въ протестантизмъ. Неудивительно, если въ ней забота объ обращеніи его въ католики приписывается всецѣло г-жѣ Варенсъ. „Бѣдный мальчикъ, — сказала она ему, — ты долженъ итти на призывъ Бога;

когда выростешь, ты вспомнишь обо мнѣ". И вотъ Руссо, снабженный небольшой суммой денегъ епископомъ Аннеси Бернексомъ, идетъ пѣшкомъ въ Туринъ; онъ принятъ здѣсь въ католическую семинарію, въ отдѣленіе для оглашенныхъ (catechumènes), т.-е. лицъ, которыхъ обучаютъ въ правилахъ вѣры, подготовляя ихъ къ крещенію. Пребываніе въ этой семинаріи имѣло значеніе для выработки внутренняго самообразованія Руссо, главнымъ образомъ, благодаря тому, что онъ встрѣтился въ Туринѣ, въ лицѣ аббата Жемъ, одного изъ учителей семинаріи, съ типомъ того благожелательнаго савойскаго священника, исповѣдь котораго составитъ интереснѣйшую часть „Эмиля" и позволитъ намъ познакомиться съ религіозными воззрѣніями самого Руссо. Вѣдь въ этомъ отрывкѣ, по вѣрному указанію еще Виктора Кузена, Руссо раскрываетъ передъ нами свою душу, свои сокровеннѣйшія убѣжденія; онъ вступаетъ въ немъ открыто въ войну съ антирелигіозной философіей XVIII вѣка и вызываетъ этимъ сильное недовольство и преувеличенныя имъ впослѣдствіи гоненія со стороны лицъ, группировавшихся около энциклопедиста Дидро. Руссо недолго остается въ Туринѣ послѣ своего выхода изъ семинаріи и возвращается въ домъ г-жи Варенсъ. „Исповѣдь" содержитъ объ этомъ фактѣ и вытекшихъ изъ него послѣдствіяхъ рядъ подробностей, которыя объясняютъ причины, побудившія г-жу Варенсъ удержать въ своемъ домѣ этого молодого человѣка, вызывавшаго въ ней не одну родительскую привязанность. Такъ какъ Руссо не обнаруживалъ никакого стремленія сдѣлаться священникомъ и такъ какъ еще въ семинаріи онъ сталъ заниматься музыкой, то г-жа Варенсъ, которую онъ уже въ это время называлъ своей мамашей, рѣшила отдать его на обученіе нѣкоему господину Ле-Метръ, завѣдовавшему музыкальной частью при каѳедральномъ соборѣ въ Аннеси. Руссо было не болѣе 18 лѣтъ (родился онъ въ 1712 году, а факты, о которыхъ пойдетъ рѣчь, произошли въ 1730), когда, подъ вліяніемъ одного аван-

тюриста, случайно попавшаго въ ту же капеллу, Руссо начинаетъ вести себя такъ безпорядочно, что г-жа Варенсъ, по словамъ „Исповѣди“, желая спасти его отъ дурного товарищества, приказываетъ ему сопровождать въ его странствіяхъ учителя Ле-Метра, принужденнаго къ этому времени оставить Аннеси. Руссо покидаетъ своего учителя на пути и нѣкоторое время проводитъ въ обществѣ случайныхъ туристокъ, изъ которыхъ одна влюбляетъ его въ себя, а другая увлекаетъ въ Фрибургъ и затѣмъ въ Лозанну. Здѣсь, не имѣя средствъ къ жизни, Руссо берется за всякое ремесло и, между прочимъ, сходится опять-таки съ авантюристомъ, выдававшимъ себя за архимандрита изъ Іерусалима. Съ нимъ онъ проводитъ время въ Невшателѣ, и когда архимандриту приходится свести счеты съ полиціей, Руссо попадаетъ въ положеніе, граничащее съ нищетою. Но его снова спасаетъ прежняя покровительница г-жа Варенсъ. Она создаетъ ему незначительный заработокъ, пристроивъ къ составленію кадастра, предпринятаго въ это время савойскимъ правительствомъ (рѣчь идетъ о 1732 годѣ). Руссо живетъ попрежнему въ домѣ г-жи Варенсъ, но уже рядомъ со слугою Анэ, раздѣлявшимъ въ это время съ нимъ расположеніе ихъ общей покровительницы. По всей вѣроятности, это обстоятельство породило въ Руссо желаніе предпринять новое путешествіе въ Швейцарію, отчасти съ цѣлью получить отъ отца часть наслѣдства, оставленнаго матерью. Вскорѣ затѣмъ Клодъ Анэ умираетъ, и Руссо снова остается единственнымъ другомъ г-жи Варенсъ. Послѣдняя уже переселилась въ это время въ Шарметтъ, въ окрестностяхъ Шамбери, куда и слѣдуетъ за нею Руссо. Но новый соперникъ, также обращенный г-жею Варенсъ предварительно въ католицизмъ, отравляетъ Руссо эти лучшіе,—какъ онъ говоритъ, — годы его жизни, вызывая въ немъ въ концѣ-концовъ рѣшимость покинуть Савойю для Парижа. Таковъ голый остовъ событій въ жизни нашего писателя въ періодъ времени между 1732—1739 годами. За это время Руссо,

кромѣ занятія музыкой и сочинительства стиховъ довольно сомнительнаго качества, старается еще расширить свои познанія самыми разнообразными занятіями. Такъ, напр., онъ знакомится съ ботаникой подъ руководствомъ того самаго Анэ, который дѣлилъ съ нимъ привязанность его благодѣтельницы. Онъ читаетъ также много серьезныхъ книгъ, особенно въ зимнее время, когда г-жа Варенсъ нерѣдко по нѣсколькимъ мѣсяцамъ оставляетъ его одного въ Шарметтъ, предпочитая проводить время въ Шамбери, въ обществѣ своего новаго любовника. Эти чтенія направлены были преимущественно на вопросы политики, исторіи, морали и того, что можно назвать несуществовавшимъ еще въ это время терминомъ „обществовѣдѣнія".

Отъ этого времени дошло до насъ интересное свидѣтельство о Руссо въ замѣткѣ друга г-жи Варенсъ, господина Конціе, съ которымъ Руссо продолжалъ сношенія и впослѣдствіи, послѣ кончины своей благодѣтельницы. „Жанъ-Жакъ Руссо,—пишетъ Конціе,—въ это время посѣщалъ меня ежедневно. Его любовь къ чтенію заставляла г-жу Варенсъ настаивать на томъ, чтобы онъ всецѣло посвятилъ себя занятію медициной. Но на это Руссо никакъ не хотѣлъ согласиться. Такъ какъ мнѣ приходилось видѣть его ежедневно, и такъ какъ онъ бесѣдовалъ со мной откровенно, то мнѣ немудрено было составить себѣ представленіе о его любви къ уединенію. Я замѣтилъ въ немъ также презрѣніе къ людямъ, склонность порицать ихъ недостатки и слабости. Онъ питалъ постоянное недовѣріе къ ихъ честности. Въ загородномъ домѣ г-жи Варенсъ Руссо впервые началъ пачкать бумагу, писать стихами и прозой на разныя темы. Онъ читалъ мнѣ написанное, я полагаю скорѣе, какъ сосѣду, чѣмъ съ цѣлью руководствоваться моими совѣтами. И въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ. Когда впослѣдствіи онъ прибылъ въ Парижъ, то напечаталъ здѣсь въ три мѣсяца свою новую методу для передачи музыкальныхъ звуковъ на бумагѣ, такъ какъ она со-

чинена была имъ еще въ Шарметтѣ. Это изданіе и положило начало его литературной карьерѣ“ [1]). До насъ дошли нѣкоторыя изъ произведеній, написанныхъ имъ сверхъ этого въ Шарметтѣ; они не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Руссо успѣлъ уже овладѣть языкомъ, и не только прозаическимъ, но и стихотворнымъ. Въ „Фруктовомъ саду въ Шарметтѣ“, отпечатанномъ имъ въ Парижѣ, мы находимъ между прочимъ, упоминаніе о томъ, что въ числѣ книгъ, имъ прочитанныхъ и произведшихъ на него особенно сильное впечатлѣніе, была „Исторія Женевы“ Спона. Она вызываетъ въ немъ размышленіе, стоящее въ прямой связи съ тѣми событіями, которыя происходили въ это время въ его родномъ городѣ, или, точнѣе, нѣсколькими годами ранѣе, съ 1728 по 1731 годъ. Объ этихъ событіяхъ довольно подробно говорится въ этюдахъ о Ж.-Ж. Руссо профессора Алексѣева. „Въ эпоху политическихъ движеній 30-хъ годовъ,—пишетъ онъ, — стояли другъ противъ друга двѣ партіи, каждая со своей доктриной. Олигархическая партія защищала существующій строй, перенесшій фактически всю власть въ руки незначительнаго меньшинства. Враждебная ей партія гражданъ стояла, наоборотъ, за возстановленіе демократическихъ основъ женевской конституціи. По ученію олигархической партіи, ни одинъ изъ органовъ государства не обладаетъ неограниченною властью. Основные законы поэтому могутъ быть измѣняемы лишь при согласіи малаго совѣта, совѣта двухсотъ и гражданъ, собранныхъ на народномъ совѣтѣ. По ученію же демократической партіи, верховенство принадлежитъ только народу, и всѣ правительственныя власти и совѣты являются его уполномоченными, слугами народа, поручившаго имъ извѣстныя функціи власти. Политическая доктрина демократической партіи болѣе соотвѣтствовала исторической основѣ женевской конституціи, которая издавна признавала народныя собранія единственнымъ сувереномъ въ государствѣ“.

[1]) Мюнье, стр. 179—180.

Доктрина же олигархической партіи отражала вѣрнѣе фактическое распредѣленіе власти, которая къ концу XVII вѣка сосредоточилась въ рукахъ аристократическаго меньшинства. Олигархическая партія настаивала на томъ, чтобы народное собраніе созывалось лишь съ согласія малаго совѣта и совѣта двухсотъ и обсуждало только тѣ дѣла, которыя будутъ внесены этими совѣтами. Олигархическая партія учила также, что народному собранію принадлежитъ только право утверждать законы и обсуждать важнѣйшія правительственныя дѣла. Судьей же важности послѣднихъ могутъ быть только совѣты, которые, сообразно принятому ими мнѣнію, могутъ вносить или не вносить свои мѣры на обсужденіе народнаго собранія. Олигархическая партія стояла также за то, чтобы ни организація военной обороны ни утвержденіе налоговъ не входили въ компетенцію народнаго собранія. Въ столкновеніяхъ обѣихъ партій сторонникомъ демократическихъ требованій явился женевскій гражданинъ Микели, членъ совѣта двухсотъ и военный инженеръ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы народному собранію поручено было высказаться по раздѣлявшему членовъ совѣта вопросу о проектѣ фортификаціи города. Когда на его мнѣніе не обращено было вниманія, онъ обратился прямо къ народу съ воззваніемъ, въ которомъ признавалъ его верховнымъ судьею во всѣхъ пререканіяхъ правительства съ отдѣльными гражданами. Въ отвѣтъ на это Микели былъ приговоренъ къ смертной казни, а его брошюра была сожжена рукою палача. Это воспослѣдовало 8 ноября 1735 г. [1]). Руссо, пишущій въ 1737 году свой „Фруктовый садъ въ Шарметтѣ", т.-е. за годъ до временнаго занятія Женевы французскими войсками, посвящаетъ событіямъ своего родного города слѣдующія строфы: „Я читалъ въ тетрадяхъ Спона описаніе опасностей, которыя грозятъ моей страждущей родинѣ. О, Женева, Женева, нѣкогда мудрая,

[1]) См. Алексѣева: „Связь политич. доктрины Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы", стр. 218—230.

моя дорогая родина! Какой дьяволъ вызываетъ въ тебѣ эти горячности? Увлекаемые овладѣвшею всѣми внезапно яростью, граждане-слѣпцы, вы ищете оковъ рабства. Вы найдете его (это рабство), можетъ-быть, раньше, чѣмъ думаете“... Въ своемъ стихотвореніи Руссо не высказываетъ открыто, на чьей сторонѣ лежитъ его симпатія; но онъ даетъ понять, что ему дорого сохраненіе Женевы, ея старой вѣры (католической) и ея исконной свободы. Онъ обѣщаетъ гражданамъ счастье подъ условіемъ вернуться къ религіи предковъ и никогда не забывать о необходимости быть столь же свободными, какъ они.

Въ написанномъ нѣсколькими годами ранѣе (въ 1734 г.) анонимномъ стихотвореніи поднимаются многія изъ тѣхъ темъ, какія въ это время интересовали гражданъ Женевы, и предлагаются рѣшенія, не чуждыя и будущему автору „Общественнаго договора“. Стихотворецъ спрашиваетъ себя: „Изъ двухъ кто долженъ считаться сувереномъ: народъ или сенатъ?“ — „Несомнѣнно народъ, или общій совѣтъ, — отвѣчаетъ онъ.—Сенатъ никогда не имѣлъ неограниченной власти, — онъ только носитель власти, ввѣренной ему народомъ. Сколькими публичными актами установлено это верховенство народа, верховенство, которое мы должны сохранить! Архивы наполнены документами, удостовѣряющими наши священныя права, наши прерогативы. Все это—памятники нашей древней свободы, исконныя основы общественнаго благополучія. Добрая политика требуетъ отъ гражданъ сохраненія своего свободнаго демократическаго устройства. Можно быть свободнымъ, лишь сохраняя верховенство въ своихъ рукахъ. Противъ суверенной власти народа нельзя ссылаться на давность“. И нѣсколькими строками далѣе стихотворецъ говоритъ: „Если народъ въ правѣ утверждать законы, то онъ можетъ и отмѣнять ихъ, а тѣмъ болѣе истолковывать“.

Сопоставленія стихотворныхъ замѣтокъ Руссо съ только что приведенными отрывками современнаго ему поэта-по-

литика достаточно, чтобы показать близость тѣхъ темъ, какія затронуты будутъ „Общественнымъ договоромъ", съ тѣми, какія ставились печальными событіями, переживаемыми Женевой. Трудно также сомнѣваться въ томъ, что авторъ цитируемаго нами стихотворенія, подобно Руссо, истолковывалъ женевскіе порядки въ смыслѣ, благопріятномъ неотчуждаемости народнаго суверенитета, суверенитета, который не можетъ быть потерянъ даже благодаря продолжительному непользованію имъ со стороны народа, другими словами, что онъ понималъ женевскую конституцію въ духѣ тѣхъ вольностей, какія были обезпечены ей ея княземъ, епископомъ Фабри, еще въ XIV вѣкѣ, въ извѣстномъ актѣ, объявлявшемъ, что давность не имѣетъ силы въ примѣненіи къ политическимъ правамъ гражданъ. Когда Руссо говоритъ въ посланіи, написанномъ изъ Шарметтъ, о необходимости жителямъ Женевы вернуться къ своей старинной вѣрѣ и старинной свободѣ, то онъ, очевидно, не можетъ имѣть въ виду ничего другого, кромѣ католической вѣры и вольностей, обезпеченныхъ его родному городу ея католическими правителями. Ни однимъ словомъ не упоминается въ немъ о Кальвинѣ и проведенной имъ олигархической реформѣ, къ которой Руссо, очевидно, не могъ относиться съ сочувствіемъ, такъ какъ ею и было положено начало тому господству совѣтовъ, противъ котораго вооружалась пользующаяся его симпатіями демократическая партія.

Ошибка проф. Алексѣева состоитъ въ томъ, что онъ пытается поставить Руссо между обѣими борющимися сторонами и даже обратить его въ противника доктрины, защищаемой Микели, главой демократической партіи. „Къ этой доктринѣ,—пишетъ Алексѣевъ,—Руссо въ эту эпоху своей жизни относился безусловно отрицательно" (ст. 250).

Но если такъ, то какъ же могъ онъ высказывать въ своемъ стихотвореніи сочувствіе къ возстановленію свободы, обезпеченной Женевѣ въ эпоху исповѣданія ею католи-

ческой вѣры и подчиненія католическимъ епископамъ [1])? Въ позднѣйшемъ по времени стихотворномъ посланіи автора „Общественнаго договора“ къ Париссо, отъ 1749 года, въ которомъ Руссо настаиваетъ на своемъ правѣ, какъ гражданинъ Женевы, быть членомъ суверенной власти, и видитъ въ связи свободы съ добродѣтелью возможность обезпеченія государству наилучшихъ сановниковъ и наилучшихъ законовъ, — я не могу усмотрѣть также, въ противность г. Алексѣеву, доказательства того, что правители Женевы въ глазахъ Руссо въ это время — лучшіе изъ правителей (стр. 246).

Во всякомъ случаѣ, интересъ, обнаруженный Руссо къ конституціоннымъ спорамъ, возникшимъ въ Женевѣ въ годы его пребыванія въ Шарметтъ и временнаго посѣщенія собственной родины, вполнѣ объясняетъ то предпочтеніе, какое онъ съ этого времени, по собственнымъ его заявленіямъ, даетъ занятію политическими вопросами. Въ промежутокъ времени, протекшій между составленіемъ стихотворныхъ посланій о политическихъ событіяхъ Женевы и выходомъ въ свѣтъ первыхъ разсужденій, Руссо испытываетъ на себѣ вліяніе энциклопедистовъ и прежде всего Дидро. Онъ позднѣе пріобрѣтаетъ возможность, благодаря довольно продолжительному пребыванію въ Венеціи, познакомиться съ ея учрежденіями и ея политической литературой, столь богатой мыслями объ аристократическомъ правленіи и демократическихъ основахъ государственной власти. И все это, несомнѣнно, налагаетъ свою печать и на тѣ рѣшенія, какія, по вопросу объ отношеніи народнаго самодержавія къ правительству избранныхъ народомъ сановниковъ, онъ предложитъ въ своемъ сочиненіи.

Наконецъ Руссо расширяетъ также свое знакомство съ политической литературой и заимствуетъ многія мысли не

---

[1]) „Heureux si reprenant la foi de vos aieux, Vous n'oubliez jamais d'être libres comme eux“ (Le Verger de Charmette).

только у Бодена, Гроція и Алтузія, но также у Гоббса, Сиднея, Пуффендорфа, а въ особенности у Спинозы. На всѣхъ этихъ писателей имѣются далеко, впрочемъ, не полныя ссылки въ „Общественномъ договорѣ“. Но сопоставленія ихъ взглядовъ съ тѣми ученіями, какія содержитъ въ себѣ этотъ трактатъ, болѣе чѣмъ достаточно для утвержденія, что доктрина Руссо въ такой же степени выработалась подъ вліяніемъ всего предшествующаго развитія государствовѣдѣнія, какъ и благодаря знакомству съ политическими учрежденіями, какъ собственной родины, такъ и образца всѣхъ аристократическихъ правительствъ — Венеціи.

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Руссо, Нуриссонъ, изображаетъ намъ первые годы, проведенные будущимъ авторомъ „Общественнаго договора“ въ Парижѣ, въ слѣдующемъ видѣ. Онъ является въ столицу Франціи, имѣя въ карманѣ всего 300 фр. и рукопись комедіи „Нарциссъ“. Но, несмотря на незначительность этого литературнаго багажа, онъ принятъ какъ нельзя лучше въ средѣ наиболѣе выдающихся литераторовъ и особенно тѣхъ, какіе группируются вокругъ энциклопедиста Дидро. Мемуаръ, предложенный имъ академіи и касавшійся реформы музыкальнаго письма, хотя и прочитанъ былъ на ея засѣданіяхъ 22 августа 1742 года, но имѣлъ лишь кратковременный успѣхъ, такъ какъ оказалось, что ранѣе Руссо нѣкій Суетти уже поднялъ вопросъ о цифровой нотаціи гаммъ, что, очевидно, отнимало у мемуара женевскаго гражданина всякую оригинальность. Тѣмъ не менѣе Руссо спѣшитъ напечатать „Разсужденіе о современной музыкѣ“ въ защиту своихъ мыслей и, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, издаетъ стихотворенія, посланія,—въ числѣ ихъ извѣстную эпистолу къ Париссо. Эта эпистола заслуживаетъ вниманія не столько по качествамъ стиха, сколько по тому, что въ ней наглядно сказывается тотъ интересъ, какой Руссо попрежнему питаетъ къ Женевѣ и женевской политикѣ. Онъ видитъ въ

необходимости жить далеко отъ родины самую страшную изъ бѣдъ, какая можетъ грозить человѣку. „Меня обучили тому, — пишетъ онъ, — что я унаслѣдовалъ право участвовать въ верховной власти. Несмотря на мою слабость, мое ничтожество и неизвѣстность, я—гражданинъ и, какъ таковой, я—членъ самодержавнаго народа“. Но республиканскія пристрастія, привитыя ему съ самаго дѣтства, не мѣшаютъ Руссо въ этомъ же стихотвореніи заявить о своей готовности уважать, по крайней мѣрѣ во Франціи, славное дворянство („noblesse illustre“), сумѣвшее придать блескъ добродѣтели. Въ этой эпистолѣ къ Париссо находятся два стиха, которые рѣзко противорѣчатъ той идеѣ равенства, которой онъ явится сторонникомъ въ своихъ ближайшихъ разсужденіяхъ. „Не хорошо было бы для общества,—пишетъ онъ,—чтобы между сословіями было менѣе неравенства“ [1]).

Во всемъ, что вылилось изъ-подъ пера Руссо, я не знаю ничего болѣе несогласнаго съ его позднѣйшей доктриной. Стихотвореніе имѣло успѣхъ. Поддерживаемый іезуитомъ, отцомъ Кастелемъ, о которомъ онъ позднѣе въ своей „Исповѣди“ говоритъ, какъ о сумасшедшемъ, но добромъ человѣкѣ, Руссо проникаетъ въ салоны г-жи Бюзанваль и г-жи Дюпэнъ, читаетъ здѣсь свою эпистолу, исторгаетъ слезы у присутствующихъ, добивается просмотра и исправленія извѣстнымъ Фонтенелемъ его комедіи „Нарциссъ“ и получаетъ, при посредствѣ г-жи Броль, мѣсто секретаря при графѣ Монтэгю, отправленномъ посломъ въ Венецію. Первое пребываніе Руссо въ Парижѣ продолжалось всего-на-всего съ осени 1741 года по осень 1743 года. Но оно сблизило его уже съ такими людьми, какъ Дидро, Мариво и аббатъ Мабли, такъ что когда, послѣ разрыва съ посломъ, онъ снова вернулся въ Парижъ, нашлись люди, готовые оказать ему поддержку и доставить литературный заработокъ.

---

1) Il ne serait pas bon dans les sociétés, Qu'il fût entre les rangs moins d'inégalité.

Среди довольно разсѣянной жизни, какую онъ ведетъ въ Венеціи, Руссо все же находитъ время для чтенія; по заказу книгъ, которыя онъ дѣлаетъ въ Парижѣ, немудрено прійти къ заключенію, что онъ озабоченъ восполненіемъ своего образованія. Въ числѣ этихъ книгъ мы находимъ, рядомъ съ математическими и философскими, словарь Бэля и полное собраніе сочиненій Цицерона въ латинскомъ текстѣ. Въ своей „Исповѣди" Руссо относитъ ко времени своего пребыванія въ Венеціи и зарожденіе въ немъ мысли написать большой политическій трактатъ. Онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ соображеніемъ, что учрежденія Венеціи представляли нѣкоторыя сходныя черты съ учрежденіями его родины, Женевы. А это заставляетъ насъ предполагать, что и въ Венеціи Руссо продолжалъ быть озабоченнымъ тѣмъ, что происходило въ Женевѣ, и не прочь былъ принять посильное участіе въ выясненіи раздѣлявшихъ его согражданъ вопросовъ о характерѣ и предѣлахъ народнаго верховенства. Его удовольствія, какъ и его занятія важнѣйшими вопросами политики, были неожиданно прерваны ссорой съ посломъ Монтэгю, который дважды обращался къ совѣту государственныхъ инквизиторовъ съ требованіемъ объ удаленіи изъ Венеціи человѣка, служившаго ему секретаремъ [1]).

Вынужденное возвращеніе въ Парижъ сопровождалось не только встрѣчей съ Терезой Левассеръ, сдѣлавшейся подругой Руссо до самой его кончины, но и ознаменовано появленіемъ въ свѣтъ первыхъ трактатовъ, приковавшихъ къ Руссо вниманіе современниковъ.

---

[1]) О пребываніи Руссо въ Венеціи имѣется монографія Виктора Серизольи или, вѣрнѣе, собраніе имъ замѣтокъ и документовъ, касающихся этого періода жизни Руссо. Это собраніе издано было въ 1885 году Сосссюромъ. Мы узнаемъ изъ отпечатанныхъ въ немъ документовъ, что въ реестрѣ государственныхъ инквизиторовъ Руссо значится секретаремъ французскаго посла. Это показываетъ, что Монтэгю не имѣлъ права выражаться о немъ впослѣдствіи, какъ о человѣкѣ, состоявшемъ на его личной службѣ, какъ о своего рода лакеѣ.

Онъ сотрудничаетъ въ „Энциклопедіи“, продолжая въ то же время занятія древними языками, въ томъ числѣ—греческимъ. Наслѣдство, полученное имъ въ это время отъ отца, позволяетъ ему вести безбѣдное существованіе. Въ письмахъ къ госпожѣ Варенсъ, которой онъ отослалъ часть денегъ, доставшихся ему послѣ смерти родителя, мы читаемъ: „Я букинизирую, я учусь греческому; вмѣсто того, чтобы писать сатирическія статьи противъ моихъ враговъ, я доставляю имъ статьи въ словарь. Одно стоитъ другого“. Словарь, о которомъ идетъ рѣчь, это—„лексиконъ искусствъ и наукъ“, иначе—„Великая энциклопедія“. (Письмо отъ 17 января 1749 г.). Въ немъ глухо говорится о врагахъ, которымъ Руссо поставляетъ статьи, и о желчи, благодаря которой у него являются не только сила, но также умъ и знаніе. Это—едва ли не первый намекъ на тѣ несогласія, которыя должны были окончиться разрывомъ и вызвать до нѣкоторой степени несчастія всей жизни Руссо. Намъ не безынтересно узнать, чѣмъ обусловлены были эти разногласія. Основаніе къ нимъ едва ли дало нескромное вмѣшательство Дидро и его друзей во внутреннюю жизнь Руссо и желаніе ихъ положить конецъ связи, которая казалась имъ неподходящей и недостойной женевскаго философа. Причины лежали глубже. Въ обществѣ Дидро, Гримма, Гольбаха, онъ нашелъ людей, оскорбляющихъ его религіозныя чувства. Какъ сильно ни было его влеченіе по крайней мѣрѣ къ первому изъ названныхъ писателей, но радикальныя разногласія съ нимъ по основнымъ вопросамъ жизни и духа не замедлили сказаться. Едва ли какой документъ способенъ пролить большій свѣтъ на дѣйствительную причину разрыва будущаго автора „Исповѣди савойскаго викарія“ со сторонниками матеріалистической философіи, какими были энциклопедисты, какъ посланіе, обращенное Руссо къ Вольтеру 18 августа 1756 года по поводу изданной фернейскимъ философомъ поэмы о лиссабонскомъ землетрясеніи. Описывая это бѣдствіе, Вольтеръ спрашивалъ

себя, оправдываетъ ли оно вѣру въ Божественный Промыслъ и не даетъ ли основанія видѣть въ Богѣ далеко не То всеблагое Существо, какимъ намъ Его рисуютъ. Направляя на эти мысли свою критику, Руссо не прочь обвинить энциклопедистовъ въ нетерпимости, равной той, какой держатся священники. Систематическое отрицаніе Бога и Провидѣнія навязывается философами всѣмъ и каждому. „Нельзя,—пишетъ Руссо,—спорить съ ними объ этихъ предметахъ, такъ какъ тѣ доказательства, которыя подсказываются намъ чувствомъ, лишены для нихъ всякой демонстративной силы. Невозможно, конечно, считать разумными разсужденія въ родѣ слѣдующихъ: вы должны внушить тому-то такія мысли, потому что я въ нихъ увѣренъ; но не лучше ли и имъ перестать спорить съ нами объ этихъ предметахъ... Безчеловѣчно волновать мирныя души и попусту приводить людей въ отчаяніе, когда то, чему они учатъ, не можетъ считаться ни вполнѣ доказаннымъ ни вполнѣ полезнымъ. Я думаю, подобно вамъ, что не слѣдуетъ нападать чрезмѣрно на предразсудки, которые волнуютъ общество, и что нельзя не относиться съ уваженіемъ къ религіи, которая поддерживаетъ его“.

Въ другомъ мѣстѣ того же письма Руссо настаиваетъ на томъ, что нетерпимость, все равно религіозную или антирелигіозную, слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ мнѣній, противъ которыхъ долженъ вооружиться рекомендуемый имъ кодексъ общественной нравственности и гражданской религіи. Вообще это посланіе отъ августа 1756 года является весьма важнымъ документомъ при рѣшеніи вопроса о томъ, къ какому времени отнести моментъ окончательнаго сложенія доктрины Руссо объ отношеніи гражданской власти къ вѣрѣ. Въ письмахъ къ Вольтеру Руссо высказываетъ тѣ самыя положенія на этотъ счетъ, какія развиты будутъ имъ въ его „Общественномъ договорѣ“ и въ „Эмилѣ“. Сходство касается не одной только общей темы, но и самаго порядка ея развитія. Заявленія въ родѣ того, что вѣра

должна быть свободной и что всякое правительство по природѣ принуждено ограничиться свѣтскими вопросами, сопровождаются нападками на „софиста“ Гоббса, что не мѣшаетъ Руссо заимствовать у него мысль о символѣ вѣры, который законъ можетъ предписать гражданамъ [1]). Самое содержаніе этого гражданскаго катехизиса, какъ понимаетъ его Руссо въ письмѣ къ Вольтеру, сходится съ тѣмъ, какое онъ дастъ ему въ „Общественномъ договорѣ“. „Во всемъ, что не касается принциповъ морали и естественнаго права, — пишетъ Руссо, — гражданскій символъ вѣры долженъ заключать въ себѣ только правила, исключающія терпимость къ извѣстнымъ ученіямъ. Могутъ существовать религіи, подкапывающіяся подъ самыя основы общества. Необходимо искоренить ихъ, чтобы обезпечить миръ государству. Изъ догматовъ вѣры, подлежащихъ проскрипціи нетерпимость—самый ненавистный. Ее надо упразднить въ самомъ ея источникѣ. Наиболѣе кровожадные фанатики мѣняютъ свое направленіе; смотря по обстоятельствамъ, они проповѣдуютъ терпимость и снисхожденіе, когда сила не на ихъ сторонѣ. Я называю принципіально нетерпимымъ всякаго человѣка, который воображаетъ, что нельзя быть добродѣтельнымъ, не вѣря во все то, во что онъ вѣритъ, и безжалостно преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ разно съ нимъ. Что же касается до нетерпимыхъ людей безъ вѣры которые хотятъ заставить народъ обойтись безъ нея, я бы подвергъ ихъ изгнанію такъ же строго, какъ и тѣхъ, которые хотятъ, чтобы вѣрили тому, во что они вѣрятъ. Ревность, съ которой они постановляютъ свои рѣшенія, желчность, какую они обнаруживаютъ въ своихъ сатирахъ, доказываютъ, что имъ недостаетъ только сдѣлаться господами, чтобы преслѣдовать вѣрующихъ не менѣе жестоко, чѣмъ сами они преслѣдуются фанатиками. Гдѣ тотъ мирный и кроткій чело-

---

[1]) „Il y a, je l'avoue, une sorte de profession de foi que les lois peuvent imposer“.

вѣкъ, который согласенъ допустить, чтобы другіе думали не такъ, какъ онъ? Вы, конечно, не найдете его между людьми набожными, но онъ не зародился еще и между философами". Въ приведенномъ отрывкѣ, съ явнымъ намекомъ на нетерпимость энциклопедистовъ, заключаются и основы той гражданской религіи, какую Руссо, подъ страхомъ казни, признаетъ обязательной для гражданъ. Руссо развиваетъ далѣе свою мысль, говоря: „Я желалъ бы, чтобы въ каждомъ государствѣ существовалъ кодексъ нравственности, или родъ гражданскаго символа вѣры; въ немъ изложены были бы тѣ общественныя начала, которыя всѣ должны признать, а рядомъ съ этимъ и тѣ нетерпимые принципы, которые всѣ должны отвергнуть не за ихъ безбожіе, а за колебаніе ими общественныхъ основъ (non comme impies, mais comme séditieuses). Всякая религія, согласная съ этимъ кодексомъ, могла бы быть допущена, а не согласная— подвергнута преслѣдованію. Каждый воленъ былъ бы также не имѣть другой вѣры, кромѣ самаго кодекса". Руссо пресерьезно приглашаетъ Вольтера взяться за редактированіе этого кодекса въ стихотворной формѣ: это позволило бы легче сохранить въ умѣ его предписанія.

Если сопоставить только что приведенный отрывокъ съ восьмой главой седьмой книги „Общественнаго договора"— „О гражданской религіи", то въ ней мудрено будетъ найти не только мысли, но и выраженія, близкія къ тѣмъ, какія заключаетъ въ себѣ письмо къ Вольтеру. „Каждый можетъ держаться любыхъ мнѣній, безъ того, чтобы за сувереномъ признано было право какого-либо вмѣшательства; вѣдь онъ не обладаетъ компетенціей и по дѣламъ того свѣта", значится въ этой главѣ. А въ письмѣ къ Вольтеру: „Я негодую, какъ и вы, при мысли, что вѣра каждаго не пользуется полной свободой, и что человѣкъ смѣетъ контролировать то, что происходитъ внутри нашего сознанія, куда никто не можетъ проникнуть. Имѣютъ ли короли этого свѣта право контроля за міромъ загробнымъ?.. Нѣтъ". За

этимъ заявленіемъ о вѣротерпимости идетъ въ „Общественномъ договорѣ“, какъ въ письмѣ къ Вольтеру, обратное предложеніе, которое Руссо формулируетъ слѣдующимъ образомъ въ восьмой главѣ четвертой книги. „Итакъ, имѣется символъ вѣры чисто гражданскій, статьи котораго устанавляются сувереномъ не какъ догматы религіи, а какъ принципы общежитія; безъ признанія ихъ нельзя быть ни добрымъ гражданиномъ ни вѣрнымъ подданнымъ. Не принуждая никого вѣрить въ нихъ, суверенъ въ правѣ изгнать изъ предѣловъ государства всякаго, кто имъ не вѣритъ. Онъ можетъ изгнать его не какъ безбожника, а какъ человѣка необщежительнаго, какъ неспособнаго искренно любить законы, справедливость и жертвовать жизнью своимъ обязанностямъ. Если кто послѣ публичнаго признанія этихъ догматовъ ведетъ себя, какъ будто бы онъ имъ не вѣрилъ, его слѣдуетъ казнить смертью (qu'il soit puni de mort). Онъ совершилъ величайшее изъ всѣхъ преступленій: онъ солгалъ передъ лицомъ закона. Догматы гражданской религіи должны быть малочисленны и отличаться простотою и опредѣленностью. Они не нуждаются ни въ объясненіяхъ ни въ комментаріяхъ. Бытіе Божества, могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго, предусмотрительнаго и заботливаго; будущая жизнь, счастье праведныхъ, наказаніе неправедныхъ; святость общественнаго договора — таковы, — объявляетъ Руссо, — положительные догматы. Что же касается до догматовъ отрицательныхъ, т.-е. недопустимыхъ, то я свожу ихъ къ одному—къ нетерпимости“. Руссо, очевидно, даетъ въ приведенномъ отрывкѣ только развитіе мыслей, переданныхъ болѣе сжато въ письмѣ къ Вольтеру. Сходство въ самомъ ходѣ аргументаціи и нерѣдко въ самыхъ выраженіяхъ позволяетъ думать, что оба текста взяты изъ одного общаго источника; такимъ, вѣроятно, и были тѣ „Политическія учрежденія“, отъ которыхъ до насъ дошли только разрозненные отрывки и изъ которыхъ Руссо, по собственному его заявленію, извлекъ текстъ своего

„Общественнаго договора“. Благодаря изданію Дрейфусъ-Бриссака и, ранѣе его, проф. Алексѣева, мы располагаемъ этой первоначальной рукописью въ ея полномъ видѣ и имѣемъ, слѣдовательно, возможность положительно высказаться по вопросу, заслуживаетъ ли признанія неоднократное заявленіе Руссо, что вопросы политики интересовали его съ самаго начала, и что имъ онъ намѣренъ былъ посвятить главный трудъ своей жизни. Въ этой ранней редакціи Руссо говоритъ о гражданской религіи то же, что и въ отпечатанномъ имъ текстѣ. Только въ нѣкоторыхъ частностяхъ мысль Руссо выступаетъ еще съ большей опредѣленностью. Такъ, онъ требуетъ произнесенія всякимъ гражданиномъ, въ присутствіи сановника, гражданскаго символа вѣры и признанія имъ всѣхъ его догматовъ. „Если кто не подчинится этому требованію, его надлежитъ исключить изъ государства; но онъ въ правѣ унесть все свое имущество. Тотъ же, кто разъ признавши догматы, позволитъ себѣ нарушить ихъ въ своемъ поведеніи, подвергается смертной казни“.

О нетерпимости Руссо высказываетъ также въ этомъ первоначальномъ текстѣ нѣсколько добавочныхъ мыслей, въ родѣ слѣдующей, напримѣръ: „Нетерпимый — человѣкъ въ духѣ Гоббса; нетерпимые не могутъ никогда жить въ мирѣ между собою“ и т. д. Руссо еще опредѣленнѣе развиваетъ свою основную точку зрѣнія, одинаково не согласную и съ невмѣшательствомъ государства въ вопросы вѣры и культа, и съ фактомъ навязыванія имъ извѣстной только вѣры подданнымъ, когда говоритъ: „Государство будетъ имѣть свой культъ, но не будетъ враждебно никакому другому культу. Національной религіи не будетъ существовать; необходимо терпѣть всѣ религіи, подъ условіемъ, чтобы ихъ догматы не заключали въ себѣ ничего, противнаго обязанностямъ гражданъ“. Хотя ни въ окончательной редакціи ни въ первоначальномъ текстѣ Руссо ни словомъ не обмолвился о Спинозѣ, но каждому, кто знакомъ съ

точкой зрѣнія послѣдняго на отношенія государства къ вѣроисповѣданіямъ, не можетъ не броситься въ глаза необыкновенная близость положеній, защищаемыхъ обоими писателями. Вѣдь Спиноза также требуетъ и терпимости къ вѣрованіямъ и признанія свободы культа только за тѣми религіями, которыя не противорѣчатъ миру и сохраненію общественнаго порядка въ государствѣ. Его такъ же, какъ и Руссо, тревожитъ мысль о томъ, что нетерпимость ведетъ къ нарушенію внутренняго спокойствія, почему онъ и требуетъ изгнанія изъ предѣловъ государства всѣхъ нетерпимыхъ сектъ. Руссо идетъ только далѣе въ развитіи мыслей Спинозы, утрируетъ ихъ, требуя, напримѣръ, казни для лицъ, нарушившихъ присягу догматамъ гражданскаго катехизиса. Но въ исходныхъ моментахъ доктрины сходство между ними полное, такъ какъ обоимъ одинако чуждо представленіе о свободной церкви въ свободномъ государствѣ, и такъ какъ оба испытываютъ на себѣ вліяніе одного и того же опасенія: создать рядомъ со свѣтскою равную ей по значенію духовную власть, отъ нея независимую. Сознательно или безсознательно каждый изъ нихъ испытываетъ на себѣ вліяніе: одинъ—соединенія власти духовной со свѣтской въ Моисеевомъ законодательствѣ, другой—слiянія обѣихъ властей въ республикѣ Кальвина. Спиноза желаетъ избавить своихъ соотечественниковъ отъ возстановленія всемогущества римскихъ папъ, иго которыхъ они свергли своимъ переходомъ къ протестантизму. Руссо не менѣе его озабоченъ искорененіемъ власти духовенства,—власти, о которой онъ еще въ письмѣ къ Вольтеру выражался слѣдующимъ образомъ: „Первые, скомпрометировавшіе дѣло Божіе, были священники, не терпящіе, чтобы что-либо въ мірѣ происходило согласно естественному порядку, и повинные также въ неспособности допустить, чтобы другіе могли вѣровать не тому, во что они вѣрятъ“. Въ первоначальномъ текстѣ „Общественнаго договора“ онъ въ длинномъ отрывкѣ показываетъ ближайшую

причину своего нежеланія признать за духовенствомъ власть, независимую отъ государства. Въ краснорѣчивой страницѣ онъ напоминаетъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, какимъ подверглись протестанты во Франціи благодаря нетерпимости католическаго священства. Онъ напоминаетъ о послѣдствіяхъ отмѣны нантскаго эдикта, которая лишила протестантовъ, какъ онъ выражается, возможности быть не только гражданами, но и людьми. „Вѣдь гугенотъ не можетъ жениться, не отказавшись отъ своей вѣры. Къ его женѣ относятся какъ къ наложницѣ, а къ его дѣтямъ—какъ къ незаконнорожденнымъ". Отсюда понятное желаніе кальвиниста Руссо положить конецъ такимъ порядкамъ, при которыхъ, какъ онъ выражается, священники являются сановниками государства. „Собраніе духовенства во Франціи,—пишетъ онъ,—въ моихъ глазахъ дѣйствительные штаты націи". Предложеніе изгнать изъ государства всякаго, объявляющаго: нѣтъ спасенія внѣ церкви, стоитъ у Руссо, въ свою очередь, въ связи съ вѣрной оцѣнкой тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какія ведетъ за собою признаніе власти за духовенствомъ. Она терпима только въ теократіяхъ; она мыслима только подъ условіемъ признанія, что церковь и есть государство. Но, разумѣется, факты, на которые Руссо справедливо жалуется, факты, состоящіе въ предоставленіи священникамъ правъ гражданскихъ чиновниковъ по заключенію браковъ и составленію актовъ состоянія, не только не вытекаютъ изъ признанія принципа свободной церкви въ свободномъ государствѣ, но, наоборотъ, становятся невозможными при условіи этого признанія. Ни Спиноза ни Руссо не способны были возвыситься до этой точки зрѣнія, очевидно, потому, что дѣйствительность не представляла еще ничего способнаго породить въ нихъ мысль о защитѣ свободы совѣсти иначе, какъ подъ условіемъ покровительства свѣтской власти. Во времена Спинозы протестантскія страны довольствовались рѣшеніемъ вестфальскаго конгресса оставить въ рукахъ главы свѣтской власти выборъ

религіи для подданныхъ; религія государя должна была пользоваться признаніемъ и со стороны всѣхъ, кто жилъ подъ его властью (cujus regio ejus religio). Руссо не имѣлъ передъ глазами другихъ образцовъ, кромѣ сліянія государства съ церковью въ основанной Кальвиномъ женевской республикѣ, или подчиненія государства церкви, требуемаго папами и достигаемаго даже въ такой могущественной монархіи, какъ Франція, фактомъ надѣленія служителей церкви правомъ контроля за рожденіями и браками протестантовъ. Обоимъ не представлялось другого исхода изъ нетерпимости однихъ и попытокъ низверженія государства другихъ, кромѣ сведенія числа обязательныхъ догматовъ къ немногимъ положеніямъ, столько же гражданскимъ, сколько религіознымъ, или точнѣе, настаивающимъ на признаніи извѣстныхъ религіозныхъ истинъ, какъ гарантіи гражданской добродѣтели и сохраненія государственнаго порядка. Внѣ этихъ догматовъ, безъ которыхъ казался имъ немыслимымъ внутренній міръ, всѣ другіе могли быть одинаково терпимы, и нетерпимость изгонялась навсегда изъ предѣловъ государства, въ виду ея антиобщественности. Но благодаря внутреннему противорѣчію самой доктрины, зло, отъ котораго они желали избавить государство, находило въ немъ же самомъ ближайшую поддержку, и гражданская религія не менѣе откровенно давала поводъ къ преслѣдованіямъ и казнямъ.

Мы остановились такъ подробно на анализѣ письма Руссо къ Вольтеру, такъ какъ эпоха его составленія знаменуетъ собою начало того кризиса, благодаря которому Руссо, испытавшій на себѣ, какъ онъ самъ говоритъ, вліяніе Дидро и, въ меньшей степени, другихъ энциклопедистовъ, разорвалъ съ ними прежнюю связь и изъ сотрудника сдѣлался противникомъ. Это письмо важно еще тѣмъ, что отвѣтомъ на него явился извѣстный „Кандиръ“, т.-е. самая остроумная и рѣзкая сатира на оптимизмъ, съ какимъ Руссо смотрѣлъ на устройство міра Божественною силою.

Говорить о Руссо какъ объ оптимистѣ можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ, если вспомнить, что въ немъ мы имѣемъ автора „Мемуаровъ о вредѣ науки и искусствъ“ и изобразителя всѣхъ печальныхъ послѣдствій общественнаго неравенства. Приписать такому человѣку фразу: „Все прекрасно въ наилучшемъ изъ міровъ“, можно только подъ условіемъ предать забвенію его основную посылку, служащую начальной фразой Эмиля: „Tout est bien en sortant des mains de l'auteur des choses, tout dégénère entre les mains de l'homme“ (все прекрасно при выходѣ изъ рукъ Божіихъ, все извращается въ рукахъ человѣческихъ). Это — та мысль, какую Руссо развиваетъ и въ своемъ посланіи къ Вольтеру, говоря: „Я не вижу, чтобы можно было найти источникъ нравственнаго зла въ комъ иномъ, какъ не въ человѣкѣ, въ человѣкѣ свободномъ, усовершенствованномъ и потому—извращенномъ“. Это—то самое положеніе, которое красной нитью проходитъ и въ обоихъ „Разсужденіяхъ“ и въ „Трактатѣ о воспитаніи“. Оно принадлежитъ къ числу коренныхъ мыслей Руссо, и потому позволено сомнѣваться въ вѣрности показанія Дидро, что Руссо на первыхъ порахъ не зналъ, въ какомъ смыслѣ отвѣтить на запросъ дижонской академіи о томъ, какое вліяніе оказали на людей наука и искусство — въ положительномъ или отрицательномъ. Дидро утверждаетъ даже, что совѣтъ высказаться въ послѣднемъ смыслѣ данъ былъ Руссо ни кѣмъ другимъ, какъ имъ самимъ, а Руссо даетъ нѣкоторый поводъ повѣрить такому заявленію своимъ замѣчаніемъ, что мрачнымъ и отрицательнымъ отношеніямъ къ дѣйствительности, какое замѣтно въ его первыхъ трудахъ, онъ обязанъ вліянію Дидро. Но вся эта аргументація падаетъ при знакомствѣ съ первоначальнымъ текстомъ „Общественнаго договора“ и другими отрывками, уцѣлѣвшими отъ уничтоженнаго будто бы Руссо трактата „О политическихъ учрежденіяхъ“. Мы уже встрѣчаемъ въ немъ многія изъ тѣхъ мыслей, какія нашли себѣ развитіе въ „Разсужденіяхъ“,

какъ и въ статьѣ „О политической экономіи". И такъ какъ этотъ первоначальный текстъ написанъ ранѣе письма къ Вольтеру, то можно думать, что въ немъ выступаютъ мысли, раздѣляемыя Руссо еще до обнародованія его „Разсужденій". Г. Алексѣевъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, что содержаніе второй главы этой первоначальной редакціи обезоруживаетъ тѣхъ критиковъ Руссо, которые видятъ въ „Общественномъ договорѣ" отреченіе отъ принциповъ, развитыхъ въ „Разсужденіи о неравенствѣ". Въ ней можно найти выраженія мыслей, которыя цѣликомъ могли бы войти въ это „Разсужденіе". Руссо задается вопросомъ, гдѣ искать источникъ политическихъ учрежденій? И отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: „Сила человѣка настолько согласована съ его естественными потребностями и первоначальнымъ состояніемъ, что достаточно измѣненія въ этомъ послѣднемъ и увеличенія потребностей, чтобы помощь себѣ подобныхъ дѣлалась необходимой. Когда же желанія человѣческія распространяются на всю природу, удовлетвореніе ихъ становится возможнымъ только при участіи всего человѣческаго рода. Такимъ образомъ причины, которыя дѣлаютъ насъ злыми, обращаютъ насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рабовъ и, вызывая наше подчиненное состояніе, извращаютъ еще нашу природу" [1]). Совершенно согласно съ этой основной точкой зрѣнія о порчѣ человѣческой природы благодаря общественной жизни, сдѣлавшейся неизбѣжной въ виду безграничности человѣческихъ аппетитовъ, стоятъ у Руссо еще слѣдующія мысли: „Наши потребности сближаютъ насъ по мѣрѣ того, какъ страсти разъединяютъ. И чѣмъ болѣе мы становимся врагами нашихъ ближнихъ, тѣмъ труднѣе намъ обойтись безъ нихъ". Въ первоначальномъ текстѣ „Общественнаго договора" легко также открыть слѣды испытанныхъ Руссо литературныхъ

---

1) „C'est ainsi que les mêmes causes qui nous rendent méchants nous rendent encore esclaves et nous asservissent en nous dépravant".

воздѣйствій. Вотъ, напримѣръ, мысль, цѣликомъ воспроизводящая основной тезисъ Гоббса и Спинозы: „Ошибочно думать, что въ состояніи независимости (предшествующемъ государственному общежитію), разумъ побуждалъ насъ содѣйствовать общему благу ради нашего личнаго. Частный интересъ не сливается съ общимъ; оба взаимно исключаютъ другъ друга". Что это, какъ не признаніе того положенія, что страсти господствуютъ надъ разумомъ въ состояніи, предшествующемъ установленію государства, что каждый имѣетъ столько правъ, сколько мощи, что изъ притязаній всѣхъ на все возникаетъ общее столкновеніе, и что человѣкъ человѣку волкъ? А все вѣдь это было высказано Гоббсомъ и Спинозой еще задолго до Руссо. Ссылки на Цицерона, на Гроція, Гоббса и Монтескьё, встрѣчаются не разъ въ анализируемомъ нами текстѣ, что позволяетъ судить, по крайней мѣрѣ, о чтеніи ихъ авторомъ „Общественнаго договора", который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не разъ составляетъ себѣ то или другое мнѣніе подъ вліяніемъ этихъ писателей или въ противность имъ; наконецъ изъ этого текста цѣлыя страницы перешли, какъ уже сказано, въ статью Руссо „О политической экономіи", въ которой впервые формулирована имъ доктрина о законѣ, какъ о выраженіи общей воли,—той самой общей воли, которая дла него является синонимомъ государственнаго суверенитета, и такъ же мало можетъ быть представлена другими, какъ и воля частнаго человѣка. Мы въ правѣ поэтому заключить, что въ моментъ составленія этого первоначальнаго текста у Руссо уже вполнѣ сложилась и та характерная черта его доктрины, по которой самодержавіе народное сказывается прежде всего въ законодательной власти, принадлежащей по праву одному народу. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою, въ моментъ появленія первыхъ „Разсужденій" Руссо о политикѣ, человѣка съ цѣльной и выработанной доктриной, — доктриной, явившейся плодомъ продолжительныхъ размышленій о причинахъ внутреннихъ

раздоровъ его соотечественниковъ, женевцевъ, и условіяхъ нормальнаго государственнаго порядка, способнаго положить конецъ этимъ раздорамъ. Эти размышленія привели Руссо къ сопоставленію историческаго развитія женевскихъ учрежденій и ихъ юридической природы съ венеціанскими порядками въ ихъ преемственномъ развитіи, порядками, представляющими съ ними, по его словамъ, много общаго. Они заставили его ознакомиться съ трактатами какъ древнихъ писателей о политикѣ, въ томъ числѣ Цицерона, такъ и наиболѣе выдающихся изъ новыхъ. Начиная отъ Макіавелли и Алтузія, на которыхъ имѣются ссылки въ печатномъ текстѣ „Общественнаго договора", онъ перечелъ всѣхъ крупнѣйшихъ представителей государствовѣдѣнія, писавшихъ на доступной ему латыни, какъ-то: Гроція и Спинозу, Сиднея и Пуффендорфа. Не прошло для него безслѣдно и то обновленіе науки права съ помощью болѣе сопоставительнаго, чѣмъ историко-сравнительнаго метода, которое связано съ именемъ автора „Духа законовъ" Монтескьё. Воспитанная въ равной мѣрѣ и жизненнымъ опытомъ и наблюденіями надъ прошлымъ и настоящимъ двухъ выдающихся аристократическихъ республикъ, вскормленная древней и новой политической мыслью, доктрина Руссо далеко не можетъ считаться исключительно дедукціей изъ немногихъ, самостоятельно открытыхъ имъ, апріорныхъ истинъ, а является видоизмѣненіемъ и развитіемъ той демократической теоріи договорнаго происхожденія государства и власти, зародыши которой можно открыть еще у писателей эпохи реформаціи, перенесшихъ въ область отношеній народа къ правителю феодальную теорію договора, связывающаго сюзерена съ вассалами. Эта теорія, воспринятая Алтузіемъ, развитая Гроціемъ, обновленная Гоббсомъ и обогащенная затѣмъ Спинозою наблюденіями надъ внутреннимъ устройствомъ и жизнью не только городскихъ, но и національныхъ республикъ, какъ Голландія, находитъ со стороны Руссо окончательную формули-

ровку. Это позволитъ ей перейти безъ существенныхъ измѣненій изъ XVIII въ XIX столѣтіе. Не только республикамъ, но и монархіямъ поставлено будетъ требованіе положить въ основу ихъ устройства большее или меньшее участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ; власть правителей найдетъ отнынѣ оправданіе себѣ въ народномъ согласіи; всякій суверенитетъ признанъ будетъ исходящимъ отъ націи, правители же, начиная съ монарха или президента и оканчивая низшими исполнительными органами,—не болѣе, какъ ея ставленниками и уполномоченными.

§ 3. Выяснивши, такимъ образомъ, генезисъ самой доктрины Руссо, представимъ ее въ возможно систематическомъ видѣ, пользуясь при этомъ въ равной степени и первымъ его „Разсужденіемъ", и текстомъ „Общественнаго договора", и той защитой высказанной въ немъ доктрины, какую представляютъ собою его „Письма съ Горы", и тѣми позднѣйшими попытками практическаго ея примѣненія къ реформѣ существовавшихъ въ его время конституцій, какія представляютъ его „Разсужденія объ учрежденіяхъ Польши", и совѣты, предложенные имъ по вопросу о сохраненіи или измѣненіи корсиканцами ихъ общественнаго и политическаго уклада. Мнѣ пришлось до нѣкоторой степени уже выполнить эту задачу во II-й части 1-го тома моего „Происхожденія современной демократіи".

Но въ этомъ сочиненіи я преслѣдовалъ нѣсколько иную цѣль, чѣмъ та, какая руководитъ мною нынѣ. Ученіе Руссо интересовало меня болѣе со стороны вліянія, оказаннаго имъ на сложеніе революціонной доктрины, чѣмъ со стороны его генетической связи со всѣмъ предшествующимъ движеніемъ въ области политической мысли, направленной къ выработкѣ доктрины народнаго верховенства. Правда, и въ „Происхожденіи современной демократіи" я подробно останавливался на вопросѣ о вліяніи, оказанномъ на Руссо писателями XVII и XVIII столѣтій, занимавши-

мися происхожденіемъ государства и власти. Я дѣлалъ также попытку сопоставить его взгляды съ мыслями, ранѣе его или одновременно съ нимъ высказанными наиболѣе выдающимися политическими теоретиками. Чего я не сдѣлалъ и не имѣлъ въ виду сдѣлать — это дать подробный комментарій на самый ходъ развитія мыслей Руссо какъ въ его главномъ трактатѣ о политикѣ, такъ и въ предшествующихъ ему „Разсужденіяхъ“ и слѣдующихъ за ними „Письмахъ съ Горы“.

Мнѣ приходится повторить многое изъ сказаннаго ранѣе. Во второмъ изданіи моей книги „О происхожденіи современной демократіи“ передачѣ одной доктрины Руссо посвящено ни болѣе ни менѣе, какъ сто шестнадцать страницъ. Я не имѣю въ виду воспроизвести ихъ здѣсь цѣликомъ. Мнѣ кажется болѣе полезнымъ отвлечься отъ сказаннаго раньше и, держась при интерпретаціи Руссо возможно близко къ тексту его сочиненій, отмѣтить то, что осталось, на мой взглядъ, недосказаннаго и противорѣчиваго въ его мысли. Какія, спрашивается, положенія „Общественнаго договора“ сдѣлались прочнымъ пріобрѣтеніемъ для политической философіи, какія остаются спорными, а какія кажутся мнѣ ложными? Но подробному отвѣту на эти вопросы я долженъ предпослать нѣсколько свѣдѣній о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ были написаны и обнародованы политическія сочиненія Руссо. Въ письмѣ отъ 1761 года, отправленномъ къ пріятелю въ Женевѣ, къ Мульту, Руссо говоритъ объ „Общественномъ договорѣ“, какъ о части большого труда, задуманнаго имъ за десять лѣтъ до того. Это обстоятельство даетъ намъ право полагать, что трактатъ о „Политическихъ учрежденіяхъ“, изъ котораго взятъ текстъ „Общественнаго договора“, начатъ былъ еще до прибытія Руссо въ Парижъ. Совпаденіе же высказанныхъ въ немъ взглядовъ съ тѣми, какіе мы нашли въ первыхъ по времени политическихъ стихотвореніяхъ Руссо, вполнѣ подкрѣпляетъ его утвержденіе и не позволяетъ

сомнѣваться въ томъ, что онъ дѣйствительно намѣревался посвятить себя, главнымъ образомъ, государствовѣдѣнію и тѣсно связанной съ нимъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, наукѣ о нравственности. Хотя Руссо и пишетъ, что все, невошедшее въ составъ „Общественнаго договора", было имъ уничтожено, но отрывки изъ этого трактата Штрекейзену-Мульту удалось найти въ невшательской библіотекѣ; сближая ихъ съ первоначальнымъ текстомъ „Общественнаго договора", съ нѣкоторыми одновременными мемуарами, написанными, но не обнародованными Руссо при жизни, какъ, напримѣръ, съ его „Письмами о добродѣтели и счастіи",—можно составить себѣ приблизительно понятіе о томъ, чѣмъ могъ быть этотъ трактатъ и какое мѣсто предстояло занять въ немъ разсужденію о происхожденіи государства путемъ общественнаго договора. Не ранѣе 1861 года обнародованы были эти отрывки. Приводя ихъ въ порядокъ, издатель руководствовался, главнымъ образомъ, тѣми сообщеніями, какія Руссо дѣлаетъ о своихъ „Политическихъ учрежденіяхъ" въ „Исповѣди". Въ девятой книгѣ онъ буквально говоритъ слѣдующее: „Изъ разныхъ сочиненій, мною подготовляемыхъ, то, надъ которымъ я задумывался издавна, которымъ я занимался съ наибольшей охотой, надъ которымъ я готовъ былъ работать всю жизнь, и которое, по моему мнѣнію, должно было увѣнчать мою репутацію, — были мои „Политическія учрежденія". 13—14 лѣтъ тому назадъ (что приблизительно сходится съ утвержденіемъ, что за 10 лѣтъ до письма къ Мульту, отъ 1761 года, Руссо уже приступилъ къ этому трактату) [1]) въ быт-

[1]) Исповѣдь появилась впервые въ 1781 году, но рукопись ея передана была Мульту ея авторомъ еще въ 1778 году; самое же сочиненіе начато впервые во время пребыванія Руссо въ Англіи, какъ видно изъ слѣдующаго его письма отъ 20 іюля 1766 года. „Въ дни дождливые, обычные въ этой странѣ, мое занятіе—описывать мою жизнь, не внѣшнюю, какъ дѣлаютъ другіе, а истинную—жизнь моей души, исторію моихъ сокровеннѣйшихъ чувствованій". (Письмо къ милорду Маршалу). Итакъ, въ 1766 году, или въ слѣдующемъ, Руссо, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, могъ указывать на 14

ность мою въ Венеціи я уже остановился на мысли написать такое сочиненіе, такъ какъ я имѣлъ возможность отмѣтить недостатки этого, столь прославленнаго правительства. Съ этого времени,—пишетъ онъ,—мои взгляды весьма расширились, благодаря историческому изученію нравственности. Я увидѣлъ (и это признаніе въ высшей степени важно для правильнаго пониманія всей концепціи Руссо), что все рѣшительно зависитъ отъ политики. Какъ бы люди ни старались о противномъ, никакой народъ никогда не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлала его природа правительства". Руссо раздѣляетъ, такимъ образомъ, ходячее представленіе своихъ современниковъ,—представленіе общее ему, между прочимъ, съ Монтескьё, что всѣ проявленія общественности и въ томъ числѣ нравы стоятъ въ ближайшей связи съ природою государственнаго устройства. Какъ въ настоящее время центральный интересъ къ общественнымъ реформамъ сдѣлалъ популярной ту точку зрѣнія, что въ экономикѣ надо искать объясненія и политики, и морали, и идеологіи, такъ точно перевѣсъ политическихъ заботъ надъ всѣми прочими заставлялъ людей XVIII вѣка сводить все къ политикѣ и ею объяснять и нравы и самый строй хозяйственной жизни отдѣльныхъ націй. Руссо продолжаетъ развитіе своей мысли, говоря: „Великій вопросъ о наилучшей формѣ правленія сводится, въ моихъ глазахъ, къ слѣдующему: какова природа правительства, способнаго создать народъ наиболѣе добродѣтельный (former le peuple le plus vertueux), народъ наиболѣе просвѣщенный, наиболѣе мудрый, наиболѣе совершенный, нако-

лѣтъ, какъ на время, отдѣляющее эпоху, когда впервые задуманы были имъ „Политическія учрежденія", отъ той, когда изданъ былъ въ свѣтъ трактатъ объ „Общественномъ договорѣ". Разнорѣчія между письмомъ къ Мульту и свидѣтельствомъ „Исповѣди",—разнорѣчія, касающіяся только времени первоначальнаго замысла, легко объясняются и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ письмѣ къ Мульту Руссо имѣетъ въ виду моментъ, когда приступлено было къ самой редакціи. Въ „Исповѣди" же въ болѣе общей формѣ говорится о зарожденіи первоначальной мысли объ этомъ трактатѣ въ бытность Руссо въ Венеціи.

нецъ, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ?“ Итакъ, Руссо даже въ 1766 году, когда приступлено было имъ къ редактированію „Исповѣди“, еще вѣритъ въ то, что правительственное устройство является факторомъ, вызывающимъ въ населеніи государства эти высшія нравственныя качества.

„Мнѣ казалось,— продолжаетъ онъ,— что этотъ вопросъ, въ свою очередь, очень тѣсно связанъ съ другимъ: каково то правительство, которое всего ближе стоитъ по своей природѣ къ законамъ? Отсюда, естественно, возникала мысль о томъ, что̀ такое собственно законъ, а за нею и цѣпь другихъ мыслей не меньшей важности. Я видѣлъ, что все это ведетъ меня къ открытію великихъ истинъ, полезныхъ для человѣческаго рода, но въ особенности для моего отечества, въ которомъ во время предпринятаго мною путешествія я не нашелъ желательной ясности въ пониманіи и строгости въ исполненіи законовъ и соблюденіи свободы. Я думалъ, что этимъ косвеннымъ путемъ мнѣ удастся дать моимъ соотечественникамъ недостающее имъ представленіе, не задѣвая въ то же время ихъ самолюбія, и что они простятъ мнѣ то, что въ эти вопросы мнѣ пришлось заглянуть нѣсколько глубже ихъ самихъ“.

Приведенное мѣсто весьма важно не только потому, что объясняетъ ближайшій мотивъ, побудившій Руссо написать трактатъ „О политическихъ учрежденіяхъ“, но и потому, что указываетъ тотъ логическій путь, какому слѣдовала его мысль при рѣшеніи вопроса, отъ чего зависятъ недостатки такого аристократическаго правительства, какъ венеціанское или женевское. Государству, нравственно испорченному или начинающему испытывать такую порчу, Руссо желалъ бы противопоставить другое, способное своими учрежденіями сдѣлать народъ добродѣтельнымъ, просвѣщеннымъ, мудрымъ.

Такимъ государствомъ онъ считаетъ, выражаясь языкомъ современныхъ политиковъ государство закономѣрное,—

государство, въ которомъ правительство всегда держалось бы закона. Но тутъ сразу въ его умѣ возникаетъ вопросъ: что же такое и самый законъ? Вопросъ, на который онъ и отвѣтитъ въ своемъ „Общественномъ договорѣ“, говоря: „Законъ есть выраженіе общей воли“. Итакъ, изъ поставленныхъ имъ задачъ нашли себѣ осуществленіе въ напечатанномъ трактатѣ двѣ важнѣйшія. Рѣшенъ былъ вопросъ о природѣ закона, и указаны тѣ условія, при которыхъ правительство остается въ возможно тѣсной связи съ законами. Руссо полагаетъ, какъ мы увидимъ, что это мыслимо только подъ условіемъ обратить правителей въ народныхъ уполномоченныхъ, призванныхъ исполнять общую волю, т.-е. законъ. Остались незатронутыми или только слегка затронутыми такія проблемы, какъ та, на которой прежде всего остановилась мысль Руссо: какова природа правительства, „творящаго наилучшихъ гражданъ?“—вопросъ, который Руссо считаетъ связаннымъ съ другимъ: какое правительство всего ближе стоитъ къ закону? Мы не находимъ также въ отпечатанномъ текстѣ „Общественнаго договора“ отдѣльныхъ звеньевъ той цѣпи вопросовъ, которые связаны съ опредѣленіемъ природы закона. Не даютъ ли отпечатанные фрагменты, вмѣстѣ съ текстомъ первой редакціи „Общественнаго договора“, а также неизданными отрывками изъ „Разсужденія объ источникѣ неравенства“, возможности пополнить эти пробѣлы? Сдѣлаемъ попытку рѣшить этотъ вопросъ. Согласно заявленію Руссо, встрѣчающемуся въ „Исповѣди“, его трактатъ долженъ былъ начаться съ постановки не столько политической, сколько нравственной проблемы. Я считаю поэтому весьма правдоподобнымъ, что найденный Мульту отрывокъ объ условіяхъ народнаго счастія долженъ былъ открыть собою все сочиненіе. Въ написанномъ рукою Руссо перечнѣ темъ, текстъ котораго отпечаталъ Мульту, этому предмету соотвѣтствуетъ болѣе общее заглавіе—„О величіи націи“. Я полагаю, однако, что открытый фрагментъ заключаетъ въ себѣ лишь часть тѣхъ мыс-

лей, которыя должны были найти развитіе въ текстѣ всего сочиненія. Другія мысли, также относящіяся къ этому предмету и не противорѣчащія, а скорѣе дополняющія то, что мы находимъ въ интересующемъ насъ отрывкѣ, нашли выраженіе себѣ въ письмахъ Руссо „О добродѣтели и счастіи". О нихъ говорится въ перепискѣ Руссо въ годъ и мѣсяцъ, непосредственно предшествующіе изданію „Общественнаго договора". Разсужденіе о томъ, что̀ такое добродѣтель, очевидно, должно было войти въ составъ другого: о томъ, какъ государство можетъ сдѣлать народъ добродѣтельнымъ. И вотъ почему, возстановляя ходъ мыслей Руссо, я считаю возможнымъ пользоваться этими письмами въ такой же степени, какъ открытымъ Мульту отрывкомъ.

Руссо не разъ высказываетъ то положеніе, что лучшимъ средствомъ рѣшить вопросъ, что хорошо и что дурно,— это, какъ онъ выражается, заглянуть въ собственную душу. Онъ даетъ подобный совѣтъ неизвѣстному юношѣ, желавшему сдѣлаться его ученикомъ. Неудивительно поэтому, если въ почти одновременно написанныхъ „Письмахъ о добродѣтели и счастіи" мы находимъ снова заявленіе о пользѣ прислушиваться къ внутреннему голосу, говорящему всѣмъ сердцемъ (Écoutez cette voix secrète qui parle à tous les coeurs). Руссо отказывается отъ метафизическихъ разсужденій на тему о добродѣтели. Самъ вопросъ таковъ, что рѣчь идетъ больше о чувствованіи, нежели о воспріятіи. „Природа надѣлила насъ чувствованіемъ, — пишетъ Руссо,— а не истинами" [1]). Методъ, котораго онъ намѣренъ держаться, сводится поэтому къ слѣдующему.

Изучая свои естественныя склонности, Руссо признаетъ ихъ истинными (droits) и видитъ въ нихъ отраженіе человѣка добродѣтельнаго. „Я не могъ бы,—пишетъ онъ,—сказать вамъ, что такое добродѣтельный человѣкъ, иначе, какъ объяснивши, чѣмъ бы я желалъ быть. Я желалъ бы

---

[1]) „La nature nous a doués de sentiments et non de lumières".

имѣть душу, достаточно сильную, чтобы всегда поступать справедливо, и достаточно чувствительную, чтобы всегда любить то, что хорошо. Но что справедливо и что хорошо? На это не даетъ отвѣта никакая философія. Удовольствуемся поэтому однимъ: прислушаемся къ тому, что говоритъ намъ на этотъ счетъ природа". Обращаясь такимъ образомъ къ тому пріему, который и въ настояще время извѣстенъ въ психологіи подъ терминомъ внутренняго опыта, Руссо высказываетъ нѣкоторыя положенія, которыя едва ли встрѣтятъ отпоръ со стороны философовъ, отрицающихъ внутренній опытъ, какъ средство достигнуть научнаго познанія.

Такъ, онъ утверждаетъ, напр., что внѣ общества нѣтъ ни порока ни добродѣтели, — мысль, которую охотно признаютъ тѣ изъ современныхъ соціологовъ, которые, какъ, напр., Е. де-Роберти, видятъ въ нравственности порожденіе общежитія. „Мнѣ кажется, — пишетъ Руссо, — что все, что есть нравственнаго во мнѣ, имѣетъ всегда отношеніе къ тому, что лежитъ внѣ меня, и что я не имѣлъ бы ни порока ни добродѣтели, если бы всегда жилъ одинъ. Руссо отрицаетъ возможность найти человѣка, который бы ничѣмъ не былъ обязанъ обществу. Человѣкъ не можетъ родиться, жить и сохранять свое существованіе въ средѣ общества безъ того, чтобы не быть у него въ долгу. Не будемъ смотрѣть на себя, какъ на тѣхъ первобытныхъ вымышленныхъ людей, которые якобы ни въ комъ не нуждались, такъ какъ природа сама все имъ доставляла"—очень интересное положеніе, бросающее свѣтъ на дѣйствительное отношеніе Руссо къ ученію о естественномъ состояніи. Онъ, видимо, не допускаетъ той изолированности первобытныхъ людей, какую предполагали, напр., Спиноза или Гоббсъ въ періодѣ, предшествующемъ возникновенію государства. „Природа, — говоритъ онъ, — отказалась отъ своей функціи доставлять людямъ все необходимое, какъ только мы сами присвоили себѣ ихъ. Человѣкъ общежительный слишкомъ

слабъ, чтобы обойтись безъ другихъ; онъ во всемъ нуждается отъ рожденія до смерти. Богатый и бѣдный равно не могли бы существовать, не получая ничего отъ другихъ“ [1]). Въ тѣхъ же „Письмахъ о добродѣтели и счастіи“ Руссо высказываетъ мысль и о зависимости имущественныхъ правъ отъ общественнаго согласія и о невозможности ихъ возникновенія внѣ общества. „Безъ молчаливаго уговора между людьми не было бы, — пишетъ онъ, — ни прибыли, ни собственности, ни настоящей предпріимчивости. Въ состояніи естественномъ имѣется налицо только необходимое. Излишекъ — не сумма трудовъ отдѣльныхъ лицъ, но продуктъ общей предпріимчивости, которая, орудуя ста руками, согласно дѣйствующими между собою, производитъ больше того, чего достигли бы сто человѣкъ, дѣйствующихъ порознь“ [2]). „Вступая въ общество, люди принимаютъ обязательство по отношенію ко всему человѣческому роду,— обязательство посвятить ему всю свою жизнь, а также всѣ тѣ блага, которыми мы обязаны обществу. Миръ и продолжительное благополучіе могутъ быть достигнуты только въ обществѣ. Тотъ, кто не сталъ бы уважать въ другомъ тѣхъ правъ, признанія которыхъ онъ требуетъ за собою, сдѣлался бы общимъ врагомъ и не имѣлъ бы другого обезпеченія для своихъ имуществъ, помимо того, какое имѣютъ разбойники, поглощающіе въ пещерахъ награбленное ими. Изъ всего этого слѣдуетъ, что на каждомъ лежитъ обязанность возмѣстить человѣчеству полученныя отъ него блага“. Этимъ заявленіемъ заканчивается первое письмо. Высказанныя въ немъ мысли стоятъ настолько близко къ тѣмъ, которыя мы находимъ въ отрывкахъ изъ „Политическихъ учрежденій“ и спеціально въ томъ, который озаглавленъ: „Объ условіяхъ счастія для народа“, что невольно возникаетъ мысль о дальнѣйшемъ

[1]) Неизданныя сочиненія Руссо, отпечатанныя Штрекейзенъ-Мульту, стр. 132—137.

[2]) Ibid., стр. 137.

только развитіи въ прочитанномъ основныхъ положеній этой своего рода политической и нравственной энциклопедіи, не доведенной Руссо до конца, но являющейся отправнымъ моментомъ въ развитіи всей его доктрины. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не увидѣть цѣлостнаго воспроизведенія тѣхъ же мыслей въ такихъ, напримѣръ, заявленіяхъ: „Человѣческое бѣдствіе имѣетъ своимъ источникомъ противорѣчіе между тѣмъ, что мы есть, и тѣмъ, чѣмъ желали бы быть, между нашими обязанностями и нашими склонностями, между природою и общественными учрежденіями, между человѣкомъ и гражданиномъ. Сдѣлайте человѣка цѣльнымъ и единымъ, т.-е. устраните въ немъ всякое противорѣчіе,—и вы сдѣлаете его настолько счастливымъ, насколько онъ можетъ быть“. И вслѣдъ за этимъ приписка, въ которой легко узнать автора ученія о перенесеніи на государство всѣхъ правъ личности: „Отдайте человѣка всецѣло государству или предоставьте его всецѣло самому себѣ. Если, наоборотъ, вы вздумаете дѣлить его сердце — вы порвете его на части. Но государство не можетъ быть счастливымъ, разъ всѣ составляющіе его члены бѣдствуютъ. Сдѣлайте людей послѣдовательными съ самими собою — и вы сдѣлаете ихъ счастливыми, а ихъ счастіе будетъ счастіемъ государства, ибо, будучи ничѣмъ безъ государства, они могутъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь только ему на пользу. Государство будетъ имѣть все, что они имѣютъ, и станетъ тѣмъ, чѣмъ они будутъ [1]). При всякихъ другихъ порядкахъ всегда останется что-нибудь, непринадлежащее государству, и прежде всего, — воля его членовъ, а кто не знаетъ того вліянія, какое воля имѣетъ на поступки людей? Въ томъ же случаѣ, если каждый желаетъ быть счастливымъ только для себя, не можетъ быть счастія для родины“.

1) Leur félicité sera celle de la république, car, n'étant rien que par elle, il ne seront rien que pour elle; elle aura tout ce qu'ils ont et sera tout ce qu'ils sont.

„Если нельзя опредѣлить условій счастія для человѣка вообще, такъ какъ оно въ значительной степени зависитъ отъ того постояннаго настроенія души, судьею котораго можетъ быть только тотъ, кто его испытываетъ, то того же нельзя сказать въ равной степени о счастіи политическихъ обществъ. Вѣдь ихъ благо и ихъ бѣдствія всегда принимаютъ внѣшній обликъ, а внутреннее ихъ настроеніе — то же, что общественное мнѣніе“. Есть поэтому возможность, думаетъ Руссо, опредѣлить условія наступленія счастія для народа. Та нація, въ его глазахъ,—наиболѣе счастлива, которая всего легче можетъ обойтись безъ другихъ, а наиболѣе процвѣтаетъ — та, безъ которой другія всего менѣе могутъ обойтись. Руссо старается показать, что такое опредѣленіе несравненно шире того, которое бы признало наиболѣе счастливою націю, обладающую наибольшимъ количествомъ денегъ или ведущую наибольшую торговлю, или наиболѣе изобрѣтательную въ промыслахъ и искусствахъ. „Моя дефиниція содержитъ въ себѣ всѣ прочія,—говоритъ онъ,—и вытекаетъ изъ нихъ. Вѣдь если деньги, напримѣръ, дѣлаютъ богатыхъ счастливыми, то только потому, что позволяютъ имъ удовлетворять ихъ потребностямъ, выполнять ихъ желанія независимо отъ кого бы то ни было, начальствовать надъ другими и держать ихъ въ зависимости отъ себя“. Въ другомъ отрывкѣ изъ тѣхъ же „Institutions politiques“ Руссо болѣе обстоятельно останавливается на развитіи той мысли, что счастіе народа не зависитъ ни отъ суммы денегъ, которыми онъ обладаетъ, ни отъ его торговли и промышленной дѣятельности. Это мѣсто, по-моему, является прямымъ развитіемъ основного положенія, высказаннаго въ первомъ отрывкѣ, что не мѣшаетъ его существенному расхожденію съ ранѣе высказанными мыслями. Въ первомъ отрывкѣ способность самоудовлетворенія со стороны государства признается какъ бы вытекающей изъ факта обладанія имъ и массой денегъ и цвѣтущей промышленностью и торговлей. Во второмъ показывается, что эти

блага скорѣе касаются благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, нежели всего государства. „Частные люди могутъ обогатиться, торговля и промышленность процвѣтать, а государство, тѣмъ не менѣе, погибнетъ“ [1]). Руссо считаетъ проводимый имъ взглядъ противоположнымъ ходячему; ходячій же, въ его глазахъ, является парадоксомъ. Отправляясь отъ той мысли, что всѣ народы древности сражались съ роскошью особыми законами и презирали деньги, онъ видитъ въ этомъ поводъ сомнѣваться въ томъ, что общество, въ которомъ всѣ искусства и промыслы наиболѣе культивируются, или въ которомъ торговля наиболѣе процвѣтаетъ, или которое наиболѣе накопило денегъ, можетъ считаться наисчастливѣйшимъ. Приступая къ разсмотрѣнію въ частности роли денегъ, Руссо высказываетъ мысли, довольно близкія къ тѣмъ, какія одновременно мы встрѣчаемъ у Юма и совершенно идущія въ разрѣзъ съ меркантильной доктриной. „Золото и серебро—только представители тѣхъ цѣнностей, на которыя ихъ обмѣниваютъ. Сами по себѣ они никакой цѣнности не имѣютъ, и даже отъ правителя не зависитъ придать ее имъ. Все, что дѣлается съ цѣлью установить обязательный курсъ монеты, или ничего не достигаетъ, или же отражается выгоднымъ или невыгоднымъ образомъ только на періодическихъ платежахъ, на жалованьи, на пенсіяхъ. Деньги пріобрѣтаютъ бо́льшую или меньшую цѣнность сообразно обилію или рѣдкости металла, припасовъ и другихъ товаровъ, наконецъ, сообразно бо́льшему или меньшему ихъ обращенію, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ того, насколько часты обмѣны, т.-е. интенсивна торговля“. Руссо справедливо доказываетъ, что народъ можетъ быть богатъ, не имѣя много денегъ, разъ у него имѣются въ изобиліи предметы, на покупку которыхъ принуждены производить затраты другіе народы. Наконецъ онъ настаиваетъ еще на необходимости проводить

1) Ibid., стр. 242.

различіе между исключительными богатствами нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и богатствомъ націи, какъ цѣлаго. „Такъ какъ эти слова, „богатый“ и „бѣдный“, — говоритъ онъ, — имѣютъ смыслъ относительный, то можно сказать, что имѣются бѣдные только потому, что есть богатые, и это можно понимать во многихъ различныхъ смыслахъ. То, что вѣрно по отношенію къ индивидамъ, справедливо и по отношенію къ націямъ. Есть націи болѣе богатыя и болѣе бѣдныя, но только по сравненію другъ съ другомъ. Народы, лишь менѣе откровенно, чѣмъ частныя лица, стремятся скорѣе къ тому, чтобы вредить сосѣдямъ, чѣмъ къ тому, чтобы обезпечить свои собственныя выгоды. Человѣчество приносится въ жертву національному интересу точь въ точь, какъ ежедневно частными лицами оно приносится въ жертву интересу собственника“. Руссо отказывается, однако, понимать, какъ можетъ бѣдность одной страны содѣйствовать благосостоянію жителей другой, и въ этомъ отношеніи онъ опять-таки вполнѣ сходится съ Юмомъ [1]). Весьма характерно то, что разбираемый отрывокъ говоритъ далѣе о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть успѣшная конкуренція народа съ его сосѣдями, — конкуренція, кончающаяся ихъ разореніемъ. Въ какой мѣрѣ можно сказать, что экономическое процвѣтаніе государства отразится на благополучіи его гражданъ? Руссо предвидитъ случаи равнаго и неравнаго раздѣла имуществъ между послѣдними. При равномъ раздѣлѣ пропорціональное увеличеніе суммы денегъ въ рукахъ всѣхъ и каждаго не вызоветъ въ концѣ-концовъ никакой перемѣны, „такъ какъ, — говоритъ Руссо, — за границею удовлетворенія непосредственной необходимости, выгоды богатства сказываются только въ прямомъ отношеніи къ проявляющимся въ немъ различіямъ. Но, — спѣшитъ онъ прибавить, — химерическимъ предположеніемъ является мысль о томъ, что у народа,

[1]) Ibid., стр. 244 и 246.

разбогатѣвшаго на счетъ сосѣдей, имущества будутъ распредѣлены равномѣрно. Такое равенство не можетъ быть даже предположено, такъ какъ оно не отвѣчаетъ природѣ вещей [1]). Поэтому обычнымъ порядкомъ будетъ порядокъ неравенства. Какъ только люди познакомились съ драгоцѣнными металлами, они всѣ устремились къ тому, чтобы накопить ихъ возможно больше, а бо̀льшая или меньшая успѣшность этихъ стремленій вызвана была различіемъ въ степени предпріимчивости и алчности конкурентовъ,— степени, очевидно, неравной. Это первоначальное неравенство, подъ вліяніемъ скупости и порожденныхъ ею качествъ, должно было возрасти самопроизвольно (par sa propre force). Экстравагантность существующихъ обществъ наглядно выступаетъ изъ того, что избытокъ богатыхъ ставитъ ихъ въ возможность лишить бѣдныхъ необходимаго. Деньги становятся сѣменемъ для денегъ и труднѣе заработать первый экю, нежели второй милліонъ. Всякое мошенничество, которое стоитъ чести и жизни нуждающимся, служитъ къ славѣ и матеріальному благополучію богатаго. Нищій, похищающій экю у человѣка, пресыщеннаго золотомъ, похищающій его ради насущнаго хлѣба, считается преступникомъ, которому грозитъ висѣлица, тогда какъ всѣми уважаемые граждане мирно упиваются кровью ремесленника и земледѣльца, а монополіи коммерсантовъ и вымогательства финансистовъ признаются полезными дарованіями и обезпечиваютъ имъ милость князя и общественное признаніе. Такимъ образомъ богатства націи въ дѣйствительности вызываютъ роскошь немногихъ частныхъ лицъ къ вреду всѣхъ прочихъ, и сокровища милліонщиковъ увеличиваютъ бѣдность гражданъ. При этомъ чудовищномъ и вынужденномъ неравенствѣ, чувственности

[1]) Mais ce serait trop abuser du temps que de s'arrêter sur une supposition aussi chimérique que celle de l'égale distribution de richesse. Cette égalité ne peut s'admettre même hypothétiquement, parce qu'elle n'est pas dans la nature des choses (стр. 247).

богатыхъ открывается возможность принести въ жертву погонѣ за удовольствіями необходимое для существованія народа, которому приходится покупать черствый и черный хлѣбъ цѣною пота и свободы. Если прибавить къ этому неизбѣжный ростъ цѣнъ, происходящій отъ обилія монеты, то легко будетъ понять, что чѣмъ богаче государство деньгами, тѣмъ больше въ немъ бѣдныхъ и тѣмъ больше послѣдніе терпятъ нужду.

Если, такимъ образомъ, обиліе денегъ не ведетъ націю къ счастію, то тоже приходится сказать о торговлѣ и о промыслахъ, которые, удовлетворяя нѣкоторымъ вымышленнымъ потребностямъ (besoins imaginaires), порождаютъ еще большее число реальныхъ потребностей, ищущихъ, но не находящихъ себѣ удовлетворенія. Въ приведенномъ отрывкѣ мы встрѣчаемъ уже выраженіе тѣхъ самыхъ мыслей, которыя найдутъ себѣ болѣе обстоятельное развитіе въ „Разсужденіи“ Руссо о томъ: „Содѣйствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ?“ И въ немъ онъ сводитъ порчу нравовъ къ развитію роскоши, а происхожденіе послѣдней — къ вліянію наукъ и искусствъ. „Роскошь, — скажетъ онъ, — порожденіе человѣческой праздности и тщеславія; но роскошь немыслима безъ наукъ и искусствъ, а науки и искусства не обходятся безъ порожденія роскоши [1]). Я знаю, что наша философія, весьма богатая странными принципами, утверждаетъ, вопреки опыту столѣтій, что роскошь создаетъ процвѣтаніе государства; но, не говоря уже о томъ, что этой философіей оставляются въ сторонѣ законы противъ роскоши, мы въ правѣ спросить, посмѣетъ ли она отрицать, что добрые нравы необходимы для продолжительнаго существованія государства, и что роскошь діаметрально противоположна добрымъ нравамъ? Я готовъ допустить, что роскошь

1) „Le luxe va rarement sans les sciences et les arts, et jamais ils ne vont sans lui“.

является надежнымъ признакомъ богатства, что она даже содѣйствуетъ его умноженію; но какой выводъ сдѣлать изъ этого пародокса, столь достойнаго нашего времени" (очевидно, пародокса, состоящаго въ томъ, что все, содѣйствующее богатству, тѣмъ самымъ благопріятно и процвѣтанію государства)? „Что станется также съ добродѣтелью, разъ будетъ дозволено обогащаться любою цѣною?.. Вопросъ въ томъ, что важнѣе для государства: блистать временно или отличаться продолжительной добродѣтелью"? [1]) Очевидно, всѣ эти разсужденія свободно могли бы найти мѣсто и въ текстѣ „Политическихъ учрежденій"; они представляютъ буквальное воспроизведеніе, только въ болѣе боевой формѣ, вышеприведенныхъ мыслей. Самую форму первыхъ своихъ печатныхъ „Разсужденій", Руссо позднѣе въ своей „Исповѣди", относилъ, какъ мы видѣли, на счетъ вліянія на него Дидро; но сказанное имъ о формѣ не можетъ быть отнесено къ содержанію. Совпаденіе основной мысли перваго „Разсужденія" съ положеніями, высказанными въ „Политическихъ учрежденіяхъ", позволяетъ намъ отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ разсказу Дидро о томъ, что Руссо не зналъ сперва, въ какомъ смыслѣ отвѣтить на вопросъ, поставленный дижонской академіей,— въ утвердительномъ или отрицательномъ, и что послѣдній подсказанъ былъ ему никѣмъ другимъ, какъ самимъ Дидро.

Я не прочь думать, что въ полномъ соотвѣтствіи съ „Разсужденіемъ о вредѣ наукъ и искусствъ" стоитъ и все то, что въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ „Политическихъ учрежденій" Руссо говоритъ намъ о противорѣчіи между роскошью и добродѣтелью и о причинной зависимости, въ какой желаніе выдѣлиться, отличиться отъ другихъ, иначе, стремленіе къ неравенству, стоитъ къ развитію роскоши [2]).

[1]) De quoi s'agit—il donc précisement dans cette question du luxe? De savoir lequel importe le plus aux empires d'être brillants et momentanés ou vertueux et durables".

[2]) ,,Oeuvres inédites de Rousseau", стр. 251—252.

Классификація потребностей на необходимыя для нашего самосохраненія, на такія, которыя удовлетворяютъ нашей чувственности, изнѣженности и сладострастію и, наконецъ, въ-третьихъ, на такія, источникъ которыхъ лежитъ въ нашихъ представленіяхъ, какъ-то: потребность въ почестяхъ, въ репутаціи, въ чинѣ, въ званіи, въ дворянствѣ и вообще во всемъ томъ, что существуетъ только въ мнѣніи людей, повидимому, также должна была найти мѣсто въ этой начальной главѣ: „Объ условіяхъ счастія народовъ". Мы находимъ ее въ отрывкѣ, озаглавленномъ: „Соображенія о вліяніи климатовъ". Самая классификація потребностей предшествуетъ отрывку о связи этихъ потребностей съ физическими условіями, какъ-то: съ климатомъ, почвою, воздухомъ, водою, произведеніями земли и моря. Совокупность этихъ физическихъ условій опредѣляетъ собою, по мнѣнію Руссо, темпераментъ людей, ихъ характеръ, ихъ вкусы, ихъ страсти, ихъ работу и всякія проявленія ихъ дѣятельности. Дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей, наполняющее собою всего на всего четыре страницы, не нуждалось необходимо въ знакомствѣ съ тѣми главами, какія Монтескьё посвятилъ вопросу о связи законовъ съ климатомъ. Онѣ могли быть навѣяны на Руссо чтеніемъ Бодена, „Политика" котораго также ставитъ эти вопросы, а это обстоятельство имѣетъ для насъ то значеніе, что позволяетъ отнести самое происхожденіе этихъ отрывковъ къ годамъ, предшествующимъ выходу въ свѣтъ „Духа законовъ", т.-е. ранѣе 1750 года, когда редактировано было Руссо его „Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ".

Все, только что приведенное, служитъ какъ бы преддверіемъ къ „Разсужденію" о роли самого государства въ созданіи тѣхъ добрыхъ нравовъ, которые не въ силахъ породить преслѣдованіе націями цѣлей обогащенія путемъ экономической дѣятельности. Руссо считаетъ нужнымъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ не разъ настаивать на той же мысли, какую мы нашли въ его „Письмахъ о доброд-

тели и счастіи", — мысли о томъ, что человѣческая безпомощность заставила людей жить въ обществѣ, и что одна только жизнь въ обществѣ обусловила собою ихъ поступательное движеніе. Такъ онъ говоритъ, напримѣръ: „Если бы земля всюду была одинаково плодородна, люди, можетъ-быть, никогда бы не сблизились между собою; но нужда— мать изобрѣтательности — заставила ихъ сдѣлаться полезными другъ другу, чтобы тѣмъ самымъ быть полезными себѣ. Благодаря этому общенію между собою, сперва вынужденному, затѣмъ добровольному, умы людей развились; они пріобрѣли дарованія, страсти, пороки, добродѣтели, знанія и сдѣлались всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они могутъ быть, одинаково въ смыслѣ положительномъ и отрицательномъ. Человѣкъ въ изолированномъ состояніи остается всегда тѣмъ же; онъ прогрессируетъ только въ обществѣ" [1]. Такимъ образомъ сближеніе людей, вызванное необходимостью, измѣняетъ самую ихъ психику. Въ одномъ незначительномъ фрагментѣ, относимомъ Штрекейзеномъ-Мульту также къ „Политическимъ учрежденіямъ", Руссо даже говоритъ, что пороки и добродѣтели людей стоятъ въ прямомъ отношеніи къ обществу; ихъ сущность и ихъ характеръ опредѣляются общимъ порядкомъ [2]. Та же самая мысль развивается далѣе и въ слѣдующемъ параграфѣ, въ которомъ Руссо наиболѣе систематично и полно излагаетъ свое ученіе о связи между нашей психической природой и жизнью въ обществѣ. „Побудила ли людей къ соединенію въ общество естественная склонность (тотъ „appetitus societatis", о которомъ говоритъ Гуго де-Гротъ), или они принуждены были вступить въ него, благодари своимъ потребностямъ,—

---

1) L'homme isolé demeure toujours le même; il ne fait de progrés qu'en société (Ibid., стр. 258).

2) „Il en est de même dans l'ordre moral": Les vices et les vértus de chaque homme ne sont pas rélatifs à lui seul. Leur plus grand rapport est avec la société, et c'est ce qu'ils sont à l'égard de l'ordre en général qui constitue leur essence et leur caractère" (Ibid., стр. 237).

несомнѣнно одно: что изъ ихъ общенія вытекли ихъ добродѣтели и ихъ пороки и, можно сказать въ нѣкоторомъ смыслѣ, ихъ нравственное существо. Гдѣ нѣтъ общества, тамъ нѣтъ ни справедливости, ни милосердія, ни человѣчности, ни великодушія, ни скромности, ни самаго представленія, что есть заслуга и добродѣтели. Съ этимъ заявленіемъ Руссо ставитъ въ связь слѣдующее: „Нужно ли считать общество добромъ или зломъ? Отвѣтъ, — говоритъ онъ, — зависитъ отъ сопоставленія того хорошаго и того дурного, что вытекаетъ изъ него, и отъ перевѣса пороковъ надъ добродѣтелями или наоборотъ". Руссо не говоритъ намъ, однако, какъ самъ онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ; но немудрено догадаться, что его отношеніе къ обществу отрицательное. Примѣчаніе къ приводимому отрывку утверждаетъ въ насъ эту увѣренность: „Лучше бы опустить завѣсу надъ всѣми дѣйствіями людей, чѣмъ открыть нашимъ взорамъ то возмутительное и опасное зрѣлище, какое они представляютъ". Итакъ, мы находимъ уже въ „Политическихъ учрежденіяхъ" указаніе того рѣшенія, какое получитъ вопросъ о пользѣ или вредѣ общества во второмъ „Разсужденіи" Руссо „Объ источникѣ неравенства между людьми". Въ самомъ дѣлѣ, что найдемъ мы въ этой книгѣ, какъ не развитіе той мысли, что общество необходимо, но что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, и зло? „Я спрашиваю себя,—пишетъ Руссо, — изъ двухъ образовъ жизни — жизни въ гражданскомъ состояніи и жизни въ состояніи естественномъ— какой способенъ сдѣлаться нестерпимымъ для лицъ, въ немъ участвующихъ?" Отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ говоритъ: „Мы видимъ вокругъ себя только людей, жалующихся на свою жизнь. Многіе изъ нихъ готовы даже разстаться съ нею насильственно. Божескому и человѣческому закону сообща едва удается воздержать ихъ отъ этого. Кто слышалъ о жалобахъ дикаря, живущаго на свободѣ, на жизнь и его желаніи убить себя? А если такъ, то будемъ съ меньшей гордостью судить о томъ, гдѣ встрѣчается

истинное несчастіе" [1]). Въ томъ же „Разсужденіи" Руссо признаетъ, что „возникновеніе общественной жизни сопровождалось ужаснымъ состояніемъ войны; но человѣческій родъ не въ силахъ былъ вернуться назадъ и отказаться отъ несчастныхъ пріобрѣтеній, имъ сдѣланныхъ". Хотя Руссо и признаетъ, такимъ образомъ, вредъ общежитія, но онъ въ то же время не отказывается отъ мысли воздѣйствовать въ благопріятномъ смыслѣ на нравы съ помощью вызванной этимъ общежитіемъ власти. „При любой формѣ правленія,— говоритъ онъ,—мудрая администрація можетъ создать общественные нравы путемъ воспитанія и при содѣйствіи обычая. Она можетъ такимъ образомъ направить человѣческія наклонности, что люди болѣе будутъ довольны тѣмъ правительствомъ, подъ сѣнью котораго они живутъ, чѣмъ всякимъ другимъ". Это, очевидно, та самая мысль, которая свойственна и писателямъ древности, приписывавшимъ полумиѳическимъ законодателямъ, въ родѣ Ликурга, созданіе не только законовъ, но и нравовъ. Съ нею Руссо могъ встрѣтиться и въ политическихъ трактатахъ Спинозы и въ сочиненіи Гоббса, утверждавшаго, что само государство установляетъ различіе между правомъ и не-правомъ, что ему мы обязаны нашимъ представленіемъ о добромъ и зломъ, о справедливомъ и несправедливомъ. Этой мысли Руссо останется вѣренъ и въ своихъ позднѣйшихъ трактатахъ, между прочимъ, въ сочиненіи о правительствѣ Польши и въ своихъ письмахъ къ Буттафуоко о желательномъ для Корсики законодательствѣ. Въ самомъ проектѣ выработанной для нея конституціи Руссо постоянно имѣетъ въ виду вліяніе, какое предлагаемыя имъ учрежденія могутъ оказать на нравы. Такъ, напримѣръ, онъ требуетъ недопущенія въ корсиканской республикѣ откупщиковъ (financiers) „не въ виду нечестнаго характера ихъ

[1]) „Qu'on juge donc avec moins d'orgueil de quel côté est la véritable misère".

заработковъ, а въ виду дурного примѣра, ими даваемаго,— примѣра, способнаго искоренить добрыя чувствованія тѣмъ уваженіемъ, какимъ пользуется незаконное богатство, и тою тѣнью презрѣнія, какую оно набрасываетъ на нестяжательность, на простоту нравовъ и на всѣ добродѣтели“ [1]).

На основаніи уцѣлѣвшихъ отрывковъ „Политическихъ учрежденій“, намъ удалось пока возстановить только начальную ихъ главу, посвященную вопросу объ условіяхъ счастія народовъ. Въ написанномъ рукою Руссо оглавленіи, занимающемъ собою отдѣльный листикъ, но которое уже Штрекейзенъ-Мульту признавалъ оглавленіемъ его общаго трактата, первая часть книги должна была разсмотрѣть условія величія націй (grandeur des nations). Это понятіе, очевидно, обнимаетъ тѣ же самыя проблемы, какими Руссо интересуется во всѣхъ только что изученныхъ нами отрывкахъ. Желая рѣшить вопросъ о томъ, отъ чего зависитъ счастіе націи, онъ долженъ былъ послѣдовательно устранить предположеніе, что оно можетъ быть обусловлено богатствомъ, въ частности деньгами, торговлею и промышленностью; онъ остановился на рѣшеніи, что источникъ его надо искать въ добрыхъ нравахъ, порождаемыхъ дѣятельностью законодателя. Второю частью книги естественно являлось поэтому разсужденіе о природѣ законовъ, и мы, дѣйствительно, находимъ упоминаніе объ этомъ предметѣ какъ въ тѣхъ немногихъ строкахъ, какія Руссо посвятилъ содержанію своихъ „Политическихъ учрежденій“ въ одной изъ главъ „Исповѣди“, такъ и въ томъ листкѣ, на которомъ его рукою указано чередованіе главъ. Въ этомъ листкѣ за словами „grandeur des nations“ слѣдуетъ новое заглавіе: „Des lois“. Отъ этого отдѣла сохранился лишь небольшой фрагментъ, всего на всего въ четыре страницы,—фрагментъ, продиктованный Руссо Терезѣ Левассеръ и потому не вполнѣ

[1]) См. „Projet de constitution pour la Corse“, Oeuvres inédites de Rousseau, стр. 103—104.

грамотно написанный; но онъ находитъ себѣ естественное восполненіе въ статьѣ „О политической экономіи“. Эта статья, напечатанная въ „Великой Энциклопедіи“, значительною своею частью входитъ въ составъ первоначальной рукописи „Общественнаго договора“, т.-е. изданнаго Руссо отрывка изъ „Политическихъ учрежденій“. Сопоставляя мысли, высказанныя Руссо въ отрывкѣ „О законахъ“, съ тѣми, какія обнародованы были имъ въ словарѣ Дидро, мы въ правѣ будемъ въ слѣдующемъ видѣ представить основную точку зрѣнія, какую авторъ „Политическихъ учрежденій“ проводилъ на природу законовъ. Но прежде всего спросимъ себя, на чемъ можно опереть ту мысль, что Руссо, дѣйствительно, извлекъ многія части своей статьи „О политической экономіи“, — статьи, въ которой мы находимъ его ученіе о природѣ закона, изъ недошедшей до насъ рукописи „Политическихъ учрежденій“? Наше мнѣніе опирается на сопоставленіе текста самой статьи, съ одной стороны, съ первоначальной редакціей „Общественнаго договора“, обнародованной Алексѣевымъ и Дрейфусъ-Бриссакомъ, а съ другой—съ отрывками, отнесенными Штрекейзеномъ-Мульту къ трактату о политическихъ учрежденіяхъ. Въ этихъ послѣднихъ можно найти одно мѣсто, цѣликомъ воспроизведенное въ статьѣ „О политической экономіи“, а именно слѣдующее, уже приведенное мною раньше. Въ отрывкѣ, озаглавленномъ: „О роскоши, торговлѣ и искусствахъ“ мы читаемъ: „Аксіомою въ дѣлахъ, какъ и въ физикѣ, считается, что ничего нельзя сдѣлать ни съ чѣмъ“. Это самое мѣсто мы находимъ и въ статьѣ „О политической экономіи“: (On ne fait rien avec rien; celà est vrai dans les affaires comme en physique) съ прибавкой: „L'argent est la sémence de l'argent et la premiere pistole est quelquefois plus difficile à gagner que le second million“, что опять-таки буквально воспроизводитъ текстъ отрывка „О роскоши, торговлѣ и искусствахъ“ [1]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что г. Алексѣевъ оши-

---

[1]) Неизданныя сочиненія, стр. 248.

бается, когда говоритъ, что отпечатанные Штрекейзенъ-Мульту отрывки вовсе не фрагменты большого политическаго трактата, а не что иное, какъ отдѣльныя мысли, черновые наброски, отрывки изъ начатыхъ работъ, задуманныхъ притомъ еще въ томъ періодѣ, когда Руссо не замышлялъ писать свои „Institutions politiques“ [1]). Такъ какъ статья „О политической экономіи“ содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, воспроизведеніе нѣкоторыхъ мѣстъ фрагментовъ „Политическихъ учрежденій“, а съ другой — перепечатку цѣлыхъ страницъ изъ неизданнаго первоначальнаго текста „Общественнаго договора“, то есть полное основаніе думать, что какъ этотъ текстъ, такъ и фрагменты, были уже написаны въ моментъ появленія статьи Руссо въ „Энциклопедіи“. А такъ какъ къ тому же между этими фрагментами и первоначальнымъ текстомъ „Общественнаго договора“ нѣтъ никакого противорѣчія, и, пользуясь фрагментами, мы могли возстановить содержаніе той первой главы, которой начиналось, по свидѣтельству „Исповѣди“, все сочиненіе, то мы въ правѣ думать, что въ текстѣ, отпечатанномъ Алексѣевымъ и Дрейфусомъ-Бриссакомъ мы имѣемъ только большій отрывокъ изъ уничтоженнаго Руссо и, вѣроятно, незаконченнаго имъ трактата. Какое же, спрашивается, представленіе можемъ мы составить себѣ о тѣхъ мысляхъ о природѣ законовъ, какія развивалъ Руссо въ этомъ второмъ отдѣлѣ, на основаніи напечатанныхъ фрагментовъ и древнѣйшей рукописи „Общественнаго договора“, наконецъ, на основаніи статьи „О политической экономіи“? Прежде всего покажемъ, что въ фрагментѣ о законахъ, фрагментѣ крайне неполномъ, отрывочномъ и представляющемъ собою скорѣе запись отдѣльныхъ мыслей, нежели систематическое развитіе цѣлой доктрины, высказаны взгляды, цѣликомъ перешедшіе въ статью „О политической экономіи“. „Государство,—пишетъ

[1]) См. „Этюды о Ж.-Ж. Руссо“, т. II, стр. 24.

Руссо,—гдѣ законовъ больше, чѣмъ можетъ сохранить ихъ память гражданина, — государство, плохо организованное, и человѣкъ, не знающій наизусть законовъ своей страны,— дурной гражданинъ. Вотъ почему Ликургъ не пожелалъ написать своихъ законовъ иначе, какъ въ сердцахъ спартанцевъ“ [1]). „Если бы меня спросили, какой народъ я считаю наиболѣе порочнымъ, я бы, не колеблясь, отвѣтилъ: это — тотъ, который имѣетъ наибольшее число законовъ. Желаніе хорошо поступать замѣняетъ все остальное, и тотъ, кто умѣетъ прислушиваться къ закону (голосу своей совѣсти), не нуждается ни въ какомъ другомъ. Множество законовъ говоритъ о двухъ одинаково опасныхъ вещахъ, которыя всегда встрѣчаются рядомъ: первое — что законы плохи, и второе—что они безсильны. Если бы законы были ясно написаны, они не нуждались бы въ постоянно новыхъ толкованіяхъ и новыхъ измѣненіяхъ. Если бы они были мудры, любимы и уважаемы, мы не были бы свидѣтелями этихъ опасныхъ и ненавистныхъ столкновеній между гражданами, желающими обойти законы, и сувереномъ, стремящимся сохранить ихъ“ [2]). Въ статьѣ „О политической экономіи“ Руссо резюмируетъ ту же мысль, говоря: „Чѣмъ болѣе вы умножаете число законовъ, тѣмъ болѣе вы дѣлаете ихъ презрѣнными“.

Другая мысль, которую мы находимъ въ фрагментѣ „О законахъ“ и въ текстѣ статьи „О политической экономіи“, это—та, что строгость законовъ далеко не можетъ считаться достоинствомъ ихъ. Руссо развиваетъ это положеніе въ текстѣ „Политическихъ учрежденій“ слѣдующимъ образомъ: „Законы, постоянно говорящіе о наказаніяхъ и никогда о наградахъ, болѣе способны сдерживать негодяевъ, чѣмъ создавать честныхъ людей. Кровожадные законодатели, какъ Драконъ, только угрожающіе и наказывающіе, подобны

[1]) См. „Oeuvres inédites“, стр. 228.
[2]) Ibid., стр. 229.

дурнымъ воспитателямъ, которые не знаютъ иного средства, кромѣ плети. Нельзя достаточно прославлять римлянъ за то, что единственное наказаніе, какимъ законы 12-й таблицы грозятъ величайшимъ преступникамъ, это — страхъ сдѣлаться ненавистнымъ всѣмъ". Руссо, очевидно, ошибочно понимаетъ выраженіе „Sacer esto", „да будетъ онъ посвященъ или преданъ богамъ", въ смыслѣ одного объявленія безславнымъ. При такой интерпретаціи онъ имѣетъ возможность сказать о древнихъ римлянахъ: „Трудно представить себѣ даже, до какой степени народъ этотъ былъ добродѣтеленъ, иначе, какъ остановивши свою мысль на томъ, что публичная ненависть или публичное признаніе были единственными карами и наградами, опредѣлямыми законами". Другой примѣръ, который также, въ глазахъ Руссо, долженъ былъ доказывать, что древній законодатель не видѣлъ необходимости усиливать вліяніе законовъ страхомъ наказаній, представляютъ для него спартанцы временъ Ликурга. Лакедемонянинъ, спрошенный иностранцемъ о томъ, какое наказаніе Ликургъ установилъ для отцеубійцъ, отвѣтилъ: „Ихъ заставляютъ пасти быка, который съ высоты горы Тегетской могъ бы пить воду Эврота". „Какъ,—воскликнулъ иностранецъ,—развѣ можно найти такого быка?"—„Легче, чѣмъ отцеубійцу въ Спартѣ",— отвѣтилъ лакедемонянинъ. Руссо желалъ бы того, чтобы въ мудро организованномъ государствѣ законъ имѣлъ возможность сказать всякому то, что приписываютъ жрицѣ Теано: „Я — служительница боговъ не для того, чтобы ненавидѣть и проклинать, но для того, чтобы хвалить и благословлять". „Страхъ можетъ сдерживать негодяевъ, но порча нравовъ начинается не съ момента появленія крупныхъ преступленій, а много ранѣе. Предупредить ихъ — вотъ на что должна быть направлена сила законовъ. Таковъ принципъ, на основаніи котораго можно судить, что въ силахъ сдѣлать законы не только для запугиванія порока, но и для поощренія добродѣтели. Я знаю, что первая награда добрыхъ поступковъ—удоволь-

ствіе, испытываемое отъ ихъ совершенія, но люди не знаютъ цѣны этому удовольствію, не испытавъ его ранѣе. Имъ необходимы поэтому болѣе чувствительные мотивы; только они могутъ породить первую привычку къ добру. Такими мотивами являются хорошо выбранныя и еще лучше распредѣляемыя награды. Безъ этого условія онѣ не только не служили бы средствомъ къ прославленію добродѣтели; онѣ порождали бы лицемѣріе и питали бы скупость. Удачный выборъ и равномѣрное распредѣленіе — chef d'œuvre законодателя. Дурной воспитатель знаетъ только плеть, какъ дурной администраторъ—только висѣлицу и тюрьму". Весь этотъ отрывокъ, уже въ виду того, что онъ написанъ рукою Терезы Лавассёръ и заключаетъ въ себѣ косвенный намекъ на Монтескьё, какъ на писателя, способнаго поучать не только тѣмъ, что онъ говоритъ, но и тѣмъ, что заставляетъ мыслить — передача собственныхъ словъ Монтескьё въ „Духѣ законовъ", очевидно, написанъ въ Парижѣ и ко времени редактированія перваго „Разсужденія" Руссо, появившагося, какъ мы знаемъ, въ 1750 году. Переходя отъ этого отрывка, которымъ и исчерпывается все то, что Штрекейзену-Мульту удалось открыть въ бумагахъ Руссо изъ текста второго отдѣла его „Политическихъ учрежденій", къ статьѣ „О политической экономіи", мы находимъ въ ней буквально слѣдующее: „Сила законовъ зависитъ болѣе отъ ихъ собственной мудрости, чѣмъ отъ строгости ихъ исполнителей. Суровость наказаній — тщетное средство, придуманное мелкими умами для замѣны страхомъ того уваженія, котораго они не въ состояніи добиться. Замѣчено, что страны, въ которыхъ казни особенно ужасны — тѣ самыя, гдѣ онѣ и наиболѣе часты".

Изъ всего сказаннаго мы, кажется, въ правѣ прійти къ тому заключенію, что при составленіи своей статьи для „Энциклопедіи" Руссо черпалъ столько же изъ уцѣлѣвшихъ фрагментовъ „Политическихъ учрежденій", сколько и изъ первоначальнаго текста „Общественнаго договора", являю-

щагося, таким образом, частью того же сочиненія. Изъ этого послѣдняго, какъ показываетъ г. Алексѣевъ, взяты имъ два отрывка: одинъ, наиболѣе значительный, посвященъ развитію той мысли, что власть правителя имѣетъ иныя основанія отъ тѣхъ, на какихъ опирается власть отца семьи (глава V первоначальнаго текста „Общественнаго договора". Въ заголовкѣ ея читаемъ; „Ложныя представленія о характерѣ общественной связи"); второй, меньшій, отрывокъ касается положительныхъ законовъ (гл. VII первоначальнаго текста „Общественнаго договора"). Это—тотъ самый, который имѣетъ для насъ въ настоящую минуту наибольшее значеніе, такъ какъ показываетъ, что ученіе о законѣ, какъ о выраженіи общей воли, ученіе, находимое нами въ статьѣ „О политической экономіи", изложено было Руссо еще въ недошедшемъ до насъ трактатѣ „О политическихъ учрежденіяхъ". Мы въ правѣ будемъ поэтому воспользоваться какъ этимъ отрывкомъ, такъ и тѣмъ дополненіемъ, какое онъ находитъ въ самомъ текстѣ статьи, для того, чтобы представить въ ея логическомъ развитіи основную мысль Руссо о законѣ, какъ средствѣ обезпечить въ государствѣ торжество добродѣтели, въ свою очередь обѣщающей счастіе гражданамъ. Это ученіе въ немногихъ словахъ можетъ быть передано слѣдующимъ образомъ. Руссо, вслѣдъ за Гоббсомъ и Спинозою, не прочь думать, что закону люди обязаны и справедливостью и свободою [1]). „Какимъ непонятнымъ искусствомъ,—значится одинаково въ первоначальномъ текстѣ „Общественнаго договора" и въ статьѣ „О политической экономіи" [2]), — найдено было средство подчинить людей съ цѣлью сдѣлать ихъ свободными, направить къ служенію государству имущество, руки и жизнь его членовъ, не подчиняя ихъ принужденію и не спрашивая ихъ мнѣнія, сковать ихъ волю съ ихъ согласія,

---

1) „C'est à la loi seule que les hommes doivent et la justice et la liberté".

2) Стр. 42 рукописи невшательской библіотеки.

воспользоваться этимъ согласіемъ противъ ихъ отказа, принудить ихъ карать самихъ себя, когда они дѣлаютъ что-либо, чего они не желали? Какъ можетъ статься, что они повинуются, и никто не начальствуетъ, что они служатъ, и не имѣютъ надъ собою господина, что они, подчиняясь, сохраняютъ свободу и теряютъ отъ нея только то, что можетъ вредить свободѣ другихъ? Это чудо — дѣло закона. Этотъ благодѣтельный органъ общей воли выставляетъ естественное равенство между людьми; его небесный голосъ предписываетъ каждому гражданину принципы общественнаго разума, учитъ его, какъ поступать согласно съ требованіями его собственнаго сужденія и не впадать съ самимъ собою въ противорѣчія. Начальники народовъ должны говорить устами закона каждый разъ, когда имъ приходится повелѣвать. Стоитъ только человѣку подчинить другого своей частной волѣ, независимо отъ закона, и подчиняемый выходитъ изъ условій гражданскаго общества и попадаетъ въ условія естественнаго состоянія, въ которомъ повиновеніе предписывается одною необходимостью". Говоря это, Руссо, очевидно, воспроизводитъ мысль Спинозы, для котораго въ состояніи, предшествующемъ государственному, права людей опредѣляются ихъ мощью, и каждый одной необходимостью ставится въ условія повиновенія. Въ первоначальномъ текстѣ „Общественнаго договора" только что изложенный параграфъ имѣетъ предисловіемъ длинное разсужденіе, въ которомъ Руссо дѣлаетъ попытку связать это ученіе о законѣ съ теоріей общественнаго договора. Этотъ отрывокъ отсутствуетъ въ печатномъ текстѣ сочиненія и не находитъ себѣ мѣста и въ разсужденіи „О политической экономіи". Отрывокъ важенъ самъ по себѣ, такъ какъ въ немъ, довольно, впрочемъ, туманно, проводится тотъ взглядъ, что законъ, и ничто помимо закона, не призвано обучить насъ тому, что такое общее благо, котораго мы должны желать. „Дабы каждый хотѣлъ дѣлать то, что ему надлежитъ согласно обязательству, принятому въ общественномъ

договорѣ, — пишетъ Руссо, — необходимо, чтобы каждый зналъ, что онъ долженъ желать. Онъ долженъ желать общественнаго блага; онъ долженъ избѣгать общественнаго зла. Но государство имѣетъ только идеальное и договорное существованіе. У его членовъ отсутствуетъ общій природный органъ чувствительности, который позволилъ бы имъ судить о полезномъ по пріятности получаемаго впечатлѣнія и о вредномъ для государства—по непріятности получаемаго впечатлѣнія. Вотъ почему членамъ государства трудно предупредить бѣды, постигающія государство; когда они начинаютъ чувствовать ихъ, обыкновенно уже слишкомъ поздно, чтобы принять мѣры; чтобы отвратить или врачевать, необходимо было бы предвидѣть ихъ заранѣе. Какъ же могутъ частныя лица избавить сообщество отъ бѣдъ, которыхъ они не въ состояніи ни видѣть ни чувствовать иначе, какъ испытавши ихъ предварительно? Какъ могутъ они доказать ему пользу извѣстныхъ благъ, о которыхъ они не въ состояніи составить себѣ понятія иначе, какъ по ихъ послѣдствіямъ? Какая гарантія тому, что постоянно возвращаемые природой въ свое первоначальное состояніе люди не пренебрегутъ тѣмъ искусственнымъ (государственнымъ) состояніемъ, выгоды котораго обнаруживаются нерѣдко только весьма отдаленными послѣдствіями? Предположимъ, что они всѣ подчиняются общей волѣ. Какъ въ состояніи будетъ эта общая воля проявить себя во всѣхъ случаяхъ? Будетъ ли наличность ея всегда очевидна? Не въ состояніи ли будетъ частный интересъ заслонить ее собою? Останется ли всегда народъ въ своихъ вѣчахъ для объявленія этой общей воли, или положится въ этомъ отношеніи на частныхъ лицъ, всегда готовыхъ поставить на мѣсто общей воли свою собственную? Наконецъ какъ будутъ всѣ дѣйствовать въ согласіи, какой порядокъ внесутъ они въ дѣла, какими средствами удастся имъ достигнуть единодушія, и какъ распредѣлятъ они между собою общую работу? Всѣ эти трудности, которыя

должны были казаться непреодолимыми, были упразднены самымъ величественнымъ изъ человѣческихъ учрежденій или, вѣрнѣе, тѣмъ небеснымъ внушеніемъ, которое научило людей подражать въ земной жизни неизмѣннымъ велѣніемъ Божества. Такимъ небеснымъ внушеніемъ, въ глазахъ Руссо, вызвано существованіе закона. Ему люди обязаны и справедливостью и свободою? Говоря это, Руссо, очевидно, повторяетъ Гоббса, который, какъ мы знаемъ, производитъ отъ государства и его велѣній, т.-е. законовъ, самое понятіе права и не-права и предоставляетъ тому же государству опредѣлить границы индивидуальной свободы. Законамъ Руссо приписываетъ также возстановленіе въ сферѣ права естественнаго равенства между людьми. Законы диктуютъ гражданину правила общественнаго разума. ,,Они учатъ его слѣдовать правиламъ собственнаго сужденія, не впадая постоянно въ противорѣчія съ самимъ собою. „Они, — прибавляетъ Руссо въ отрывкѣ, не попавшемъ въ собраніе его сочиненій, — единственная движущая сила политическаго тѣла. Оно обнаруживаетъ дѣятельность и чувствительность только при помощи законовъ. Безъ законовъ, государство — то же, что тѣло безъ души. Оно существуетъ и не можетъ дѣйствовать, такъ какъ недостаточно того, что всѣ подчинились общей волѣ. Чтобы слѣдовать ей, надо ее знать. Отсюда возникаетъ необходимость законодательства“ [1]).

Такое пониманіе природы закона позволяетъ Руссо возложить на законодателя, совершенно въ духѣ древнихъ, обязанность создать не одни учрежденія, но нравы и привычки жителей, надѣлить ихъ добродѣтелями, искоренить ихъ пороки. Мы находимъ въ статьѣ „О политической экономіи“ заявленіе, не оставляющее никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. „Народы со временемъ всегда становятся тѣмъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ правительство, т.-е., въ концѣ-концовъ, законъ. Оно при желаніи дѣлаетъ ихъ воинами, гражда-

---

[1]) Невшательская рукопись, стр. 41, 42 и 43.

нами, людьми; оно можетъ также, если ему вздумается, обратить ихъ въ низкую чернь. Формируйте людей, если вы хотите повелѣвать надъ людьми. Разъ вы желаете, чтобы люди повиновались законамъ, сдѣлайте такъ, чтобы эти законы были любимы... Въ этомъ лежало великое искусство древнихъ правительствъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда философы давали народамъ законы и пользовались своимъ авторитетомъ, чтобы сдѣлать людей мудрыми и счастливыми. Здѣсь лежитъ источникъ столькихъ законовъ о роскоши, столькихъ мѣропріятій, регулирующихъ нравы, столькихъ политическихъ принциповъ, признанныхъ или отвергнутыхъ. Сами тираны не оставляли безъ вниманія этой важной стороны администраціи; они озабочены были тѣмъ, чтобы исправить нравы своихъ рабовъ, и затрачивали на это столько же усилій, сколько сановники — на исправленіе нравовъ своихъ согражданъ. Но современные правители думаютъ, что они все сдѣлали, когда имъ удалось исторгнуть деньги у подданныхъ, и даже не воображаютъ, что есть необходимость и возможность влiять на нравы“ [1]). Это мѣсто очень характерно. Оно показываетъ, что точка зрѣнія Руссо внушена ему примѣрами древности, полумиѳическими законодателями Греціи и Рима, быть-можетъ, также—примѣромъ Кальвина, реформатора его родины Женевы, столько же озабоченнаго религіознымъ и нравственнымъ обновленіемъ своихъ согражданъ, сколько надѣленіемъ ихъ аристократическими учрежденіями. Руссо скажетъ о немъ въ своемъ „Общественномъ договорѣ“: „Тѣ, кто видитъ въ Кальвинѣ только богослова, не вполнѣ постигаютъ широту его генія. Изданіе нашихъ мудрыхъ эдиктовъ, въ которомъ онъ принялъ такое близкое участіе, дѣлаетъ ему не меньшую честь, чѣмъ редактированіе его „Institution chretienne“. Какія бы перемѣны ни принесло съ собою время, пока любовь къ родинѣ и свободѣ не по-

---

[1]) Статья „О политической экономіи“, конецъ I части.

гаснетъ среди насъ, память этого великаго человѣка всегда будетъ нами благословляема" [1]). Въ только что указанной точкѣ зрѣнія лежитъ также причина другого представленія Руссо, общаго ему съ Спинозою, общаго ему также съ Монтескьё. Если полумиѳическій законодатель въ состояніи своими мѣропріятіями создать психическій образъ народа, то всѣ измѣненія, какія время внесетъ собою въ этотъ образъ, должны быть разсматриваемы не болѣе, какъ въ качествѣ его извращеній [2]). Обязанность законодателя-реформатора вернуть народъ къ чистотѣ первоначальныхъ принциповъ. Такъ пойметъ Руссо и свою задачу не только въ „Общественномъ договорѣ", рекомендуя своимъ соотечественникамъ возстановить порядки народнаго самодержавія и аристократическаго правительства, при возможномъ равенствѣ и простотѣ нравовъ, но и въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ преподастъ впослѣдствіи полякамъ и корсиканцамъ. Въ своихъ „Соображеніяхъ о правительствѣ Польши", въ главѣ о духѣ старинныхъ учрежденій, быть-можетъ, нагляднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, скажется его дѣйствительная точка зрѣнія на задачу законодателя, точка зрѣнія, сближающая его съ реформаторами древности. „У современныхъ народовъ, — пишетъ онъ, — я вижу многихъ людей, занятыхъ изготовленіемъ законовъ, и ни одного законодателя. У древнихъ я могу указать трехъ главныхъ, которые заслуживаютъ особаго вниманія: Моисея, Ликурга и Нуму Помпилія. Всѣ три направили свои главнѣйшія усилія на то, что нашимъ мудрецамъ показалось бы достойнымъ осмѣянія. Первый задумалъ и привелъ въ исполненіе удивительное предпріятіе обращенія въ націю толпы несчастныхъ бѣглецовъ... Онъ посмѣлъ изъ этой бродячей массы, массы людей несвободныхъ, образовать политическое тѣло, свободный народъ. Онъ далъ ему то прочное установленіе, которое вы-

[1]) „Contrat social", ч. II, гл. 7, § 1.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ своей статьи „О политической экономіи", ч. III, Руссо говоритъ буквально: „Tout gouvernement tend sans cesse au relachement".

держало на себѣ вліяніе времени, перемѣны счастья и перипетіи завоеванія. Пять тысячъ лѣтъ не въ состояніи были ни разрушить ни даже испортить этого установленія; оно доселѣ еще держится во всей своей силѣ, теперь, когда сама нація, какъ самостоятельное цѣлое, болѣе не существуетъ. Какими же средствами, спрашивается, достигъ, въ глазахъ Руссо, Моисей такого счастливаго результата? Чтобы помѣшать своему народу слиться съ иностранцами,— отвѣчаетъ Руссо,—онъ *надѣлилъ его нравами и привычками*, неспособными ужиться съ нравами и привычками другихъ націй... Благодаря этому, нравы, законы и обряды евреевъ держатся и будутъ стоять крѣпко, пока міръ существуетъ. Что касается до Ликурга, то онъ взялся создать народъ изъ толпы, извращенной рабствомъ и пороками, имъ порождаемыми. Онъ наложилъ на него желѣзное иго, подобнаго которому не носилъ ни одинъ народъ; но онъ привязалъ его къ этому игу; въ законахъ, въ играхъ, на дому, въ сердечныхъ связяхъ, въ пиршествахъ, онъ постоянно ставитъ на видъ спартанцу его родину. Онъ ни на минуту не позволяетъ ему отдаться себѣ самому, и изъ этого нескончаемаго принужденія, облагороженнаго самымъ своимъ предметомъ, зародилась въ спартанцахъ та жгучая любовь къ отечеству, которая всегда была самой сильной или, вѣрнѣе, единственной ихъ страстью, которая сдѣлала изъ нихъ существа выше человѣческихъ... Тѣ, кто видѣлъ въ Нумѣ Помпиліи только создателя обрядовъ и религіозныхъ церемоній, составили себѣ невѣрное сужденіе объ этомъ великомъ человѣкѣ. Нума былъ дѣйствительный основатель Рима. Онъ соединилъ собранныхъ Ромуломъ разбойниковъ въ прочное тѣло; онъ трансформировалъ ихъ въ гражданъ не столько законами, въ которыхъ ихъ сельская нищета еще не нуждалась, сколько учрежденіями, привязавшими ихъ другъ къ другу и всѣхъ — къ почвѣ", и т. д. „Тотъ же духъ,—заканчиваетъ Руссо,—присущъ всѣмъ древнимъ законодателямъ и выступаетъ въ ихъ учрежденіяхъ". Та-

кимъ же возродителемъ поляковъ, возвращающимъ ихъ къ ихъ стариннымъ принципамъ, желалъ бы быть и самъ Руссо. „Великая нація, какъ поляки,—пишетъ онъ,—необходимо должна имѣть нравы и обычаи гражданскіе и семейные, ей присущіе. Надо сохранить, возстановить эти старинныя обыкновенія. Будь они даже безразличны или плохи сами по себѣ, за ними все же останется то преимущество, что они привяжутъ поляковъ къ ихъ родинѣ“ и и т. д. [1]). Корсиканцы не получаютъ отъ него другихъ совѣтовъ; онъ справляется весьма тщательно у своего корреспондента объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, такъ какъ желалъ бы по возможности вернуть ихъ къ родной имъ старинѣ и на этомъ построить зданіе ихъ возрожденія. Въ противность тѣмъ, кто хочетъ дать націи подходящее для нея правительство, Руссо думаетъ, что надо создать націю, подходящую къ правительству [2]). „Рѣчь идетъ не о томъ, чтобы сдѣлать васъ другими,—пишетъ онъ по адресу корсиканцевъ,—а о томъ, чтобы сохранить васъ, какими мы васъ знаемъ“ [3]). Эта увѣренность въ томъ, что законодатель въ состояніи сразу и навсегда опредѣлить не только характеръ учрежденій, но и нравы и привычки гражданъ, утверждаетъ Руссо въ томъ убѣжденіи, что могущество законовъ безпредѣльно. Только этой увѣренностью можно объяснить себѣ, почему Руссо въ своей статьѣ „О политической экономіи“ возлагаетъ на законодателя такія задачи, которыя едва ли ему подъ силу. Онъ внѣдряетъ въ гражданахъ патріотизмъ, онъ заставляетъ ихъ приводить въ постоянную гармонію частные интересы съ общими или, какъ выражается Руссо, частную волю съ общей. А такъ какъ отъ

---

[1]) Гл. III.

[2]) „Il y a mieux à faire: c'est de former la nation pour le gouvernement“ (Oeuvres inédites, стр. 60).

[3]) „Il s'agit moins de devenir autres que vous l'êtes que de savoir vous conserver tels“.

этого согласія зависитъ и добродѣтель, то законодателю выпадаетъ миссія ея созданія [1]).

Въ томъ отрывочномъ листкѣ, на которомъ Штрекейзенъ-Мульту нашелъ запись рукою Руссо ряда заглавій, за параграфомъ „О законахъ“ слѣдуетъ параграфъ „О религіи“. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ нѣтъ ничего, прямо или косвенно относящагося къ этому предмету. Въ первоначальномъ текстѣ „Общественнаго договора“ имѣется эскизъ его восьмой главы, четвертой книги „О гражданской религіи“. Весьма вѣроятно, что выброшенныя Руссо страницы составляли часть трактата „О политическихъ учрежденіяхъ“. Но этихъ немногихъ страницъ едва ли было достаточно для наполненія цѣлаго отдѣла; вотъ почему я не прочь думать, что „Исповѣдь савойскаго викарія“, включенная въ текстъ „Эмиля“ и лишь искусственно связанная съ содержаніемъ четвертой его главы, легко могла быть частью общаго сочиненія Руссо „О политическихъ учрежденіяхъ“. Если ближе познакомиться съ содержаніемъ этой знаменитой „Исповѣди“, то невольно бросится въ глаза противорѣчіе, въ какомъ стоитъ отвлеченный характеръ той богословско-метафизической диссертаціи, какая положена въ ея основу, съ характеромъ бесѣды, какой Руссо старается придать всему этому отрывку. Начиная отъ словъ: „Я существую, и у меня есть чувства, на меня воздѣйствующія“, и до словъ „повѣрите ли, мой добрый другъ, что изъ этихъ грустныхъ разсужденій и этихъ видимыхъ противорѣчій

---

1) „C'est sur les volontés plus que sur les actions que le véritable homme d'état étend son respectable empire... S'il est bon de savoir employer les hommes tels qu'ils sont, il vaut beaucoup mieux encore les rendre tels qu'on a besoin qu'ils soyent: l'autorité la plus absolue est celle qui pénètre jusqu'à l'intérieur de l'homme et n'exerce pas moins sur la volonté que sur les actions... Voulez-vous que la volonté générale soit accomplie: faites que toutes les volontés particulières s'y rapportent; et comme la vertu n'est que cette conformité de la volonté particulière à la générale, pour dire la même chose en un mot: faites régner la vertu... Voulons-nous que les peuples soyent vertueux, commençons par leur faire aimer la patrie“.

зародились въ моемъ умѣ возвышенныя идеи о душѣ, не вытекавшія дотолѣ изъ моихъ изслѣдованій",—Руссо все время сохраняетъ тонъ отвлеченнаго философскаго разсужденія, болѣе приличествующій общему трактату объ источникѣ нашихъ познаній, о Богѣ, нежели разговорному обороту частной исповѣди.

Послѣ двухъ или трехъ періодовъ, въ которыхъ Руссо отступаетъ отъ строгости послѣдовательнаго дедуктивнаго изложенія, и которые, повидимому, включены, чтобы придать характеръ бесѣды тому, что на первыхъ порахъ было не болѣе, какъ отвлеченной демонстраціей, Руссо снова говоритъ въ безличной формѣ философскаго разсужденія, переходя только по временамъ къ оживленію своей рѣчи такими обращеніями, какъ: „мой юный другъ" или „добрый священникъ говорилъ съ запальчивостью; онъ былъ тронутъ, я — тоже: мнѣ казалось, я слышалъ божественнаго Орфея, поющаго первые гимны и обучающаго людей культу боговъ" и т. п. Попадающіеся иногда въ текстѣ „Исповѣди савойскаго викарія" діалоги, какъ, напр., діалогъ человѣка вдохновеннаго и человѣка разсудочнаго, носятъ, на мой взглядъ, характеръ позднѣйшей вставки, сдѣланной съ цѣлью придать бо̀льшую заманчивость для читателей если не сухой, то чрезмѣрно разсудочной діалектикѣ. Что же касается до содержанія самой исповѣди, то высказанныя въ ней мысли—тѣ самыя, какія мы встрѣчаемъ и въ „Эпистолахъ о добродѣтели и счастіи" и въ первыхъ пяти „Письмахъ съ Горы". Это и неудивительно, такъ какъ эти письма почти цѣликомъ посвящены защитѣ того, что сказано было о религіи въ „Эмилѣ", т.-е., въ концѣ-концовъ, въ „Исповѣди савойскаго викарія". Всѣ упомянутыя мною сочиненія вышли на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, если не говорить о послѣднемъ. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ, что всѣ они были не болѣе какъ развитіемъ взглядовъ, впервые нашедшихъ выраженіе себѣ въ трактатѣ о „Политическихъ учрежденіяхъ".

Всѣ они носятъ на себѣ печать большого раздраженія по отношенію къ философамъ, т.-е. энциклопедистамъ, и желанія нанести смертельный ударъ ихъ матеріализму. Сближая ихъ съ письмами Руссо къ своимъ пріятелямъ въ Швейцаріи, къ пресвитеру Вернэ и къ другу Мульту, въ письмахъ, которыя носятъ на себѣ слѣды того же разрыва съ духомъ невѣрія его недавнихъ друзей въ Парижѣ, можно прійти къ тому заключенію, что все написанное имъ о религіи получило свою если не окончательную редакцію, то первоначальную запись въ годы пребыванія въ Парижѣ и его окрестностяхъ, въ имѣніи г-жи Д'Эпинэ. Но къ этимъ годамъ, слѣдовавшимъ за выходомъ изъ печати „Духа законовъ“ (1749 г.), о которомъ заходитъ, какъ мы видѣли, рѣчь въ уцѣлѣвшихъ фрагментахъ „Политическихъ учрежденій“, надо отнести и окончательное выполненіе Руссо задуманнаго имъ ранѣе плана общаго трактата,—плана, тщательно скрываемаго, какъ онъ говоритъ въ своей „Исповѣди“, и отъ ближайшихъ друзей, въ родѣ Дидро. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ насъ прійти къ слѣдующему выводу. Содержаніемъ третьей главы должно было служить развитіе мыслей, весьма близкихъ къ тѣмъ, какія мы находимъ одновременно въ заключительной главѣ „Общественнаго договора“, посвященной Руссо вопросу о гражданской религіи, и въ той ближайшей мотивировкѣ ея необходимости, какую мы находимъ въ „Исповѣди савойскаго викарія“; здѣсь религія сводится къ признанію Верховнаго Существа, безсмертія души, идеи награды и наказанія за добро и зло, совершаемое на землѣ человѣкомъ въ полномъ обладаніи своею волею, и, наконецъ,—святости общественнаго договора и законовъ, т.-е. къ тѣмъ немногимъ догматамъ, которыми Руссо желалъ бы ограничить содержаніе гражданскаго катехизиса, или, точнѣе, — гражданскаго символа вѣры, исповѣдуемаго подъ страхомъ исключенія изъ предѣловъ государства. Въ нашу задачу, очевидно, не можетъ входить разсмотрѣніе этой доктрины

со стороны ея философскаго содержанія. Для насъ важно отмѣтить только тотъ фактъ, что въ составъ недошедшаго до насъ трактата входило и обширное разсужденіе, открывавшееся разсмотрѣніемъ источника человѣческихъ познаній и заканчивавшееся попыткою установить обязательное credo для народныхъ массъ. За разсужденіемъ о добродѣтели, обезпечиваемой закономъ, диссертація о вѣрѣ, установляемой гражданской религіей, могла слѣдовать въ логическомъ порядкѣ, особенно если имѣть въ виду ту точку зрѣнія, по которой Руссо требуетъ вѣры въ Бога, и нѣкоторые другіе установляемые имъ догматы, какъ необходимой гарантіи соблюденія гражданами святости присяги, связавшей ихъ въ государственное общежитіе и подчинившее ихъ власти законовъ и свободно избранныхъ ими уполномоченныхъ правителей.

Но почему за этими двумя отдѣлами Руссо отводитъ мѣсто особой главѣ „О чести", и какіе слѣды дошли до насъ о выполненіи имъ этой части своей программы? Въ изданныхъ Штрекейзеномъ-Мульту текстахъ имѣется всего на все одна страница, носящая общій заголовокъ „О чести". По ея содержанію трудно судить о томъ, что̀ долженъ былъ заключать въ себѣ этотъ отдѣлъ. Руссо говоритъ въ этомъ текстѣ объ академіяхъ болѣе или менѣе литературнаго характера и относится къ нимъ съ нѣкоторымъ отрицаніемъ. Больше этого мы ничего не находимъ подъ указаннымъ заголовкомъ. Легко можетъ статься, что эта часть работы вовсе не была выполнена, но почему могло понадобиться Руссо для его общаго плана цѣлое разсужденіе о чести? Я думаю, что на это можно отвѣтить догадкой слѣдующаго рода. Монтескьё въ своемъ „Духѣ законовъ", говоря о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ правленія, т.-е. о тѣхъ психическихъ качествахъ, которыя необходимы въ гражданахъ, чтобы, какъ онъ выражается, приводить въ движеніе политическій механизмъ учрежденій, или иначе, сохранить въ полномъ дѣйствіи порядки,

созданные тѣмъ или другимъ государственнымъ строемъ, противополагаетъ добродѣтели, какъ жизненному принципу республики, честь или точнѣе,—исканіе чести, являющееся въ его глазахъ жизненнымъ принципомъ монархіи. Весьма вѣроятно, что Руссо, показавши первоначально, что въ государствѣ, признающемъ характеръ закона за выраженіями общей воли, жизненными принципами являются добродѣтель и вѣра въ бытіе Верховнаго Существа, въ безсмертіе души, въ награды и наказанія и въ святость общественнаго договора и закона, считалъ полезнымъ противопоставить собственному пониманію условій жизненности того порядка, который онъ признавалъ нормальнымъ, тотъ, какому его современники слѣдовали при объясненіи причинъ устойчивости и развитія монархіи. Въ фрагментахъ, изданныхъ Штрекейзеномъ-Мульту, я подъ другою рубрикою нахожу одинъ текстъ, который въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные, могъ бы быть отнесенъ къ предполагаемой главѣ о чести, какъ жизненномъ принципѣ монархій. Этотъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ всего на все пять строкъ. Онъ стремится установить различіе между характеромъ монарха и духомъ монархіи и, къ несчастью для насъ, обрывается на слѣдующей многообѣщающей фразѣ: „Прислушайтесь къ ропоту публики при заключительной сценѣ „Тартюфа“. Этотъ ужасающій ропотъ, который долженъ былъ бы привести королей въ трепетъ, объяснитъ вамъ то, что я хочу сказать“. Изъ этого мѣста можно сдѣлать только догадку о томъ, что Руссо, въ полномъ согласіи съ Монтескьё, имѣлъ въ виду доказать, что добродѣтель—не необходимое условіе монархій, и что исканіе почестей заступаетъ въ нихъ готовность жертвовать собою для родины. Статья „О политической экономіи“, въ отрывкѣ, попадающемся намъ въ первоначальномъ текстѣ „Общественнаго договора“, позволяетъ болѣе глубоко заглянуть въ мысль Руссо объ единовластіи, не имѣющемъ источникомъ народнаго выбора и народныхъ полномочій. Руссо разсматриваетъ здѣсь другія

гипотезы о происхожденіи государства и власти, помимо той, которая видитъ источникъ обоихъ въ общественномъ договорѣ. Онъ принимаетъ въ расчетъ, во-первыхъ, ту патріархальную теорію, съ которой приходилось бороться еще Локку и которая видѣла источникъ власти монарха въ правахъ родителя по отношенію къ домочадцамъ, во-вторыхъ — теорію освященія давностью узурпаціи и созданія, такимъ образомъ, закономѣрнаго порядка изъ того, что на первыхъ порахъ было установлено властью меча. Обѣ теоріи разсматриваются въ главѣ восьмой первоначальнаго текста „Общественнаго договора“ и перешли изъ нея затѣмъ, съ немногими измѣненіями, въ статью „О политической экономіи“. Начальный параграфъ, не воспроизведенный нигдѣ и оставшійся въ рукописи, тѣмъ интересенъ, что показываетъ какъ нельзя лучше задачу, какую ставитъ себѣ Руссо при изученіи генезиса государства. Онъ думаетъ, что этотъ генезисъ, при всемъ различіи формъ политическихъ сообществъ, имѣлъ одни и тѣ же логическія основанія. Это та самая мысль, которую онъ выразитъ затѣмъ въ той защитѣ своего трактата отъ нападковъ Троншена, автора „Писемъ изъ деревни“, какую содержатъ въ себѣ „Письма съ Горы“. Онъ скажетъ въ нихъ: „Основы государственнаго сожитія всюду однѣ и тѣ же“ [1]). Въ то же время Руссо въ этомъ оставшемся въ рукописи отрывкѣ весьма опредѣленно высказывается на тотъ счетъ, что предполагаемая имъ теорія договорнаго происхожденія государства нисколько не претендуетъ на выраженіе исторической дѣйствительности: „Я ищу рѣшенія, соотвѣтствующаго праву и разуму, и не спорю о фактахъ“ [2]). Съ точки зрѣнія несоотвѣтствія праву и разуму и критикуетъ Руссо теоріи, представленныя, какъ онъ говоритъ, „большинствомъ на-

---

[1]) „Les fondements de l'état sont les mêmes dans tous les gouvernements“ (письмо 6).

[2]) „Mais je cherche le droit et la raison et ne dispute pas des faits“ (стр. 24 рукописи).

шихъ писателей“ (разумѣя подъ ними политическихъ). Въ числѣ этихъ теорій на первомъ планѣ стоитъ патріархальная. Признать монарха правящимъ подданными въ силу той же власти, какая отцу принадлежитъ надъ семьею, — равнозначительно признанію монархіи, притомъ абсолютной, отвѣчающей праву и разуму. На это Руссо не идетъ. „Въ большой семьѣ, — пишетъ онъ, — всѣ члены которой равны между собою, другими словами, въ государствѣ, политическая власть не можетъ быть основана ни на чемъ, какъ на договорѣ, и правитель не можетъ начальствовать надъ гражданами иначе, какъ въ силу закона“. Для Руссо не возникаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на тотъ счетъ, что у монарха, не въ примѣръ отцу семьи, могутъ быть интересы, отличные отъ интересовъ подвластныхъ. Если корона наслѣдственна, — ребенку нерѣдко приходится начальствовать надъ взрослыми. Если она избирательна, — множество неудобствъ связано съ производствомъ выбора. Въ обоихъ случаяхъ монархія не представляетъ тѣхъ выгодныхъ сторонъ, какія присущи отношеніямъ родителя къ дѣтямъ. „Разъ у васъ одинъ начальникъ, вы отданы на произволъ господину, не имѣющему никакого ближайшаго основанія любить васъ... Природа создала многихъ добрыхъ отцовъ семьи, но мнѣ неизвѣстно, чтобы человѣческая мудрость когда-либо поставила добраго короля (j'ignore si la sagesse humaine a jamais fait un bon roi). Пусть назовутъ мнѣ короля, который удовлетворялъ бы тѣмъ качествамъ, какія Платонъ признаетъ необходимыми въ своемъ „Царственномъ мужѣ“. Приведеннаго отрывка, кажется, достаточно, чтобы вынести впечатлѣніе о несочувственномъ отношеніи Руссо къ монархической формѣ правленія. Онъ скажетъ, правда, защищаясь отъ обвиненій въ желаніи подкосить основы всѣхъ правительствъ: „Я не имѣлъ въ виду отвергнуть ни одного правительства; я показалъ, напротивъ того, что каждое имѣетъ свои основанія, что извѣстныя причины могли сдѣлать то или другое изъ нихъ предпочтительнымъ

передъ всѣми остальными, и что этими причинами являются свойства самихъ людей, обстоятельствъ времени и мѣста. Вмѣсто того, чтобы разрушать правительства, я далъ всѣмъ имъ основанія. Говоря о монархіи въ частности, я указалъ ея выгоды, но я не скрылъ также ея недостатковъ“ [1]). Это заявленіе можетъ относиться развѣ къ шестой главѣ книги третьей „Общественнаго договора“, въ которой, говоря о монархіи, Руссо признаетъ за нею преимущество энергіи (vigueur) и единства направленія (tout marche au même but). Но, говоря это, онъ въ то же время спѣшитъ прибавить, что хотя все въ ней направлено къ одной цѣли, этой цѣлью не является общественное благополучіе, и что, хотя сила администраціи особенно велика въ монархіи, самый ея избытокъ служитъ во вредъ государству. Все остальное, что содержитъ въ себѣ эта глава, направлено къ одному: къ доказательству той мысли, что монархія должна быть поставлена ниже республики, что выборъ совѣтниковъ при ней не выходитъ изъ среды посредственности, что случайность качествъ правителя — результатъ принципа наслѣдственности—лишаетъ политику государства преемства и послѣдовательности, и что справедливость и разумъ рѣдко составляютъ особенность лица, надѣленнаго неограниченной властью. Такія заявленія, очевидно, не даютъ намъ права смотрѣть на Руссо, какъ на сторонника монархіи.

Если отъ главы, посвященной разсужденію о чести, какъ противополагаемой добродѣтели, до насъ не дошло ничего или почти ничего, и мы можемъ только дѣлать догадки объ ея вѣроятномъ содержаніи, то о слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ, обозначенномъ въ листкѣ одной начальной буквой F. и, вѣроятно, посвященномъ финансамъ, мы можемъ судить по тѣмъ мыслямъ, какія Руссо высказываетъ о налогахъ и доменахъ въ своей статьѣ „О политической

---

[1]) Письмо 6-е „Писемъ съ Горы“.

экономіи“. При всей своей сжатости третій отдѣлъ названной статьи заключаетъ въ себѣ цѣлую систему народнаго хозяйства, какъ отличнаго отъ хозяйства частныхъ лицъ,— систему, основа которой лежитъ въ преимуществѣ, отдаваемомъ эксплоатаціи государствомъ національныхъ земель, или доменовъ, надъ системой обложенія жителей податями. Въ этомъ отношеніи Руссо стоитъ особнякомъ отъ современныхъ ему экономистовъ, считая въ томъ числѣ одинаково и такихъ запоздалыхъ меркантилистовъ, какъ Форбоннэ, и такихъ провозвѣстниковъ новаго ученія о свободѣ экономическихъ сдѣлокъ и невмѣшательствѣ государства въ хозяйственную дѣятельность, какими надо считать физіократовъ и Тюрго. Руссо отличаетъ отъ нихъ также увѣренность въ возможности бороться въ формѣ налога съ имущественнымъ неравенствомъ и съ роскошью. Отсюда—предлагаемая имъ система принимать при установленіи податей въ расчетъ ту неравную выгоду, какую богатые и бѣдные выносятъ изъ факта государственнаго общежитія. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ его къ слѣдующему убѣжденію: рекомендуемый имъ, въ противность Монтескьё, личный налогъ долженъ быть разложенъ такимъ образомъ, чтобы онъ падалъ пропорціонально не только имуществу каждаго, но и соотвѣтственно тому, насколько въ составъ этого имущества входитъ излишекъ противъ необходимаго [1]). Другими словами, Руссо высказывается за поголовный налогъ въ формѣ французской capitation, одновременно личной и имущественной подати, но подъ условіемъ обратить ее изъ пропорціональной въ прогрессивную. Къ этому налогу онъ желалъ бы присоединить налогъ на роскошь, подъ которымъ онъ разумѣетъ косвенные сборы съ иностраннаго ввоза, не отвѣчающаго потреб-

---

[1]) „Pour repartir les taxes d' une manière équitable et vraiment proportionnelle l'imposition n'en doit pas être faite seulement en raison des biens des contribuables mais en raison composée de la difference de leurs conditions et du superflu de leurs biens.

ностямъ первой необходимости, а также съ произведеній искусствъ, какъ онъ выражается, безполезныхъ — фраза, подъ которой, очевидно, нужно разумѣть предметы роскоши, изготовляемые мѣстными мануфактурами. Въ ту же категорію включаются Руссо и городскіе поборы съ предметовъ, не отвѣчающихъ необходимости, а одному удовольствію. Налогами на роскошь, думаетъ Руссо, облегчается положеніе бѣдныхъ и облагается богатство. Они способны предупредить постоянное возрастаніе неравенства состояній и подчиненіе богатымъ массы рабочихъ и безполезныхъ слугъ. Тѣ же налоги препятствуютъ размноженію городскихъ лѣнтяевъ и запустѣнію деревень. Къ категоріи налоговъ на роскошь Руссо относитъ также налогъ на театры, налогъ на экипажи, на ливреи, на зеркала, на дворцы и прилегающіе къ нимъ сады, на такія, какъ выражается онъ, праздныя профессіи, какъ паяцы, пѣвцы и т. д. Руссо думаетъ, что, облагая въ этой формѣ излишекъ богатыхъ, онъ въ состояніи достигнуть не только нѣкотораго уравненія имуществъ, но и той же цѣли, какую преслѣдовали законы противъ роскоши. Если бы богатые и не отказались отъ нажитаго вѣками стремленія отличаться отъ бѣдныхъ, въ чемъ и лежитъ дѣйствительный источникъ роскоши, то правительство въ формѣ падающихъ на нее налоговъ нашло бы средство къ удовлетворенію дѣйствительныхъ нуждъ государства. Система личной подати и прямыхъ и косвенныхъ налоговъ на роскошь, восполняя доходъ, получаемый отъ непосредственной эксплоатаціи государственныхъ имуществъ, позволила бы избѣжать тѣхъ формъ обложенія земледѣльческаго производства, которыя, въ глазахъ Руссо, всѣмъ своимъ бременемъ падаютъ на классъ сельскихъ обывателей, крестьянъ, и въ нѣкоторой степени вызываютъ отливъ населенія въ города. Голландія и Англія, въ которыхъ земледѣлецъ платитъ мало, заодно съ Китаемъ, въ которомъ онъ ничего не платитъ, убѣждаютъ Руссо въ пользѣ обойтись безъ земельной подати. „Тамъ

же, гдѣ сельскій воздѣлыватель, — пишетъ онъ, — платитъ налогъ пропорціонально величинѣ своего поля, онъ оставляетъ его безъ обработки или, въ лучшемъ случаѣ, только извлекаетъ изъ него необходимое для жизни". Въ числѣ отвергаемыхъ Руссо налоговъ мы находимъ и налогъ на хлѣбъ. Его послѣдствіе—уменьшеніе числа жителей, а для націи „нѣтъ худшаго недорода, какъ недородъ людей" (il n y'a point pour la nation de pire disette que celle des hommes).

Съ финансами стоятъ въ тѣсной связи торговля и народное продовольствіе. Эти два отдѣла слѣдуютъ въ программѣ Руссо за только что изложеннымъ. Въ промежутокъ между ними поставлено разсужденіе „О путешествіяхъ". Оно, по всей вѣроятности, имѣло въ виду указать на вліяніе, какое путешествія и связанныя съ ними открытія имѣли на созданіе міровыхъ рынковъ и міровой торговли. Отъ всѣхъ названныхъ отдѣловъ не сохранилось ничего, кромѣ тѣхъ мыслей, какія Руссо высказываетъ объ обязанностяхъ государства по отношенію къ продовольствію гражданъ въ своей статьѣ „О политической экономіи", и небольшого экскурса „О торговлѣ и мануфактурахъ", въ числѣ фрагментовъ, открытыхъ въ невшательской библіотекѣ Штрекейзеномъ-Мульту. Но и этого немногаго достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о той точкѣ зрѣнія, съ какой Руссо намѣревался разсмотрѣть эти предметы въ своемъ общемъ трактатѣ. При воззрѣніи на роскошь, какъ на источникъ развращенія нравовъ, съ которымъ законодательство должно бороться и съ помощью прямыхъ запретовъ и при содѣйствіи податной системы, Руссо немудрено было стать на ту точку зрѣнія, что благополучіе націи не зависитъ отъ развитія ея торговыхъ оборотовъ. Эту мысль онъ и проводитъ въ уцѣлѣвшемъ до насъ отрывкѣ, говоря: „Если бы я и согласился съ тѣмъ, что рабочіе и купцы необходимы въ государствѣ для удовлетворенія общественныхъ потребностей, изъ этого еще никакъ бы не могло слѣдовать, что счастье націи стоитъ въ причинной связи съ обиліемъ въ

ней рабочихъ и купцовъ. Вѣдь можно доказать,—что я и сдѣлаю въ дальнѣйшемъ,—что торговля и промыслы, удовлетворяя нѣкоторымъ вымышленнымъ потребностямъ, въ то же время вызываютъ къ жизни несравненно большее число не находящихъ себѣ удовлетворенія реальныхъ нуждъ. Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что мануфактуры и торговля важны не тѣмъ, что создаютъ предметы, отвѣчающіе запросу частныхъ гражданъ, а тѣмъ, что ведутъ къ обогащенію государство — то въ формѣ вводимой въ него иностранной монеты въ обмѣнъ на отпускъ, то въ формѣ болѣе частаго обращенія имѣющихся въ странѣ денегъ, изъ чего слѣдуетъ дальнѣйшій выводъ о томъ, будто бы счастье народовъ зависитъ отъ обилія золота и серебра". Подвергая это ученіе той критикѣ, о которой намъ пришлось говорить нѣсколько выше, Руссо думаетъ опровергнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и воззрѣніе на пользу широкаго развитія промышленности и торговли. Эту же точку зрѣнія онъ развиваетъ и въ своемъ первомъ „Разсужденіи о наукахъ и искусствахъ". И здѣсь онъ поставитъ вопросъ о томъ, что̀ необходимо для государства: блистать временнымъ блескомъ или прочною добродѣтелью? И здѣсь онъ посмотритъ на развитіе промысловъ и торговли глазами моралиста, для котораго богатство идетъ рука объ руку съ упадкомъ храбрости и вообще воинскихъ добродѣтелей, а роскошь ведетъ къ развращенію нравовъ [1]).

---

[1]) De quoi s'agit-il dont précisément dans cette question du luxe? De savoir lequel importe le plus aux empires: d' être brillants et momentanés ou vertueux et durables? Je dis brillants, mais de quel éclat? Le gout du faste ne s' associe guère dans les mêmes âmes avec celui de l' honnête. Non, il n'est pas possible que des esprits dégradés par une multitude de soins futiles s'élèvent jamais à rien de grand, et quand ils auraient la force, le courage leur manquerait... tandis que les commodités de la vie se multiplient, que les arts se perfectionnent le luxe s'étend, le vrai courage s'énerve, les vertus militaires s'évanouissent. Въ защитѣ своего мемуара противъ польскаго короля Станислава Лещинскаго Руссо пишетъ: „Le luxe corrompt tout et le riche qui en jouit, et le misérable qui le convoite. On ne saurait dire que ce soit un mal en soi de porter des manchettes de points, un habit brodé et une boîte émaillée, mais s'en est un

Если прибавить къ только что указанной точкѣ зрѣнія на торговлю и промыслы, какъ на виновниковъ роскоши и порождаемой ею изнѣженности, другую мысль Руссо, что въ богатыхъ націяхъ противоположеніе нищеты и чрезмѣрнаго изобилія — неизбѣжно и выступаетъ съ наибольшею рѣзкостью, то не трудно будетъ понять его нерасположеніе къ политикѣ, направленной къ искусственному размноженію промысловъ и торговли. Государству, обогащающемуся обмѣномъ, онъ предпочитаетъ такія, которыя въ состояніи удовлетворять всѣмъ своимъ дѣйствительнымъ нуждамъ, не выходя изъ собственныхъ предѣловъ и безъ всякой помощи со стороны иностранцевъ. Увѣренный въ томъ, что чрезмѣрный достатокъ богатыхъ ставитъ ихъ въ возможность отобрать у бѣднаго даже необходимое ему [1]), онъ приходитъ къ тому заключенію, что торговля и промыслы не могутъ служить показателемъ счастья націи. То, въ чемъ она дѣйствительно нуждается, это—въ изобиліи (abondance). „Подъ этимъ я не понимаю,—пишетъ онъ,—ни такого состоянія, при которомъ нѣсколько частныхъ лицъ утопаютъ въ богатствѣ и роскоши (regorgent de toutes choses), тогда какъ прочіе жители поставлены въ необходимость обращаться къ нимъ за пропитаніемъ, платя за него всѣмъ, что ни потребуютъ (au prix qu'il leur plait d'y mettre), ни того гипотетическаго и невозможнаго, по крайней мѣрѣ долгое время, состоянія, при которомъ каждый находилъ бы подъ рукою безъ труда и усилій все необходимое для удовлетворенія его потребностей. Нѣтъ, я разумѣю подъ изобиліемъ такіе порядки, при которыхъ необходимое для жизни имѣется въ странѣ въ такомъ количествѣ, что каждый, трудясь, легко можетъ доставить себѣ нужное ему для содержанія“.

---

très grand de faire quelque cas de ces colifichets d'estimer heureux le peuple qui les porte et de consacrer à se mettre en état d'en acquérir de semblables un temps et des soins que tout homme doit à de plus nobles objets“.

[1]) „C'est le superflu même des riches qui les met en état de dépouiller le pauvre de son nécessaire“.

Итакъ, для Руссо желательной кажется такая экономическая политика, которая, поддерживая простоту нравовъ и противясь чрезмѣрному накопленію капиталовъ въ немногихъ рукахъ, въ то же время содѣйствовала бы подъему мѣстнаго производства, особенно сельскаго, какъ всего болѣе удовлетворяющаго запросамъ первой необходимости. Обиліе продуктовъ обусловило бы ихъ низкую цѣну и позволило бы всѣмъ и каждому цѣною слабыхъ усилій обезпечить себѣ существованіе. Цитируемый мною отрывокъ заканчивается глухимъ упоминаніемъ о двухъ людяхъ, которые, желая пріобрѣсть извѣстность странными мнѣніями, отвѣчающими ходячимъ вкусамъ, сочли возможнымъ ниспровергнуть экономическіе принципы прежнихъ политиковъ и поставить на ихъ мѣсто совершенно новую систему, весьма заманчивую и которой трудно было не увлечься, тѣмъ болѣе, что и личный интересъ находилъ свой расчетъ въ ней. Немудрено узнать въ этихъ людяхъ родоначальниковъ физіократіи Кенэ и Гурнэ, которые, дѣйствительно, готовы были ниспровергнуть вѣковые принципы меркантилизма и, проповѣдуя правительственное невмѣшательство и свободу торговли, въ то же время поддерживали интересы значительнаго класса, класса сельскихъ производителей, своею проповѣдью о земледѣліи, какъ о главномъ кормильцѣ государства. Нѣкоторыми сторонами своей доктрины и прежде всего своими разсужденіями о пользѣ вернуться къ сельскому быту (retour aux champs), физіократы должны были внушить сочувствіе Руссо; но изъ позднѣйшихъ его сношеній съ маркизомъ Мирабо, „другомъ людей“ и ученикомъ Кенэ, мы выносимъ то впечатлѣніе, что онъ расходился съ ними по основнымъ вопросамъ, между прочимъ по вопросу о земельномъ налогѣ, который физіократы предлагали взамѣнъ всѣхъ прочихъ. Мы видѣли, что Руссо — противникъ всякаго налога, падающаго на производство, и въ особенности сельское, что это обстоятельство заставило его, вопреки Монтескьё, доказывать преимущества личной по-

дати, связанной со своего рода подоходнымъ налогомъ. Impôt unique физіократовъ поэтому также мало могъ встрѣтить признаніе съ его стороны, какъ и ихъ ученіе о неограниченности королевскаго самодержавія, не знающаго другихъ узъ, кромѣ тѣхъ, какія палагаетъ на него необходимость проводить въ жизнь неотложныя требованія экономики или, точнѣе, „системы“ самихъ физіократовъ. Весьма вѣроятно, что рядъ отрывочныхъ мыслей, найденныхъ въ бумагахъ Руссо и относящихся къ вопросу о бѣдности и богатствѣ и о противоположеніи интересовъ имущихъ и неимущихъ классовъ, были предназначены войти въ составъ разбираемаго нами отдѣла „О торговлѣ“. Замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго: „Богатые и, вообще, всѣ тѣ, кто доволенъ своимъ состояніемъ, находятъ свой интересъ въ томъ, чтобы все оставалось по-старому, тогда какъ бѣдные могутъ только выиграть отъ перемѣны“, очевидно вполнѣ согласуются съ другими однохарактерными, вошедшими въ составъ разбираемаго фрагмента, обвиняющими, напр., богатыхъ въ томъ, что они упиваются кровью ремесленника и земледѣльца, или что ихъ чувственность требуетъ поглощенія народнаго продовольствія во всякихъ излишествахъ (en délices) [1]. Въ этихъ отрывочныхъ мысляхъ Руссо не разъ попадаются выраженія, которыя по своей яркости не уступятъ самымъ энергичнымъ нападкамъ современныхъ соціалистовъ на капиталъ и его представителей. „Законы и судъ,—пишетъ онъ, напримѣръ, — служатъ въ нашей средѣ только средствомъ поставить знатнаго и богатаго въ невозможность справедливыхъ репрессалій со стороны бѣднаго“ [2]), или еще: „Говорить, что похвально обогащаться, чтобы затѣмъ благодѣтельствовать тѣмъ, кто нуждается, равнозначительно совѣту захватить сперва то, что принадлежитъ другимъ, дабы имѣть

1) Oeuvres inédites, стр. 248.

2) Pensées détachées ibid., стр. 351.

затѣмъ возможность вернуть имъ часть награбленнаго" [1]). Эти мысли вполнѣ мирятся съ такими, напр., утвержденіями въ самомъ текстѣ отрывковъ изъ сочиненія „О политическихъ учрежденіяхъ": „Эти слова — бѣдный и богатый — имѣютъ относительное значеніе; бѣдные имѣются потому, что есть богатые, и это можно утверждать въ разныхъ смыслахъ".

До насъ не дошло достаточно данныхъ для сужденія о томъ, каковы были дальнѣйшія части задуманнаго и только отчасти написаннаго Руссо трактата „О политическихъ учрежденіяхъ". Въ уцѣлѣвшемъ оглавленіи „Республикѣ" Платона отводится мѣсто заключительной главы. И въ этомъ я не вижу ничего несогласнаго со всѣмъ ходомъ развитія у Руссо его основной мысли. Вѣдь государство такъ, какъ понимаетъ его женевскій мыслитель съ его стремленіемъ къ возможному уравненію состояній,—государство, въ которомъ не было бы противоположенія роскоши и богатства, уже въ этомъ отношеніи приближается къ тому, о которомъ мечталъ великій греческій мыслитель, сочиненіе котораго въ разное время вызывало подражателей и въ Морусѣ, и въ Кампанеллѣ, и во всѣхъ тѣхъ болѣе новыхъ писателяхъ, которые мечтали и мечтаютъ объ обновленіи общества на новыхъ основахъ не только политическихъ, но и экономическихъ. Что же удивительнаго въ томъ, если Руссо думалъ закончить свой общій трактатъ о принципахъ современнаго государства не столько противоположеніемъ, сколько сближеніемъ съ тѣмъ, какое въ его время, какъ и въ эпоху возрожденія, продолжало слыть высшимъ идеаломъ, до котораго доработалась мысль древности?

Какъ ни несовершенна, благодаря недостаточности матеріала, наша попытка возстановить общую схему уничтоженнаго Руссо основного трактата о политикѣ, но она все же позволяетъ указать то мѣсто, какое „Общественному договору" предстояло занять въ его общемъ ученіи. Тѣ

[1]) Ibid., стр. 361.

главы, которыя вошли въ обнародованный имъ трактатъ въ менѣе выработанномъ видѣ, составляли часть того отдѣла „Политическихъ учрежденій“, который посвященъ опредѣленію природы законовъ. Указавши, что они являются выраженіемъ общей воли гражданъ, Руссо естественно подходилъ къ вопросу о томъ, какъ возникла возможность отдѣльнымъ людямъ достигать соглашенія и высказывать общую волю. Отвѣтомъ на него была гипотеза объ общественномъ договорѣ, связавшемъ людей въ государственное сообщество, перенесшемъ на совокупность всю сумму правъ, принадлежавшихъ дотолѣ отдѣльнымъ индивидамъ, позволившемъ имъ подчинять впредь свое поведеніе общимъ нормамъ, ими выработаннымъ и выражающимъ собою безстрастныя и потому разумныя рѣшенія не простого большинства, а всѣхъ членовъ государственнаго сообщества, перенесшемъ, наконецъ, въ руки послѣднихъ и самое право создавать своимъ выборомъ сановниковъ, этихъ простыхъ уполномоченныхъ, призванныхъ къ одному исполненію законовъ, т.-е. народныхъ рѣшеній. Всѣ эти и рядъ другихъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, занимаютъ мысль Руссо въ томъ сочиненіи, на которомъ опирается его слава, какъ политическаго мыслителя. Мы показали связь ихъ со всѣмъ его міросозерцаніемъ, съ его воззрѣніями въ области религіи, нравственности, экономики и права. Намъ предстоитъ въ настоящее время ближе познакомиться съ самымъ содержаніемъ этого трактата и выдѣлить изъ него тѣ основныя политическія теоремы, на которыхъ опирается современное ученіе о народномъ самодержавіи. Это и составитъ содержаніе нашей ближайшей главы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

